

Вийя Шефф

СИРЕНА

Сельванна — красивая, богатая и беспринципная. Она считает, что если есть цели, то способы их достижения не важны. Пройти по головам, рискнуть жизнью, даже не своей, — легко! Но радости это не приносит, а заставляет влезать в большие авантюры и неприятности. Алекс по уши влюблён в роковую красавицу, но любые проверенные ухаживания не работают, она их воспринимает в штыки. И как же влюбить в себя непокорную и своенравную девушку?

Саунд: DAVA, KARA KROSS — Внутри

Затягиваюсь дымом кальянами, лениво разглядываю собравшихся. Пёстрая публика.

Частная вечеринка в клубе по поводу дня рождения одного из приятелей. Всё в стиле Хэллоуин. Кому-то праздника не хватает.

Костюмы эти дурацкие! — осматриваю свой классический, который выбивается из общей массы маскарада. Под такой в пару принцессу надо, а кругом одни упырихи ходят.

«У-у! Давай сожрём тут всех... Чисто на агрессии...» — доносится со сцены.

Что?

Поднимаюсь и смотрю вниз.

На сцене команда танцоров. Все тоже в костюмах и масках, закрывающих нижнюю часть лица.

Взгляд падает на девушку в костюме женщины-кошки, которая даёт такой разгон на лентах, подвешенных к потолку, что сердце в ужасе сжимается от страха.

Смотрю, не отрываясь, только на неё.

«Ведём вас всех в ад... Приглашать тебя не станем в рай... Достаём твою тьму... Будто меч самурай... Наша банда — металл... Ваши взгляды — магнит... Это пламя давно... Горит у тебя внутри...»

Ого, и впрямь демоническая вечеринка.

Вот это кошечка! Такая гибкая и извивающаяся. Эти танцы заводят. Внутри просыпаются самые низменные желания, бьющие молотком в виски и ниже пояса.

Подхожу к поручню как околдованный, не сводя с неё глаз.

Брюнетка с длинными косами снимает маску.

Вау!

Нереальная красавица... Я таких раньше никогда не видел. Неземная... К нам сюда сама Афродита сегодня спустилась? Или Лилит выпустили из ада.

«Жирный бас бьёт и снова пробудит вас ото сна... Пара фраз и всё — ты пойдёшь со мной на сторону зла...»

Второе. Точно не ангелок с неба спустился. Чертовски красивая.

Её танцы до мурашек пробирают. Никогда не встречал девушек, которые с первого взгляда заставляют тебя встать в стойку и захлёбываться слюной. А красоток я повидал немало.

Почему я раньше её здесь не встречал? Такую я бы точно мимо себя не пропустил. Новенькая?

Она притягивает взгляды парней магнитом. Вижу, как многие замерли от её пластичных движений телом. Словно змейка. Она со знаниями профессионала так извивается. Такому годами учатся.

Ауф! Кто ты, киска?

Теперь это выяснить — задача номер один на этот вечер.

— Ты её знаешь? — подтягиваю и спрашиваю у Ника, кивая в сторону длинноволосой красотки, лениво стоящей возле бара, после жаркого танца на сцене.

— Нет. Ребят, её кто-нибудь знает? — спрашивает в нашей компании, указывая на девушку.

— Это Сельванна, — подходит Илюха, завсегдагай всех крутых ночных клубов Москвы. — Только не советую с ней связываться... Дочка олигарха Селиванова. Да и здоровяк этот, — показывает на парня рядом. — Всегда при ней.

— Её парень? — спрашиваю у него.

— Нет вроде... То ли друг, то ли брат... Он с клубов каждый раз с новой тёлкой уезжает. А она одна... Но сразу предупреждаю — она ебанутая. Пару месяцев назад в «Спайсе» одному мужику морду разбила, за то, что он её за задницу тронул. Там потом менты приезжали, разборки были. Батя её всё разрулил с армией адвокатов. Поговаривают, бабла отвалили немерено.

Нихрена себе отмороженная! Да и имя папы пугает, слышал о таком. Конкурент отца. Но поставить галочку рядом с такой фамилией более заманчиво. Склеить самую красивую девушку клуба... А почему и да!

Я представляю, какая с ней горячая ночька будет. Надеюсь, ты везде, кисуля, такая же гибкая, как на танцполе.

Брр! У меня мурашки по всему телу от одной только мысли о близости с ней. Непривычно даже... Не припомню такого за собой.

Выпиваю порцию вискаря и отправляюсь к бару на охоту. Хотя скорее на рыбалку, потому что киски любят рыбку. А мне они обычно не отказывают, заметное медийное лицо привлекает внимание наивных дурочек. Пара комплиментов, бокал чего-нибудь подороже и девушка плывёт по течению в мои руки, а потом в номер гостиницы. Домой не вожу, нахер надо потом их у подъезда встречать.

Саунд: ЭГО — Босанова

— Привет! — подсаживаюсь рядом с Сельванной, и натягиваю обворожительную улыбку, от которой все млеют.

Она окидывает меня взглядом с ног до головы, смотрит на мои часы и брезгливо кривит лицо.

— Пока!

Вот так номер! Слышь, ты чё такая дерзкая?! А с часами, что не так? Они мне двадцать косарей зелени стоили. Или для дочери олигарха — дешёвка?

— Ты что такая грубая?

— А мы с ВАМИ на брудершафт не пили, чтобы ВЫ мне тыкали, — прохрипела низковатым голосом.

Чёрт! У меня аж всё встало внизу от этого тембра. До этого-то я был возбуждён от одного созерцания рокового очарования, но этот голос меня ещё больше убедил не отступать и пробивать лбом преграды.

— Давай исправим, — щёлкнул пальцами, подзывая бармена. — Два бокала шампанского. Лучшего...

Он кивнул головой, с хитрой ухмылкой покосившись на девушку, и через минуту перед нами стояли фужеры с игристым вином.

Девушка посмотрела на меня своими чёрными, как ночь, глазами. Они необычные, белков почти нет, немного ободком по краям. Две черные дыры, которые начали засасывать. По спине пробежали мурашки. В них была опасность. От неё так и тянет агрессией. Но этот магнетизм... У меня мозг поплыл... Я теряю связь с реальностью. Есть в этих глазах что-то дьявольское.

— Засунь себе своё шампанское поглубже, — прорычала сквозь зубы.

Ух! Реально дикая кошка. Пантера даже можно сказать. Коварная искусительница.

— Ну, не будь такой колючей. Я думаю, ты меня узнала. Я тоже о тебе кое-что знаю...

— И?

— Двигаешь классно, хочу, чтобы ты у меня в клипе снялась.

Она посмотрела на меня и вдруг засмеялась. Блядь, даже когда такая заноза, меня всего переворачивает внутри. Представляю, что она в спальне вытворяет. Горячая штучка!

— Что смешного?

— Долго тренировался на наивных дурочках? — будто слово в слово прочитала мои мысли, даже не по себе стало. — Прежде чем ко мне подкатил? Н-е-т! — отчеканила каждую букву. — Иди со своим предложением... лесом!

— Пожалеешь ведь, — взял её за руку, чем сделал большую ошибку.

Я даже не заметил, как она это сделала. Рука просто мелькнула, и через секунду я почувствовал нехватку воздуха. Отчаянно пытался его втянуть, но не получалось. Я задыхался... А горло ломило и горело огнём. Ко мне подошёл Илья и что-то мне говорил, но я не слышал. Потом начался кашель, разрывающий горло и лёгкие.

А она просто ушла, равнодушно допив свой сок и как-то по-звериному улыбнувшись на прощание. В глазах был триумф, праздновала маленькую победу.

Илюха увёл меня из зала в сторону туалета. Там я кое-как восстановил дыхание. Кашлял после этого ещё несколько дней.

— Я же тебя предупреждал, Алекс, что она без башки... С ней никто не связывается, — протянул нудно друг, протягивая мокрое полотенце, которое по дороге отобрал у официанта, чтобы я приложил к горлу. — Но всё же круто она тебя уделала, — захихикал он.

Я запустил в него полотенцем, он ловко увернулся и поймал его.

— Всё равно моя будет, — с трудом прохрипел я.

— Ну, это вряд ли...

Я посмотрел на него уничтожающим взглядом. Друг называется. Нет бы поддержать...

Но меня уже закусало. Добьюсь этой хищницы, чего бы мне это не стоило!

— Сука, у меня завтра концерт. Как я петь буду?!- прохрипел.

Глава 1

— Так, стоп! — мягко говоря, офигеваю от услышанного предложения. — Софья, ты серьёзно? Ты хочешь, чтобы я расстроила вашу свадьбу?

— Да, — подтверждает красивая голубоглазая блондинка, сидящая напротив меня за столиком.

— Для меня это не впервой. Но... Обычно это заказывают брошенные обиженные девушки или мамашки, недовольные выбором сына. Но чтобы сама невеста?! Такое в первый раз.

— Мой отец никогда не позволит мне разорвать помолвку и отменить свадьбу. А если Даня сделает это сам, то ему придётся смириться, — объясняет ситуацию.

— Ты его не любишь?

— Дело не в этом... — мнётся и отводит взгляд в сторону.

Любит, по глазам вижу.

— И в чём? Я просто не догоняю, почему я должна расстроить ваш брак с этим милым парнем, — беру со стола фотографию красивого кареглазого брюнета около тридцати лет.

— Он мне изменил...

— Он? Не верю!

Вот реально не верю. Серьёзный слишком. И глаза такие... С такими глазами не изменяют. От него надёжностью веет, а не разворотом.

Хотя... Может я, и ошибаюсь, опыт с мужчинами у меня почти никакой. Я их только отшивать умею.

— Я сама видела.

— Оу! Это многое меняет.

Только мой внутренний голос не соглашается с её словами. Протестует. А он никогда не ошибается.

И сейчас он меня подстёгивает согласиться на эту авантюру, чтобы не разбить пару, а скорее подтолкнуть друг к другу. Но методы у меня хреновые и она в курсе.

— Сэл, я не знаю, что мне делать. Я не хочу связывать жизнь с мужчиной, который до брака на сторону ходит. А что потом? — с отчаянием в голосе.

— Мужчины полигамны по природе...

— Я не хочу выходить замуж за такого.

— Ты знаешь, сколько стоят мои услуги, — даю понять, что я согласна.

— Знаю, — достаёт телефон и переводит на мой счёт необходимую сумму. — Послезавтра у него мальчишник в отеле. Брат моей подруги проведёт тебя на вечеринку как «подарок» от друзей.

— Предупреждаю сразу, я ни с кем не сплю. Если надеешься подловить своего жениха на «горяченьком», то тут будет облом.

— Да, мне сказали... Но они же как-то передумывают жениться...

— У меня свои секреты.

По сути их нет. Наедине со мной у парней просто кукуха едет. Без каких-либо стараний. Как это выходит? Я без понятия. Внешность, голос... Всё это работает на меня.

— Просто помоги...

— Ладно... — тяжело выдыхаю и ещё раз беру фото парня. — Но гарантий никаких.

— Попытка — не пытка.

— Мда... Мне пора, — смотрю на часы. — У меня занятия.

Она с натянутой улыбкой провожает меня взглядом до двери.

На улице тяжело выдыхаю, стряхиваю впечатление от совершенно бредовой сделки и быстрыми шагами направляюсь на стоянку к своей машине.

Надо торопиться, урок по актёрскому мастерству через полчаса. Потом тренировка в зале, а вечером репетиция танца. И завтра съёмки ролика... С утра у стилистов надо быть. Была бы лошадью — уже бы сдохла от загнанности.

На сиденье дзынькает телефон, сообщение от сестрёнки. Фото букета красных роз.

" Тебе привезли. От Алекса".

Fuck! Опять?! Достал.

И не люблю я красные! Белые люблю!

Но как-то только думаю ему сказать об этом при встрече, меня срывает в неадекват рядом с ним. Стараюсь сначала держаться холодно и отстраненно, но потом в голове что-то щелкает, и он выводит меня из себя. Я себя плохо контролирую. Бесит Гроу меня жёстко. Мы просто начинаем орать друг на друга, и нормально разговаривать не получается. Под конец Алекс чаще всего выхватывает леща по морде и сваливает обиженный.

Но упёртый гад до невыносимости. Другой бы давно на хрен послал, а это барахтается до сих пор, пытается завлечь работой.

Знаю я твою работу.

Влетаю в учебный класс в институте, а там никого.

— Что за... — не понимаю где все.

Я не опоздала.

Набираю старосту.

— Некрасова, а где все? Занятия перенесли куда-то?

— Нет. Отменили.

— В смысле?! А предупредить? — срываюсь на рык.

— Так ты трубку не берёшь всегда. Я и не стала звонить.

— Охренела в край?! Написать тоже не могла? — меня понесло.

— Так ты из чата удалилась, я там писала.

Тварь!

Отключаюсь.

Удалилась, да. Сколько можно чат всякой мемной хренью засорять. Аж бесят эти картиночки и видосики с утра пораньше и до поздней ночи.

Ох, как хочется сейчас кому-нибудь втащить. Последнее время это желание прямо распирает.

Раз... Два... Три... Десять... Успокойся...

На тренировку. Там Прохоров, которого можно мутузить до посинения, ему только в радость.

Пока еду в спортзал меня немного отпускает.

— Прохоров здесь? — интересуюсь на стойке администратора.

— У него индивидуальные занятия, — нервно сглатывает, приподнимая испуганно на меня глаза.

Если я здесь, то никаких индивидуальных у него ни с кем быть не должно, и она это знает. Поэтому и виноватой себя чувствует.

— Я предупрежу, — обещает.

Пока я переодеваюсь и выхожу из раздевалки, администратор быстро разруливает ситуацию и Дима ждёт меня в зале с макиварой в обнимку. По моим глазам понимает, что сегодня ему придётся несладко.

— Опять все достали? — плотно становится в стойку, чтобы отбивать мои удары.

— Снова, — замах ногой с вертушки в желании попасть в голову.

Он ловко прикрывается.

— Часто у тебя это последние месяцы.

— Нервы ни к чёрту! — удары руками.

— А может другое? — пошленько намекает, поигрывая бровями.

— Нет! Не надейся, больше не перепадёт, — удар ногой. — Меня мужской пол в принципе не интересует, как биологический вид.

Мне с вами общаться даже противно. Не всеми, друзей парней у меня полно. А с теми, кто на меня как на сексуальный объект смотрит.

— Вид то у нас одинаковый. Только...

— Не напоминай, — размахиваюсь.

Он не успевает закрыться и смачно получает по лицу. Падает.

— Это было помутнение, — смотрю на Прохорова сверху вниз. — Больше такого не повторится, — подаю руку.

Он встаёт и, не отпуская моей руки, рывком притягивает к себе.

— Какого хера, Сэл? — пристальный взгляд прямо в глаза. — Что я не так сделал?

— Всё так... Это во мне дело. Я не хочу.

— Но тогда...

— Забудь! Я же сказала — временное помутнение. Ты просто... — осекаюсь.

В крови был... А это меня жутко возбуждает.

— Я, пожалуй, пойду, — начинаю нервно дергать застёжки перчаток.

— Уже? — удивлён. — Только начали.

— На сегодня хватит.

Это всё недосып. Учёба, работа, бесконечные репетиции не дают глотнуть воздуха и остановиться. Я себя убиваю. Но и остановиться не могу, меня ломает мой внутренний зверь, которого я держу в клетке и изредка выпускаю погулять. Каждый раз это плохо заканчивается и мне приходится выхватывать от родителей жёсткие наказания за плохое поведение. Но если зверя не выпускать, то сломаюсь я. И это будет ещё хуже.

Откидываюсь на спинку в машине и закрываю глаза, меня отрубает. Снится какая-то дичь из кошмаров.

Просыпаюсь с резким и глубоким вдохом от громкого звука. На соседнем кресле улыбается во всё лицо друг.

— Антоша, ты дурак?! Я чуть инфаркт не поймала.

— Рано ещё инфаркты ловить, — протягивает стаканчик кофе. — Взбодрись. У нас репа через полчаса.

Как полчаса? — смотрю на часы.

Два часа в отключке была. Офигеть...

— Сэл, выглядишь неважно. Может к морю, на солнышко рванём?

— Не могу, — делаю большой глоток бодрящего напитка. — У меня учёба только началась. Последний курс. Буду пропускать, мать счёт опять прикроет.

— Не первый и не последний раз. Выкрутимся. Халтурка есть в Дубае на следующие выходные. Клим хорошо платит. Говорит, какие-то ребята из НЮ будут на вечеринке, которые с мировыми звёздами работают.

— Подтанцовка? Смеёшься? Мать меня убьёт.

— Зачем? Разогрев.

— Мда... Чемпионка мира на разогреве у какой-то Джесси Хренесси... Готовь мне сразу деревянный макинтош.

Саунд: Kamazz — Принцесса

Мутным пьяным взглядом осматриваю гостей на моём мальчишнике. Все собрались, даже те, кого я со школы не видел. Парни совсем башкой двинулись — такое устроить.

Мимо туда-сюда шныряют девушки в откровенных сексуальных нарядах с подносами. И глазом не ведут, если получают шлепок по заднице. Особый вид прислуживающего эскорта.

— Как тебе? — хватает одну из официанток за руку Фарик и тянет к себе на колени.

Девушка смеётся и изображает смущение. Но так ненатурально.

— Нормально...

— А у нас для тебя ещё пара сюрпризов, — довольно лыбится Кот.

Самые близкие друзья. И полные придурки.

— Давайте без них! Всё и так зашибись, — отказываюсь.

Они же явно какую-то херню придумали.

— Ты гонишь?! Мы за это уйму бабок отвалили! — возмущенно скидывает с колен девушку Фара.

— И что это? Стриптизерша? Проститутка? Не будьте банальными парни!

— Лучше! Пошли, — заставляет меня встать на ноги Костя и ведёт к сцене.

Ставят стул у края и усаживают меня. Фара встаёт сзади.

Свет тухнет везде, остаётся только на сцене. Под музыку на неё выходит девушка.

Блин, пацаны... Ну, могли бы что-нибудь и пооригинальнее придумать.

Вглядываюсь в неё. Красивая фигура обтянута чёрной лайкрой. Как она это снимать будет? Неудобно же. Два длинных хвоста на голове, почти до колен. Волосы тоже чёрные, как смоль. А лицо не разглядеть, оно наполовину прикрыто чёрной маской. Только глаза...

От взгляда в них мурашки по коже. Хищные. И тоже чёрные. Полностью?

Сплошная темнота...

Сглатываю комок, застрявший в горле.

Она не подходит ко мне, не ведёт себя как типичная стриптезерша. Просто танцует без раздевания.

Охуенно танцует, кстати...

Что там?

«Танцуй для меня моя принцесса...»

С трудом перевариваю текст песни, он смешался в голове в какую-то кашу. Мозг слабо соображает под ТАКОЕ...

«Танцуй для меня так откровенно...»

Да-да, танцуй.

— Когда она раздеваться начнёт? — пальцем подзываю Фару.

— А она не будет раздеваться, — пожирает глазами девушку друг.

Во мне даже какая-то ревность колыхнулась на долю секунды. Разворачиваюсь назад и ужасаюсь от платонических взглядов присутствующих парней.

— В смысле не будет? — снова смотрю на красивые кошачьи прогибы девушки.

— Этой малышке не надо ничего снимать, её и так все хотят...

После танца я с трудом соображаю.

А как она этими хвостами так ловко крутила и ничего не задела? А они настоящие или

как у большинства наращенные?

Бля-я-я... О чём я думаю?!

— Круто, да? — пихает локтём в спину Фарик.

— Ага... Второй сюрприз какой? — выдыхаю в экстазе.

— Чё торопишься? Переживи этот, а то на тебе лица нет. Может ну её эту свадьбу? — подмигивает. — Больше такого не увидишь.

— Неа... Свадьба будет...

— Ладно, пошли тогда второй подарок распаковывать. Может, после него передумаешь...

Мы вышли из бара, прошли по холлу отеля и на лифте поднялись на седьмой этаж. Возле номера друг протянул мне электронный ключ.

— Хорошо повеселиться.

И ушёл.

А я затупил, стоя у двери. Придя в себя, прикладываю карточку к замку.

Огромный шикарный люкс слабо освещен.

Озираясь по сторонам, прохожу в большую гостиную. В комнате ощутил тонкий запах женских духов с примесью шоколада и фруктов.

— Ау! Есть тут кто?

— Есть...

Хрипловатый женский голос раздался со стороны дивана, который почти в тени. Щелчок выключателя и на меня смотрит та самая девушка со сцены. А на лице всё та же маска.

Охренеть... Я думал ты другая... Разочаровала.

Я стою и смотрю пристально на неё, а она на меня. Сколько это длилось без понятия...

У неё такие глаза...

— Выпьем? — перекидывает красиво ногу, встает и подходит к бару на столике.

— Я не знаю, что тебе сказали мои друзья, но у меня завтра свадьба... И...

— Я не шлюха, — поворачивается ко мне и резким движением втыкает в пробку от вина штопор.

Надавливает на ручки, и она с громким чпоком покидает горлышко.

Я дернулся от этого звука.

Разлила вино по бокалам. Один подаёт мне и садится на своё прежнее место. Я занимаю кресло напротив.

— Что тогда ты здесь делаешь, если не...?

— Твои друзья хорошо заплатили за ночь с тобой, но я даже по твоей фотографии поняла, что ты не сможешь. Поэтому согласилась.

Её хриплый сексуальный голос заставил волоски на моей коже приподняться.

— Почему это?

— У тебя взгляд честный. Ты верный...

Усмехаюсь.

Ты же ничего не знаешь...

— Тогда вообще не понятно, зачем тебе это надо.

Она берёт со столика телефон, что-то там пролистывает и показывает мне.

— Красивый, правда? Хочу такой.

Я уставился на фото спортивного белого мотоцикла. Дорогая вещица.

— Ради байка? Сколько тебе лет, девочка?

— Девятнадцать, — раскидывает руки вдоль спинки дивана, потом немного приподнимает маску и отпивает вино.

Заметил красивые пухленькие губки.

— А зовут как?

— Зови меня Сэл...

— Необычно. Я Даня, — представляюсь. — Так почему, Сэл, ты думаешь, что я не буду к тебе приставать? Вдруг я маньяк?

— Видела я маньяков. И вообще... Я могу постоять за себя, поверь мне, — наливает себе ещё один бокал вина. — Но тебе, как и мне, секс не нужен.

— Я не уверен, — скептически хмыкаю.

— Не со мной...

Вот это точно.

Взгляд застывает на отблеске лампы на стеклянной поверхности столика перед нами. Погружаюсь в свои мысли.

— Расскажешь? — тихий хрип.

— Нечего рассказывать...

— Не ври! Иди сюда, — хлопает ладонью по дивану возле себя.

Я сажусь рядом с ней.

Она быстро и сильно надавливает мне на лоб, и через мгновение моя голова уже лежит на её коленях.

— Валяй, я слушаю.

— А волосы настоящие? — протягиваю руку и глажу, запускаю в них пальцы.

Никаких замочков, переплетений нет.

— Настоящие.

— Глаза почему такие? Линзы? — провожу пальцем по нижнему веку.

Алкоголь меня раскрепощает.

— Я мутант, — хихикает. — У меня радужка глаза на тридцать процентов больше, чем у среднестатистического человека. Под определённым углом кажется, что у меня полностью чёрные глаза.

Я заметил.

— Сними маску, — сжимаю руки в замок на груди, не выпуская из рук бокала с вином.

Словно со свечкой.

— Не могу...

— Почему?

— Есть веские причины. И не меняй тему разговора, — отставляет бокал в сторону и погружает пальчики мне в волосы.

Её поглаживания и тихое напевание каких-то звуков успокаивает и расслабляет. Я словно в транс ухожу.

— Я жду...

— Нечего особо рассказывать... Завтра у меня свадьба...

— Это я уже знаю. Новенькое что-нибудь поведай.

Я ловлю кайф от массажа её пальцами, но в нём нет ничего сексуального, скорее релакс.

— Новенькое? — уплываю от охуительных ощущений, закрывая глаза. — Моя...

невеста... меня... люто... ненавидит...

— А ты?

А я не ответил.

Отключился.

Уснул.

Ожидаемо. В большинстве случаев этим и заканчивается. Моё пение всех усмиряет.

Любишь свою Соню... Так что извините, но вам придётся пойти к алтарю. Вера в его верность у меня только укрепилась.

Выскальзываю из-под него, подкладываю подушку под голову и, накинув на плечи длинный плащ, покидаю номер. До утра он не проснётся.

В лифте прижимаюсь лбом к прохладному стеклу зеркала. Мозг закипает. Ему разрядка нужна, а я уже не знаю, что ему подкинуть для сброса той тяжести, что копится.

К психотерапевту опять сходить?

Он уже посоветовал сублимацию.

Я скоро скопычусь от этих сублимаций.

Жму на кнопку вниз и достаю телефон, в приложении покупаю два билета в Сочи, себе и Антоше. Там Скайпарк. В прошлый раз выброс адреналина помог разгрузиться.

На четвертом этаже лифт тормозит, двери открываются.

Морщусь, отворачиваясь от вошедшего.

— Ого, и что ты здесь делаешь? — громко произносит Алекс. — С любовником встречаешься?

— Это ты по отелям тёлок шпилишь, — начинаю внутри бурлить, но стараюсь сохранять спокойствие.

Молчание в ответ, только слегка скривил губы и некоем подобии оскала.

В точку. С бабой был.

Ну и нахрена ты мне такой нужен? Будешь по блядям бегать, а потом приходить с цветочками и клясться в любви. Ну, нет! Нахуй надо!

Кстати, цветочки...

— Цветы больше не присылай, — смотрю пристально в его голубые глаза. — Ненавижу красные розы.

— А что прислать? Что ты любишь?

— От тебя мне ничего не надо! Просто оставь в покое. Бесишь!

— Взаимно, — приближается.

Но ничего не успевает сделать, двери лифта открываются, и за ней стоит престарелая пара.

Спешно выхожу и, не оглядываясь, устремляюсь из отеля на парковку.

Почти дошла до машины, когда меня схватили за локоть и резко потянули назад.

— Отвали, Гроу! — замахиваюсь ударить.

Перехватывает кулак и опускает наши руки.

— Для кого так вырядилась? — отводит полочку плаща, рассматривая мой обтягивающий костюм.

— Не твоё дело!

— Опять? Сэл, тебе мало прошлого раза? Острых ощущений ищешь? — напоминает.

Ищу! Я без них с ума схожу.

А в прошлый раз прокол вышел. Немного не рассчитала удар и парня в больничку с сотрясением увезли. Обдолбанным оказался, а меня никто не предупредил, что он

принимает.

— Что молчишь? — встряхивает. — Он живой?

— Спит.

Облегчённо выдыхает.

Вот кто ему про меня всё сдаёт?

Крестный? Нет. Он не станет. Дядя Вова личным сильно не светит. Алекс на него работает. Антоша? Братишка не предаст.

— Когда ты поймёшь, что твои сомнительные развлечения до хорошего не доведут?! Нарвёшься когда-нибудь!

— А если нарывалась уже? — тихо, впадая в ступор.

Вспоминания накрыли. Не хочу... Там и вспоминать-то нечего. Не помню ничего...

— Ты о чём? Сэл! — дёргает за плечи.

— Ни о чём... Я домой...

— Я тебя отвезу, ты выпила.

— Чуть-чуть совсем...

— А вид неадекватный. Хотя я тебя другой никогда не видел. Не спорь! — тянет за собой в другую сторону от моей машины. — Скажешь вашей охране, они пригонят к утру тачку домой.

Помогает сесть в свою машину и пристегнуться.

У меня будто мозг отключился, никаких эмоций и мыслей. Только ветер в голове гуляет.

— Сэл? Ты как? — бережно берёт за подбородок.

И меня захлестывает что-то непонятное, я хватаю его за горло, сжимаю руку, врезаюсь ногтями в кожу.

— Не прикасайся ко мне, — не узнаю свой голос.

Звучит словно сломанное старое хрипящее радио. Нечто нечеловеческое...

— Сэл... — сдавленно сипит и разводит руки в стороны.

— Извини... — отпускаю его.

— Что это сейчас было? — потирает шею.

— Не знаю... Просто не трогай меня. И я передумала ехать домой. В тир поехали.

— Ночью?

— Там круглосуточно.

Он садится за руль. Бросает на меня осторожный косой взгляд и трогается с места.

Достаю телефон и отменяю перевод от Софьи.

" У меня не получилось. Совет да любовь! "

Отправляю сообщение. Откидываюсь назад и закрываю глаза.

Дураки вы! Любовь ценить и беречь нужно, а вы всё просрать хотите. А если вы те самые две делатки, которые друг без друга — не полная картина?

— Ты когда-нибудь любил? — поворачиваюсь к притихшему Алексу.

— Станный вопрос...

— Я не про себя. Раньше влюблялся?

— Да... — подзагрузился.

— И что с ней не так было?

— Ничего... Не судьба...

— Если в неё верить, то можно никогда никого не найти.

— Там без вариантов, — отвернулся в сторону.

Мне показалось, или у него боль в глазах скользнула?

Да какая мне разница?! Что ты ему в душу лезешь? Вечно поглубже копнуть пытаешься.

— Я тоже не вариант.

— Почему?

— Я дефективная. Сломанный человечек... Мать монстром называет, даже в психушку однажды сдать пыталась. Отец с бабушкой отбили.

— За что она тебя так? — удивлённо приподнимает бровь, отрывая взгляд от дороги.

— За всё хорошее... Точнее не хорошее... Позор семьи, неуправляемая. Столько денег и сил в меня вложили, а я херней маюсь, — цитирую маму.

— Ты реально ей страдаешь, — резко выворачивает руль на повороте. — С твоими мозгами и талантами можно нехилого успеха добиться, а ты растрачиваешь всё на ерунду.

— Не хочу я петь. И танцевать под твою дудку тоже не буду, — отворачиваюсь в сторону.

Мы въехали в город.

Говорю Алексу адрес тира. Иногда мы туда заваливаемся с ребятами среди ночи после тусовок.

Оружие — моя слабость. Любое: холодное или огнестрельное. У папы коллекция саблей, мечей и прочего железа.

У меня тоже коллекция. Куклы... Люблю с ними иногда "пообщаться". Они слушают и молчат, а не дают свои никому ненужные советы.

Тормозим у двери с вывеской «Прицел».

Я нажимаю звонок. Ночью заперто.

— Глухое местечко, — осматривается по сторонам Алекс.

— Трясёшься за свою звёздную жопку? — приваливаюсь плечом к стене.

— Скорее за твою, — грубо.

— Моя приключений не боится.

Слышится звук открывающегося замка. Из-за двери выглядывает сонный Ваня. Он хозяин.

— Проходите, — открывает шире, заметив меня.

Никакого возмущения — я щедро плачу за свои капризы. Часок бодрствования и месячная выручка в кармане.

В боксе достаёт из сейфа два пистолета и запасные обоймы.

— Стрелять умеешь? — покачиваю в руке ствол, мысленно взвешивая.

— Умею, — вставляет обойму в пистолет Алекс.

Ну и отлично!

Синхронно выпускаем все патроны в цели. Только мои почти в десятку, а его как попало.

— Мазила, — перезаряжаю.

— Я не прицелился, — оправдывается.

— Да-да, ври больше.

Опять все заряды по целям.

У Алекса уже лучше, а вот я промазала два раза.

Перезарядка.

— Теперь ты косая, — говорит под руку.

Это ударом хлыста ударяет по самолюбию. Я поворачиваюсь к нему и направляю дуло в его голову.

— Не промажу, поверь мне, — держу его на мушке.

В его глазах всего на долю секунды скользит страх, а потом поднимает свой пистолет и направляет на меня.

— А ты не сыкло.

— Я давно понял, что с тобой только по твоим правилам можно. А они у тебя ебанутые, — скалится.

— Думаешь, разгадал меня?

— Нет. Ты вот про любовь спрашивала, а сама-то когда-нибудь любила? — щёлкает предохранителем.

Снимаю свой.

— А тебе-то что? Даже если и любила, каким местом это тебя согреет?

— Просто интересно, можешь ли ты любить?

— Там тоже без вариантов.

— Чё это? — ухмыляется.

— Мне было пятнадцать, а он британец.

— Вы охуели что ли?!- раздаётся окрик Вани, заметившего нас в «дуэли».

Одновременно поворачиваемся с Алексом к целям и стреляем.

Флэшбек.

Мы остановились у подножия одного из холмов, которыми просто усеян Уэльс. Виды здесь потрясающие! Великобритания сама по себе красива, уступает только лишь какой-нибудь Норвегии. Единственный минус — погода, которая может меняться каждый час.

Внизу распростёрся Кардиганский залив, на берегу которого расположился небольшой городок Аберистуит. Господи, как я запомнила это название! Здесь всё такое труднопроизносимое. Единственная достопримечательность этого городишки — университет и самая большая национальная библиотека Уэльса.

А большая часть здешнего населения — это студенты.

Пока мама разговаривает с кем-то по телефону в сторонке, расчехляю фотоаппарат и делаю несколько снимков. Вечером отправлю Стаське в её коллекцию, пусть извращается в своём Фотошопе. Вид на город действительно обалденный. Не каждому в моём возрасте улыбается удача увидеть такое.

Мне пятнадцать. До универа ещё целый год, и последний год я живу и учусь в Великобритании в школе при российском посольстве. Моя мать дипломат и всё это время она здесь с дипмиссией. Зачем она взяла меня с собой? Не знаю... В Москве отец, сестра, бабушка и дедушка, которые все эти годы и занимались моим воспитанием.

Первые пять лет я родителей почти не видела, пока не родилась Стаська. Им было не до меня, у них была карьера, у отца бизнес. Сейчас он входит в список самых богатых людей страны. Своя строительная корпорация. По его проектам строят здания по всему миру, в этом он гений. А начинал простым рабочим на стройке. Но окончив университет, выиграл конкурс на лучший проект музея.

С тех пор карьера не просто поплёрла, а полетела. Главный архитектор, младший партнер, потом старший, а потом и своя империя. Даже бабушка, которая не была довольна выбором своей дочери, смирилась и приняла отца. Дедушка был из простых рабочих, поэтому папу принял сразу. Да он и был в какой-то степени причиной их знакомства. Работал в Мосгорстрое инженером и приехал на одну из строек с проверкой, почему-то с ним оказалась моя мама. Там она и увидела высокого черноволосого красавца. И влюбилась... С первого взгляда... Оказалось взаимно...

Каким-то невероятным образом отец её отыскал в огромном городе. Всё было стремительно быстро. Через три месяца они узнали, что мать беременна. Бабушка была в шоке. Не такой судьбы она хотела дочке. У неё были другие планы: окончание МГИМО, карьера дипломата и брак с каким-нибудь богатеньким ухажёром. Но мама решила иначе...

На брак всё же прапредки согласились, незамужняя беременная дочь для профессора филологии — это клеймо позора. Но бросить ВУЗ родителям не позволили. Мать была на втором курсе, отец на последнем. Тяготы моего воспитания легли на плечи бабули и дедули. И тут она оторвалась по полной, решив, что если ребенок родился с необычной внешностью, то и мозги у него должны быть незаурядные. Необычность была в длинных волосах с рождения и огромных чёрных глазах. Как у куклы... Даже сейчас. Родители на один из дней рождений подарили мне точную копию меня в виде пластика на шарнирах.

К пятнадцати годам я говорю на пяти языках, включая русский, играю на трёх инструментах, у меня голос четыре с половиной октавы. А ещё я двукратная чемпионка мира

по спортивным бальным танцам, и в этом году светит ещё один титул.

Бабуля хотела сделать из меня балерину, но на просмотре меня забраковали, сказав, что я не гибкая. Теперь я доказываю всем, что это не так. Так извиваться на паркете не может никто в школе. А она лучшая в стране и преподаватели там только с мировой славой. Предки не скупятся на наше с сестрой образование.

Осенью мне предстоит вернуться в Москву и пойти в одну из лучших гимназий. В одиннадцатый класс. И там я буду младше всех, так как отдали меня в школу в пять лет, а не в семь, как большинство детей.

А пока я ещё здесь...

В августе у мамы отпуск. Она предложила съездить в Эдинбург на Международный музыкальный фестиваль. Он длится весь месяц и туда стекается куча участников и туристов со всего мира. Но вместо того чтобы лететь на самолёте, как все, она предложила поехать на машине, по пути заглядывая в места британских достопримечательностей.

Одним из таких был этот городок, название которого не то, что запомнить, выговорить тяжело. Но мне удалось. Аберистуит!

Зачем мама привезла меня сюда?

Не понимаю.

Что я универов не видела?! Один Оксфорд чего стоит с его старинными зданиями. Да и учиться в Великобритании я не собираюсь. Пару лет назад я уже определилась, буду поступать в МГИМО, как мать. Был ещё вариант с МГУ, но учиться под присмотром бабушки не хочется. Мне и сейчас ее пристального внимания хватает до чёртиков.

— Анна, поехали, — командует мама, кивая в сторону джипа.

Даже если бы мне хотелось побыть здесь подольше — спорить с матерью я бы не смогла. Она жёсткая, вся в бабушку. Ослушание для них — это провинность. Поэтому просто молча плетусь и сажусь на переднее пассажирское сиденье.

Спускаемся по дороге, которая идёт по склону в город. Тихий и симпатичный... Ровные домики, ухоженные улицы. Самое место чтобы провести в таком месте старость. Но здесь, наоборот одна молодёжь на улицах.

Тормозим у небольшого отеля, почти домашняя обстановка. Нас встречает пожилой мужчина, хозяин гостиницы: вежливый и учтивый, как все британцы. Снимаем лучший номер с видом на залив. Он сказал, что здесь открывается потрясающий вид на закат. Осталось его дожидаться...

* * *

Мы ужинаем на террасе небольшого ресторанчика на берегу. Людей немного, несмотря на пятницу. Пятницу в Британии можно назвать днём разгула. Рабочая неделя закончилась, и люди вечером разбредаются по пабам и ресторанам, чтобы выпить пива и пообщаться. Часто это превращается не в простые посиделки с друзьями, а в большую попойку. Во всём мире англичан считают чопорными и сдержанными, но это не так. Помахать кулаками после нескольких пропущенных пинт пива здесь в порядке вещей, особенно во время футбольных соревнований. Сама была свидетельницей такого замеса однажды, правда из окна автомобиля. Толпа на толпу. Даже полицейские с трудом их успокаивают. Британцы это называют просто — пятничное пиво.

Вот и здесь сидит пара компаний, потягивая пенный напиток. Одна — четверо мужчин под пятьдесят, вторая — молодые, лет по двадцать или чуть больше. Шестеро шумных. Любая шутка или действие у них вызывает громкий смех.

У мамы нервоз, она привыкла есть в местах, где люди уважают пришедших и не шумят. Замечаю, что у неё даже глаз задёргался.

Ухмыляюсь внутри. Сделать это явно — получить долгую лекцию про то, что я невоспитанная. Манеры — лицо леди... Поэтому молчком ковыряю вилкой в тарелке какое-то блюдо из морепродуктов. Есть не очень-то хочется. Но после ужина мне дано разрешение покататься на роликах. Набережная вся из плитки, не погоняешь, но недалеко есть какой-то памятник и там асфальтированные дорожки. Вот там можно.

Очередной смех от компании молодёжи. Кошусь немного на них. Там весело. И дым коромыслом. Даже две девушки с сигаретами в зубах.

Но останавливает мой взгляд даже не это. Один из парней пристально смотрит на наш столик, слегка улыбаясь краешком рта. Первое, что приходит в голову — пялится на маму.

Ещё бы! Красивая стройная блондинка. В свои тридцать четыре тянет от силы на двадцать пять. Многие, увидев нас вместе, считают сестрами. Хоть мы и не похожи абсолютно. Я копия отца: высокая черноглазая с длинными, ниже попы, черными волосами. На маму похожа Стаська.

Но я ошиблась. Когда мать отошла в туалет, он всё так же пялился.

Кретин, мне пятнадцать!

Одно слово мимо проходящему бобби и ты пойдешь под суд за домогательства. Ну, или как минимум оплатишь огромный штраф. Но проблем как-то не хочется. Пусть «живёт». Только от этого взгляда неудобно. Непокойно... Я ерзаю на стуле. А глаза сами просятся посмотреть на него. Он замечает и слегка улыбается.

Шатен, крепкого сложения, выше среднего, кажется. Скуластое лицо, прямой нос с островатым кончиком. И стального цвета глаза. Красивый... Одет просто: джинсы и белая футболка, на спинке стула висит рюкзак и поверх кепка.

— Ты поела? — прерывает моё созерцание прекрасного подошедшая мама.

— Да... — прячу взгляд, чтобы она не догадалась, чем я занималась.

— Тогда идем, ты ещё покататься хотела, — берёт сумку и вешает через плечо.

— А расплатиться?

— Уже, — даже не поворачивается в мою сторону, просто идёт на выход, плавно покачивая бёдрами.

Смогу ли я когда-нибудь стать такой, как она?

Вряд ли... Я мягче. По крайней мере, мне так кажется. Я даже «нет» четко и без запинки произнести не могу. А чтобы сказать в лицо, как мать или бабушка, что я думаю о человеке — у меня смелости не хватит. У меня есть сила воли, но она распространяется только на учебу. А вот уверенности — ноль...

Мама оставляет меня в парке у побережья, где я, надев ролики, пересекаю по дорожкам. Сама садится на скамейку так, чтоб я не выпадала из вида и наблюдает.

Постоянный контроль. Хорошо охраны, как в Москве нет. За богатого отпрыска всегда трясутся, я не исключение.

Кататься не очень удобно, дорожки под наклоном к берегу. Здесь хотя бы асфальт есть, но некоторые финты уже не покрутишь. Остаётся только делать змейки и немного крутиться на месте.

В какой-то момент замечаю, что сюда приходит всё та же компания из ресторана. В руках бутылки с пивом, мерзкий пьяный смех. Иногда хочется сделать два пальца в рот. И снова холодный пристальный взгляд серых глаз. Он не пьёт, кстати. Закодировался бедолага?

Ладно, хочешь смотреть — смотри. Начинаю крутить разные фишечки, если таращится, то пусть уж со всех сторон поглазеет. Он только слегка улыбается. Я привыкла, что на мои танцы смотрят с восхищением и открытым ртом. А тут только губы слегка скривил!

Да пошел ты! И разгоняюсь...

Я сделала это напрасно. Именно эта дорожка уходила резко вниз к линии берега, и я не справилась. Меня понесло... Даже ухватиться не за что для остановки. Один выход — падать. И я падаю... Меня тащит ещё несколько метров по асфальту, а я в коротких шортах. Резкая и жгучая боль по всему боку левой ноги, содрала кожу, и мелкие камушки впились в рану. От болевых ощущений трудно дышать, а слёзы застилают глаза.

Вдруг кто-то подхватывает под руки ведёт в сторону скамейки. Поворачиваю голову в сторону «хозяина» рук. На меня с волнением смотрят всё те же серые глаза. Усаживает на ближайшую лавочку и присаживается на корточки у моих ног. Осматривает рану. Что-то спрашивает. От болевого шока не понимаю, что он говорит.

Черт! Он же на английском!

— Руки от неё убери! — с агрессией в голосе появляется рядом мама.

— Я просто хотел помочь... — растерянно оправдывается красавчик. — Ей в больницу надо, рана серьёзная, может воспалиться...

— Без сопливых! — но он не понимает её слов, здесь так не говорят. Это чисто русский посыл. — Идти сможешь? — обращается ко мне, снимая коньки и обувая на меня кроссовки.

— Наверное... — мямлю в ответ.

Но я передумала, как только наступила на ноги. Они подкосились. Красавчик, стоявший рядом, быстро среагировал — тут же подхватил снова под руки.

— Я помогу донести до машины, — настаивает.

Мать посмотрела на него с каким-то презрением, но от помощи не отказалась. Просто молча пошла к нашему джипу.

Вот такая у меня мать...

Парень действительно крепкий и спортивный, нёс меня как пушинку. Даже не запыхался. Только сердце билось, как оголтелое. Я чувствовала его биение. У меня самой оно стучало не реже.

Меня, полулежа, усадили на заднее сиденье. Нога горела огнём.

— Где здесь госпиталь покажешь? — обратилась мать к незнакомцу.

— Конечно, только рюкзак свой захвачу, — соглашается сероглазый.

Через минуту он уже усаживается на пассажирское сиденье спереди.

Дорога заняла минут десять. В приёмном покое меня быстро укладывают на каталку и увозят в перевязочную.

Ольга Ивановна.

Довыпендривалась!

Я сразу заметила, как она косится на эту компашку. Особенно на этого... Стоит рядом и озабоченность изображает.

Не удивительно, ей пятнадцать... Уже мальчики на уме. Поэтому и забрала её с собой в Лондон год назад. Родители с ней не справятся в пубертат. Я себя ещё помню в этом возрасте.

Аня хоть и послушная, но это временно. Скоро проклюнется характер, а в нашей семье у женщин он не сахар. Хлебнем мы с ней ещё проблем...

— Спасибо! — холодно обращаюсь к парню.

— Не за что, — удивленно смотрит на меня.

Не ожидал, что я могу быть вежливой? Могу. И благодарной тоже.

— Только сильно не мечтай, ей всего пятнадцать, — защищаю свою дочь.

— Я и не думал, — пожимает плечами.

Ну, да, так я и поверила.

Она растёт, и я вижу, как на неё заглядываются. Самое противное видеть, как пускают слюни взрослые мужики. Сашка вообще бесится, с друзьями некоторыми из этого все связи разорвал.

Ух, не одну сотню сердец она разобьёт, когда вырастет. Красавица. Всё впитала. Уже сейчас есть на что посмотреть, а что будет через пару лет?!

Пока дочери обрабатывают раны, заполняю на стойке необходимые документы, а когда предъявляю дипломатический паспорт, смотрят как на экспонат в музее, широко раскрыв глаза. Две медсестры переглядываются, и так же молча всё оформляют. Ну и отлично. Всегда работает...

Через полчаса Аньку вывозят из процедурной на коляске. Нога от бедра до колена забинтована. Немного охватывает волнение. Не дай Бог, шрамы останутся. Или танцевать не сможет. Но врач успокаивает, что если всё правильно обрабатывать, то всё пройдет отлично и никаких следов не останется.

Паренёк, не знаю, как его зовут, да и знать не хочу, помогает докатить коляску до машины и посадить дочку. Немного смутил взгляд врача в его сторону, они явно знакомы, заметила, что кивнули друг другу в приветствии.

— Тебя подкинуть до дома? — спрашиваю из вежливости. Всё-таки помог.

Он тушует. Неудобно...

— Садись, дорогу только покажешь, мы в этом городе проездом, — не выдерживаю.

Устраивается спереди, бросает взгляд через плечо назад. Аньке дали обезболивающее с седативным действием. Врач сказал, что через полчаса она уснёт. Надо будет найти кого-то в гостинице, кто поможет её выгрузить.

Всю дорогу, пока мы ехали к его дому, он бросает робкие взгляды на неё через зеркало заднего вида. Так и хотелось отвесить ему хорошего леща или подзатыльника.

Подъехали к небольшому двухэтажному домику с маленьким палисадником перед ним.

— Спасибо большое! — благодарит.

Я протягиваю ему пятьсот евро. Он непонимающе смотрит.

— За что?

— За помощь... — равнодушно.

— Я не для этого помогал, — хлопает дверью и уходит.

— Мам, ну зачем ты с ним так? — слышу с заднего сиденья. — Можно было просто сказать «спасибо».

— Спасибо я ему уже сказала, — разворачиваю машину в сторону отеля.

— Нельзя же всё мерить деньгами... — еле слышно.

— Это ты мне пропоешь, когда я тебе карту заблокирую.

Но она уже моих слов не услышала, подействовало лекарство.

— Сэл, покажи зубки, — просит Вадик, направляя на меня камеру фотоаппарата.

— Ррр, — скалюсь.

Он щёлкает.

— Плечико оголи и игриво пальчиком, — следующая просьба.

Я послушно стягиваю рубашку с плеча и погружаю палец в рот.

Ещё несколько кадров и отпускает меня.

— Скинешь самые удачные на почту, Стаська обрабатает, — прошу его.

— Я и сам могу, — обиженно.

— Неа, она знает, как надо, чтобы в одном стиле было.

— Пятнадцатилетняя девчонка считает себя профи, — бухтит под нос.

— Не гунди! — смотрю в сторону приближающегося к нам мужчины в сером деловом костюме.

У нас в студии гости? Антоша не говорил.

Когда выходит из тени, вижу, что это Даня. Моя неудача...

Что тебе здесь надо?

— Добрый вечер! — официально сдержанно. — Сэл, можно с тобой поговорить наедине?

Кивком головы показываю, чтобы шёл за мной в небольшой кабинет в конце зала. Он стеклянный, не спрячешься от любопытных глаз репетирующих ребят, но никто нас не услышит.

— Кофе? — подхожу к кофемашине.

— Нет, спасибо!

— Я тебя слушаю, — не поворачиваясь к нему.

Он нервно хихикнул. Флэшбэкнуло?

— Мне твоя помощь нужна.

О, кажется, я где-то это уже слышала. Ну да, от его невесты.

— Если просишь помочь с разводом, то не по адресу. Раньше надо было думать. До этого, — киваю на обручальное колечко на его пальце.

— Нет. Соня не подпускает меня к себе.

— Ещё бы! Нехрен было изменять, — отпиваю кофе из чашки.

— Чего? Что за бред?!

— Без понятия. Но она сказала, что ты был пойман на преступлении. Колись, с кем согрешил?

— Ни с кем! У меня с нашей первой встречи никого не было, — возмущается.

— Не во сне же ей приснилось. Что прям совсем ни с кем? Даже на полшишечки? — своєю издевательски пальцы.

— Нет!

— Покопайся в пыльных уголках памяти.

Задумчиво закатывает глаза. Начинает растерянно быстро моргать.

— Вспомнил, — догадываюсь.

— Её сестра меня поцеловала на вечеринке около месяца назад. Мы выпили, было весело и она меня неожиданно... С тех Соня как раз и поменялась.

— Не пей больше. Грехопадение в основном под этим делом и случается, — щелкаю пальцами по шее. — Только поцелуй — так себе измена... — отставляю пустую чашку.

— А Соне хватит себя накрутить. Она мнительная.

— Иди, падай в ножки, кайся. Так, мол, и так — никаких греховных побуждений и в мыслях не было. Не виноватый я, она сама пришла.

— Не поверит.

— А ты поубедительнее... Странная вы семейка, если честно. То она ко мне бежит, то ты. Только задачи у вас разные. Ты, кстати, обо мне как узнал?

— Костя, друг, рассказал, что помогал Соне расстроить нашу свадьбу, но не получилось.

— Да... Ты молодец! Крепким орешком оказался. Вовремя уснул.

— Так поможешь? Я заплачу. Так понимаю, байк ты не купила. Делаешь мне одолжение — я дарю тебе мотоцикл.

— Заманчивое предложение, — нагло улыбаюсь, прикусывая губу. — Только чем я могу вам помочь? Просто поговорите и всё.

— Она не слушает.

— Запри в комнате и не выпускай, пока не поймёт.

— Устроит истерику, я пробовал. Слезы на меня панику наводят.

— Что ж вы такие душные-то, а?!- удобно устраиваюсь в кресле Антона и прокручиваюсь вокруг оси. — Я могу подумать?

— Над чем?

— Как вас помирить, — беру со стола бумажку. — Напиши свой номер телефона, рожу идею — позвоню, — протягиваю ему.

Быстро чёркает свой контакт.

— Но запомни, мои методы могут не попадать под твоё обывательское мировосприятие.

— Главное, чтобы был результат.

— Ты сам даёшь мне разрешение, — предупреждаю его.

— Даю.

— Так и запишем — клиент даёт согласие на всё, в случае смерти или членовредительства... — быстро строчу на листе бумаги.

— Какой смерти? — громко и с возмущением.

— Это типовой договор. Ты ж финансист, должен знать, — киваю на серебряный значок в виде зажигалки на лацкане его пиджака. — Топменеджер?

— Да. И никаких смертей! — предупреждающей тыкает в меня пальцем и идёт к двери. — Жду звонка.

— Ну, жди, жди...

Вот нахрена мне всё это надо?!

* * *

— Нужно встретиться, — набираю Софью, освободившись после репетиции.

— Нам не о чем разговаривать. Ты меня подвела, — отказывается.

— Вот об этом и поговорим. У меня есть новые вводные в вашем вопросе.

— Чего? — не понимает.

— Через час жду в кафе, где до этого встречались, — сбрасываю.

Что ж ты за блондинка тупая? Может, не врут стереотипы? И белый цвет волос как-то мешает мозгам нормально функционировать. Солнечное тепло меньше впитывается, например, и это влияет на интеллект.

Да ну!

Маму и Стаську тупыми не назовёшь, а они блондинки, причём природные. Просто феи нежные, без мужчин в этом мире не выживут.

Мать, правда, под вопросом. Она может и загрызть, и ласковой быть одновременно. С папой и Стаськой — душка, со мной мегера. Это и понятно. Кровушки я много попила, когда с цепи сорвалась.

Мимо на скорости по встречке пролетает спортивная машина. Смотрю, не мигая, ей в след через боковое зеркало.

Конечно!

На бортовом компьютере набираю приятеля.

— Привет, Гошечка!

— Привет!

— Дело есть, — осматриваюсь на повороте и выворачиваю руль.

— Бабки закончились? — смеётся.

— Почти. Сможешь завтра всех собрать?

— Без проблем! Ты же знаешь. Только клич кинуть в чат и все примчат.

— Вот и ладушки. Мне местечко забей.

— No problem! Ты по вип или как?

— Я с проигрышем... — тяжело вздыхаю.

Не люблю проигрывать.

— С каких пор? — удивлён собеседник.

— Так надо. И огнетушители приволоки, чтоб под рукой были.

— Ты что решила устроить? — взволнованно повышает тон.

— Фаершоу...

— Ты с каната на репетиции пизданулась головой об пол?

— Гоша, тут у людей личная жизнь летит в п... звезду... Помочь надо. Не волнуйся, я знаю что делаю. Может и не пригодятся огнетушители и всё ровно пройдёт. Просто, предупреждён, значит вооружён.

— С каких пор тебя интересует чья-то личная жизнь? Тебе-то на свою похуй, — угорает.

— Накосячила я тут плотно, надо реабилитироваться.

— Understood...

— Good bye, my friend!

У кафе достаю из бардачка браслет. Проверяю, цел ли замок и запихиваю в карман.

София сидит в углу за столиком и лениво поглядывает в окно. Перед ней чашка остывшего кофе.

— Как всегда, — бросаю на ходу официанту, скучающему у бара и направляюсь к девушке.

— Ты опоздала, — с претензией выговаривает Соня, недовольно стреляя глазами.

— Пробки. У меня личного вертолёта нет, — швыряю сумку в пустое кресло и сажусь напротив неё.

— Что странно... С твоими возможностями.

— Не лезь в мой карман. Поверь мне, из него не сыпется. Вот, — выкладываю перед Соней на стол пластиковый неоновый браслет.

— Что это? — крутит в руках. — Проходка в клуб?

— Ага. Закрытый. Только для избранных. Без него тебя не пустят.

— Зачем? Я никуда не собираюсь, — пододвигает ко мне.

— Брак свой спасти хочешь? — отвлекаюсь на официанта, который принёс мой кофе.

— С помощью этого? — кивает на браслет.

— Такой же получит завтра утром твой муж. В полночь вы должны быть на месте, — включаю телефон и скидываю ей геолокацию.

В её глазах полное недоумение.

— Я покажу тебе, что все твои надуманные измены ничего не значат. Есть вещи гораздо сильнее и дороже. И держаться нужно за них, а не херню в голове плодить.

— Ты с прибабаками...

— Да. И не опаздывай. Счастье ждать не будет...

На большом студийном экране я в полном одиночестве смотрю новый ролик команды Сельванны.

Три девочки в стиле Харли Квинн, только в чёрном, с битами, под предводительством Сэл.

«I'm a bitch, I'm a boss...»

Сука, какая же она охеренная...

Прогиб, приседание, кач попой.

У меня челюсти сводит от желания. Откидываюсь в мягком офисном кресле и вцепляюсь пальцами в подлокотники. Мышцы на лице начинают непроизвольно дёргаться от злости.

Что тебе ещё надо, Селиванова? Я же скоро в половую тряпку превращусь от твоих вытираний ног об меня. Никому не позволял так глумиться надо мной, но ты попала в какие-то исключения.

Большой ошибкой было думать, что я легко её завоюю. Она любое ухаживание в штыки воспринимает. Пока с ней спокойно и на дружеской ноте — милая девочка. Но стоит чуть-чуть намекнуть на что-то другое и она звереет.

Нарывалась... Что это означает? На кого нарывалась?

Эта мысль не даёт покоя.

Ставлю видео на повтор и снова залипаю.

Покачивание бёдрами, волна грудью...

Меня ломает. Что ж так хуёво-то?

Дышать тяжело, душит в груди что-то. Жить спокойно не даёт.

В зеркальной стене вижу, как открывается дверь и ко мне крадутся Илья с Ником.

— Поймался! — хватает сзади за плечи Илюха. — Рукоблудишь на свою ненаглядную?

— Дебил что ли?! Я видел, как вы вошли, — киваю на зеркало.

— Значит, опять рефлекслируешь, — оседает в соседнее кресло Гас. — Вот что ты в ней нашёл? Красивая, базара нет, но она же с пулей в голове. Там дури немерено.

— Ник, думаешь, я не знаю? Но из башки выкинуть не могу.

— На тусовку тебе надо. Выпивка, девочки... Так и выдует твою Сэл.

— Не хочу... — вновь утыкаюсь в экран телевизора. — Встретишь свою такую, — киваю на экран. — Поймёшь меня.

— Я? Нее... Никогда! Мне и без всех этих пиздостраданий дают, — с ухмылочкой играет бровями.

Друзья не понимают моих чувств. Илюха если только, но и он порой срывается и может наговорить про мою любимую девочку гадости. И мне их за неё рвать охота.

— Кто им ремиксы делает? — вслушивается в музыку Ник. — Мне бы такого диджея.

— Западник какой-то, — пожимаю плечами.

— Контакты достать можешь?

— Ник, разоришься. Знаешь, сколько они бабок берут за годное?

— Догадываюсь, — покачивается в кресле.

— Ян тебя на куски порвёт.

— Ян... — задумчиво. — Ян мне должен.

— Кстати! — садится напротив нас на стол Илья, закрывая мне экран. — Что там с твоей тачкой? Скоро год как ищут.

Гас неожиданно меняется в лице, уходя в себя. Потух мгновенно.

— Не нашли... И не найду скорее всего...

— Да ладно тебе! — толкаю его кулаком в плечо. — Это всего лишь железка. Не грузись! Жалко, конечно, новая... Но не первая и не последняя.

— Ага...

У всех троих одновременно пикинули телефоны, значит, в наш общий чат что-то сбросили.

Илюха открыл первым.

— Гошан активировался. Завтра в ноль ноль на нашем месте.

У нас тоже самое.

— Я не могу, я утром во Владик улетаю с концертом, — отказывается Гас.

— Алекс?

— Я подумаю, — швыряю телефон на стол.

— Что думать? И Сэл по-любому там твоя будет, — кивает на экран, где я поставил на паузу её задницу во всей красе. — Эта отбитая самая первая на круг пойдёт. Куда родители смотрят? Таковую дома на привязи надо держать и выпускать погулять только на поводке и с намордником.

— Илюха, прекращай! — наезжаю я, гневно сводя брови.

Сколько можно её грязью поливать?!

Да, она не подарок. Дерзкая и резкая. Но она девушка. Чертовски красивая и до охренения умная девушка. Сколько у неё там ай-кью? Сто шестьдесят? Эти мозги в нужное русло и цены бы ей не было. Но она, да, хренью всякой страдает. Не всегда... Есть порой логика в её поступках и результат отличный, только сразу этого не поймёшь.

— Зажми её уже где-нибудь в углу и потискай как следует. Девчонки только с первого взгляда все такие недотроги, а приласкаешь хорошо, и текут ручейком, — советует Ник.

Если бы... Не все выходит...

— Она глаза выцарапает.

— Слушай, а ты не думал, что она только с тобой такая? С другими же нормально общается. С Решетняком так вообще дружба — не разлей вода. Или не дружба... — издевательски улыбается и отводит глаза в сторону Илья.

— Дружба, — уверенно.

У Антона девок не меньше чем у Ника. Оба членистоногие. Но Сэл он не трогает.

— Окей... Находят же они как-то общий язык. Работают вместе. Он за неё глотку любому перегрызёт, если обидит кто. Хотя она и сама кого хочешь, обидит. Дважды от суда увернуться...

— Папа помог. Что он любимую дочурку от тюрьмы не отмажет, — потянулся Ник до кнопки, чтобы снять видео с паузы, но получил по руке.

— Ээ! — быкует.

— Не лезь!

— Жмотяра! — наигранно прижимает руку к себе и изображает обиженного, надувая губы. — Меня эта задница во весь экран в напряге держит, — кивает на свой пах.

Выключаю телевизор.

— Вот так лучше. А то... Стояк бы прорвало и всё...

— Гас!

— А что я могу поделывать, у меня какой-то нездоровый голод до женского пола.

— Сходи, потрахайся с кем-нибудь, отпустит, — напрягает меня.

Я дико ревную. Не моя, а всё равно ревную.

— Не помогает...

— К врачу обратись, — встаю с кресла. — Поехали куда-нибудь пожрём, я сегодня только кофе утром выпил.

* * *

Старый аэродром в Подмосковье. Здесь несколько раз в сезон, пока погода позволяет, устраиваются гонки спорткаров.

Публика — только «золотые». Посторонние без специального приглашения не проникнут. Я сам получил такое только весной и то по протекции Решетняка. Он мне, Илюхе и Нику браслетики подарил после концерта американского рэпера, где мы с ним отрывались, а потом на автопати упились в хламину. Антон оказалось знаком с этим исполнителем, и подтянул с собой нас. Утром проснулись с кучей тёлочек в отеле, ничего не помнили и как в кино по кусочкам вспоминали, что вытворяли ночью. Уржались до боли в животе.

Сельванна тогда после звонка Антона приехала нас забирать в гостиницу. Брезгливо поморщила носик, глядя на всех и что мы устроили в номере, рывкнула, чтобы все присутствующие, у которых отсутствует член, исчезли в течение минуты, иначе вызовет полицию и сдаст как женщин с низкой социальной ответственностью. Через полминуты никого уже не было.

Помню, как смотрел с восхищением влюблёнными глазами на неё, пока она отчитывала пьяного Решетняка. Подзатыльник ему отвесила, а он только смеялся и просил не орать как иерихонская труба, потому что у него голова болит.

— Штаны надень, — швырнула мне в лицо мои рваные джинсы.

Я тогда так растерялся, когда её увидел в номере, что и забыл совсем, что в одних трусах сижу.

Довезла нас до центра, высадила у какого-то бара, где мы решили похмелиться, а сама уехала на занятия в институт.

Оставляю свою тачку не на площадке, а у забора, как все, кто не участвует в гонках. На линию могут въехать только участники. Прячу браслет под резинку бомбера, чтобы не потерять.

Илюха матерится, выключая телефон.

— Что там у тебя?

— Мать звонила, сеструху опять из какого-то притона забирали.

— Сдайте вы её уже в частную клинику на лечение, и подальше от дома, чтобы некому было дурь привозить.

Лане всего восемнадцать, а она уже со стажем.

— Я предлагал, но мать надеется, что она сама завяжет. Наивная...

— Не завяжет. Двинет кони от передоза однажды, вот тогда будет плакать. Возьми всё в свои руки. Ты мужик или кто? Бати нет, он бы её давно в рехаб запихал.

— Ты прав...

Ещё бы! Такая девочка милая была, а связалась по малолетке с каким-то ублюдком, который её на наркоту посадил. И всё. От милой девочки ничего не осталось. Даже смотреть страшно.

Впереди музыка, долбящая из колонок в джипе Гошана, и весёлая пёстрая толпа. Всматриваюсь в лица. Сельванны нет. Да и тачки её тоже. Белый прокачанный бумер всегда видно.

Время ещё есть.

Гоша принимает ставки.

— А фаворит нынче не участвует? — подхожу к нему.

— Фаворит задерживается. Будет через пять минут, — поднимает на меня глаза.

— Тогда всё на неё, — достаю пачку баксов и протягиваю ему.

— Не советую, — подзывает пальцем поближе к себе. — Она сегодня побеждать, не намерена.

— Почему?

— Без понятия. Что-то там про личную жизнь говорила. Что рушится...

— Ясно.

Нихера не ясно! Какая личная жизнь? Почему я ничего не знаю?

— Тогда кто против неё?

— Мага.

Вот радости у чувака будет от подставной победы.

— На него, — протягиваю деньги и замираю от орущего звука двигателя влетающего на площадку белого БМВ.

Королева танцпола приехала немного пошалить.

Выходит из машины. Длинные волосы собраны в высокий хвост. На ней короткая облегающая спортивная кожаная курточка и свободное трико, сидящее на бёдрах. Ощущение, что оно вот-вот свалится и оголит её красивые ножки и аппетитную попку. Бриллиантовая капелька на пупке сверкает в свете фар машин.

Я сглатываю вставший в горле ком.

Даже в такой обычной одежде выглядит супер красавицей. Породу из человека ничем не вытравишь.

Она осматривается по сторонам, выискивая в толпе кого-то, а потом идёт к парню, стоящему в сторонке.

— Это кто? — подтягиваю к себе за капюшон Илюху, который болтает с девчонками, и киваю в сторону Сэл.

— Без понятия, — приглядывается.

— Знаешь его? — спрашиваю у Гошана.

— Нет. Но у него браслет.

Сэл с этим чуваком идёт куда-то в сторону общей стоянки, и оттуда возвращаются с белокурой девушкой среднего роста. Она зажата. Обнимает себя за плечи и всё время озирается.

Сельванна оставляет парочку у своей машины, они о чём-то спорят. Парень явно недоволен.

— Ты подготовился? — подходит Сэл к Гоше.

— Да... Но мне не нравится, что дело керосином пахнет.

— Я постараюсь аккуратно, — улыбается ему.

— Что ты задумала? — перехватываю её за руку на пути назад.

— А тебе какое дело? — злится.

— Я за тебя волнуюсь.

— А ты не волнуйся, — поправляет мне куртку. — Всё нормально будет. Надеюсь...

И чмокает меня в кончик носа.

Охренеть... Мы же даже не целовались ни разу, я пытался, но она дерётся. А тут...

— Сэл! — окликаваю её, когда она удаляется от меня.

Поворачивается, умопомрачительно улыбается мне и машет пальчиками.

Что ты ещё придумала, ненормальная?

Глава 8

— Даю вам шанс поговорить «до», — опираюсь спиной о капот своей БМВ, скрещивая руки на груди, и обращаюсь к семейству Савиных.

Софья надувает губы и показательно отворачивается от мужа.

Дура душой...

— Ну не хотите, как хотите, — опускаю руки. — Садись в тачку, — приказываю ей.

— В смысле в тачку? — начинает волноваться Даня. — Ты же не с ней вместе собираешься?

— Собираюсь.

— Соня, ты не сядешь в машину! — не на шутку испугался.

— Тебя забыла спросить, — поднимает она горделиво нос кверху и демонстративно садится на пассажирское сиденье.

— Не волнуйся, через десять минут она будет клясться тебе в любви, — хлопаю его по плечу.

Скоро она вообще забудет всё, что было до этого момента.

Сажусь в машину и подгоняю её к старту.

— Пристегнись. Это тебе не по городу в люксовом автомобиле от магазина к магазину кататься.

Она пристёгивается, с испугом косясь на меня.

— Не передумала? Ещё есть минута.

Отрицательно часто машет головой.

Ну и зря.

Жму на аудиоплеер на бортовом компьютере, выбирая нужный плейлист. Выбираю трек.

Перед машинами выходит девушка в коротких шортиках с флажками в руках. Мы начинаем газовать на месте.

— Реквием по мечте?!- округляет глаза Софья. — Прикалываешься? Кто под такое гоняет?

— Я. Правильный настрой даёт. Предупреждаю сразу — выполняй всё, что я скажу, и ничего страшного не случится.

— Не поняла?!

— Тебе и не надо. Молча сиди и слушайся.

Девушка взмахивает флажками, и мы срываемся с места.

Соня влипает в кресла от скорости и давления. Краем глаза вижу, что закрывает то глаза, то уши ладонями. Закладывает, да, от перегрузки. Блевать ещё потом будешь, вестибулярка не выдержит.

Играю с Магой немного, чтобы не подумал, что я поддаюсь. Обгоняю на первом круге, на втором чуть-чуть сбавляю газ, и он обгоняет меня буквально на пару метров.

Сейчас начнётся. В голове рассчитываю угол, под которым безопаснее всего будет завалить машину.

— Сгруппируйся! — кричу Соне, чтобы услышала.

— Зачем? — смотрит мутными глазами.

— Не спорь. Подожди голову к коленям, — начинаю кренить машину на бок.

Я знаю, как перевернуть тачку, в школе киношников я ходила на каскадёрские курсы, и мы делали такой трюк.

Кузов машины дополнительно укреплен рамой, пострадаем по минимуму, отделавшись ушибами. Но вот страху она натерпится столько, что какая-то там «измена» покажется мелочью при возможности потерять жизнь.

Колёса ловят бортик по краю полосы, и авто начинает переворачиваться.

Сжимаюсь так, чтобы не покалечиться, но всё равно ударяюсь головой об руль. В глазах вспышка света и боль.

Fuck!

Машина, перевернувшись в воздухе, встала на крышу.

Ремонтировать теперь... Дорого мне обходится чья-то любовь-морковь.

— Сонь? — протягиваю руку и тормозу.

В отключке. Повреждений не видно, скорее всего, от шока. У самой голова ломит после удара.

Дверь с её стороны открывается, и Даня хватается жену за лицо.

— Сонечка, маленькая моя! — хлопает слегка по щекам.

Савина мычит и очухивается. Он вытаскивает её из машины.

С моей стороны тоже открывается дверь. Сосредотачиваю расфокусированный взгляд на спасителе.

Гроу.

— Сэл! — трясёт меня за плечо.

— Я нормально... — хриплю в ответ.

Пытаюсь отстегнуть ремень, но замок заело.

— Алекс, я застряла.

— Я сейчас, — исчезает куда-то.

Возвращается с ножом и перерезает ремень. Вытягивает меня из салона и усаживает рядом на асфальт.

— Где болит? — осматривает всю, касается пальцем лба.

— Фсс...

— У тебя рассечение. В больницу надо.

— Обычная царапина... — убираю его руки от себя.

Нельзя чтобы он ко мне прикасался, кровь на нём, даже моя, может всё кардинально перевернуть с ног на голову.

— Всё равно надо в больницу. Сколько случаев, когда нормально себя чувствуют, а потом погибают от внутреннего кровотечения. И не спорь, — подхватывает меня на руки.

— Отпусти! — дёргаюсь.

— Сэл, ты не дюймовочка, так что не трепыхайся, а то уроню.

— Тачку жалко, рихтовать теперь, — успокаиваюсь и смотрю назад на свою бэшечку.

— А людей тебе не жалко? Ты же девчонку чуть не угробила.

— У меня всё схвачено было. Ничего бы с ней не случилось.

— Она без сознания.

— Это от впечатлений, — хихикаю.

— Дрянь ты, Сэл. Ебанутая на всю голову сучка.

— В-о-т... Такие комплименты как бальзам за душу, — обнимаю его за шею.

Хорошо, похоже, я башкой об руль приложилась. Даже не хочется Гроу навешать люлей.

Таким милым и заботливым кажется. Да и сил нет сопротивляться. Я устала...

Он хмыкает и с улыбкой слегка покачивает головой. Как не крути, но притягательный сучонок. Мамка с папкой постарались. Светлый шатен с красивыми голубыми глазами. Высокий, спортивный. Ухоженный...

И если бы я не ненавидела ему подобных, то может у нас бы что-нибудь и получилось. Но не судьба...

— Замерзла? — усаживает меня в свою машину.

Не дожидаясь ответа, снимает куртку и накидывает мне на плечи. Тело сразу окутывает теплом и приятным мужским запахом. Так от папы пахнет, у них одинаковый парфюм.

— Я в больницу её отвезу, — говорит подошедшему другу.

Илья. Пересекались несколько раз в клубах.

— Окей. Я с Самойловым доберусь.

— Давай. До завтра, — жмут руки.

— А ну стой! — подходит к машине Даня, прежде чем Алекс успевает закрыть мою дверь.

— Давайте потом, — останавливает его.

— Нет, давай сейчас! Она мне чуть жену не убила!

— Ну не убила же, — произношу совершенно равнодушно, прижимая гудящую голову к спинке сиденья. — И ты сам разрешил...

— На такое я не давал разрешение! — бесится от моего спокойствия. — У неё истерика.

— Вот завтра, когда успокоится, позвонишь и поблагодаришь меня. У неё там вся жизнь за секунду перед глазами пролетела. Теперь перезагрузка. Желаю вам счастья... Поехали, Алекс, — захлопываю дверь.

Парни с охреневшими лицами остаются снаружи.

Гроу садится за руль, долго и пристально смотрит на меня.

— Что?

— Ты не просто дрянь. Твоя мать права — ты монстр. Тебе к экзорцисту надо.

Натягиваю дикую улыбку нездорового человека.

Он теряется, глубоко втягивает воздух полной грудью и заводит машину. Тихо матерится. Руки заметно подрагивают.

Не пугай парня. На сегодня парочки Савиных вполне предостаточно.

Говорю куда ему ехать. У Гоши какой-то договор с частной клиникой, в которой поправляют здоровье тем, кто слетел с линии. В обычной ментов сразу вызовут, а здесь всё шито-крыто. Никто не узнает.

— Одолжишь мне денег? — зачем-то спрашиваю у него.

— Для чего? — удивляется.

— Девочку подлечить надо. Мать счёт заблокировала. У отца просить уже в лом. И так наплюю... Бабуля не даст. Зарплата не скоро. После выходных отдам, у нас выступление в дубайском клубе в субботу. Я знаю, что ты выиграл. Видела твою ставку на Магу у Гоши в планшете.

— Я выигрыш не забрал.

— Гошан на карту скинет, у него всё по-честному. Так займёшь или жалко?

Теперь понимаю, зачем именно у него спрашиваю. Это проверка на щедрость и отзывчивость. Способен ли он помочь любимой девушке в сложной ситуации или бросит разгребать свои проблемы самостоятельно. Иногда мой мозг работает на опережение и

задаёт задачи, в которые я и сама не сразу врубаюсь.

— Одолжу, — даже бровью не повёл.

— Спасибо... И прибавь газу, что-то мне плохеет, — хватаюсь за живот, изображая боль.

Его губы вздрагивают, а глаза наливаются страхом. Притапливает педаль.

А то едет как черепаха.

Влетаю в ворота клиники и торможу у подъезда к входу. На пороге курят два охранника и какой-то врач.

— Доктора быстро! — ору им как ненормальный.

Мужчина в медицинском костюме выкидывает в урну сигарету и подходит ко мне, сказав перед этим парням, чтобы везли каталку.

— Что случилось? — присаживается на корточки перед Сэл.

— Девушка в аварию попала, говорит, живот сильно болит.

— Тут больно? — надавливает ей чуть выше пупка пальцами.

— Ммм...

— А тут? — справа.

— Ай!

Это «ай» опускает моё сердце в пятки. Внутри всё трепещется от ужаса, сковывает холодом спину.

А у доктора глаза весёлые или мне кажется. Переглядываются с Сэл.

Санитары подвозят каталку, её укладывают.

— Вы, молодой человек, в коридоре подождите, — останавливает меня доктор. — Мы осмотрим, сделаем УЗИ и всё вам скажем.

Пока жду, набираю Антона и всё ему рассказываю. Обещает приехать минут через двадцать.

Может родителям её сообщить?

Они же наверняка дома волнуются. Третий час ночи уже, а дочь где-то гуляет.

Но у меня их номера нет, поднимать Николаича, своего продюсера, среди ночи, чтобы узнать контакты не сильно хочется. Он её крёстный.

Нет! Сердце у него последнее время шалит...

Ладно! Приедет Антон, дождемся, что скажут врачи, а потом звонить уже будем.

Сэл, давай только без жесткача! Я ещё одной потери не выдержу. Благодаря тебе я снова жить начал, вкус к жизни почувствовал, понял, что ещё раз могу влюбиться по-настоящему.

У меня чуть крыша не поехала, когда я увидел её машину, переворачивающуюся в воздухе. Я такого страха с тех самых пор не испытывал. Рванул с места сразу следом за тем парнем на помощь.

Скрециваю пальцы и молюсь, чтобы всё хорошо было.

Приезжает Антоха. И теперь мы вдвоём сходим с ума в коридоре.

— Почему ты её сразу не остановил, когда она эту тупую идею придумала? — наезжаю на него, вышагивая в коридорчике от стенки до стенки.

— Я от тебя это в первый раз слышу. Она мне не докладывала. Знал только, что были какие-то траблы с этой семейкой. Но в подробности не вдавался. Не до этого как-то было последнее время... Дома пиздец творится, — откидывает голову назад и слегка постукивает затылком по стенке. — Телефон разбил... Вечером только новый купил, ещё ничего не установил на него, поэтому и сообщение не получал о гонках сегодня. Там всё херово?

— Внешне нормально... Но может быть внутреннее кровотечение... Хуй знает, Антон! Я не врач! — нервно выкручиваю руки.

На телефон приходит сообщение от Гошана, спрашивает, куда деньги кинуть.

"Карта привязана к номеру", — отвечаю.

Через минуту на счёт падает кругленькая сумма.

— Вы в пятницу в Дубай летите? — прячу мобилу в карман.

— Ну...

— Я с вами. Жопой чувствую, что эта косячница ещё там влетит в какую-нибудь историю.

— Это если у неё всё хорошо...

— Сплюнь! — прикрикиваю я.

— Смотри! — кивает Антоха в сторону двери в отделение, в которое увезли Сельванну.

Она идёт медленно к нам, опустив руки. Моя куртка ей велика, рукава свисают ниже колен. На лбу ярко-голубой с сердечками пластырь.

— Красивенько, да? — трогает его, подходя к нам.

Взгляд отрешённый и глупая улыбка на лице.

— Мы ей обезболивающее укололи, — выходит следом врач и объясняет её странное поведение. — Никаких повреждений нет, пара ушибов. Попить вот эти таблетки три дня утром и вечером, — протягивает бумажку с названием лекарства и теряет, кому из нас двоих отдать.

— Я куплю, — вырываю её из его рук.

Мы выводим Сельванну под руки на улицу.

— Что за приколы, а? Думаешь это смешно? — срываюсь на неё, с желанием хорошенько отвесить по заднице. Тоха придерживает меня. — Я же чуть крышей не поехал, когда ты сказала, что у тебя живот болит.

— Видел бы ты свою рожу, — смеётся. — Купился как маленький.

— Поехали домой! — дёргает её за руку Решетняк.

— Я с тобой не поеду. Ты орать будешь, — убирает от себя его руки и отходит ко мне. — Я с ним поеду, он уже выговорился. И рецепт у него. Дяденька сказал таблетки обязательно принимать.

— Да пошла ты! — гневно произносит Антон, садится в свою машину и рвёт с места.

— Залупился Бандерас... — смотрит в след уезжающему другу.

— Садись в машину, — прорычал тихо.

По дороге заезжаю в круглосуточную аптеку и покупаю лекарство.

Селиванова сидит, смотрит в окно и лениво моргает, не отрываясь от яркой вывески.

— Moscow never sleeps... — напевает, дышит на стекло и рисует пальцем фак. — Поехали куда-нибудь тусанём?

— Нет. Домой отвезу, чтоб отоспалась, как следует.

— Упускаешь шанс войти в ближний круг.

— Ты меня всё равно в него непустишь. Рылом не вышел, да?

— Нормальное у тебя рыло, — поправляет волосы. — Просто меня секс мало интересует. А ты этого хочешь.

Хочу. Это логично хотеть девушку, которую любишь. Но сказать ей об этом — равно пробудить спящего демона. Так что промолчу.

— Я просто боюсь... Мужчин боюсь... А ещё больше разочаровать боюсь... — неожиданно откровенничает. — Вдруг я бревно в постели.

— Не попробуешь, не узнаешь...

— Я пробовала. И ему понравилось, но...

— Что «но»? — ревность начинает туманить мозг, я сжимаю с силой руль.

— Там другое... Не совсем правильно было... Зря я завела этот разговор, — видит мою реакцию. — Забудь! У всех есть прошлое и скелеты в шкафу. Уверена, что у тебя тоже.

Мы подъезжаем к особняку Селивановых, охрана запускает в периметр. Оставляю тачку у огромного мраморного порога и помогаю Сэл зайти в дом.

— До спальни проводить? — спрашиваю без задней мысли.

— А ты туда так и рвёшься? Сама как-нибудь справлюсь, — снимает с себя мой бомбер и отдаёт мне.

— Явилась, не запылилась! — неожиданно громко произносит появившаяся в дверях женщина.

Это мама Сэл. Я видел её пару раз у Николаича на приёмах, но никогда бы не подумал, что они родственницы, совсем не похожи. Сельванна в отца пошла.

— Мам, не начинай, — тянет слова, показывая, что её такие разговоры достали.

— Машина где? И с головой что?

— Машина тю-тю, головка бо-бо, — опирается на моё плечо и снимает кроссовки, швыряет их куда-то в угол.

— Кто бы сомневался. А вы кто? — переводит мать взгляд на меня.

— Я... Меня Алекс зовут.

Вглядывается в моё лицо.

— Вы подопечный Владимира Николаевича.

— Да.

— Что она на этот раз натворила? Чего нам завтра в новостях ждать?

— Не думаю, что это будет в новостях.

— Проводи меня до спальни, — Сэл поворачивает к себе пальцем моё лицо, дёргает бровью.

— Ты совсем охамела?!- взрывается мать.

— Не ори, — шипит. — Отца разбудишь. И что тебе по ночам не спится... — берёт меня за руку и тянет за собой.

Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж, идём по слабо освещённому коридору мимо нескольких комнат. Сельванна толкает ногой одну из дверей, щёлкает выключателем. Комната погружается в мягкий свет.

— Решила мать побесить? — наблюдаю, как она стягивает резинку с волос.

Они волнами рассыпаются по плечам, накрывая её полностью.

Великолепное зрелище.

— Достала нравочениями.

— Она мама и беспокоится о тебе.

— За репутацию она свою беспокоится и место тёплое в МИДе. На меня ей абсолютно наплевать. Она меня почти не воспитывала, после рождения отдала дедушке с бабушкой, а сама диплом получала да по стажировкам за границей ездила. Стаську, кстати, при себе держала.

— Обидно?

— Да похрен! — падает на огромную кровать.

— А мне кажется, что обидно, — беру в руки сценическую маску, лежащую на зеркале, и рассматриваю. — Я просто знаю, что это такое. Отцу тоже на меня глубоко насрать. У него только дочери хорошие. Мама ему в рот смотрит и слушается, как верная собачка. Когда

я заявил, что не хочу вливаться в семейный бизнес, а займусь музыкой, он меня из дома выгнал. Я несколько месяцев у друзей жил, потом только смог себе комнату снять у чёрта на рогах.

— Иди сюда, — отодвинулась на кровати и похлопала рукой по подушке.

— Не стоит...

Для меня приглашение в кровать — приглашение к сексу.

— Пожалую тебя...

Подумав несколько секунд, ложусь рядом.

Она подтягивается к спинке кровати так, что моя голова теперь на уровне её бёдер.

— Голову сюда, — хлопает по ним.

— Уверена?

— Угу.

Я кладу голову на неё. Меня окутывает сладким запахом её парфюма и женского тела.

Она такая вкусная, что голова кружится.

Сельванна запускает пальцы в мои волосы и начинает мурлыкать что-то нечленораздельное. Пальчики игриво царапают мои пряди и кожу головы. Я млею. Мурашки волной устремляются от головы к пальцам ног и обратно. Судорожно цепляюсь за покрывало, сжимая его до треска. Кровь бьёт в пах, заставляя член встать.

Она начинает петь чуть-чуть громче, всего на полтона, но я уже лучше улавливаю её голос. Он обволакивает, проникает куда-то глубоко в голову и глаза непроизвольно закрываются. Тело становится ватным и неподвижным. Даже пальцем шевельнуть не могу.

Я вижу какие-то круги, которые скручиваются в странные фигуры. Голос всё тише и тише.

Что со мной?..

Просьпаюсь и не сразу понимаю — где я. Чужая спальня, огромная кровать и я в полном одиночестве на ней. Сквозь задёрнутые шторы пробиваются лучи солнца.

Сажусь и протираю лицо руками, разгоняя сон. Взгляд падает на наручные часы. Половина восьмого.

Я же у Сэл в комнате... А она где?

Встаю, открываю первую дверь. Это гардероб. В глаза бросается вешалка с платьями в перьях и блёстках. Ах, да... Она же балными танцами ещё занимается.

Вторая дверь в ванную и туалет. Там тоже никого. Пользуюсь моментом. Зубная щётка только одна, поэтому чищу зубы пальцем.

Выйдя из ванной, упираюсь взглядом в огромный стеллаж почти на всю стену, где на полках сидят разные куклы.

Не знал, что ты тоже коллекционируешь что-то, особенно такое. Подхожу ближе и рассматриваю внимательно. А в душе ты девочка, а не лесоруб с топором. Надеюсь, меня не убьют, если я одну в руки возьму. Беру ту, что сидит в самом центре, очень уж она на хозяйку похожа.

Кажется, я знаю, что тебе подарить.

Возвращаю куклу на место.

Выйдя из комнаты, попадаю в большой и светлый коридор. Одна из дверей приоткрыта и за ней разговаривают двое.

— Саша, как ты не понимаешь?! Она уже дошла до того, что парня домой притащила. Мы что теперь должны с закрытыми глазами смотреть на её разгульный образ жизни? А если она завтра двоих приведёт?!

— Не преувеличивай, Оля.

Это родители Сэл.

— Может быть, они встречаются, — встаёт на сторону дочери отец.

Если бы...

Он подходит к большому зеркалу и поправляет галстук.

— Это сын Громова.

— А вот это плохо, — недовольно морщится отец.

Причём здесь мой батя?

— Подслушиваешь? — говорит кто-то рядом.

Смотрю вниз, там, прижавшись к стене, стоит белокурая милая девочка подросток.

— Ты кто?

— Настя.

Какая ещё Настя?

— Стася? — вспоминаю другое имя, которое называла Сэл.

— Ага. Так только Анька зовёт. Из-за тебя такой шум?

Анька... А это кто?

— Наверное... Анька — это...?

— Ты её Сельванной называешь, — закатывает глаза. — Только такое имя у неё за периметром дома.

То есть Сельванна — ненастоящее имя? О, как! Ты обычная Аня, оказывается.

— Где сестра, кстати?

— Внизу в спортзале с Кириллом пресс качает, — достаёт из кармана телефона и снимает меня.

— Удали! Я не разрешал себя фотографировать, — включаюсь на автомате в штывки.

— Нет! Никто не поверит, что ты у меня дома был, — залезает в какую-то прогу, чтобы обработать фото.

— Дай сюда! — шиплю на неё тихо, пытаюсь отобрать телефон.

— Мам! — повышает голос, прячет гаджет за спину. — А тут...

Зажимаю ей рот рукой.

— В школу собирайся, — доносится из комнаты. — Скоро машина подъедет.

— Не ори. Ладно! Оставь себе.

Она снова достаёт телефон и продолжает обработку фото.

— Кто такой Кирилл? — шёпотом.

Во мне снова начинает просыпаться ревность.

— Тренер мамин. Он рано утром приезжает. Но у неё сегодня мигрень, поэтому с ним Анька занимается. А вы встречаетесь?

— Возможно...

— Ага, сЧас! — выходит из-за угла Сэл. — Кто-то, смотрю, в себя слишком поверил после сегодняшней ночи?! Не дождёшься. Это у меня от удара головой доброта проснулась, и я тебе не наваяла по шее. Но я уже в порядке и в форме.

— Я заметил, — скольжу по ней взглядом.

Спортивный обтягивающий топ и такие же лосины. Босые ноги. Волосы заплетены в обычную косу.

Всё тело покрыто испариной, с шейки стекает капелька пота прямо в манящую ложбинку между грудью. Непроизвольно облизываю губы, проследив за ней и борясь с желанием пройтись по этой дорожке языком. Кровь тяжело ударяет в голову. И не только её...

— Гроу, не борзей! Тут ребёнок, — недовольно прищуривается. — А ты в школу собирайся, если позавтракала уже, — наезжает на сестру. — Со мной пошли, — хватает меня за грудки и тянет за собой к себе в комнату.

Да я за тобой хоть на край света...

— Я не ребёнок, — обиженно бухтит сзади Стася.

Сэл заводит меня в комнату и толкает в сторону кровати. Я падаю на неё спиной.

— Ого! Как страстно.

— Не надейся! — показывает фак. — Таблетки где, которые ты вчера купил?

— Там, в кармане, — показываю на куртку, которую я забыл.

Она достаёт упаковку, проглатывает одну.

— Я в душ, а ты сиди тут и не шастай по дому без меня. Не заставляй моих родителей нервничать. А то отец сорвётся и звездюлей навешает.

— С тобой можно? — игриво хлопаю ресницами.

— Только после полной ампутации причиндалов.

Она уходит, а я закрываю глаза и уплываю в дикую фантазию. Сэл за этой стенкой абсолютно голая. Капли воды стекают по её телу. Руки гладят и сжимают красивую высокую грудь. Ладонь скользит вниз по охуительным изгибам тела до лобка. Ниже. Гладит себя в чувственном месте. Томно постанывает.

Апп! Кровь бьёт в пах, и я сжимаюсь от болезненного стояка. Зажимаю член рукой, чтобы не взорваться.

Переворачиваюсь на живот и интенсивно вбиваюсь бёдрами в матрас.

— Ты что делаешь? — хрипловатый голос за моей спиной.

Приподнимаюсь на локтях, смотрю на растерянное лицо Сэл, и меня разбирает смех.

— Извращуга, оставь в покое мой матрас. Он не виноват, — берёт баночку с кремом, садится в кресло и начинает намазывать его на красивые стройные ножки.

Я слежу за каждым её движением и исхожу на слюни. Хочу быть этим кремом. А лучше вжаться губами между ножек и пройти языком по горячим складочкам. Чтобы глазки закатывала от удовольствия, а с губ стон срывался. Хочу пальцами внутрь, узнать какая она жаркая и мокрая.

Хочу... Хочу!

— Кис, я тебя хочу... — вырывается у меня.

Скептически фыркает.

— Сочувствую. Я тебя нет, — равнодушно с холодом.

— Что со мной не так, а?

— Всё с тобой так... Это со мной что-то не так. Я тебе уже говорила ночью, — взяла другой крем и начала натирать руки.

— Тот бриташка с тобой что-то сделал, да, и ты теперь на всех обозлилась?

— Ничего он мне не сделал. Наоборот, помог... Давай, не будем вспоминать! — встаёт у зеркала.

Рывком за подол халата притягиваю Сэл к себе, и она падает на мои колени. Ладонь упирается в мой член, и он тут же снова становится каменным. У меня вырывается стон от болезненного спазма.

— Гроу, ты... — широко распахивает и так огромные глаза.

— Люблю тебя, — впиваюсь поцелуем в её губы.

Пусть я получу сейчас по лицу, яйцам или вообще она меня выключит, но я хочу почувствовать вкус её губ. Они мне во снах снятся, и я должен узнать разницу между настоящим и нафантазированным.

Наш поцелуй пьянит, рассудок замолкает. Только совсем маленькая его часть на контроле и ждёт от этой девочки чего-то агрессивного.

И я получаю. Удар в печень.

Воздуха становится мало, и я задыхаюсь.

— Ну, нахрена? — скручиваюсь от боли.

— Я просила тебя не трогать! — спрыгивает с моих колен. — У тебя бессмертие есть?

— Неа, — кручу головой, пытаюсь вдохнуть.

— Вот и не рискуй, — снимает полотенце с волос и хлётко прижигает мне в плечо. — Что с деньгами? — напоминает.

— Я же обещал... — начинает отпускать.

— Вот и отлично. Сейчас волосы высушу, оденусь, и пойдём завтракать, — подходит к окну, открывает шторы и смотрит вниз.

— С твоими родителями? Ну нах! Слышал я, в каком они «диком восторге» от меня. А ещё не понял, причём здесь мой отец...

— Папа уехал, — вглядывается куда-то. — Мать изображает жутко больную. А твой отец... Тендер твой отец у моего увёл, вот предок и злится.

Это всё объясняет. Только где я, а где мой отец. Я к его строительному бизнесу никакого отношения не имею. Мне даже активов не дали.

Из ванной слышится гул фена. Сколько волосы такой длины сушат? Не пять минут точно. А шампуня на них сколько надо? В ванной заставлена целая полка. Но красиво, сука, до одурения. И сексуально. Взять бы её за эти волосы, намотать на кулак и притянуть к себе, чтобы вырваться не могла. И трахать, пока не начнёт терять сознание от усталости. Опять уплываю в мечты.

— Снова фантазируешь? — проходит мимо в гардеробную.

— А что мне остаётся? — открываю глаза.

— Правильно. Ничего... Но я не хочу, чтобы ты лапал меня руками в своем грязном воображении.

— Ага, сЧас, — с ухмылочкой повторяю её тон. — Бегу, волосы назад.

— Нечему у тебя назад, — смеётся, выглядывая из комнатки.

Игриво проводит рукой под своими волосами, и они каскадом рассыпаются вниз.

Падаю головой на кровать и вбиваюсь затылком.

Уйди! Уйди из моей головы!

Не получается...

Семейство за завтраком. Отец зависает в планшете, что-то там читая. Мать в упор смотрит с оскалом на меня. Через три часа самолёт в Эмираты, а ей мои танцы в клубах как серпом по одному месту.

Разморозь счёт и может, я ещё подумаю — лететь или нет. Но она своё категоричное «нет» уже сказала.

— Анна Александровна, — подходит один из охранников. — Вам доставка.

— Неси сюда, — пожимаю плечами. — В чём проблема?

— Это в дом не занесёшь. Подарок перед домом.

Встаю и смотрю в окно.

Да ладно?! Подпрыгиваю от восторга и несусь на улицу.

У порога, сверкая хромированными деталями, стоит новенький белый Ямаха.

— Охренеть! — обхожу вокруг.

На руле красный подарочный бант и открытка.

" Спасибо! Д. С."

Больше ничего. Но я и так знаю, кто ты Д. С. Сдержал обещание.

Запрыгиваю на байк, завожу и жму на гашетку. Мотор приятно по-звериному рычит.

— Красавец, — глушу и поглаживаю по хронометрам.

— И от кого такой дорогой подарок? — спускается с лестницы мама.

— А какая тебе разница?

— Такие подарки просто так не дарят, — раздражённо скрещивает руки на груди.

— Значит, не просто так, — смотрю на неё с вызовом исподлобья.

Она всегда сжимается от этого взгляда. Вот и сейчас.

Давай, прочти очередную лекцию про то, что я шлюшка малолетняя. За ночёвку Гроу ты не скупились на эпитеты.

— Иногда мне кажется, что тебя в роддоме подменили. Не могла я родить такое исчадие ада... Нам словно в кино Омен Антихриста подсунули.

— Тогда осторожнее. Помнишь, чем там всё закончилось? — угрожающе посмеиваясь, прохожу мимо неё. — Откатите байк в гараж, — обращаюсь к охраннику, стоящему на пороге.

— Хорошо, Анна Александровна.

«Подарок получен, и он шикарен. Благодарю!»- отправляю сообщение Дане.

В ответ присылает фото своей руки на голой попе жены.

Помирились... Ну и хрен с вами!

Забираю из своей комнаты чемодан и собираюсь ехать в аэропорт.

— Не влети в очередные приключения, — напутствует мать.

— Твоими молитвами... Ты же молишься за меня, мам? — ловлю её злой взгляд.

— Конечно, доченька, — подходит отец и целует в висок. — Мы же тебя любим.

Все ли любите? — пилю мать взглядом. Отворачивается и трясущимися руками поправляет волосы.

— Денис отвезёт тебя в аэропорт, — обнимая за плечи, ведёт к выходу отец.

На улице у своей машины достаёт из бумажника карточку и протягивает мне.

— Отдохни хорошенько.

— Хорошо, — подумав, забираю.

— До понедельника, — ещё раз целует и садится в машину.

Держись Дубай Молл!

* * *

Эмираты встречают невероятной жарой. На солнце находиться невыносимо. Арендуем в аэропорту небольшой комфортный автобус с климат-контролем.

— Ребят, тут даже холодильник водичкой затарен под завязку, — открывает Русик, наш танцор, встроенный ящик за водительским креслом.

Разбираем по бутылке.

— Оо, холодненькая, — прикладываю к закипевшей голове.

— Мне дайте, — протягивает руку с водительского места Антон.

Кто-то кидает ему бутылку.

— Ребят, сейчас в отель, по номерам, а вечером, когда жара спадёт, можно погулять выйти, — даёт разнарядку. — На поющие фонтаны посмотреть или другая программа...

— Можно подумать мы фонтанов не видели, — гудят ребята.

Лично я планирую по магазинам прошвырнуться и потратить папины денежки.

Отель не пять звёзд, но вполне неплохой. Селимся парами и даже у каждого своя комната.

— Сэл, а у вас с Антоном правда ничего нет? — интересуется Лика, распаковывая вещи.

Она новенькая, всего месяц у нас.

— Нет. С какой целью интересуешься? — стою у окна и смотрю на пляж.

Пустынно. Конечно, в такое пекло что там делать.

— Да так...

— Если «да так», то не советую к нему подкатывать. Он тупых одноразовых блондинок любит. А ты не блондинка и вроде как — не тупая, — поворачиваюсь к ней. — Использует и выкинет. Из группы тоже.

Растерянно бегаю глазками.

— И не до амуров ему сейчас. У него родители на грани развода. Адвокаты, делёжка имущества... Жопа, короче. Брату по барабану, у него бизнес на туманном альбионе, на проблемы родителей класть хотел, а Антоха переживает. Он маму очень любит...

— Я не знала...

— Он не сильно откровенничает про свою личную жизнь. Я в Молл собираюсь, не хочешь со мной прогуляться? — меняю тему.

— У меня не особо денег...

— Я угощаю, — достаю из кармана отцовскую карточку и кручу перед ней. — Купим фигни какой-нибудь, поужинаем в ресторане.

— Я согласна.

* * *

Пробежавшись по магазинам и накупив кучу вещей, заваливаемся в ресторан. Его

владелец русский и строго следит, чтобы всё по высшему разряду было.

— Ну и цены здесь, — читает Лика меню.

— Цены соответствуют обслуживанию высшей категории. Здесь самые богатые люди страны едят. Посмотри вокруг.

Лика оглядывается.

— Мда... Среди них есть нефтяные шейхи? — наклоняется ко мне и спрашивает шёпотом.

— Возможно.

— Офигеть! И часто ты в таких местах обедаешь?

— Периодически... Когда у тебя полно бабок, ты не замечаешь мелочей. Просто позволяешь себе покупать то, что стоит гораздо дороже, ходить в места, которые другим не по карману.

— Зачем тогда танцуешь в клубах, если у тебя денег валом?

— Мне просто нравится... И меня часто наказывают, оставляя без средств. Приходится выкручиваться.

— Найди себе мужика богатого, с такой внешностью — это не проблема, — накидывает выход из ситуации.

— Не хочу я мужика. Ни богатого, ни бедного. У меня на них аллергия.

— С ребятами же ты общаешься.

— Это другое. Больше на дружбу похоже... Если ко мне не пытаются залезть в трусы, то и я к такому человеку благосклонна.

— Как ты обходишься без секса?

— I do it solo, — пошленько улыбаюсь.

Лика прыскает от смеха.

— Ты выбрала, что будешь заказывать? — прерываю её веселье.

За ужином обсуждаем наши репетиции, обмениваемся идеями для новых проектов. Когда ты с кем-то на одной волне, то это сильно облегчает жизнь и объединяет.

Но всё это время я чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. Холод по спине гуляет от него, сковывая плечи.

— Сэл, ты чего? — спрашивает Лика, когда я начинаю крутиться по сторонам и искать того, кто смотрит.

— Пялится кто-то на нас.

— С чего ты взяла? — тоже смотрит вокруг.

— Я чувствую. Я всегда их чувствую...

Мой взгляд останавливается на мужчине в чёрном классическом костюме, но с гутрой на голове. Возраст не понять, они здесь на востоке рано бороды отпускают, но он не старше тридцати пяти лет. Сидит на диванчиках в компании нескольких друзей за большим низким столиком, ломаясь от блюд.

Глаза наглые и отвратительные, хоть и по-восточному красивые. Ухмылочка эта противная на его губах. Приподнимает стакан с чем-то, демонстрируя, что пьёт за меня.

Внутри как-то беспокойно становится. Где-то в районе селезёнки начинается трепет. Подзываю рукой официанта и прошу счёт.

— Уже уходим? — без застенчивости рассматривает компанию арабов Лика.

— Перестань на них таращиться! Здесь это неприлично, — цежу злобно.

— Я не знала...

— Это восток, детка. Здесь на женщин можно смотреть, а ты на них нет. Харам. У женщин здесь прав, как у улитки, — расплачиваюсь за счёт. — Пошли.

Подталкиваю её к выходу, она теряется от происходящего и спотыкается.

Ещё раз бросаю взгляд на смотрящего. Всё так же не отводит глаза и улыбается.

Козёл! — показываю ему фак и бегом вылетаю из ресторана, волоча за собой Лику.

За такую выходку тут и в полицию можно загреметь. Явно ведь — чувак из богатеньких.

— Быстро садись в машину, — говорю оторопевшей Лике.

Она обегает арендованную в отеле машину и прыгает на пассажирское место.

— Что это было? — оборачивается, когда мы срываемся с места.

— Пиздец это был, — через боковое зеркало смотрю назад.

Там два парня выбежали из ресторана. Охрана по-любому. Только бы номера не разглядели.

— Ты что фак кому-то важному показала?

— По ходу, да.

— Вот мы влипли...

Ночная жизнь в Дубаи — это для приезжих отдохнуть. Местные по клубам не ходят. Хотя я слышала, что позволяют они себе такие вылазки под большим секретом. Маскируются под туристов, выходят погулять и с девочками развлечься. Но я не встречала.

Клубы в Эмиратах дорогие. Начиная от обстановки, заканчивая баром. Алкоголь только импортный, у строгих мусульман он под запретом, поэтому цены сумасшедшие. Я на подобные вещи мало внимания обращаю, а вот ребят это зацепило.

— Хорошо выступим, и Клим обещает all inclusive, — обещаю им.

— Это греет, — соглашается с моими доводами Руслан. — А у нас херово разве когда-нибудь было?

— Вот и не понижаем планку, — хлопает его по спине Антон. — Сэл, Клим говорит тобой там интересуются.

— Шли всех интересующихся на хер!

— Я так и сделал, — накидывает мне на шею полотенце и притягивает к себе. — Вот на какой, сестрёнка, родители тебя красивую такую родили.

— А может не родители, — бью ему слегка в живот, шутливо загибается. — Мать говорит, что я исчадие ада и меня в роддоме подменили.

— Поэтому ты на бабушку свою так похожа, — скептически ржёт.

— Да, здесь несостыковка у неё. Личиной в прапредков пошла.

— Через десять минут, чтобы все были готовы, — натягивает на красивый рельефный торс чёрную футболку и сваливает из гримёрки.

Лица очарованно провожает его взглядом, пуская слюни.

— Поскользнёшься, — иду мимо неё к своему костюму на вешалке.

— Может мне в блонду перекраситься, а? Сэл? — удручённо вздыхает.

— А зачем? Стать одноразовой вещью?

— А вдруг не одноразовой...

— Вряд ли... Антошка ещё три года назад броню, защищающую от стрел купидона надел, когда его девушка бросила. Так что извиняй, — развожу руками.

— Как такого можно было бросить?..

Можно. Если на горизонте толстый кошелёк замаячит, а ты шляха, готовая продаться.

* * *

Выступления в забитых клубах меня подстёгивают на азарт, но и иногда пугают. Слишком много людей смотрит. У нескольких десятков на тебя стояк, потому что секс я вкладываю только в танцы, обходясь без него в обычной жизни. Я делаю всё, чтобы публика меня хотела, кроме обнажёнки. Завести толпу можно и без публичного оголения, главное знать на какие кнопки нажимать. А я знаю!

Гул, крики и свист дают понять, что им нравится. Нравятся твои движения телом, руками, ногами, даже то, как ты смотришь на всех сверху со сцены. Они заводятся от мощных битов музыки и притягательных красивых тел. А они красивые, у нас это в контракте прописано. Убейся, но будь совершенством.

Пропускаю Лику вперед себя и наблюдаю, как она профессионально крутит задницей и ведёт ногами в стойке. Эстетика...

Лиц ведь всё равно почти не видно, а вот тело... Его читать нужно, оно иногда кричит истерично о своих желаниях.

Лица вот Антона хочет и всячески это показывает, только чтец тел из него никакой. Он техник. В души не заглядывает, ему в них скучно. Телами он только пользоваться может.

Моё соло и я выкладываюсь на всю, приводя публику в дикий восторг. Но в какой-то момент теряюсь, почувствовав сразу несколько слишком хищных взглядов на себе. И технику я отрабатываю на ура, а вот огня больше не вкладываю, и они это чувствуют, хоть и не понимают в чём дело.

Уходя со сцены, дико осматриваю толпу. Он здесь... Он смотрит... И он хочет... А ещё есть второй, кто смотрит похоже, но он теплее, от него из-за страха не сжимаются внутренности.

— Сэл, ты чего? — замечает мою растерянность Антоша.

— А Клим не говорил, кто мной интересуется? — начинает потряхивать.

Мне страшно? С каких пор?

— Нет. Сразу его послал. Я же знаю твой ответ.

— Ясно...

Переодеваемся в гримёрке и я уже не слишком пылаю желанием продолжить вечер. В отель хочу. Ребята уходят, а я задерживаюсь немного дольше, дрожащими руками пытаюсь запахнуть костюм в чехол.

Я так себя чувствовала после выпускного. Вру, тогда ещё хуже было. От омерзения к себе ломало ужасно. Но именно тогда и появился этот липкий и противный страх быть в очередной раз раздавленной, униженной и использованной. Все эти годы я борюсь с ним, и иногда получается, но сейчас он снова выполз откуда-то изнутри и растекается неприятной жижей по клеточкам тела. Они резонируют от тревоги.

Собираюсь выйти, но в дверях пересекаемся с Климом. С виду доброжелательный мужик, улыбочка эта его до ушей, хоть завязочки пришей, но она обманчива. Клим сделал бизнес на продаже девушек местным богачам. И как-то раз намекал, что и на меня может найти хорошего купца, если я захочу.

— Уже уходишь? — мерзко улыбается.

— Вещи хочу в машину закинуть, — показываю портплед, который держу за спиной.

— Сельванна, тут с тобой один уважаемый человек хочет познакомиться, — складывает в замок свои толстые пальцы, демонстрируя перстень с огромным изумрудом.

— Я не знакомлюсь!

— Таким людям нельзя отказывать, девочка моя.

— Да мне похуй кто этот людЬ! Передай ему мой пламенный привет и налей чего-нибудь подороже за мой счёт.

— У них в семье пить не положено.

Оу, местный! А вот и тот самый случай, когда вышел дядя погулять. Только не на ту нарвался! Я чью-то богатую задницу развлекать не собираюсь.

И пухлый Клим словно угадывает мои мысли:

— Он хочет, чтобы ты станцевала для него ЛИЧНО. Не бесплатно, конечно.

— Нет! Мой рабочий день окончен. Я по контракту отработала. Дальше только моё ЛИЧНОЕ желание. А оно не желает танцевать сверх нормы. Передай своему важному

человеку, что я и сама могу ему заплатить, чтобы он меня не беспокоил. Дай пройти! — толкаю его плечом.

— Здесь не любят дерзких, — в след.

— Переживу как-нибудь. Adios!

* * *

— Отвези меня в отель, — прошу Антона, чувствуя слезку за собой.

— Ты чего? Мы только начали, — показывает на накрытый стол.

— Мне нехорошо, — решаю притвориться.

— Перегрелась, — трогает лоб.

— Отвезёшь или нет? — закипаю и бью ему по руке.

— Отвезу! Что нервничать-то. Ребят, за всё заплачено, — обводит пальцем стол. — Я скоро вернусь. Пошли, — берёт меня за локоть и ведёт на выход.

Мы едем молча. Меня не покидает чувство тревоги, давящее изнутри. Я постоянно оглядываюсь в заднее стекло в поисках машины, которая едет за нами.

— Что ты дёргаешься поминутно? — не выдерживает Антоха.

— Тебе не кажется, что за нами кто-то едет?

— До хрена кто едет, — смотрит в зеркало.

— Нет. Он по нашу душу едет. Вернее по мою.

— Опять чуйка? — он ей доверяет.

— Когда вы ушли, приходил Клим и сказал, что со мной кто-то уважаемый познакомиться хочет, а я его послала. Я думаю, это тот чувак из ресторана, которому я фак показала...

— Ты тут какому-то арабу фак показала?!- вскрикивает. — Сэл, ты с головой не дружишь? Показывать такое в Эмиратах — оскорбление чести и достоинства!

— Знаю.

— И не удержалась?! Правильно Алекс говорил... — цокает и смотрит в боковое зеркало.

— Он-то тут причём?

— Сказал, что ты тут обязательно во что-нибудь вляпаешь. И был прав! Сейчас проверим, — делает заворот на перекрёстке, проезжаем немного. — Джип за нами тащится.

Я уже заметила.

— Что делать?

— Поедешь в гарем наложницей, если башкой своей не думаешь.

— Дошутись! — угрожаю кулаком.

— Приедем в отель, закроешься в моём номере. Я ребят подтяну, чтоб под присмотром была. Если это точно слезка, то перевезём куда-нибудь до завтра. Домой улетим, туда они за тобой не сунутся.

— Антош...

— Ох, Сэл, не умеешь ты без приключений...

* * *

За дверью номера какая-то возня, но выйти не решаюсь. Там ребята на вахте дежурят, чтобы в номер никто не вошёл.

Заходит взмыленный Решетняк.

— Антон, что там? — поднимаюсь с кровати.

— Надевай, — кидает в меня какими-то черными тряпками.

— Я это не надену! — приподнимаю паранджу пальчиками. — Я не для это христианство принимала.

— Надевай и не спорь! Внизу у служебного входа тебя ждёт черная Ламба Урус. Номера местные, она не прокатная. Водитель отвезёт тебя в безопасное местечко, пока мы тут разговоры вести будем, — сцепляет пальцы и хрустит костяшками. — Шевелись!

Я немею. И начинаю трясущимися руками натягивать на себя чёрную одежду.

Господи, вот же всех подставила...

Антон доводит меня до лифта, мы спускаемся вниз.

— Туда, — показывает направление.

Сам возвращается.

Я лечу сломя голову к выходу, но так слепну от произошедшего, что в упор не вижу машину и кручусь на месте, прижимая к себе сумку с вещами.

Недалеко от меня машина моргает фарами.

Вот ты где!

Даже не вглядываясь в водителя, сажусь сзади и мощно выдыхаю.

— Ну что, косячница, опять мне твою красивую жопку спасти от неприятностей? — поворачивается ко мне Гроу, улыбаясь во все свои тридцать два винира.

Глава 13

— Что ты здесь делаешь? — думаю о том, чтобы сбежать.

— Тоха позвонил, попросил помочь, — отъезжает от отеля.

— У тебя личный телепортатор имеется?

— Я днём прилетел. Должен был ещё вчера вместе с вами, но дела в Москве задержали.

Сними это с себя, а то я в ступор впадаю, — обводит лицо.

Опускаю вниз половину ткани, которая закрывает лицо. Она давит, сдёргиваю совсем с головы.

— Как они это носят?!

Теперь понятно, чей ещё взгляд улавливал мой «радар». Он был тёпленьким.

— Почему не подошёл?

— Не хотел тебя нервировать. Заметил, что ты дёргаешься, но думал, перед выступлением. Оказалось вон оно чё...

— Куда мы едем? — замечаю, что он повернул к побережью.

— У моего друга здесь дом на берегу. Он уехал по делам, но оставил мне ключи.

Отсидимся у него до вылета домой. Не волнуйся, здесь тебя не найдут.

— Машина тоже его? — осматриваю салон.

— Ага.

— Хорошие у тебя друзья.

— У тебя тоже...

Мда...

Приезжаем в большой двухэтажный дом, за высоким забором. Во дворе только искусственный газон, несколько больших вазонов с цветами и бассейн.

Внутри дома приятная прохлада от работающих кондиционеров.

— Чем занимается твой друг? — бросаю в кресло сумку и с любопытством разглядываю дорогую и современную остановку огромной гостиной.

— Работает в нефтяной компании аудитором. За этот дом платит фирма.

— Ммм... А за машину?

— Тачку он сам купил. Есть или пить хочешь?

— Нет. Покажи мне спальню, в которой я буду спать, чтобы там сразу закрылась и не видела тебя до утра.

— Ты как всегда в своём репертуаре, — посмеивается Алекс.

— Что ты хочешь от будущей актрисы?..

— Спальня наверху последняя по коридору. Душ там же...

— Спасибо! — направляюсь к лестнице, прихватив с собой сумку.

— Сэл!

— Что? — торможу на середине лестницы и смотрю на Гроу сверху вниз.

— Приятных снов...

— Да пошёл ты!..

Но он смеётся.

Мне не спится. Мешает звук гудящих от ветра песков и шум волн. И вроде они должны успокаивать, но почему-то меня жутко раздражают. В городе их не слышно, а тут бьют по слуху, как железом по стеклу.

Спускаюсь вниз к бассейну, опускаю ноги в воду и пытаюсь погрузиться в себя. Почти удаётся, но вдруг мне на плечи ложится тонкое покрывало.

— Ночи здесь холодные, — садится чуть сзади Алекс.

Я чувствую его тепло кожей. И запах... Папин... А папа — это защита и спокойствие. Раньше Гроу так не пах.

— Да... Днём можно свариться, а ночью околеть. Хорошо мы не посреди пустыни...

— По сути, так и есть, раньше здесь ничего не было. Сплошные пески...

— Почему не спишь? — слегка поворачиваюсь к нему.

Он улыбается.

— Тот же вопрос. Держи, — подаёт мне бокал.

— Что это? — смотрю на него.

— Шампанское.

— Я не пью шампанское. У меня непереносимость всего булькающего и шипящего, — отворачиваюсь.

— Как ты себя-то переносишь? — усмешка.

Намекаешь, что я змеюка? Сволочь...

— В баре есть бутылка хорошего выдержанного виски, — провокационно приподнимает бровь.

— Вот мужские напитки — это по мне, — поддерживаю его предложение.

Он исчезает, возвращается через несколько минут с бутылкой, двумя стаканами и тарелкой мясной нарезки.

— И как проявляется твоя непереносимость? — разливает янтарную жидкость по стаканам.

— От газировки тошнит, от игристого вырубает. А потом ужасно плохо утром.

— Мда... Не повезло, — отдаёт мне мою порцию, чокаемся и выпиваем.

Меня передёргивает от крепости алкоголя, но когда он ударяет в голову, расслабляюсь.

— Я первый раз напился лет в пятнадцать, — протягивает мне кусочек вяленого мяса.

Беру мягко губами и медленно прожёвываю. Алекс зависает, глядя на меня.

— И что было дальше? — возвращаю его.

— А? Было плохо нереально. Я думал, что умру. Просил маму вызвать скорую. Отец сказал, что мне не скорая нужна, а отвесить хороших пиздюлей. Умирал я так сутки, а потом полегчало, — разлил очередную порцию алкоголя.

— А мой первый раз был в шестнадцать. На выпускном. У меня в тот день всё было в первый раз... Но я ничего не помню, — залпом осушила стакан.

— Шампунь?

— Угу... — понюхала кусочек колбасы и закинула в рот.

— А у меня выпускного не было. Вернее он был, но без меня. Я тогда поломанный после аварии в больнице лежал, — с грустью в голосе.

— Не много потерял. Что ты пьяных школьников не видел?!- решила его подбодрить, толкнув кулаком в плечо.

— Каждый год вижу, — снова улыбается, но как-то вымученно. — Выступаю перед ними на площади.

— Вот и я об этом.

Что-то ты темнишь, Гроу. В твоём прошлом есть тоже не светлые пятна.

Растягивается на кафеле, опоясывающем бассейн, лицом вверх, ложусь так же, упираясь макушкой в его голову.

Небо чистое, все звезды как на ладони. Одна сорвалась и полетела вниз.

— Загадывай желание, — шепчу ему.

— Хочу, чтобы ты у меня в клипе снялась...

— Зря потратил целое желание.

— Почему ты упираешься? — садится. — Я хорошо заплачу.

— Просто не хочу. Нам же там целоваться придётся, — тоже сажусь и поправляю волосы.

— Обязательно, — становится на четвереньки и надвигается на меня. — Ты же актриса, разве это проблема? — напирает.

— Одно дело без чувств, а другое... — опираюсь руками сзади и выгибаюсь, потому что он уже навис надо мной.

— Что другое? — давит своей близостью.

Я, сложившись вдвое, ложусь спиной на землю.

— Ты меня бесишь, — задыхаюсь.

Я не боюсь. Он не обидит, я знаю. Но какой-то внутренний барьер начинает подниматься.

— Ты меня тоже... Но люблю я тебя больше, — скользит рукой через волосы мне на затылок.

Дыхание Алекса прерывистое, обжигает мне кожу на шее. Пальцы играют моими прядями. Мурашки захватывают тело. А ещё паника, когда он касается губами у уха. Я в полной растерянности, поэтому что это и приятно и нет одновременно. Дёргаюсь произвольно.

— Расслабиться, — шепчет в ушко, прикусывая несильно мочку. — Я таких напряжённых никогда не встречал. Не бревно ты, поверь мне... — говорит тихо и хрипло, растягивая слова. — Ты круче, сексуальнее и горячее всех остальных. Я это понял, как только тебя увидел. Просто отпусти ручник, в который ты вцепилась. Он только мешает тебе стать той, кто ты на самом деле. А ты очень страстная...

От его слов окатывает волной мурашек. Если на моём теле где-то остались ещё волоски, то они точно стоят дыбом. Всё немеет, и я пошевелиться не могу.

А ты хороший ученик. Бьёшь моим же оружием, голосом парализуя человека. Или это алкоголь? Он меня тоже обычно заставляет немного разомлеть.

— Девочка бандитка милая улыбка, лаймовые бантики блатной романтики... — прижимается щекой к моей щеке и продолжает усыплять мою бдительность, напевая на ухо. — Ну, зачем меня пленили твои черные глаза...

Я лежу под ним и понимаю, что если он сейчас решит меня трахнуть, я даже не пошевелюсь что-нибудь сделать, чтобы этого избежать. Моё тело сковало и от его слов, и от страха близости. Это как с кроликом, который сам лезет в пасть к удаву, зная, что его съедят.

— Наша первая лезгинка, две жвачки от «Love Is»... Тет-а-тетом вечеринка, в губках я твоих завис... — продолжает петь.

Но оттолкнуть сил нет, потому что мой обманутый организм почему-то воспринимает

Алекса не как опасность, а как способ получить удовольствие. Порцию эндорфинов, которых мне так не хватает всё время.

И я чувствую пульсацию в губах, когда он слегка касаясь своими, проводит дразняще кончиком языка.

Это же просто поцелуй, в нём нет ничего страшного и отвратительного, — убеждаю себя и приоткрываю губы.

Алекс чувственно целует. Осторожничает, я сжимаю пальцы в кулак, готовая ударить его, если он позволит себе лишнее.

Но он очень ласков и чуток, чувствуя моё напряжение. Поцелуи медленные, словно пробует на вкус. Язык толчком бьёт по зубкам, требуя разомкнуть их. Я послушно впускаю. Но окончательно отпустить себя не могу.

Не могу и всё. Я не готова!

Господи, какая каша у меня в голове...

— Алекс, пожалуйста, не надо, — умоляю его, когда он целует в шею, а рукой осторожно скользит по бедру к моей попе. — Пожалуйста...

— Что не так? — разворачивает к себе лицом и заглядывает в глаза.

Он не понимает...

— Я не могу, Алекс... Переступить через себя не могу...

Не разносить же его красивую мордашку в кровь.

Садится рядом, проводит руками по лицу. Вижу, что его пальцы дрожат, мышцы на плечах нервно сжимаются.

— Кто тебя обидел, Сэл? Почему никому не доверяешь? — смотрит глазами, полными растерянности и непонимания.

— Не могу я рассказать... — приподнимаюсь и всматриваюсь вдаль, на небо.

Мой голос тоже дрожит, как и его пальцы.

— Мне же, не кому-то. Скажи, я его найду и башку оторву!

Да он и так долго лечился.

— Не хочу... Давай лучше ещё выпьем, — тянусь к бутылке и разливаю виски по стаканам. Отдаю ему. — Я сама справлюсь. Обещаю... — стучаюсь об его стакан. — Просто нужно время.

Мы напиваемся, наша натянутость исчезает, и разговор на надрыве забывается. Теперь мы смеёмся от всякой ерунды: упавший в бассейн стакан, за которым Алекс ныряет прямо с бортика вниз головой, а я держу его за ноги, чтобы не утонул. Или над его укушенными пальцами, когда он запикивает мне в рот кусочек мяса.

— Больно, — размахивает рукой.

— Дай подую, — тяну её к себе.

Выдыхаю на его пальцы воздух, прикрыв ресницы. Он проводит по моим губам.

Взгляды пережёлтываются. В глазах Гроу черти пляшут от желания. И если я срочно что-нибудь не придумаю, то мы опять придём к поцелуям.

— Камера в доме твоя? — киваю на журнальный столик, который видно через огромное окно.

— Моя... Хотел влог снимать, фанаткам давно обещал, но как-то тухло всё. А что? Надумала сниматься у меня?

— Нет. Если и я соглашусь на съёмки в клипе, то только у Энрике Иглесиаса, — смеюсь над ним.

— Хочешь, я сегодня буду им для тебя? — приближает ко мне своё лицо.

— Совершенно не похож...

— А ты представь, что ты спишь с открытыми глазами и поёшь...

— Что за ахиня?

— Это из мультика. Типа представь, что на месте меня Иглесиас.

Закрываю глаза и с улыбкой представляю. Ну, нет! Они абсолютно не похожи!

— Не получается!

— А если под музыку? Какая твоя любимая? — тянется к своему телефону.

— Push.

— Оу, она прямо секас, — забивает в поиске песню.

Скачивает.

Я пьяной походкой, спотыкаясь, иду в дом за камерой. У Стаськи похожая, только

оптика помощнее. Отдаю Алексу, он копается в настройках, чтобы включить ночной режим.

— У тебя с собой посексуальнее одежда есть? — смотрит косо.

А ты борзеешь, парниша!

Стягиваю с себя шорты и расстегиваю наполовину тонкую полупрозрачную хлопковую рубашку.

— Так сойдёт? — качаю ножками из стороны в сторону.

Под рубашкой только гладенькое нижнее бельё, без кружев, которое вполне может заменить купальник.

— Вышак... Потанцуй, — включает музыку и камеру.

Потанцевать? Да легко! В этом я профи.

Я танцую совершенно не то, к чему привыкла обычно. Это скорее танец соблазнения и страсти, руки, гуляющие по телу и покачивания бёдрами.

Алекс зацикливает музыку и теперь на повторе я падаю ему в ноги. Танец похож больше на кошачьи трения.

«Push, push back upon it... Make me believe you want it... Push, push back upon it... Well I can go all mornin...»

— Вау... — судорожно выдыхает.

— Камеру держи ровнее, — вцепляюсь зубами в край штанины от его шорт.

У него руки трясутся. Нервный смешок. Выравнивает. Передаёт мне. Я от первого лица снимаю его реакцию на мои поглаживания по животу и груди. Закидывает голову, закрывая глаза, прикусывает губу.

В этот момент из зажатой девочки родилась хорошая актриса, которая столько лет на учёбу потратила и может сыграть страсть, даже если ей и страшно. А её я играть умею, мне все учителя говорят.

Ставлю камеру на пустой стакан, стоящий на земле, так, чтобы мы вдвоём в кадр попадали. И начинаю игры с Алексом. Дразню его поглаживаниями и лёгкими касаниями губами. Он пытается поймать мой поцелуй, но получает только лишь укус за шею. Вздрагивает и стонет, вжимая мои бёдра в себя. Я чувствую под собой его горячий и твёрдый член, ёрзаю на нём. Рычит.

— Коварная... — тихо в губы.

Я такая, да. Ты у меня и без секса кончишь.

— Бери камеру, и идём, — тяну его за собой к стеклу дома.

Расстёгиваю рубашку полностью, приоткрывая бельё и стройное тело. Прижимаюсь к Алексу спереди, кладу его руку себе на талию.

— Повторяй его слова, я ответы. И сыграй страсть.

Но ему и играть не надо, он в ней купается по уши.

"«Oh, yeah you know it... Do you need me... You know it... Will you please me... You know it... Will you tease me... You know it...»

Я безжалостно вжата в стекло и расцелована в шею, и он всё это снимает, поставив камеру на столик.

— Мы работаем... — напоминаю ему.

С цоканием отпускает, возвращается к съёмке.

— Потанцуй у окна.

И я выкладываюсь, красиво танцуя, прижимаясь к стеклу.

— Давай в бассейне, — кивает в сторону него.

Снимает, как я величаво и круто в него вхожу. Идёт следом.

— Покажи мне, как ты меня хочешь...

Я смеюсь над его словами. Нет у меня желания... Но его и отыграть можно и включаю кошечку.

Камера снова переключивается в мои руки, и я стараюсь делать акцент на глазах Алекса. Они полыхают. Я видела и раньше, как меня хотят, но здесь... У меня кожа нагревается в районе поясницы от этого взгляда.

Мы меняемся ролями, он опять оператор и режиссёр.

— Мне мало огонька, кис...

Огня тебе мало?

— А так? — расстегиваю лифчик и показательно отбрасываю его в сторону.

Гроу рот открывает от неожиданности. Смотрит на воду, которая скрывает мою грудь.

— Это приглашение? — приглушённо и хрипло.

— Нет. Ты хотел огня. Если я раздета, то это ещё не призыв меня поиметь.

— Любить... — поправляет.

— Называй, как хочешь...

— Тогда повернись спиной и выйди из бассейна, — меняются его интонации на повелительные.

Режиссёр приказал, актриса исполнила. На берегу надела на себя свою рубашку, оставив её не застегнутой, чтобы полоска тела была видна. Выжала волосы.

— Супер... — крутится вокруг с камерой.

— Хватит, — нажимаю рукой на объектив, Алекс опускает руку. — Ты уже прилично снимал.

— Фото? Для обложки, — смотрит просяще.

— Ладно. Что ты хочешь?

— Чтобы все сдохли от зависти.

Подтаскивает столик ближе к нам. На него камеру с выставленным таймером.

Ох, Сэл, сейчас ты, возможно, сильно пожалеешь о своём поступке, как всегда. Но чтобы все сдохли...

Встаю перед Гроу, беру его руки и кладу на свою обнажённую грудь.

— В шею поцелуй, — прошу его.

Он выполняет всё, ошарен от моей смелости. А я просто пьяная от алкоголя и всего происходящего здесь. Я люблю свою работу именно за то, что ей можно отдаться полностью.

Камера делает несколько снимков и тухнет, а я стою и плаваю в море эндорфинов, полученных мной за этот час. И я уже не боюсь того, что меня буквально недавно так пугало. Алекс мягко пальчиками ласкает мою грудь и мне даже нравится. Сдавливает соски, и я получаю удар тока внизу живота. Чувствую, что из меня начинает что-то течь.

Но... Останавливаю его.

— Нет! Я не хочу, — обманываю его и ухожу, оставляя растерянного и возбуждённого до предела.

Я иду в ванную и делаю всё сама, как обычно... Я думаю, он занимается тем же.

Мы два дурака... Нет, скорее я дура. У меня был шанс кайфануть от близости с мужчиной, а не испытывать вечное омерзение от одной мысли об этом. Но я его упустила...

— Просыпайся, дрянь! — вопит кто-то истошно над ухом.

Не желая выходить из сонного коматоза, только под утро домой приехала, лениво приоткрываю глаза.

Мамочка... Стоит у кровати с перекошенным от злости лицом.

— Что ещё? — переворачиваюсь на другой бок с намерением спать дальше.

Сегодня выходной, никуда не надо сломя голову лететь.

Мне смачно прилетает по заднице ладонью.

— Ты совсем?!- подсакиваю.

— Это ты совсем! Что за позорище? — швыряет в меня телефоном, он приземляется на подушку. — Не в обычные, а порноактрисы решила податься? Говорила я твоему отцу, что этим всё закончится.

Беру телефон и включаю, подношу к её лицу, чтоб разблокировать.

Там видео. Канал Гроу.

А ты умеешь «вкусно» монтировать. Я чуть ногти не сгрызла от экстаза.

— Ну и что тут такого? — возвращаю маме телефон. — Всё чинно, почти ничего не видно.

Кроме полуголой попы в красивых трусиках крупным планом.

— Почти? — лезет ещё куда-то в телефоне. — Это мне с работы люди прислали.

Скриншот из соцсети Алекса, как он держит меня за грудь руками.

— Сосков не заметно и ладно. Моё тело — моё дело! Кто меня лапает, это тебя совсем не касается, — прыжком укладываюсь снова в постель. — Уходи, я спать хочу.

Взывает как выпь, но уходит.

А я прежде чем уснуть тянусь к телефону, захожу на страничку Гроу и под нашим фото ставлю лайк и закидываю огонёчек в комменты.

Всё! Остальное потом посмотрю. Выключаю телефон совсем.

Глава 15

Спускаюсь по лестнице и замечаю, что в направлении меня идут горничная и наш охранник, который тащит огромный тяжёлый букет «двухметровых» белых роз.

— И для кого этот куст? — скептически осматриваю эту новомодную пошлятину.

Ну, нет! Папа не мог их для мамы заказать. Он знает, какие цветы она любит, и ТАКОЕ бы никогда не купил.

— Это для вас, Анна Александровна, — немного замешкавшись, произносит горничная.

— Мне? И кто этот долбанутый, который подарил мне сие отсутствие вкуса? — обвожу букет пальцем.

— Вот записка, — подаёт охранник.

Вскрываю конвертик.

Мля... «Для моей богини! Прости». И тучка с молнией.

Гроу, чтоб тебя!

Что ж ты как комар ночью? Всё время жужжишь рядом и кровушку из меня малыми дозами попиваешь. Сказала же, чтобы больше не подходил.

Неделю назад стащил меня в клубе с барной стойки, где я танцевала, устроил разборки. А когда аргументы закончились, то отвесил мне хлёсткий шлепок по заднице. За что получил по уху. Руку на меня поднял гад без моего разрешения! Да кто ты такой вообще?!

Тянусь понюхать цветы. Неа, не пахнут.

— Выбросьте это, — брезгливо машу пальчиками.

— Выбросить? — округляет глаза прислуга.

— Да. На помойку, — разворачиваюсь, чтобы уйти.

— И за что ты их так? — спускается сверху отец. — Красивые цветы. Подрезать только...

— Они от Гроу, — подхожу к нему и беру под руку.

— Ясно. Я думал, что вы встречаетесь.

— Нет! Ты сам говорил, что он тебе не нравится — напоминаю ему. — Я его больше видеть не хочу.

— Я не так говорил...

— Да какая разница! Он МНЕ не нравится. Наглый и назойливый.

— Прямо как ты любишь...

— А я тоже не так говорила, — парирую. — Кстати, ты можешь попросить крёстного, чтобы он не приглашал его на день рождения продюсерского центра?

— Нет, не могу, — отказывает, усаживаясь в кресло.

— Ну, пап!

— Праздник послезавтра. Приглашения разосланы. Как дядя Вова будет выглядеть перед людьми, если скажет своему подопечному, чтобы он не приходил на юбилей лэйбла, в котором работает? — делает ударение на слове «своему». — Он, между прочим, твоему крестному больше всех денег приносит.

— Знаю, — морщу нос. — Может, ты с ним поговоришь? Аккуратно... Чтоб понял — отвязись... И всё такое...

— Нет, — отрицательно машет пальцем. — Ты сказала, что свои проблемы решаешь сама. Самостоятельная. Вот и решай — сама.

Если бы этот кретин слушал, то я их бы давно решила. Но он слеп и глух к моим просьбам оставить меня в покое. И судя по подарочку с утра, Антоша с ним вчера тоже не договорился.

— Если я и ему нос сломаю — не обессудь, — развожу руками. — Он сам напросился.

— Тогда ты будешь иметь дело уже с мамой.

— Цц, — цокаю.

С ней шутки плохи. Я и так из-за неё почти на нуле — карты в очередной раз блокнула. Теперь придётся лететь в Лондон-град и там денежку забивать.

— Кстати, я на выходные лечу в Англию, — предупреждаю отца.

— Не зли мать! Она с трудом твои танцы по клубам выдерживает.

— Там хорошо платят.

— Тебе нужны деньги? Я дам.

Ты-то дашь... Мне. А ребят моих кто кормить будет? Для них эти выступления — отличный заработок, даже с расходами на дорогу и жильё.

— Аня, почему бы тебе не сделать упор на бальные танцы? Ты же чемпионка. Давай откроем тебе школу? Будешь новое поколение чемпионов готовить, — в очередной раз уговаривает отец.

— Не хочу. И вообще — мне пора.

Направляюсь на выход из гостиной.

В боковом коридоре замечаю идущий мне на встречу букет всё тех же роз, только с более короткими стеблями.

— Стоять мелкая! — громко командую.

Сверху цветов появляется милая мордашка младшей сестрёнки в обрамлении крупных светлых локонов.

— Куда поволокла?! Я сказала выкинуть!

— Тебе не нужны, тогда мне нужны, — бурчит под нос Стаська. — Красивые же! И от Алекса!

Господи... Фэйспалм. Чёртова ты фанатка!

— Не вздумай выложить фото в интернет. Прибью! — угрожаю ей.

Показывает язык и чешет мимо меня в обнимку с букетом, который весит больше её.

— Дура ты, Анька! Они стоят не меньше шутки баксов, а ты на помойку... На твоём месте миллионы девчонок мечтают быть, а ты нос воротишь.

Да, ворочу! Потому что достал! Я выдыхаю только тогда, когда у него гастроли, и он сваливает куда-нибудь подальше. Если я пару раз проявила по отношению к нему слабость, то это ещё ничего не значит. И пьяная была в последний раз. А он руки распускает...

В гараже моя обновлённая красивенькая белая бэшечка подмигивает своими хищными глазками на съемку сигнализации. Рычит и срывается с места, как только втапливаю педаль газа.

До центра города приходится добираться почти два часа из-за пробок.

У дома Решетняка набираю несколько раз, отвечает только на третий звонок.

— Бандерос, вы до сих пор не один? Выгоняй свою очередную фрею, поговорить надо.

— Может, хватит обзывать? Нет у меня никого, под утро ещё выпроводил, — сонно или устало.

— Антонио, это не обзывательство. Это комплимент. Что ты такой же привлекательный

и горячий. Пока поднимаюсь, сварю кофе. А то на улице холодно, — блокирую тачку и иду по направлению подъезда Антона, кутаясь в тёплый меховой капюшон своей песцовой жилетки.

Антоша встречает в прихожей с высоким стаканом кофе со сливками.

— Спасибо! — чмокаю в небритую щёку и прохожу в комнату. — Мда...

Осматриваюсь. Что здесь было?

— Дай угадаю. Приходил Серёжка, и вы проиграли немножко?

— Нет. Дама темпераментная попалась...

— Охуеть, — медленно.

В квартире разгром. Посреди гостиной веник с совком и мусорный мешок, в котором осколки от разбитых вещей.

— Нормально ты так повеселился. Тоша, ты ей хоть счёт выставил? — заглядываю в мусорный пакет.

Ваза, светильник, статуэтка, которую я покупала.

— Ты серьёзно?!- достаю её. — Она три штуки баксов стоила!

— Формально она моя. Ты её мне подарила.

— Давай все мои подарки колотить об стену. Завязывай ты с блядьми. От них никакой пользы, одни убытки, — сажусь на диван. — Твою мать! — подскакиваю.

Мне в задницу что-то воткнулось.

— Я не хочу знать, для чего это вам было нужно, — поднимаю мерзкую резиновую штуковину из секшопа и швыряю в пакет с мусором.

Антон ржёт.

— Заведи ты уже парня себе, чтобы не краснеть от вида подобного.

— Кстати, о парне... Как ваш разговор с Гроу вчера?

— Никак, — падает в кресло. — Он сказал, что ему до пизды мои угрозы. А больше я ничего сделать не могу. Сэл, он звезда! Если я ему всеку, меня порвут на сувениры журналисты и фанатки. Особенно вторые. Они же все неадекватные. Ещё перо в бок воткнут. Да и приятели как-никак...

— Почувствуешь себя орлом, — стебу его. — Вот что за зверь такой этот Гроу?! Почему с ним никто связываться не хочет? Ладно, если вы не хотите, то я сама разберусь. По-своему, — рубанула ладонью воздух.

— Попробуй. Но по мне — с ним проще согласиться, чтоб он отвязался, чем пытаться договориться, — смеётся.

— Ты прикалываешься? Я с ним? Ни-за-что!

— Может тебе понравится? Ты же не пробовала.

Пробовала. Немного... И нравилось. Но это и страшно. И он не отвяжется, если своё получит. Алекс в любви клянётся.

— Да пошёл ты! — ставлю стакан на столик и возвращаюсь в прихожую.

— Ты куда? — идёт следом.

— У меня репетиция танго для вечера послезавтра. Сам знаешь, что танец сложный, — накидываю капюшон.

— Конечно, — затягивает мне завязки на нём. — Я его придумал.

— Ты дал идею, — щёлкаю ему по носу.

— Вечером приедешь?

— Если выживу...

Глава 16

Генеральный прогон танца, чтобы нигде не спотыкнуться и не растянуться на скользком мраморе. Я ведь ничего не увижу. Только восторг зрителей после.

Всё отлично!

— Какое красивое, — в гримёрке проводит рукой по алой ткани длинного платья Стаська.

— Систер, не лапай!

— Жаба! — корчит рожу. — Пойду в зал. Хочу сфоткаться с Алексом, когда он приедет.

А это колкость в мой бок. После его выходки мне хочется набить ему морду и напинать по Фаберже. И я с дуру рассказала об этом сестре. Вот она и стебётся теперь надо мной при каждом случае, иногда мягко намекая, что такую мелочь парню можно и простить — он же любя...

Нет!

— Я скоро вернусь, — шлю воздушный поцелуй своему платью и уйду в зал.

Гости прибывают.

Все красивые, в роскошных нарядах.

Кидаю взгляд на своё отражение в огромном зеркале холла. Улыбаюсь, перекидывая длинный хвост на другое плечо.

— Мадмуазель, вы роскошны! — подходит ко мне Вартан, общий друг дяди Вовы и нашей семьи.

Дядечка за пятьдесят, с небольшими залысинами и пузиком, спрятанным под дорогим костюмом.

— Спасибо! — выжимаю из себя улыбку.

Не нравится мне он. Скользкий тип. Адвокат... И эти его намёки, комплименты...

Буээ... Передёргивает каждый раз.

А он ещё берёт мою руку и целует.

Мля! Спасите — помогите!

— Извините, я её у вас украду, — по-хозяйски ложится рука на мою талию, и я поворачиваюсь к наглецу, посмевавшему такое отмочить.

Гроу! Улыбается, стоит, и глаза такие наглые-наглые.

— Ты! — возмущённо.

— Я. Идём, — ведёт за собой.

— Отпусти! — одёргиваю его руку, когда мы отходим подальше.

— Лучше бы спасибо сказала. Я тебя спас от назойливого поклонника.

— Да лучше с этим старым пердуном, чем с тобой! Он хотя бы руки целует, а не по заднице бьёт.

Алекс демонстративно закатывает глаза.

— Ну, когда ты поймёшь, что я не хотел тебя обидеть?! Вывела просто. Я уже сто раз прощение попросил. Сколько ещё можно?!

— Если ты не умеешь себя сдерживать, то отвали! — отпихиваю и уйду от него.

Вот умеют же некоторые люди настроение испортить. Талант у них к этому.

— Шампанское? — подходит официант.

— Нет! — категорически.

Ищу в толпе родителей, пару раз при этом натыкаюсь на колючий взгляд Гроу. Дайте мне лопату, я снесу этому самовлюблённому барану корону вместе с башкой.

— Что такая дёрганая? — заботливо смотрит на меня отец, когда подхожу к ним.

— Так... Ничего... Волнуюсь перед выступлением.

— Было бы из-за чего! — посмеивается дядя Вова. — Танец шикарный. Убьёшь всех наповал. И Арния старалась, такую песню написала под него.

— Да, Арния молодец... — оглядываюсь по сторонам.

Холодок пополз по спине. Кто-то смотрит внимательно на меня.

Достал! Угомонись ты уже, Гроу! Не прощу я тебя.

— Я пойду, переоденусь, — попытка сбежать.

— Рано же ещё, — смотрит на часы крёстный. — Через полчаса только.

— Пока себя в порядок приведу...

Мне реально надо сбежать отсюда куда-нибудь, только бы не быть в поле зрения этого борзого. Я не протяну весь вечер. Вечеринка может плохо закончиться, если Алекс себе что-нибудь позволит.

— Привет! — застаю в небольшой импровизированной гримёрке Ваню, моего партнёра по бальным.

— Сэл, ты чего? Здоровались уже сегодня, — посмеивается над моей рассеянностью, зачесывая назад волосы, покрытые гелем.

— Да? Лишняя вежливость не помешает. Я переоденусь, — скрываюсь за ширмой.

Снимаю чёрное платье, которое было на мне и надеваю красное.

Потрясающее! Ткань как вторая кожа и такая приятная на ощупь. Бархатистая. Фигура в нём — просто шик!

Слышу, как открывается и закрывается дверь.

Чёрт! Молния застряла.

— Вань, помоги, пожалуйста. У меня замок не застёгивается, — выхожу спиной из-за перегородки.

Он одной рукой натягивает молнию, второй рывком тянет бегунок вверх.

— Осторожно! Это платье стоит как машина! Сломаешь, в чём я танцевать буду? — злюсь на него.

— А танго голыми танцуют? — знакомый шёпот на ухо. — Я бы посмотрел.

— Гроу! Когда же ты от меня отвяжешься?!- сверлю доставучего холодным взглядом.

— Брр... Я замерз, — дергает плечами. — Ты же не такая, Сельванна. Внутри ты огонь. Пожар! Я же знаю. Той ночью в Дубаи... Ррр, — затарахтел по-кошачьи. — А сейчас снова включаешь надменную снежную королеву, — проводит рукой по щеке.

Отбиваю её от себя.

— Не тронь!

Хватает меня за талию и разворачивает к зеркалу.

— Посмотри на нас.

Смотрю. Моё лицо пылает от злости, глаза блестят чёрным гневом. А он само спокойствие.

— Посмотри, — требовательно, встряхивая.

И прижимает меня к себе.

— И что? — пытаюсь успокоиться, но сердце бешено колотится.

Напомнил, да, я в ту ночь зачем-то разошлась. Пьяная была...

— Мы идеальная пара, Сэл.

— Бред не неси. То, что наши писки анатомически подходят друг другу — не значит, что мы идеальны. Мы разные. Я тебя убить иногда хочу...

Фыркает и закатывает глаза.

— Я тебя тоже. Бесишь, сучка, до мультиков в глазах. Но ты такая... — втягивает воздух у моих волос. — И ещё... К этому наряду кое-чего не хватает.

Достаёт из кармана длинную коробочку. В ней кольцо в виде цепочки из бриллиантов. Застегивает на моей шее.

— Теперь образ завершён, — проводит пальцем по изгибу моей шеи.

Наклоняется и легко прикасается к коже губами.

С шумом делаю глубокий вдох. Странные ощущения. Мерзко и приятно одновременно. Я же помню, как он целуется. Мне нравилось, хоть и паниковала от его близости.

— Забери! — сдираю с себя украшение и швыряю в него. — Купить меня бирюльками решил? У меня этого добра — как грязи! Не удивил!

— Да что ж ты за сука такая, Сэл?!- взрывается Гроу. — Я ведь по-хорошему хочу!

— Какая есть! Проваливай отсюда! — указываю на выход.

Сильно хлопает дверью и исчезает.

Облегчённо выдыхаю.

— Ты где был? — ору на вошедшего Ваню.

— В туалет отошёл, — сжимается. — Что случилось-то?

— Ничего! Но могло.

Могла убить этого придурка Гроу нахрен. Ещё раз врезать ему по кадыку, но чтоб в этот раз наверняка.

Вот почему он меня так выводит из себе, а? Я всегда сдержанна и равнодушна. А с ним вспыхиваю как спичка. Хочется схватить его за шею и долбить головой о стену, пока дух не выбью. Наши разговоры без скандалов по пальцам можно пересчитать. На одной руке...

Какая из нас может быть пара? Поубиваем друг друга и всего делов то.

Прессе сходи это докажи. После его видео меня везде подловить пытаются, а новостей о каждом моём пуке в сети вагон. Я только фото или видео в соцсети скидываю, оно тут же по всем каналам и сайтам сплетен разлетается. «Девушка Гроу...» и какая-нибудь фигня следом. И опровержений о наших отношениях не даё, гад, нравится ему всё это.

Кончать с этим надо!

Ты леди, — вспоминаю слова мамы и преподавателя в английской школе. А леди невозмутимы.

— Да, я леди, — повторяю как мантру.

Глубокий вдох. Выдох... Спокойствие, только спокойствие...

Плывущий мир снова становится на место.

Отлично!

Пять минут до выхода. Заглядывает Арния, одна из новых исполнительниц дяди. Талантливая девчонка.

— Готовы?

— Да, — отвечаем хором с Ваней.

— Тогда пошлите.

Подхватываю со столика красную бархатную повязку.

Центр зала, гостей просят расступиться, чтобы дать нам место для танца.

Ловлю на мгновение, перед тем как мне завяжут глаза, взгляд Гроу. Стоит, привалившись к стенке с бокалом шампанского. Нацепил маску холодного равнодушия.

Ты же от моих танцев тащишься. Поэтому и в клип к себе настырно звал. Так полюбуюсь, больше такой возможности не представится.

Ваня завязывает мне глаза. Я больше ничего не вижу. Теперь могу танцевать только на чувствах и автомате отточенных с пяти лет движений.

Репетиции — это не выступления. Тут я спиной чувствую каждый взгляд на себе. Вздохи, тихие слова восхищения. Каждый поворот, прогиб, взмах ногами и поддержка — словно что-то нереальное. А мысли о произошедшем ранее так выбивают из колеи, что для меня этот танец словно впервые. Я не могу собраться. Если бы тело не помнило каждое движение, то мы бы с треском провалились.

Не смотри... Не смотри... Но я кожей ощущаю взгляд Алекса. И знаю, что он переместился из глубины зала в самый первый ряд. Сейчас я даже могу угадать, где он находится.

Под конец танца от напряжения я всё же срываюсь, и меня откидывает в сторону гостей. Попадаю кому-то в руки. Я точно знаю, чьи они.

Запах. Его запах... Можно спутать с отцом, но есть нотки, которые присущи только Алексу, которые даёт мужская кожа. А истинный чистый запах у мужчин всегда разный.

Срываю повязку с глаз.

Наглая ухмылочка на губах Гроу и горячая рука на моей талии. Сверлим друг друга глазами.

— Может, теперь со мной потанцуешь? — раскачивает меня.

— Отвали! — шиплю на него.

Не отпускает.

— У меня парень есть, — придумываю на ходу.

— Врёшь. Я же знаю, — кривит губы.

— Он просто не здесь живёт. За границей... Мы месяц с тобой не общались, за это время в моей жизни всё круто изменилось.

— Оу, — скептически поджимает губы. — Покажешь доказательства — отвалою. Больше меня не увидишь.

Будут тебе доказательства!

Лондон.

Ночной клуб «Harmonic». Сразу видно кто хозяин. А ещё говорят, Европа русских не любит. В огромном помещении биток. Без наших, конечно, никуда и здесь, но клуб пользуется огромной популярностью у местных. Атмосфера здесь какая-то — другая... Им нравится.

Сажу у бара и потягиваю воду с лимоном. Алкоголь пока нельзя, впереди выступление, а там работа на высоте. Закружится голова и хана. После — хоть упейся.

Последние пару лет выступаем в этом клубешнике раз шесть в год на разогреве. Публике заходит, а хозяин собирает нехилое лавэ. Хозяин — Марк Решетняк, старший брат Антоши. Родители его ещё в пятнадцать лет сплавили сюда на учёбу, а он решил насовсем остаться. Бизнес развернул.

Осматриваюсь по сторонам в поисках друга, но тщетно. Опять, наверное, где-то клеит очередную блонду... Пунктик у него на них из-за бывшей.

Затылком чувствую, как кто-то сверлит мою спину взглядом. Одинокая красивая девушка в баре, как красная тряпка для быка, притягивает взгляды. Я уже привыкла, но иногда не по себе, как с тем арабом. Опасность хлещет. А сколько я тупых подкатов уже слышала в таких местах, даже вспоминать смешно.

Отшиваю сразу, кого взглядом, кого просто послав в жопу. Для особо настырных есть Антоша. Поиграет мышцами груди, и они сваливают ни с чем. Дать в морду я и сама в принципе могу, но после историй, когда мой несносный характер не выдерживал, и я отправляла мужиков в травмпункт, мой гнев немного поутих. Мог ведь и реальный срок прилететь, так что лезть на рожон как-то не очень хочется.

Только с одним придурком Алексом всё не работает. Баран! Упёрся рогом и стоит. Ничего! Сегодня будут ему доказательства, и он свалит в туман.

Марк в помощи не откажет. Он конечно озабоченный, но ко мне как к любимой куколке относится. Да и Антоша ему жестить никогда не позволит.

Ощущение не проходит, поэтому разворачиваюсь и осматриваю зал. Он на втором этаже. Смотрит пристально, отпивая из стакана виски. Приглядываюсь. Меня как будто током прошибает. Эти холодные стальные глаза я никогда не забуду. Они мне долго снились.

Я даже теперь знаю, как его зовут — Рон Мэдлтон.

Ещё бы! Он теперь звезда, а не тот паренёк с побережья, который меня на руках от машины до больницы нёс. Актер театра и кино. Половина фильмов с его участием, правда, претенденты на премию «Золотая малина», но поклонницам пофиг, они все «сожрут», где он голым торсом светанёт.

Случайно увидела его в небольшой роли в каком-то сериале по телеку спустя полгода после нашего знакомства. Не скажу, что записалась в фанатки, но лицо Мэдлтона не сходит с экранов и страниц журналов, поэтому немного знаю о его творчестве. А месяц назад вышел фильм с обожаемым мной актером, и он тоже там.

Рон смотрит прямо на меня, разговаривая с каким-то парнем. Интересно, он хотя бы догадывается, что я та самая девочка, которой он помог четыре года назад?

Вряд ли...

— Сэл, через полчаса ваш выход, — обращается ко мне администратор.

— Я знаю, — часы у меня есть.

Ролекс — подарок отца.

На подарки он не скупится, всё самое лучшее и дорогое.

Стаська по секрету проговорила, что слышала разговор родителей о том, что они купили мне на двадцатилетие квартиру. Круто. Спасибо!

Наконец-то свалю из родительского дома. А то мама начинает сильно напрягать своими постоянными претензиями. Всё ей не так. Внимания к моей персоне слишком много, скромнее надо быть. Всё, что я вытворяю, на их с папой репутации отражается. А я иногда влипаю в истории сама того не желая. Везёт!

Делаю последний глоток воды и ухожу через заднюю дверь в служебные помещения. Надо переодеться к выступлению.

Лица переплетает мне косы плотнее, если расплетутся на танцполе, просто убьюсь или задушат, намотавшись на шею. По ходу обсуждаем новый номер и куда потратим гонорар. На толпу, а нас девять, сумма нормальная, но после раздела... Мне плевать, пока безлимит не прикрыт, папа дал в очередной раз свою карту, но большая часть ребят живут на эти деньги. Поэтому отдаю свою часть им. Марк платит щедро.

Они сбегают на сцену, нацепив маски. Я провозилась с тейпами и отстала от них. Не хватало ещё, чтобы что-нибудь повредить, вывихов и растяжений мне хватает. У меня самые сложные элементы. Они внизу, а мне ещё на высоте болтаться.

Бреду по коридору не смотря вперёд, не очень удобно левой рукой наматывать ленту, всё время, кажется что слабо. Психую, перетягиваю, всё равно не то.

Удар головой в чью-то грудь и меня, удерживая от падения, хватают чьи-то руки.

— Под ноги смотри, придурок! — грублю.

— Что? — на английском.

На рефлексе ляпнула на русском. А передо мной чёртов сероглазый британец.

Какого ты по служебным шляешься?

— Что вы здесь делаете? Это служебные помещения, — посторонним В, как у Пяточка на двери.

— Искал туалет... — жмёт плечами, не отпуская мои.

Злобный прищур и косой взгляд на его руки и он их одергивает, будто обжётся.

Врёт и не краснеет! Вывеска, где толчок в этой берлоге весит огромными буквами в коридоре, а ты вернул аккурат в другую сторону.

— Вы не туда пошли, туалет для посетителей в другой стороне. Вам нужно вернуться, — включаю вежливую и воспитанную девочку.

Он слегка улыбается, качает головой и собирается уходить.

— Стойте! — торможу его. Он застывает и удивлённо смотрит на меня. — Поможете замотать потуже? — показываю тейп на левой руке.

— Конечно, — соглашается.

Пользуюсь моментом, пока он ковыряется с моей рукой, чтобы рассмотреть его. Изменился, стал более холёным что ли. Дорогой костюм из последней коллекции, белая шелковая сорочка, расстегнутая на две верхние пуговицы. Туфли, часы именитых брендов. Недаром входит в список самых стильных звезд Великобритании.

Парфюм, ммм. Обожаю древесные нотки. Пятидневная щетина. Аж заскреблось что-то внутри... Я ж была влюблена в тебя тогда, как сумасшедшая. Мечтала, что вырасту, приеду в тот город и найду его. И он обязательно меня полюбит. Наивная была...

— Не очень сильно затянул? — смотрит на меня вопросительно.

Что? Ах, да... Я же что-то у тебя попросила.

— Нет. Нормально... — сгибаю и разгибаю пальцы. — Извините, мне нужно идти, у меня выступление через пару минут, — натягиваю маску на лицо.

Оставляю его одного в коридоре. В туалет иди, описайся! Только моя интуиция подсказывает мне, что это был всего лишь предлог.

Сегодня мой двадцать шестой день рождения. Обычно провожу его в кругу семьи, но не в этот раз. Репетиции и съёмки не дали уехать к родным. Отмечу с друзьями.

Долго решаем, где именно будем отмечать, и одного мнения нет. Тогда решаем сначала пойти тусануть в клуб, потом рванем в паб «Синяя пташка», дорогое и излюбленное место британской богемы.

В этом клубе я ещё не был. Странно, но вроде вайбово... Джек сказал, что это русский клуб, так что мы не должны удивляться их большому количеству и русской музыке. Ну, а что, даже неплохо. Про русских знаю как все — много пьют и ругаются. А ещё что у них самые красивые девушки в мире. Однажды я в этом убедился.

До сих пор помню встречу с той необыкновенной девочкой. Меня тогда прямо подкинуло от её глаз. Две огромные черные дыры, оступишься и затянет... А оступисаться оказалось нельзя, ей было всего пятнадцать.

На второй день после её падения, увидел сидящей за столиком в уличном кафе с чашкой чая. Подошёл и спросил, как самочувствие. Она мило улыбнулась и сказала, что лучше, а рана почти не болит. Перекинулись парой фраз, и я ретировался, пока не появилась её мамаша. Мне она не понравилась, от неё веяло равнодушием и холодом. Моя бы уже панику устроила, этой было ровно.

А потом был серьёзный разговор с моей матерью. Женщина в клинике предоставила дипломатический паспорт — российский. Джон Годлин, врач, который помог девочке, знакомый семьи, позвонил маме, и она устроила мне допрос, где и как я с ними познакомился.

Познакомился? Да я до сих пор их имён не знаю!

* * *

Устраиваемся на втором этаже — отличный обзор. Можно всё хорошо рассмотреть и найти себе «жертву» на ночь. Могу же я себе сделать подарок на свой собственный день рождения?

Взгляд падает на стойку бара, где в сторонке одиноко сидит девушка. Глаз сам цепляется за неё. Статная, спина ровная и натянутая как струна. Две длинные косы красиво заплетены.

— Повернись, — гипнотизирую её.

И она поворачивается. Сердце издает громкий стук. Передо мной обладательница таких же глаз, как у той девочки. Огромные и чёрные, словно у демонов в фильме. Их я до сих пор иногда во сне вижу.

Длинные волосы... Глаза...

Так не бывает! Я думал о ней десять минут назад, а сейчас она сидит и смотрит прямо на меня.

— Джек, ты знаешь, кто это? — спрашиваю у друга, кивая на девушку.

Это он нас сюда привёл, сказал, здесь круто.

— Эту? Ну, ты братишка замахнулся! Зовут, не знаю как. Говорят русская... Но если она

здесь — жди крутое шоу.

— Шоу? — вскидываю от удивления брови, не отрывая от неё глаз.

— Ага. Танцует она просто охрененно. Богиня!

Танцует по клубам? Как-то не достойно дочери дипломата. Или уже мама не дипломат? Или я ошибся?

Очередной взгляд в сторону бара и вижу, как она скрывается за служебной дверью.

Я должен убедиться, что это та самая девчонка. Вдруг мне только показалось... Бывают же совпадения и похожие люди.

Иду в сторону туалета, но поворачиваю не в уборную, а в закулисы клуба. Навстречу пробегает группа ребят в масках. Вглядываюсь. Её с ними нет...

И где искать? Кручусь на месте, куча дверей, она может быть за любой. Но искать не пришлось. Она сама врывается в меня. Не смотрит даже куда идёт.

Грубо говорит что-то на русском. Блин, я ж не понимаю ни хрена! Переходит на английский. Голос просто бомба, мягкий с хрипотцой. У меня от него внутри всё завернулось в узел. Он как будто обволакивает. Расскажи мне сказку на ночь... Сказку для взрослых мальчиков...

Это она! Ни капли не сомневаюсь. Те же трепетные ощущения где-то в солнечном сплетении от её близости. Держу за плечи, а у самого сердце где-то в горле бьётся.

На вопрос, что я здесь делаю, говорю, что первое пришло в голову — ищу туалет. По прищуренным глазам вижу — не верит. Я бы тоже не поверил.

Надо бежать. Но куда? Ноги просто вросли в пол. Чёрт! Со мной так впервые! Я даже рядом с самыми красивыми женщинами мира так не терялся, как рядом с ней.

Вдруг девушка просит помочь замотать ей тейп. От приглашения прикоснуться к ней не отказываются. И я помогаю. А она просто смотрит. Равнодушно, почти без эмоций. Только глаза немного бегают. А у меня внутри просыпается вулкан. Помпеи мне сегодня обеспечены.

Она оставляет меня одного в коридоре в полном раздразне. Сказала через пару минут выступление, я не могу это пропустить. Быстрым шагом возвращаюсь в зал и иду к сцене. Гаснет свет. По танцполу пробегает возглас восторга.

Шоу начинается...

Я ничего не понимаю в танцах, но, кажется, это было смешение хип-хопа с другими стилями. Быстро, красиво и необычно. Это реально шоу, а не просто танец под современные биты и ремиксы.

На других я не смотрел, только на неё, не отрываясь. Таких гибких, как кошка, я видел разве что в цирке. Каждый раз, когда была её сольная партия, публика взрывалась восторженными возгласами и свистом. Так соблазнительно танцевать, при этом, не снимая с себя ничего — не каждая сможет. Никаких эмоций на её лице не видно, оно наполовину скрыто маской.

Как их там называли? Бандиты в масках? Ну да, сердце она здесь много в этот вечер украла, пару раз проползая по краю сцены и заглядывая в глаза парней. Я тоже поймал на себе её взгляд, мне показалось, что она смеётся. Пробежали мурашки, а сердце предательски забилось сильнее.

Девушка вскарабкалась на канат, который висел на сцене, начала раскручиваться. По спине пробежал холодок... Никакой страховки. А она делает какие-то немыслимые вещи на высоте. Вдруг переворачивается вниз головой, разводит ноги в разные стороны и отпускает

руки... Всего пара метров и снова цепляется за канат, а моё сердце от страха на полу. По толпе проносится возглас ужаса, кто-то закрывает глаза руками или рот, кто-то хватается за грудь. А она разгоняет канат по кругу, делая перевороты в воздухе.

Приземляется и сразу в группу танцоров. Как ни в чём не бывало, двигается дальше. Нижний брэйк, что-то новое. Танцоры выходят в стойки на руках. Все одновременно падают плашмя на сцену и музыка стихает. Взрыв аплодисментов, крики восторга, свист и улюлюкание.

Я не могу прийти в себя от увиденного. Сердце бешено колотится... Для меня это за гранью реальности, но прекрасно понимаю, что это хорошо отрепетированный и поставленный номер. Сколько раз она падала с этой высоты, пока оттачивала его? Обязательно спрошу, когда увижу снова. А я в этом уверен... Не случайна эта встреча, спустя столько лет. Судьба сама подкидывает знаки.

Но после выступления в зале она больше не появилась, я безрезультатно всматривался в девушек в поисках её.

Опять сцепились с Антоном, иногда бесит его излишняя опека. Он это объясняет тем, что печётся о моей безопасности. Но эта забота, чёрт возьми, душит.

— Хочешь повторения истории в Эмиратах? — яростно зыркает на меня.

Ой, да помню я!

Мужичка, которого мы тогда срисовали, прессанули Антоша с друзьями, тот и выложил, что у него приказ от хозяина, того самого араба из ресторана, меня украсть и привезти к нему. Понравилась я своей дерзостью и красотой, вот и захотел богатый козёл игрушку в своей кровати.

Мы что, блин, в средневековье живём?!

Но, оказалось, таких случаев полно. Пропадают красивые молодые девушки и больше их никто не видит. Это только в рекламе всё красиво и безопасно. Просто люди не были в той клоаке, где живут те, кто это «красиво» строит и обслуживает.

Так что я помню... Я всё помню, даже то, что мне уже давно нахрен не нужно, но память зачем-то это хранит. Вот нафига мне помнить алгоритмы или интегралы? А они прочно засели в моей памяти.

— Не будь душлилой, Антоша! Тебе не идёт. Это Европа, здесь женщин побаиваются, — огрызаюсь в ответ.

Разворачиваюсь и иду к выходу через боковой коридор.

Он за мной.

— Думаешь, сможешь сбежать? Ты же знаешь, я тебя всё равно отслежу! — кричит вдогонку у двери.

Ага, попробуй! Пока ты хлопал ушами, свой телефон я закинула в твою сумку. Второй чистый в кармане. Они одинаковые, никто не знает, что их два. И стоит переадресация.

Братишка стал за мной упорно приглядывать с того дня. Геолокацию в телефоне подключил.

— Ты с Марком хотела что-то обсудить? — напоминает.

— Я передумала!

Марку твоему только повод дай, и он превратится в прилипалу хуже Гроу.

Возле клуба три чёрных кэба, падаю на переднее сиденье первого попавшегося. Это против правил, спереди пассажиров не возят. Но у меня свои правила и придется играть по ним.

Кэбмэн смотрит широко раскрытыми глазами на меня. Я натянуто улыбаюсь и подмигиваю. Он сглатывает... Всегда прокатывает. Красивой девушке не отказывают.

— Извините, мисс, но у меня уже есть пассажиры, — мямлит, кивая на заднее сиденье.

Разворачиваюсь, чтоб послать их лесом.

Fuck! Ты меня преследуешь сегодня?! На заднем сероглазый со своими приятелями. Говорят, у каждой девушки должна быть страшенькая подруга. Мэдлтон, ты даже меня переплюнул! У тебя их четыре, только друга.

— Я думаю, джентльмены не будут против, если я им составлю компанию? — хитренько улыбаюсь и строю глазки одному из друзей.

Он в замешательстве согласно машет головой.

— Ну и отлично! — поворачиваюсь к таксисту с фальшивой улыбкой. — Поехали!

Кэб привозит нас в паб «Голубая пташка». Симпатичное местечко. Была здесь пару раз. Хороший виски, кухня, живая музыка. И посетители сплошь одни богатые и знаменитые...

Ну ладно, ты! — смотрю на сероглазого, — звезда. Но твои приятели, судя по прикиду, из простых.

Пофиг! Я с ними тусоваться не собираюсь, выпью немного и пойду гулять по ночному Лондону. И пусть на улице ноябрь и погода теплом не балует даже здесь, в Москве вообще уже снег лежит, хочется побыть в одиночестве. Можно взять с собой стаканчик кофе побольше, чтоб не околеть уж совсем.

Кидаю сотню евро кэбмэну на сиденье, он смотрит на меня ошалевшими глазами, парни тоже заплатили. Жму плечами, фунтов нет, и иду к дверям паба. У вас же тут равноправие, каждый платит за себя.

Внутри, как и в клубе, битком. Пробираюсь сквозь толпу к бару, мест нет. Пара душераздирающих взглядов, как у кота из Шрека, в сторону мужчины рядом и вуаля — мне освободили стул. Кидаю воздушный поцелуй, а потом делаю такое выражение лица, чтоб даже не вздумал подойти.

Отлично, сработало...

— Мне самого лучшего виски и фисташки, — улыбаюсь бармену.

Тот, не смотря на большое количество заказов, мой выполняет первым.

Медленно потягивая горьковатый напиток из стакана, осматривая местную публику. Мелькает пара-тройка знакомых лиц. Один ведущий какого-то шоу на местном ТВ, другие вроде музыканты. Знаю, что здесь можно встретить крутых продюсеров или режиссёров. Было бы неплохо с кем-то таким познакомиться.

Ох, Сэл, бойся своих желаний, они сбываются. А ещё твоя жопа может влипнуть очередной раз в какую-нибудь историю.

Кто-то слегка хлопает по плечу сзади. Кто здесь бессмертный?

Сероглазый.

Ну да... И ведь не пошлешь, я помню, что он помог нам когда-то. И я по нему млела ещё какое-то время.

Первая любовь... В ней же всегда есть что-то особенное. Трепет сердечный, мечты яркие и сны с поцелуями. Для девочек это всегда что-то на грани фантастики.

Вопросительно поднимаю одну бровь. Мол, вы что-то хотели? Пусть не догадывается, что был когда-то пределом моих мечтаний.

— Могу угостить тебя чем-нибудь?

— У меня есть, — поднимаю свой стакан.

— Девушка должна пить вино или шампанское, — знаток нашелся.

— А если я уже не девушка? — отпускаю пошлую шуточку.

Да ладно, смутился! Seriously?!

Он терпеливо ждёт ответа.

— Нельзя мне шампанское, у меня непереносимость пузырьков, — решаю всё же поговорить с парнем. — Да и побывать в Лондоне и не выпить знаменитый шотландский виски — это грех.

Смеётся. У него милая улыбка с ямочками на щеках.

— Вот если бы ты вон тот скотч предложишь, то я бы ещё подумала, — загадочно улыбаюсь и показываю на бутылку.

— Бармен, два скотча! — шустро отдаёт заказ парню за барной стойкой.

Парень смотрит на меня, улыбается и через полминуты у нас в руках стаканы с элитным пойлом.

А Рон ловко прыгает, на освободившийся стул.

— За что выпьем? — нужен же повод для пьянки.

— За мои двадцать шесть! — чокается о мой стакан.

— Так у тебя день рождения? — смотрю, как он морщится от горячего.

— Угу, — с трудом проглатывает.

Я выпиваю свою порцию залпом. Холодный обжигающий напиток перехватывает горло.

— Поздравляю! — закидываю пару орешков в рот, они же здесь не закусывают.

— Спасибо! — его щёки ещё больше покрываются румянцем.

Показывает бармену, чтобы повторил. Тот шустро это делает.

— Не красиво как-то на день рождения и без подарка, — чокаемся, и следующая порция проваливается в желудок, как надо.

В голове появляется лёгкий дурман.

— Кто ж знал, что мы снова встретимся, — подмигивает.

— Узнал, да?

— Такое не забудешь, — улыбается, опуская голову. — Имени только твоего так и не знаю.

— Сельванна, — протягиваю руку.

— А я Рон, — неожиданно не жмёт руку, а целует.

Аристократично.

— Ладно! Как ты относишься к творческим подаркам? — потираю руки.

— Если ты хочешь мне розочку из салфеток скрутить, то так себе подарок, но от тебя и его приму, — он со мной флиртует.

Странно, но мне это нравится.

— Я про песню, — киваю в сторону группы музыкантов.

— Здесь такое не приветствуется, группа работает сама по себе, — качает отрицательно головой.

— Для тебя может быть, но на меня никогда правила не распространяются, — заговорщески шепчу ему в лицо.

Алкоголь берёт своё.

Пробираюсь сквозь людей к углу, в котором сидят музыканты, машу перед носом купюрой в пятьсот евро. Всё! Они ещё аккомпанемент обеспечат, но электрогитара моя. Сорри, чувак!

Песня группы «Muse» — отличный, на мой взгляд, выбор, можно показать свои возможности в разных тональностях. Плюс соло на гитаре, зря, что ли училась столько лет.

Подвыпившая публика принимает на ура. Такого успеха у меня ещё не было, только в танцах. Но и пою я редко.

Может начать ещё по ресторанам певицей подрабатывать? — смеюсь своим мыслям.

Мать меня тогда точно прибьёт.

Просят ещё хотя бы одну. Черт с вами! Пою Evenescence- Bring me to life на два голоса — мужской и женский. Шок, но и так я умею, не только в каких-то там шоу по зомбиящику.

Но больше интересно — понравился ли подарок имениннику.

Даже спрашивать не надо. В глазах огонь и восторг. Он тоже поёт, неплохой тенор, так что его оценка будет приятна. Хотя не знаю почему, всегда было пофиг... Я привыкла.

— Вот это голос! Круто! — блеск его глаз ослепляет.

— Спасибо! — усаживаюсь на своё место. — Надеюсь, такой подарок тебе приятней, чем розочка из салфеток?

— Мне такого ещё никто не дарил. По мне самое приятное в подарках — это впечатление... Послевкусие... Здесь оно зашкаливает, — философия...

К нам подошли его друзья, говорили, как круто спела. Познакомились, выпили, пообщались. Вроде неплохие ребята. Дружат с детства, вот почему такие разношёрстные. Просто Рон выбился в «большие» люди. У некоторых из них тоже творческие профессии: художник, музыкант. Тот, которому я подмигивала в такси — ассистент Рона, зовут Джек.

Несмотря на малознакомую компанию, было как-то легко и весело. Напрягало только одно — я постоянно ловила на себе пристальный взгляд сероглазого, и от этого был небольшой дискомфорт. Вот это я всегда боюсь, что я объект сексуального желания. Будь серой мышью — было бы проще. Только я такой быть не хочу. Хочу яркости и недоступности. Как дорогая вещь из музея — смотреть можно, а трогать нельзя. Я одному позволила себя за грудь потрогать и сфотографировать, теперь отбиться от прессы не могу.

Зажатость улетучилась после ещё пары стаканов скотча.

— Извините, — слышу голос сзади.

Поворачиваюсь к обратившемуся. Это симпатичный мужчина около сорока лет. Брюнет, чуть выше среднего роста. Модно и стильно одет.

— Вы прекрасно поёте.

— Спасибо! — странно начинает сосать под ложечкой.

Он протягивает мне визитку.

— Захотите стать звездой — звоните, — загадочно улыбается и уходит.

На визитке имя и фамилия. А ещё подпись о том, что это продюсер самой крупнейшей в мире музыкальной компании. Все самые популярные исполнители — их детище.

Говорила же — бойся своих желаний.

Друзья Рона уехали по домам, было уже поздно. Думала, что моя прогулка по ночному городу тоже отменяется. Но я ошиблась... Мэдлтон сам предлагает немного пройтись.

Перед уходом из паба заказываем пару больших стаканов с горячим кофе.

Неспешно идём по тротуару, прохожих почти нет. Болтаются только пьяные одиночки или парочки, орущие какие-то народные песни.

Улицы ярко освещены вывесками: магазины, кафе, рестораны. Очень романтично... Я ни с кем так по улицам города не гуляла. Только с друзьями, но это другое... А с кем гулять, если отношений у меня ноль, а подпускать к себе парней я побаиваюсь.

Грею руки о горячий стакан. Делаю маленький глоток обжигающего напитка.

— Тебе было страшно? — вдруг прерывает Рон наше затянувшееся молчание.

— Страшно? Когда? — не понимаю о чём он.

— Когда ты отпустила руки и сорвалась с веревки, — напоминает.

— Нет. Это хорошо отрепетированный трюк. Я всё контролирую. Но я вообще в экстремальных ситуациях не испытываю страха... Мне нравится щекотать себе нервы.

— Разве так бывает? — удивлённо смотрит на меня, останавливаясь.

— Выходит, что бывает, — равнодушно жму плечами. — Я последние три года всё время в поисках того, что мне принесёт положительные эмоции, такие, чтоб я смотрела на мир и думала, как же всё охрененно. Но этого нет...

— Почему?

— Потому что мир поделился в шестнадцать лет на черное и белое. А я застряла где-то в этой переходной серой линии микроскопического размера. И не знаю, как из неё выбраться.

— Не верю, что ты живёшь без эмоций! — очередное удивление. — Так не бывает.

— Эмоций навалом, чувств нет, — даже сейчас мой голос звучит холодно. — Радость, счастье... Их нет. Или очень, очень мало...

— А любовь?

— Любовь? — останавливаюсь и удивлённо смотрю на него. — Её тоже нет...

Только отвращение...

— Как же ты собираешься стать актрисой? Ведь актерская игра — это чувства!

Брякнула, что учусь в институте кинематографии, когда знакоилась с его друзьями.

— Там достаточно эмоций. Их я играть умею.

— Не согласен! — машет головой. — Без чувств хорошей игры не получится, нужно вжиться в роль! Поймать внутренний мир твоего героя, атмосферу вокруг и от этого отталкиваться...

— И это говорит актёр, который замечен не в одном говнофильме? Сколько номинаций на «Золотую малину» было у предпоследнего фильма с твоим участием? Пять! — Развожу пальцы на руке и показываю ему.

— Да, но заметь — ни одной за худшего актёра, — смеётся в ответ.

— Ты сценарии вообще читаешь? Или тебе пофиг в чём сниматься?

— Читаю. Но я могу выложиться на все двести процентов, а плохая графика, работа монтажера и прочих людей, работающих над фильмом, может уничтожить все мои старания. Думаю, следующая картина тебе понравится, — улыбается.

Блин, эти ямочки на щеках...

— Не разочаруй меня, — грожу ему пальцем.

Мой кофе закончился, и стаканчик летит в урну. На улице прохладно. Кутаюсь в куртку. Не предназначена она для прогулок холодными ноябрьскими ночами. Да и не собиралась я изначально сбегать из клуба. Просто душнила Антоша достал. Планировала поехать в отель и выспаться до отлёта в Москву. Но всё пошло не по плану. И сейчас я брожу по улицам Лондона в компании с красавчиком. Надеюсь, никто нас тайком не снял, мне ещё здесь проблем с прессой не хватало, дома навалом. И от его поклонниц хэйта получить. Фанатки Гроу достали. Они ж из-под земли выкопают всю информацию на тебя, Шерлоки малолетние.

А ведь это могло бы стать доказательством...

Нет! Не нужно Рона вплетать в наши тёрки с Алексом. Найду другой выход.

У меня замёрзли руки, пытаюсь согреть их трением друг о друга. А сероглазый смотрит на мои попытки, слегка улыбаясь уголком рта. Потом подходит, берёт мои ладони в свои и начинает на них дышать.

Смотрю на него, как на ненормального, такое только папа себе позволял и то в детстве. И вдруг он... Необычные ощущения, даже не знаю что делать. Надо бы отдернуть, может быть даже ударить, но не хочется... Дыхание приятно согревает. Просто стою и смотрю на него как дура. А он на меня, в глаза, не мигая. Гипноз какой-то... И брезгливости я не испытываю. А почему? Не понимаю...

Становится тепло.

Он отпускает мои руки и одну из своих протягивает к моей щеке, нежно гладит. Его взгляд перебегает от глаз к моим губам и так несколько раз. Я знаю, что это означает. И я не ошибаюсь. Он притягивает и целует. Нежно и осторожно. Я не сопротивляюсь. Не могу... Не хочу...

Мне нравится. Даже запах алкоголя не неприятен. Я закрываю глаза и обвиваю руками его шею, он притягивает сильнее. Теперь поцелуи более смелые и глубокие. У меня подкашиваются ноги. Мозг орёт остановиться, оттолкнуть, но что-то другое против. Наоборот, не хочу отрываться.

Сознание и самоконтроль куда-то уплывают на эти мгновения.

Мы целуемся. Долго... Какая-то неведомая сила заставляет меня не сопротивляться этому красавчику.

Кажется, я догадываюсь, в чём дело. Он первая любовь. Он ассоциируется с вниманием, помощью и защитой. Таким доверяют... И верят, что обидеть они не могут.

Поцелуй прерывает звук клаксона проезжающей мимо машины.

Чтоб вас, суки!

Неет... В его объятиях так тепло.

— Я живу здесь недалеко, — хрипло произносит он, упираясь лбом в мой.

— Неа, — реальность возвращается.

На такие приглашения я не ведусь.

— Просто хотел предложить тебе чай, ты замёрзла, — понимает, что продолжения не будет.

— Я лучше поеду в отель, в пять самолёт домой, — достаю телефон из кармана, чтобы вызвать такси.

— Уже? — разочарованно смотрит на меня. — Хотел пригласить тебя куда-нибудь

вечером...

— У меня зачёты, я не могу задерживаться, — пожимаю плечами.

Такси будет через пять минут.

— Когда ты в следующий раз прилетишь? — с надеждой смотрит на меня.

— Не знаю, не раньше чем через месяц...

Будешь ждать меня, Хатико?

Будет... По глазам вижу. Они такие добрые.

До приезда кэба обмениваемся номерами телефона. Мне не хочется терять с ним контакт, ему тем более. Зацепила. Крепко. Иначе бы не поцеловал.

Чмокаю на прощание в щёчку, подумав перед этим, а стоит ли, и уезжаю в гостиницу. Там Антоша рвёт и мечет. Равнодушно разговариваю с ним, прошу оставить свои попытки тотального контроля. Никуда я не делась, погуляла и пришла.

Говорю, что мне надо выспаться и уйду в спальню. Сон приходит не сразу, мозг всё ещё прокручивает в памяти наш поцелуй с Роном, и как это было приятно. Может не всё со мной и плохо? И я умею любить и доверять? Просто раньше мужчины попадались не те. А сейчас вот он — тот самый, в которого и влюбиться можно и отдаться без страха.

Время летит как обычно. Каждый день учёба, тренировки, репетиции, работа. День сурка просто... Пару раз выбирались с друзьями куда-нибудь потусить, но и это всё начинает приедаться. Мне почти двадцать, а я уже устаю от всего этого, а жизнь, по сути, только началась. Надо что-то менять...

Гроу уехал на гастроли. Спасибо, Господи! Я облегчённо выдохнула без его внимания. И врать про нового парня не придётся. Вернувшись из Лондона, я до чертиков боялась, что он заявится и потребует предъявить пруфы. А их нет.

Скучно... Чего-то не хватает.

Включаю сериал с участием Мэдлтона на ноуте, новый, я ещё не смотрела его, даже в русском дубляже нет. Просматриваю одну, вторую серию. За десять минут до конца кто-то звонит на телефон по Facetime. Смотрю на экран смартфона, и сердце пропускает удар. Рон... Вот прям не раньше — не позже. Ставлю кино на паузу, а там, между прочим, его герой направляется в душ. Как говорится — ну на самом интересном месте!

— Ні! — здороваюсь, когда его лицо появляется на экране.

— Привет! — довольно улыбается.

— Не думала, что ты позвонишь...

— Извини, у меня съёмки с утра и допоздна, а учитывая разницу во времени, не будить же тебя среди ночи. Сегодня первый день как свободно вздохнул и пораньше освободился, — виновато оправдывается.

— Ничего страшного, — делаю вид, что мне плевать.

А мне не плевать! Я почему-то переживала из-за его молчания. И послать бы его в известное место, но что-то упорно во мне ждало этого звонка.

— Чем занимаешься?

— Смотрю тут кое-что, а ты прервал на самом интересном, — закатываю загадочно глаза и направляю экран смартфона на ноутбук.

— О, нет! Не смотри! — наигранно изображает волнение.

— Так! Даже интересно, что там, — клацаю кнопкой.

Оу!

— А у тебя оказывается «вкусные» булочки! — кладу голову на бок, чтобы лучше было видно. — Уф!

Он изображает фэйспалм, на экране ноута во всей красе его голый зад в душе. Звездец! Там тоже ямочки!

— А тату твоё или нарисовали? — вгоняю своим вопросом в ещё большую краску.

— Нет у меня татуировок, — машет головой.

— Старомодно, но похвально.

— А у тебя есть? — вот гад!

— Есть, одна и маленькая, — загадочно улыбаюсь.

Где не скажу.

Мы проговорили больше часа. Не было никакой зажатости и отсутствия интереса. Наоборот, хотелось узнать о нём побольше. Он не пускает журналистов в свою личную жизнь, все интервью только про работу, или случаи из прошлого. Никто не знает, как и чем он живёт. А его жизнь — это театр и кино. Есть ещё семья, но живут они в разных городах,

видятся не часто из-за занятости.

Встретились два одиночества...

О, мать! Тебя повело не туда. С каких пор на романтику потянуло? Мужики — козлы и мудаки, готовые только пользоваться. И эта мысль крутилась в моей голове последние три года. И вдруг Мэдлтон... Он плохо на тебя действует. А может наоборот хорошо? Я пока не определилась...

После разговора хватаю сумку и лечу в спортзал. Надо придти в себя и сбросить весь этот внутренний напряг, который давит изнутри и заставляет что-то завязываться внутри в узел. Молотила грушу как ненормальная руками и ногами. Чуть не прилетело Прохорову, который подошёл с попыткой меня остановить. Кулак замер в нескольких сантиметрах от его лица. Тяжело дышу, пот градом.

— Не говори, что опять всё достало, — предполагает.

Мы редко общаемся не по тренировкам после того случая, когда я разбила ему лицо и от какого-то помутнения от вида крови мы переспали. Он был первым после того случая... И единственным. Я ума не приложу, как так получилось. Увидела кровь, вытекающую из его раны над бровью, и в голове что-то щёлкнуло. Очнулась, когда всё произошло. Нет, я помню, как это было, но словно не со мной. Я озверела. И это был не сколько секс, сколько животное спаривание. Но ему понравилось. А вот мне нет. Я теперь, когда кровь где-то вижу, у меня в голове, словно рубильник выключается, хочется снова так же. Контроль включается с огромным трудом.

— Есть немного, — отвечаю, развязывая перчатку.

— Может, расскажешь?

— Прости, но откровенничаю я только в кабинете психолога, — отказываюсь.

— Может со мной лучше получится?

Отрицательно машу головой и иду в душ. Стоя под струями прохладной воды с закрытыми глазами в голове прокручиваю сцену из фильма.

Эта чёртова роновская задница! Она словно в этот момент передо мной.

Да чтоб тебя!

* * *

Две следующие недели мы общаемся с Роном почти каждый день, за исключением тех, когда у него были напряжённые последние съёмки. Мне показалось, что мир вокруг меня даже заиграл яркими красками. Когда у людей есть общие интересы — это сближает. С Антошей мы, например, подружились из-за танцев. А тут актёрство. Только дружба у нас не получится...

За ужином мать сказала, что они собираются на выходные в Лондон на открытие какой-то выставки современного искусства.

— Я тоже с вами!

— С каких это пор?!- удивляется мама. — Это же «ниже твоего достоинства» ходить на такие мероприятия, — цитирует мои же слова.

— Я могу и не ходить, — пожимаю плечами.

Но в Лондон я попасть обязательно должна.

— Хочет ехать — пусть едет, — застывает отец. Он всегда меня поддерживает.

Отлично, пап!

После ужина прокрадываюсь неслышно в кабинет отца. Это детская игра. Он всегда сидит в большом удобном кресле, которое стоит спинкой к двери. Я закрывала ему глаза ладошками, а он делал вид, что не знает, кто это и называл всех, кто был в доме. Я тихонько хихикала и говорила писклявым голосом нет. Потом он подхватывал меня и усаживал на колени, делал щекотку. Сейчас я так делаю только тогда, когда мне что-то нужно.

— Так-к, — медленно протягивает, отрывая мои руки от глаз. — Что опять нужно? — ласково улыбается.

Обычно он выполняет любую мою просьбу или каприз.

— Скажи, а выставка будет проходить в зале Хэймана? — начинаю издали.

— Да, — смотрит с ожиданием.

— Ты можешь попросить его внести в список приглашенных ещё одного человека? — прикусываю просяще нижнюю губу и кокетливо приподнимаю бровки.

— И кто этот человек? — откладывает бумаги, которые держал в руках на стол.

— Его зовут Рон Мэдлтон.

— И кто он?

— Друг, — почти, правда.

Отцу про поцелуи знать, пока не следует. Он не лезет в мою личную жизнь, но ведь не знаешь, как отнесётся к моим новым знакомствам. Гроу ему не понравился. Не сам по себе, а его родственные связи.

Он смотрит строго, с прищуром. Но я делаю равнодушное лицо — типа, ну, правда, пап, просто друг.

— Ладно. Имя напиши, — подаёт мне стикер. — Напишу Брайану.

— Спасибо, па! — чмокаю его в щеку и быстро нацарапываю имя на бумажке.

Надо сообщить сероглазому, что на выходных я прилечу в Лондон.

— И кто этот Рон? — встречает меня у двери комнаты Стаська.

— Не твоё дело! — показываю ей язык. — И перестань подслушивать!

— Я и так знаю! Это актёр! Где ты с ним познакомилась? — ломится ко мне в комнату, пока я шутливо пытаюсь закрыть дверь.

— Познакомилась и познакомилась. Какая разница где! Тебе-то что? — отпускаю дверь, и она влетает в комнату.

— А как же Алекс?

— Отвали ты от меня с ним! Нет между нами ничего, и не будет. Он достал хуже мухи.

— Тогда расскажи что-нибудь про Рона, — боже, эти умоляющие голубые глазки. — Он такой лапочка! — запрыгивает ко мне на кровать.

— Да, лапочка, — говорю тихо.

Сажусь в кресло у стола, беру телефон и набираю ему сообщение, что буду в Лондоне в это уикэнд.

Р: это круто!

Я: готовь смокинг, адрес скину позже

Р: смокинг? Зачем?

Я: идём на выставку!

Р: Ок! С тобой хоть в ад)))

Я: и туда тоже заглянем)))

— Ну, хватит чатиться! — недовольно бухтит мелкая. — Расскажи, как познакомились.

— Ладно, — закатываю глаза. — Мы выступали в «Harmonic», он пришел туда отпраздновать с друзьями свой день рождения. Потом пересеклись в пабе, предложил выпить, разговорились. Всё! — о том, что нагло влезла в их такси, я опустила.

— Вы теперь общаетесь? Ты ему писала? Какой он? — закидала меня вопросами.

— Эй, притормози! Нормальный он. Без загонов, в отличие от некоторых. И да, я ему сейчас писала.

— Блин! Познакомишь меня на выставке? Я хочу сделать его фото. Вот все девчонки в классе обзавидуются! — Остапа понесло.

— Это ему решать, я бы с такими мелкими не знакомилась, — снова зависаю в телефон.

Мне в голову прилетает подушка.

— Заноза ты, Анька! Не удивительно, что у тебя парня нет. И этот не вынесет твой говнохарактер.

— А вот это уже не твоё дело! — кидаю подушку обратно. — Тот, кто полюбит по-настоящему, не сбежит.

— А он что уже в любви признался? — опять подушкой по лицу.

— Всё, мелкая! Это война!

Дальше по комнате летает всё, что способно летать. Наигравшись вдоволь, падаем обе на кровать. Она переворачивается на живот, упирается руками в подбородок и смотрит на меня.

— Вы целовались? — шепотом.

— Тебе-то какое дело? — возмущаюсь.

— Значит, да! — улыбается, закусив нижнюю губу. — И как это было?

Я не знаю, что ей ответить, ложусь как она и просто улыбаюсь. Мне понравилось. Невероятно, но факт. И даже убить не хотелось.

— Круто! — делает она вывод по моей молчаливой реакции.

Дождаться пятницы было реально сложно. Я просто минуты считала. С чего вообще так? Всегда ко всему относилась наплевательски, а тут прям место себе не нахожу.

Отсидела всего пару лекций и сбежала. В аэропорту ждал частный самолёт отца. Четыре часа в полёте и мы в Лондоне.

В отели всё уже готово к нашему приезду, осталось только платье расчехлить и причёску сделать. Не сильно с этим заморачиваюсь, просто скручиваю волосы в объемный пучок, а мама помогает закрепить шпильками. Пара свободных локонов по бокам придают лёгкую небрежность. Минимум макияжа, только чтоб оттенить глаза и губы. В жизни я обычно пользуюсь только тушью и блеском для губ. Несколько капель духов. Мой любимый аромат, его создают только для меня. Нотки экзотических фруктов и шоколада. Сногсшибательная смесь. Надеваю чёрное шёлковое платье на тонких бретельках с открытой спиной, туфли на шпильках.

— Надеюсь, твой Рон достоин такой красоты? — поддевает мама, папа проговорился.

— Не сомневайся, — кручусь у зеркала.

Шикарна со всех сторон.

— Жалко мне парня, — вздыхает.

— Почему это? — застегиваю серьги.

— Проглотишь и вкуса не поймёшь. Чтоб твой характер выдержать, нужны иридиевые нервы и такие же яйца. Он же не догадается какая «радость» его ожидает, — язвит мать.

— Ну, вы же как-то терпите...

— У нас выбора нет. Ты наша дочь и мы тебя любим, — вскидываю вверх брови, давно я этих слов не слышала. — А он тебя не знает толком.

— Вот и узнает, — поворачиваюсь и иду к выходу.

Там папа всю сигнализацию, что нам пора ехать.

Шикарный Роллс Ройс привозит нас в здание арт-галереи Хэймана. Гостей полно, все бродят с томным видом между экспонатами и потягивают шампанское из бокалов. Я беру простую воду без газа. Родители встречают знакомых и отвлекаются на разговор, Стаська где-то бежит с фотоаппаратом. Юная папарацци...

Я останавливаюсь у картины, на которой изображены цветные пятна. Ёпрст! И это искусство? Да-а, далеко им до Да Винчи или Рафаэля. Даже на Шишкина не тянет. А стоит наверное, так же.

— И какие мысли у вас возникают, глядя на этот шедевр? — раздаётся тихий вопрос справа почти у уха.

— Что кто-то переел овощного салата, и его стошнило, — я так вижу!

— Фу! Какие ужасные мысли, — негромкий смех.

Я поворачиваюсь. Сзади Рон с улыбкой до ушей и своими неизменными ямочками на щеках.

Мамочки, держите меня семеро! Я тащусь от каких-то ямочек...

На нём отличный чёрный смокинг.

— А что видите вы, сэр? — подыгрываю ему.

Он внимательно смотрит на картину, делает вид, что усиленно работает мозгами. Аж прищурился.

— Чёрт! Как теперь развидеть то, что ты описала?

Оба смеёмся. На нас косятся как на умалишенных. Одна женщина даже цыкает в нашу сторону. Мы прыскаем от смеха в кулаки.

— Привет! — неожиданно прижимается ко мне Стаська, не сводя глаз с Рона.

— Привет! — удивляется Мэдлтон и протягивает ей руку.

Она хочет пожать, но он отрицательно машет пальцем и целует в тыльную сторону ладони, немного наклоняясь в реверансе. Девчонка ошарашено открывает ещё больше глаза и краснеет.

— Я эту руку теперь мыть вообще не буду, — говорит мне по-русски, чтоб он не понял.

— Это моя младшая сестрёнка. Анастасия, — представляю я.

— Красивое имя. Я видел мультфильм с таким названием.

— Да есть такой, про дочь российского императора, — подтверждает Стаська. — А можно вас сфотографировать? — по-детски наивно спрашивает у Рона.

— Почему бы и нет?! Можно, — смотрит с улыбкой на меня.

— Спасибо! — восторгу нет предела.

Она объясняет, как ему встать, чтоб свет правильно падал, делает несколько снимков. Потом ещё в другой позе.

— А теперь давай нас вместе, — хватая меня за руку и притягивает к себе Рон.

Одну руку кладет на талию и смотрит так, что до мурашек пробирает. Стаська щёлкает затвором.

— Кхе, кхе... — прокашливается сзади мужчина.

Родители!

Рон быстро опускает руку с моей талии и в замешательстве прячет за спиной.

— Добрый вечер! — смущённо здоровается с моими родителями.

— И вам добрый вечер... — папа вопросительно смотрит на меня, делая вид, что не знает, как его зовут.

— ...Рон, — помогаю вспомнить.

— Рон... Точно.

— Это мои родители — Ольга и Александр, — представляю их Мэдлтону.

— Приятно, познакомиться, — жмёт руку папе и целует маме.

— Нам тоже очень приятно, — старается быть вежливой мать, внимательно смотрит на него. — Мы раньше не встречались? Я знаю что вы актёр, но мне кажется, мы где-то виделись лично?

— Рон — парень, который помог довести меня до больницы четыре года назад в том городе на берегу.

— Надо же! Как тесен мир! — вскидывает бровь и осматривает нас с вниманием.

Тогда она мне сказала, что он помог не по доброте душевной, а потому, что ему моя задница понравилась. Меня это очень обидело...

За ужином, который был позже, мать ещё не раз задавала Рону неловкие вопросы. Он старался вывернуться, как мог, но не всегда получалось.

— Мы не на допросе, мам! — осаживаю её. — Ты как из Гестапо, пытаешься накопать в нём что-то.

Рон посмотрел на меня, открыв рот. Да, я позволяю огрызаться родителям.

— Угомонились обе! — рычит на нас отец. — Не хватало, чтобы вы ещё здесь при людях сцепились. До дома потерпите!

Через пять минут я предлагаю Рону сбежать с этой тухлой вечеринки. Он соглашается. Направляемся в «Harmonic».

* * *

Обычная обстановка для этого места: громкая музыка, подвыпившие посетители и битком забитый танцпол.

Охрана подкатывает для нас два стула к бару.

— Я так понимаю, ты здесь VIP гость? — кивает на уходящего охранника.

— Это клуб брата моего лучшего друга, — показываю в сторону второго этажа. Марк с какой-то телкой тусуется там у ограждения.

— Понятно теперь, почему ты здесь выступаешь.

— Это просто работа, — жму плечами и подаю знак бармену, что мне как обычно.

— Не думаю, что ты нуждаешься в деньгах, — намекает на богатых родителей.

— Ты ошибаешься. Мать периодически блокирует мои счета, наказывая меня так. Бьёт так сказать рублём. Вот и приходится выкручиваться. А Марк за танцы хорошо платит. Я же не голая здесь выступаю, всё прилично.

Мы чокаемся стаканами со скотчем и выпиваем. Бармен пододвигает тарелочку с лаймом. Снова наливает. Мило улыбаюсь ему.

— Вот это раз! — Раздается за спиной.

Марк.

Они очень похожи с Антоном, такой же здоровый детина, только причёски разные. И такой же трахающий всё, что шевелится. Только у Марка цель есть — это я. Давно шары подкатывает. Но мне такой не интересен, он любитель садо-мазо, а меня от одной мысли, что мне могут сделать больно — воротит.

— И вам здравствуйте, господин хороший! — язвлю в ответ.

Он смотрит с неприязнью на Рона, потом обращается ко мне:

— Я звонил Антону в начале недели, хотел договориться о вашем выступлении, народ был в коме от твоего «падения». А он сказал, что ты не сможешь, потому что улетаешь куда-то с родителями. А ты здесь!

— Да, я здесь, как видишь, — морщусь от выпитого.

— Может, всё же выступишь? Плачу десять кусков, — предлагает Марк.

Рон смотрит то на меня, то на него.

— Нет!

— Двадцать!

Мэдлтон открывает от удивления рот.

— Давай сразу пятьдесят, и я станцую у тебя на барной стойке, — шучу я.

— По рукам! — Заявляет Решетняк старший.

Да, ладно! Я ж в шутку ценник брякнула! Марк, ну ты чего? Серьёзно?

Он серьёзно. Он шутить не любит. Он вообще мутный и схемы у него такие же.

— Я в этом не могу, — показываю на своё открытое платье, с надеждой, что он передумает. — И охрана нужна...

— Гримёрка в твоём распоряжении. Я перевожу деньги, — деловито заявляет, отходя в сторону с телефоном. На ходу подзывает охранника и даёт ЦУ.

— Из-ви-ни, — обращаюсь к Рону.

— Он что предложил пятьдесят тысяч долларов за один твой танец на баре?

— Фунтов... стерлингов, — поправляю я. — Я скоро.

Разворачиваюсь и иду переодеваться.

Саунд: Dan Balan- Chica Bomb

Через пятнадцать минут Сэл появляется в компании двух охранников, другие оттесняют людей от бара, освобождая место. Она шепчет что-то на ухо одному из амбалов и тот даёт знак, чтобы меня не трогали.

Так у меня лучшие места!

На ней короткие обтягивающие шортики-трусики и белая майка. Я даже не уверен, есть ли под ними бельё. Волосы распущены и поражают своей длиной. Сплошной секс...

Диджей включает музыку. Ну да, какую же ещё, как не про секси бомбочку. Её движения плавные и зазывающие. При этом играет лицом, делая всё, чтобы завести публику. И она заводится. Крики и свит оглушают. Кто-то пытается прорваться к бару, но охрана не подпускает. Понятно, её же мужики просто порвут на клочки. На призывы раздеться только немного оголяет живот. Иногда чтоб завести мужчину не нужно полностью раздеваться. Сельванна в этом, похоже, профи.

Градус накала повышается. Движения более призывные, она даже ко мне подползает, облизывает свои пухлые губки.

Малышка, меня ж здесь придушат!

Переворачивается на спину и ложится на стойку лицом ко мне, тянет за лацкан пиджака ближе к своему. Неожиданно облизывает мне шею от ворота до подбородка. В голове мутнеет от такой близости.

Поднимается и качает, присаживаясь бёдрами, гладит себя руками. Вдруг из-за бара по ней ударяет струя воды. Марк окатывает её со шланга. Но она даже ни на секунду не остановилась. Наоборот, подставляет тело струям. Одежда просвечивает, на ней нет верха белья. Видна полная грудь. Я судорожно сглатываю. Возбуждение распирает мои брюки. Она продолжает танцевать вся мокрая. Публика ликует.

Когда заканчивается музыка, Марк помогает ей спрыгнуть со стойки. На мгновение задерживает в своих руках и пялится на грудь под майкой. А меня начинает съедать ревность. Но она решительно его отталкивает и идёт ко мне.

— Идем, — берёт за руку и ведёт за собой.

Охрана обступает вокруг. Разгоряченные парни готовы на всё.

Мы идём по тому коридору, в котором я её встретил в первый день до какой-то комнаты. Гримёрка. Она уходит за ширму, слышно как на пол падают мокрые вещи.

— Придунок, со шланга меня окатил, — злится на Марка, а там этого не было видно.

Выходит в махровом халате и с полотенцем на голове.

— Почему он так много платит за твои выступления? — допытываюсь правды, делая вид, что разглядываю какую-то вещь на тумбочке.

Меня ещё не отпустило произошедшее. В ушах до сих пор звон стоит.

— Потому что он ко мне неровно дышит, — спокойно отвечает, растирая полотенцем волосы. — Давно... Мне тогда ещё шестнадцать было. Только-только с Антоном познакомились, его братом младшим, ты его в прошлый раз видел. Марка даже возраст не смущал, говорил, что по закону при согласии можно. Но я не согласилась. А напирать он не стал. С кем спать ему и так хватает. Но упорно продолжает покупать меня таким образом. Даже записи всех выступлений делает.

— Зачем?

— Не знаю, дробит наверное потом...

Я только недовольно хмыкнул.

— К сожалению, придётся уйти отсюда. Мне теперь прохода не дадут, — подошла к своей сумочке и достала телефон. — Шустрый, уже и деньги пришли.

— Можем поехать в другое место, — предлагаю я.

Она смотрит на меня с лёгкой ухмылкой.

— А приглашение на чай у тебя дома ещё в силе? — понижает тембр голоса.

По телу пробегают предательские мурашки. Если домой, то это... Я же правильно понимаю?

— Конечно...

— Тогда я согласна, — улыбка Мона Лизы. — Только волосы высушу, — берёт рядом лежащий со мной фен.

Через полчаса мы у меня дома. Квартиру я снимаю не, потому что не могу себе позволить купить, просто пока не вижу в этом смысла. Дом нужен, когда есть семья. А зачем он холостяку? Это центр Лондона, цены даже на съёмную огромные. Но я не жалею. Хорошая квартира с современным ремонтом, солнечная, когда это солнце есть. Это всё-таки Лондон...

Сельванна робко проходит в мою берлогу. Я включаю несколько ламп, чтобы не сильно бил свет.

— Добро пожаловать в мою холостяцкую пещеру! — шучу я.

— Не такая уж и пещера, — осматривает всё вокруг.

Я помогаю снять пальто.

— Я поставлю чайник, — скидываю пиджак и ухожу на кухню, оставляя её одну.

Когда возвращаюсь с двумя кружками чая, то застаю её изучающей мою библиотеку. Раньше много читал, сейчас нет времени, просто слушаю аудиокниги на ходу.

Протягиваю одну кружку ей.

— Хорошая коллекция. Почти одна классика, — замечает она.

— Да, было время — читал много.

— Я тоже. Сейчас в основном учебники, — дует на чай, втягивая носом аромат.

У меня всё внутри сжалось. В животе запорхали бабочки от того, как она губы трубочкой сложила.

— Что у тебя любимое? — стараюсь отвлечься.

— Много. Но в основном историческое что-то. Я много лет готовилась к поступлению в институт международных отношений, а прямо после выпуска из школы передумала и пошла в актрисы.

— Не жалеешь?

— Нет! С меня бы вышел плохой дипломат, я не умею договариваться, умею только требовать, — шикарно улыбается.

Её близость и то, что мы наедине немного опьяняет. У меня грязные мысли. При этом я жутко этого боюсь. Красивые девушки у меня были, но не такая... Вдобавок здесь не просто желание секса, здесь чувства. Я давно это понял. Поэтому и позвонить долго не решался первый раз. А сама бы она этого не сделала, она сказала об этом в разговоре.

Мысли отвлекают меня, и я пропускаю её вопрос, а она смотрит и ждёт ответа.

— Где ты витаешь? — внимательно приглядывается.

— Извини... задумался... О чём ты спросила?

— Не важно, — делает несколько шагов ко мне.

Между нами расстояние всего несколько сантиметров.

Её взгляд гуляет по моему лицу. В глазах застыл какой-то вопрос, понятный только ей.

Ощущение — она борется с собой.

Я облизываю пересохшие губы. Атмосфера вокруг накаляется. Сэл приближается ко мне вплотную и целует в губы. Я, не глядя, ставлю кружку на полку, кажется она падает, и обнимаю. Её рот размыкается, и я проникаю туда языком, она прижимается ко мне сильнее. Руками обхватывает лицо. Ловкие пальчики пробегают по моим щекам, подбородку, очерчивают уши. У меня просто взрыв в голове. Задыхается и отстраняется.

— Сэл? — не понимаю, что с ней происходит.

Зажмуривается и снова целует.

Я знаю, что это случится сегодня. Сейчас... Подталкиваю её в сторону спальни, она не сопротивляется. Прижимаю к стене и целую в шею. Она громко втягивает воздух, сжимаясь в комок. Рукой касаюсь торчащих из-под шёлка сосков. Издаёт слабый рык. Замирает и о чём-то думает. Она растеряна, взгляд расфокусирован. Очередной глубокий вздох и руки тянутся к моему ремню. Быстро расстегает его и ширинку, запускает руки под брюки, сжимает и слегка царапает ногтями мои ягодицы. Теперь мой стон. Я спускаю бретельки её платья, и оно падает под ноги. Сэл остаётся только в кружевных трусиках. Немного отстраняюсь, чтобы её разглядеть.

Fuck! К такому телу даже прикасаться страшно. Шикарное! Не один час в день проводит на тренировках.

Но она возвращает меня в реальность. Прижимаясь и потираясь неловко о мой пах. Там заныло от желания. Тело просто сгорает, а сердце готово выпрыгнуть из груди, как в старом мультике. Трясущиеся пальчики расстегивают мою рубашку и стягивают с меня. Ладони гладят грудь. А губы впиваются в шею. Завтра будет засос. Похер!

Это что-то нереальное. Так не бывает! Я даже не могу объяснить, что я чувствую, я просто сгораю от желания. Но и ударить в грязь лицом не могу, она тоже должна получить удовольствие. Но она жутко скована, мышцы напряжены. Последняя одежда летит на пол, и мы на кровати. Я нежно и ласково глажу изгибы её тела, изучая руками каждую деталь. Это кайф. Когда вхожу в неё, она издаёт громкий стон и пытается отстраниться.

— Нет, малышка... Только не останавливайся, — целую в шею, пытаюсь пресечь попытку сбежать.

В глазах паника. Ты боишься...

— Я люблю тебя... — шепчу на ушко, прикусывая краешек.

Огромные чёрные глаза распахиваются, и в них проскакивает немой вопрос. Поверь мне малышка... Зацеловываю лицо. Расслабляется.

Меня пробивает током. Она начинает двигаться вместе со мной. Сначала осторожно и цепляясь ногтями в мои плечи, дальше отпускает себя, и мы уходим в один ритм. Сдержанные стоны срываются с пухлых губок. А я не сдерживаюсь, хочу, чтобы знала, что мне с ней круто.

Мы долго пытаемся отдышаться. Оба мокрые, как будто опять окатили из шланга. Безумие какое-то!

Она встаёт с кровати, натягивает мою рубашку и молча показывает по сторонам пальцем. Это вопрос — где душ? Я так же безмолвно показываю направление и падаю на

подушку с целью расслабиться. Получается плохо. Я не удовлетворен полностью. Мне мало. С ней хочу ещё и ещё, до бесконечности.

Сельванны долго нет, и я начинаю волноваться. Я чем-то обидел? Вроде не сделал ничего ужасного...

— Сэл, ты нормально? — стучу в запертую дверь ванной.

— Да, — тихо и сдавленно.

Кажется, что на надрыве и с всхлипыванием.

— Малыш, открой дверь, — требую от неё.

Открывает, но не сразу. Пыталась смыть следы потекшего от слёз макияжа, но глаза выдают.

— Я сделал что-то не так? Тебе не понравилось? — обнимаю за плечи.

— Понравилось, — слишком сухо.

— Тогда почему слёзы? — глажу по красивому личику.

— Это первый мой нормальный секс после... — замолкает. — Изнасилования...

Рон ровно дышит во сне, лёжа на животе, одной рукой прижимает меня к себе. А я смотрю на него спящего. Я не извращенка, всё прошло без кровавого катализатора.

Это было сложно. Ломать себя изнутри всегда не просто. Но я смогла. Не могу я всю жизнь себе из-за одного уroda перевернуть. Другие же не виноваты, что кто-то воспользовался моим бессознательным состоянием и решил меня поиметь. Вот Рон точно не виноват. Он любит...

А я? Я его люблю? Честно? Не знаю... Но то, что он занял особенное место в моём сердце и жизни — факт. Иначе я бы не подрывалась от одного его звонка, и сердце не билось как сумасшедшее от каждого входящего сообщения. То, что было ночью, даже в голове не укладывается. Ведь я сама сделала первый шаг, хотела проверить, способна ли я быть «нормальной».

Способна... Ещё зажатая, но я и это в себе сломаю. Я хочу жить без страхов и паники. Жить как обычные люди. Предаваться любви, ласкам и похоти, не вспоминая, что кто-то там где-то там решил воспользоваться мной без моего ведома и желания.

В какой-то степени я и сама была виновата, не выпей я шампанского, ничего бы не случилось.

Ты не знала об особенностях своего организма, — спорит мой внутренний голос.

Не знала... Надо было вообще не пить.

Я лежу и люблюсь на красивый мужской торс, могу к нему прикоснуться, и меня не кидает в истерику. Переступив через страхи, ты выходишь на новый уровень — уровень получения удовольствия от того, что раньше себе строго настрого запрещал. Это как диета, когда ничего сладкого, а потом съедаешь конфетку и у тебя фейерверк наслаждения и море эндорфинов. А это всего лишь конфетка...

Я прижимаюсь к Рону, стараюсь отключить эмоции и успокоить бешеный ритм сердца. Мне тоже нужен сон. Его горячее тело согревает и успокаивает.

Сплю всего пару часов, мой ритм жизни не позволяет мне терять время на сон, максимум на него пять часов в день, а обычно и того меньше. Рон всё также крепко дрыхнет. Выбираюсь из теплой постели и его объятий, он переворачивается на другой бок. Надеваю его рубашку и иду сначала в душ, потом на кухню.

Интересно, что он ест на завтрак? Готовить я умею и неплохо. С дедушкой в детстве часто готовили что-то, у бабушки на готовку не было времени, у неё были лекции и студенты. А у дедули пенсия, рыбалка и кухня. Думаю тосты, яичница и кофе будут в самый раз. По крайней мере, всё это есть в холодильнике.

Непривычно хозяйничать на чужой кухне, я на домашней то только бутерброд могу сделать, Галя, наша домработница, к плите не подпускает. Поэтому с готовкой иногда отрываюсь на кухне Антона.

Завтрак почти готов, осталось дожарить яичницу и можно будить Рона. Но не пришлось, я так увлеклась, что не заметила, как он встал. Его холодные руки скользят под рубашку и прижимают к себе. Он мокрый после душа.

Непроизвольно дергаюсь и сжимаю руки в кулаки. Это всё ещё работаю старые рефлексy, выработанные за годы. Ласки были под запретом, такие обнимашки позволялись только Антону. Потому что он свой, его не нужно бояться. Он защита. Он насильника

уработал так, что я смотрела на него и не понимала, где у него лицо. Сломанные руки, ребра, челюсть, сотрясение — это не весь список травм с которыми ублюдок поступил в травматологию. Он очень долго лечился и восстанавливался. И мне это было по кайфу. Когда его били я получала нереальное удовольствие, сродни сексуальному. Вид крови на его лице меня жутко возбуждал. Вот кто породил чудовище...

— Доброе утро! — ласково мурлычет и одаривает умопомрачительной улыбкой.

— Доброе... Я не слышала, как ты встал.

— Я тоже не слышал, как ты ушла. Разбудили запахи с кухни, — заглядывает мне через плечо.

— Я не знаю, что ты ешь на завтрак, поэтому приготовила на свой вкус...

— Необычно, — сводит вместе брови, отчего между ними появляются две морщинки.

— Почему?

— Современные девушки не готовят сами, — проводит пальцем по моему позвоночнику. Мурашки устремляются к голове.

— Значит, я старомодная, — перехватываю его руку сзади, изумив гибкостью своего тела.

Не прикасайся пока, я ещё не настроилась.

— Не сейчас...

— Ладно, — понимающе убирает руки.

Но я вижу, что он расстроен.

— Тебе идёт моя рубашка, — комплимент сомнительный, но приятный.

— Можешь померить моё платье, — отшучиваюсь.

Завтракаем почти молча, просто смотрим друг на друга и улыбаемся, иногда он кормит меня из своей тарелки.

Прикусить ему пальцы как Гроу? Было смешно. И смотрел Алекс так же, как и ты на меня смотришь. Та же самая похоть в глазах.

— Мне нужно съездить в отель переодеться во что-нибудь не такое кричащее и более тёплое.

— Без проблем! — соглашается он. — Что будем делать потом?

— Не знаю... — пожимаю плечами.

— Могу показать Лондон.

— Ты думаешь, я не видела? — мои бровки подлетают вверх.

— Такой нет, — подмигивает.

Интересно...

* * *

В отеле нас ждёт мать-фурия.

Практически с порога она тычет мне в лицо телефоном. Там видео со вчерашней выходкой в клубе.

Когда ты успеваешь интернет мониторить?

— Ты вообще считаешь что творишь? Ты о своей жизни не думаешь, так о нас с отцом подумай! — срывается на крик. — Тебе прошлого раза мало? Меня в министерстве по головке за такое не погладят!

— Скажи, что я у вас с приветом, — огрызаюсь в ответ.

— Да тебя реально в дурку запереть надо! Это отец ещё не видел, с утра на встречу уехал. Ты о его репутации совсем не думаешь?!

— Мам, угомонись! — достаю из чемодана тёплый свитер и джинсы.

— С сегодняшнего дня твои карты заблокированы.

— Не испугала, — скидываю при ней платье.

Для моих финансов у меня своя личная карта. А туда вчера хороший баланс упал.

Она выходит в гостиную. И обращается уже к Рону:

— А как вы ей такое позволили?

— А не должен был? — удивляется.

— Вас это тоже касается, — прокручивает до момента, где я облизываю его шею. — Как, по-вашему, журналисты на это отреагируют?

— Нормально, мам, — выхожу из комнаты. — Хреновый пиар — тоже пиар. До завтра меня не ждите, — тяну Рона за собой.

Внизу ждёт его Рендж Ровер.

— Извини, не должен ты был видеть наш скандал. Но мать у меня бесцеремонная порой.

Я вижу, как он весь напрягся, лицо стало серьёзным.

— Я не сразу понял из-за чего всё, вы по-русски говорили. Понял только что это из-за видео из клуба...

— Да. Кто-то слил видео в интернет. У тебя будут проблемы? — озабоченно смотрю на него.

— Не знаю. Но шум точно подымется. Странно что агент по этому поводу ещё не звонил, — включает телефон и смотрит, нет ли пропущенных.

— Прости...

— Да ладно! Помуссируют и перестанут, — берёт мою руку и целует каждый пальчик. — Ты права, даже чёрный пиар — это пиар.

— Обращайся, в этом я спец, — шучу в ответ.

* * *

Рон действительно показал мне другой Лондон, такой, какой его видят британцы. Красивые улочки пригорода, необычные особняки, места, где он любит бывать, когда ему не по себе.

Мы пообедали в небольшом уютном ресторанчике на краю города, где туристов не встретишь. Зашли на один местный рынок, Рон сказал, что он там подрабатывал грузчиком, когда учился в академии. Приходилось рано утром вставать, ехать туда и до учёбы таскать ящики с фруктами и овощами. Зато всегда был сытый, тамошние продавцы подкармливали худошавого студента.

Я слушала его рассказы с интересом, мне не была знакома такая жизнь. У меня всегда всё было. Даже с избытком. Я понимаю, каких трудов ему стоило выбраться из этого. Теперь мне даже стало стыдно, что я назвала фильмы, в которых он снимался — говном. Тут просто хватаешься за любую возможность.

Он что-то мне ещё рассказывал, когда мы шли по дорожке парка, а я это пропускала

мимо ушей, думая о чём-то своём.

— Тебе со мной скучно? — останавливается и обнимает осторожно.

— Нет. Наоборот. У тебя интересная жизнь. У меня такой нет.

— Это не правда. Твоя интересна по-своему...

Возможно... Но мне так не кажется.

— Поцелуй меня, — произношу неожиданно даже для себя.

Позже фото нашего поцелуя появятся в сети, кто-то подловил. А пока у Рона в кармане звонит телефон.

— Да.

— ...

— Видел.

— ...

— Это моя девушка. Можешь им так и сказать.

Вот это поворот!

— Что это было? — мой голос жёсткий.

Я ненавижу, когда за меня принимают решения.

— Ты о чём? — выключает телефон и убирает в карман брюк.

— Не помню, чтобы я согласилась быть твоей девушкой! — внутри уже пригорает.

— Это для твоего же спокойствия, — пытается меня обнять, но я выворачиваюсь.

— Моё спокойствие — мои проблемы! Мне не привыкать!

— Ты понимаешь, что сейчас будет? Уже видео растащили по всем пабликам сплетен. И это пока они не знают — кто ты. Но это дело времени. Дальше начнётся охота. Про поклонниц я вообще молчу. Советую закрыть соцсети, — он говорит спокойно, пытаюсь донести до меня свою правду.

— Я не сопливая девочка, которая от слов «шлюха» в свой адрес будет истерику закатывать. Угрозы на меня тоже не действуют, ты это видел.

— Да уж... — немного качает головой. — Сэл, ну не злись, — всё-таки подхватывает меня за талию и притягивает.

Он долго молча и, улыбаясь, смотрит в глаза, убивая внутри меня монстра, который готов был вырваться наружу.

— И я очень хочу, чтобы ты была моей девушкой, — наконец-то произносит то, что и так лезло в голову, читая его взгляд.

— Как ты представляешь себе наши отношения? Мы даже не в разных городах живём. Странах...

— Я готов ждать, пока ты закончишь университет, потом переедешь ко мне.

— Ты опять решаешь за меня, — злюсь.

А я на такое не соглашалась.

— Просто я слишком сильно тебя люблю и хочу, чтобы ты была рядом! — чмокает в шею.

Меня передёргивает, но я стойко терплю. Если я сейчас всё брошу, то никогда не приду к нормальной жизни.

— Можешь сразу не отвечать, я понимаю, мы знакомы всего ничего, но для меня этот месяц был вечностью, — шепчет мне в губы.

— Как же ты собираешься ещё полгода ждать?

— Через боль и страдания, — морщится.

Я не ответила на предложение, решила воспользоваться отсрочкой. Не уверена что готова к такой жизни. Да и в своих чувствах я ещё сомневаюсь, не знаю, как обозвать то, что чувствую к нему.

Переехать в Лондон — хорошая идея. Я не собиралась после окончания университета оставаться в России. Там мне ничего не светит. Провальные пробы это показали. Не знала, что нашему кино не нужны красивые девушки. Всё что мне предлагали — роли соержанок и шлюшек. Вешать на себя такое ампула я не готова. Быть второй Крошкиной не прельщало. Не настолько я нуждаюсь в этом, чтобы забить на потраченные годы обучения.

Мы вернулись к нему домой. Приготовили вместе ужин, как это показывают в фильмах, с касаниями и объятьями, поцелуями и разбросанными продуктами. Никогда не думала, что опущусь до такой банальщины. Но это было весело и очень приятно. Такая терапия мне по душе, зря психолога не слушала.

Телефоны разрывались от звонков и сообщений, но мы не реагировали. Рон был полностью захвачен мной. Каждая клеточка принадлежала мне. И это власть над ним меня упивала.

Мне нравится иметь власть над мужчиной. Другую... Не просто соблазнение и потом играючи оттолкнуть, доведя до бешенства. А такую, когда он плывёт от одного твоего прикосновения, стонет и теряет контроль. Нет, и такое раньше со мной было, но тогда мне не очень нравилось или было страшно. Сейчас не так...

— Я согласна, — прошептала, погружаясь в мир снов, силы уже закончились. — Согласна быть твоей девушкой...

— Я тебя люблю, — осыпает мою спину поцелуями. — Обещаю сделать тебя счастливой.

А вот я не обещаю...

На следующий день пришлось вернуться в холодную Москву. До Нового года всего ничего, каких-то три недели. Декабрь вечно летит как сумасшедший. Но это только плюс. Быстрее придут праздничные каникулы, а значит, будет почти две недели насладиться близостью Рона.

Мать была не восторге от моей новости, что у меня теперь парень, но возмущаться не стала, только недовольно фыркнула. Отец тактично промолчал, сказав — главное, чтобы я была счастлива. Я давно показала, что у меня тоже есть личная жизнь и в неё лучше не лезть. А постоять за себя я умею. Это он тоже знает.

Выгаскивал меня с адвокатами из полиции, когда я в клубе одному борзому сломала нос и пару рёбер. Не чего было руки распускать! Всего два удара и вроде не сильно. А он начал захлёбываться кровавыми соплями и задыхаться. И был придурок раза в два больше меня, но хлипкий. В ментовке на меня смотрели как на нечто необычное, не веря, что это могла сделать я — красивая и хрупкая девушка. Но камеры показали правду, а ещё показали, за что он получил. Отец договорился мирно, оплатив кругленькую сумму за лечение и моральный ущерб. Менты получили «премию» за молчание.

* * *

В универе началась зимняя сессия. Почти всё идёт автоматом, за отличную учебу. Это немного расслабляет. Не нужно бегать с подгоревшим задом сдавая зачёты. А ещё этюды, репетиции и прочее. Дипломная работа тоже уже в процессе.

Редкие свободные часы провожу, гуляя по торговым центрам в поисках подарков. В этом году ощущение праздника особенно острое. Раньше просто заказывала через интернет. Сейчас хочется пройтись самой, всё потрогать, посмотреть. Окунуться в предпраздничную обстановку и суету.

У меня появилось желание жить...

Перед католическим Рождеством отец отвёз меня в новую квартиру, ту, что они купили для меня. Она занимает весь девятый этаж одного подъезда. Стеклопакетные окна в пол, чувство

бездны под ногами щекочет нервы. Вид на ночную Москву завораживает, вдалеке светится Moscow city.

— Спасибо, пап! — смотрю вдаль сквозь стекло. — Только теперь она мне ни к чему. Закончу университет и уеду к Рону.

Отец стоит рядом и смотрит туда же.

— До этого ещё полгода, всё может измениться за считанные минуты... Сегодня ты теряешь голову от влюбленности, а завтра решишь порвать. С тобой строить планы невозможно. Ты как пороховая бочка, неизвестно когда рванешь. А рванет точно... Так что, мы хотим, чтобы у тебя был свой угол, куда ты всегда можешь вернуться. Мы не пылаем желанием, чтобы ты уезжала, но и держать не имеем право, у тебя своя жизнь, ты должна быть счастлива. Если твоё счастье там, то мы только будем рады за это. Наверное, мы не часто говорим это, но очень любим тебя. А как и куда заведёт тебя дорога — решать только тебе самой.

Прижимаюсь к отцу, из глаз скатываются несколько слезинок. Он обнимает...

— Я вас тоже люблю...

Папа отстраняется немного, всё ещё не отпуская из объятий, вытирает пальцем слёзы.

— Ну, вот ещё! Развела слякоть. С каких пор ты такая сентиментальная стала! Похоже, этот твой Рон реально на тебя неплохо влияет, — снова притягивает к себе.

Мы так и стоим, обнявшись и смотря на огромный мегаполис.

— Заскочи в офис к дизайнеру, он снял уже все размеры, осталось только по твоему вкусу всё сделать. Можешь себя не ограничивать, — целует в макушку.

— Спасибо! — хлюпаю носом.

* * *

Незадолго до сна набираю Рона, чтобы поздравить с наступающим Рождеством. Он празднует в родительском доме.

Отвечает явно навеселе. Семья, друзья, все в сборе.

— Привет, малышка! — улыбается с экрана.

— Малышка? Где ты малышку увидел? — это шутка.

— Ну не дуйся, я ещё не придумал тебе ласковое прозвище.

— И не старайся, я всё забракую. Вижу у вас там весело.

— Да! Гостей в этом году полный дом. Большинство, кстати, пришли познакомиться с тобой, решив, что ты тоже будешь. Но...

— ...облом, — продолжаю за него. — Как твоя мама отнеслась к новостям?

Рон немного тушует, его глаза убегают в сторону, как будто там кто-то подслушивает.

— Я объяснил, что это не по-настоящему, просто розыгрыш такой.

— Понятно...

— Ничего не понятно! Она тебя абсолютно не знает, я уверен, что она сможет тебя полюбить, — загорается какой-то огонёк в его глазах.

Хотела сказать, что мне её любовь нужна как зайцу стоп-сигнал, но вовремя себя сдержала. Это его мать, он её любит и боготворит, она для него святая. И я не имею право посягать на эту святость.

— С наступающим Рождеством, Рон! И привет маме! Не буду тебя больше отвлекать, —

настроение падает на ноль.

— Сэл...

— Good night!

Глава 26

— Куда ты? — садится на кровать Стаська, наблюдая, как я навожу красоту.

— Левашевский устраивает новогоднюю вечеринку, меня пригласили, — поправляю высокий хвост.

— Левашевский? Мама не одобрит вашу дружбу. Она говорит, он наркоман.

— Кто он — мне абсолютно плевать. Там будет куча людей с кем можно пообщаться. Дружить с ним я не собираюсь.

— А Рон позволил? — хитрый прищур.

— Я взрослая девочка и не обязана ни у кого разрешение спрашивать. Отвали, мелкая!

— Антон с тобой будет? — заинтересованно.

— Да. Его тоже пригласили.

— Привет передашь?

— Нет! Маленькая ты ещё приветы ему передавать. Вырасти сначала, — щёлкаю её по носу. — Я поехала.

Тяжело и обречённо вздыхает. Она влюблена в Антошу.

Ух, держись дружище, скоро она вырастет и красоткой будет сто процентов.

Особняк Левашевских сверкает всеми цветами радуги, а подъезжая к дому, слышится грохот басов музыки, долбящей в доме.

Двор забит машинами, с трудом нахожу место для парковки. На высоком пороге человек десять ржущих и пьяных мажоров.

— Привет, Сэл! — здороваются.

— Привет! — не останавливаюсь.

Прислуга ловко забирает у меня шубу.

Двигаю в дом на разрывающий барабанные перепонки звук музыки, на ходу здороваясь со всеми знакомыми. Кто-то просто жмёт руку, кто-то лезет целоваться.

Ээ, нет...

Мне всовывают в руку какой-то красно-зеленый коктейль, украшенный новогодними мармеладками в виде ёлочек. С осторожностью пробую — не газированный. Можно пить.

— Сельванна! — отделяется от толпы и идёт ко мне с распростёртыми объятиями Эдик, хозяин дома.

В одной руке стакан с виски, в другой дымящаяся сигарета.

— Привет, свет моих очей! — слюнявит поцелуем щеку.

Фу!

Не пойму, он пьяный или обдолбанный?

А может и то, и другое. Ничем не гнушается, только что не колется. Но ему всего двадцать два... Всё впереди... Если не завяжет.

— Антона видел? — осматриваюсь.

Выловить знакомое лицо в мелькании стробоскопов нелегко.

— Здесь где-то был, — расфокусированно смотрит на людей, водя пальцем с сигаретой.

Но мне показалось... Косяк.

— О, вон он! — указывает на площадку на втором этаже. — Пойдём, — хватает за плечо и тащит за собой.

Скидываю его руку и просто иду рядом.

Антон разговаривает с какой-то девушкой, которая поглаживаниями по краю декольте даёт явный знак, что готова перейти на другой формат общения. И Решетняк ведётся. Вижу по его взгляду с поволокой и облизыванию губ.

Членистоногий, бя...

— Тоша, — одёргиваю.

— Сэл! — обнимает за талию. — Познакомься. Это Снежа, — показывает на девушку.

Та, глядя на нас, пренебрежительно морщит нос. Конкуренция...

— Снежа, это моя сестрёнка Сельванна.

Девушку при слове «сестрёнка» отпускает.

Ты реально поверила в родственные связи?

— Гайз, давайте выпьем! — предлагает Эдик и направляется к столу с алкоголем.

Они здесь по всем углам натыканы.

Раздаёт нам по бокалу коктейлей.

— За Новый год! Пусть новый будет пиздатеер старого! — произносит тост, чокается со всеми и залпом выпивает.

Я тяну свой напиток через трубочку.

— Надеюсь, вы сегодня отождете у меня на вечеринке, — по очереди тыкает в нас с Антоном пальцем. — Я хочу, прям забористых танцев, — трясёт кулаками.

— Ты не оплатил эту допацию, бро, — смеясь, хлопает его по плечу Решетняк.

— Так давай сейчас! — Левашевского прёт, даже дёргается.

— Не, я пас! — отказываюсь. — Я отдохнуть хочу, а не работать.

— Одно другому не мешает, — обнимает меня одной рукой за шею Эдик. — Я и для бодрости могу кое-что подкинуть, — достаёт из кармана пакетик с кислотой.

— Убери! Я таким не увлекаюсь! — скидываю плечом его руку. — Подержи, — отдаю свой недопитый коктейль Снеже. — Мне в комнату для девочек надо.

Когда возвращаюсь, то девушка отдаёт мне бокал и хитренько улыбается.

— Антон где?

— Отошёл с кем-то из знакомых пообщаться. Давай выпьем, — чокается со мной. — До дна.

До дна, так до дна.

В несколько глотков осушаю бокал.

— Я пойду.

Не хочу общаться с очередной шлюшкой Решетняка. Обычно они без мозгов с одной только функцией — профессионально раздвигать рогатку. Наутро он сунет ей баксов двести на такси и навсегда выпроводит из своей жизни за дверь. Сколько таких было за эти годы — я уже со счёта сбилась. Все однотипные блондинки. Его бывшая была такая, но променяла любовь на бабло. Та хотя бы хитрая сука. А эти...

Спускаюсь вниз.

Меня выхватывает из толпы кто-то из знакомых. Пытается втянуть в разговор, а я замечаю, что вокруг всё поплыло. И звуки булькающие, словно из кастрюли с борщом.

Так... Что за хрень?

Мне кажется, что вокруг все такие медленные. И свет не сильно бьёт в глаза. Смотрю на свои руки — они чужие.

Меня будто в аватар поместили. В виармир. Я такое на съемках мультфильма проходила, когда режиссёр запихнул меня в костюм и заставил «оживить» персонаж. Голос

мой тогда его впечатлил, и меня выбрали из сотни претендентов. Вот всё тоже самое. Ты двигаешься, а он повторяет.

Прикольно! Забавляет. По лицу плывёт дурацкая улыбка до ушей.

В голову врывается музыка и пиздец как танцевать хочется. Бьёт ремиксовыми битами в виски, заставляя качать в ритм.

И люди стали милыми зайками, а не противными ушлёпками, с которыми даже общаться нет желания.

— Приветик! — играю пальчиками с какой-то девушкой.

Она так же отвечает и протягивает бокал с выпивкой.

Не чувствую вкуса, просто пью, что дали.

— А ты милая, — шепчет на ухо девушка. — Все тебя не любят. Говорят чсвэшница.

— Бессовестно врут!

— Поболтаем? — подмигивает.

— Давай попозже. Меня сцена манит, — киваю в сторону специально сделанной площадки для танцовщиц, которые заводят толпу своими танцами в полуголом виде.

— Договорились, — отпускает меня.

Пытаюсь забраться на постамент для танцовщиц гоу-гоу. Не получается. Меня подхватывают две пары рук, и в мгновение я оказываюсь на высоте.

— Спасибо мальчики! — отправляю парням воздушные поцелуи. — Пошла отсюда! Танцевать научись! — прогоняю со сцены девушку шлепком под зад.

Толпа одобрительно улюлюкает, а танцовщица надувает губы и сваливает, прикрыв грудь руками.

Значит, когда танцевала — сиськами трясти не стеснялась, а тут включила правильную девочку? Надевала бы тогда лифчик!

Знаю я вас всех из себя творческих. Повидала не один десяток. Бесит, когда — я не такая! А сама догола на сцене.

Искусство? Возможно... Но искусство — оно без пошлости, а здесь прямо блядством разит на версту.

Да и не пригласил бы Левашевский к себе непродającychся девочек публику развлекать. Вокруг него сплошные шлюхи.

А ты?

И я.

Я тоже продаюсь и за дорого, но по-своему...

— Зря я согласился поехать. Николаич узнает — вздрючит. Все праздники буду даром работать, — гложут сомнения, что поступаю правильно.

— Да не гони ты! — фыркает Илюха, затягиваясь сигой и выворачивая руль влево. — Тусанем немного, девочек снимем. Лаваш обещал тонну эскорта, — посмеивается.

— Не хочу я их, — откидываю голову на подголовник и закрываю глаза. — Достали...

— Сэл твоя тоже будет...

— Откуда знаешь? — оживляюсь и приподнимаюсь.

— Эдик ей приглашение послал, и она отписалась, что приедет.

Снова откидываюсь и закрываю глаза.

Сельванна...

Что ж меня так ведёт-то от неё?

Все другие рядом просто меркнут.

Красивая. Никогда таких не видел. Глаза эти — две чёрные дыры, которые хотят затянуть в себя.

Только мы искрим рядом, никак не можем общего языка найти. Только найдём его, как у неё снова короткое замыкание и она кидается как кошка.

Бесит заноза, но как её выдернуть из своей головы понятия не имею. А обещал, если пруфы покажет. И ими уже вся сеть завалена...

— Никогда не думал, что ты от девчонки снова голову потеряешь, — медленно произносит Илья. — Клялся, что никогда не влюбишься больше.

— Выходит, нам это неподвластно... Мне кажется, что в прошлый раз я и не любил по-настоящему, а сейчас просто крышу рвёт, когда эта сучка рядом. У меня мозги отключаются, ни о чём другом не думаю. И её я точно потерять не хочу...

Илюха задумчиво хмыкнул.

— Терпения тебе, брат...

Вечеринка в полном разгаре, когда мы появляемся. Пьяные, полуголые, обдолбанные люди мельтешат перед глазами. Одна парочка чуть ли не чпокаются на диване в углу у всех на виду.

Морщусь. В доме наверняка есть, где уединиться, нахуй на людях?

Оо, а вот тут в углу между шкафом и стеной кто-то кого-то дерёт.

Неприятно, но возбуждает до чертиков. Это как просмотр порно. Вроде днище, но смотришь и дрочишь.

Замечаю в толпе Решетняка. Так-с... Таня здесь, а где Тамара? Они вечно с Сэл парой на всех тусах. Она для него как дорогая вещь, которую тщательно охраняет и не отпускает от себя никогда. Они называют это дружбой.

— Держи, — приносит мне стакан вискаря Илюха.

В большом зале слышны восторженные крики и подбадривающие «давай ещё».

Илья знаком головы показывает — идем туда.

Киваю согласно. Делаю большой глоток алкоголя. У входа в зал понимаю, отчего так прёт народ.

На поручнях стоит Сельванна и извивается в танце.

Как она ещё не пизданулась оттуда?!

Одним глотком допиваю вискарь, и тут же со стола берут второй стакан. Так же одним махом заливаю в рот.

Музыка меняется, а в руках Сэл появляется микрофон. Поёт она охренительно. Могла бы неплохую карьеру певицы сделать, но не хочет.

Пробираюсь через плотную толпу к сцене, задевая кого-то несколько раз плечами. Я, как под гипнозом пения сирены, иду на звук пьянящего и обволакивающего голоса и красиво извивающегося тела. Это завораживает... Отключаются все мысли — мне просто надо туда.

— Не борзей! — пихает меня в бок какая-то девушка, но тут же затыкается. — Сорри! — узнаёт.

Подхожу к постаменту, на котором зажигает Сэл. Замечает меня. Опускается на четвереньки, прижимаясь к полу, приподнимая охуительную попку вверх.

— Play games with my mind... Loving me every night... So you out with your girl... Do it, do it... Hurt me with your lies... Do it, do it...

Подползает к краю, протягивает руку под поручень, хватая меня за капюшон худи и тянет к себе. Лицом к лицу, между нами лишь микрофон.

— I feel like you never do it... I can know like you how... When you do it all loving? Can you do it all night?

— You just have to do it... You just have to do it... You just have to do it, — взрывается толпа.

Теряю над собой контроль. В голове шумит кровь и в глазах туман. Храбрая вода действует. Я в один прыжок оказываюсь рядом с ней.

Поднимается на колени передо мной.

Do it, do it, do it... Do it, do it, do it... Do it, do it...

(TRFN feat. Siadou — Do It)

Теперь она поёт в мой пах, отчего там непроизвольно всё оживает.

На проигрыше поворот и впечатывается задницей прямо между моих бёдер.

Блядь... Я ведь знаю, что ты издеваешься. У меня от одной мысли о тебе член как часовой. Хочешь моего публичного позора? Его я прикрою тобой. Поднимаю её, потянув за конский хвост, намотанный на кулак, и прижимаю к себе.

Трётся. Гладит рукой по волосам. Я сейчас кончу от этого петтинга. Уже сам готов отыметь эту девочку у всех на глазах.

Утыкаюсь носом в шею Сэл. Запах от неё — бомба. Что-то вкусное, сожрать хочется. Врезаюсь губами в нежную кожу. Шарахается от меня.

Вернись, дурочка, я хорошо сделаю...

Между тем музыка меняется. Что-то наше. Ах, да... Знаю этот трек. Сэл пропускает часть слов.

— Давайте все вместе, — микрофон к залу.

— Пошёл ты нах*й, нах*й, — взрывает толпа.

— Да, вот твоя дорога... — тыкает в меня пальцем. — Надо, надо было выгонять с порога... Нах*й, нах*й тебя и твои законы... Мальчик повторю еще разок, — поворот микрофона к людям.

— Ты смотрел налево, примечая цель. Как ты хочешь королеву, когда ты простой кабель, — орут с танцпола.

Суки! Ладно... Выхватываю микрофон из её руки.

— Бедную девчулю обижали, обижали... Не любили и не целовали, целовали... Её

чувства нагло растоптали, растоптали... Одним словом — просто наебали...

(Остап Парфёнов, Nvkrn134 — Ты Не Королева (Remix))

Пилит яростным взглядом меня насквозь. Замах врезать мне по лицу, но успеваю перехватить за запястье.

— Раунд! — ледяным тоном в лицо Сельванны.

Почему у неё взгляд такой поплывший? Зрачков не вижу. Возбудилась? Возможно, но эту девочку так просто не возьмёшь.

Мы до сих пор стоим в этой боевой позе битвы взглядов, на нас переводят свет. Её зрачки не реагируют.

Твою мать!

— Что принимала? — притягиваю второй рукой к себе за шею и тихо рычу.

— Нахрен пошёл! — дергает рукой, пытаюсь высвободиться. — Сам ты принимаешь!

Могли и подсыпать, на таких тусах не редкость. Расслабить девочку, а потом трахнуть, пока мозг в эйфории плавает.

Спрыгиваю на пол и рывком за ноги стягиваю её вниз. Джинсы трещат в моих руках, брыкается.

— Иди нахуй Гроу! — машет руками, пытаюсь ударить. — Помогите!

— Чувак, девчонку отпустил! — быкует какой-то тип.

— Моя девчонка. Что хочу, то и делаю. Свалил! — оскаливаюсь на него.

Проверить будешь? Не будешь.

Мне освобождают путь. Закрываю Сэл рот ладонью, чтобы не возмущалась.

— Одежду нашу неси, — говорю мужику, ответственному за гардероб.

Через пару минут он выносит мой пуховик и её шубу.

Я всё это время сжимаю в тиски дергающуюся Сэл. Накидываю на её плечи шубу, держу одной рукой за локоть, чтобы не сбежала. Сам с трудом натягиваю куртку, меняя руки.

— На тачке? — шарю у неё по карманам, обнимая.

Прыскает от смеха и перестаёт сопротивляться. Эж тебя накрыло!

Нахожу брелок с ключами.

— Тачила где? — встряхиваю.

— А я хз, — смеётся. — У тебя ключи — вот и ищи.

Волоку её за локоть за собой. Спотыкается, падает. Поднимаю и снова тяну за собой. С трудом на парковке находим её спортивную бэху.

— Ты пьяный за руль собрался сесть? — смотрит хмуро.

— Нет, ты, бля, вгашенная поведёшь! Села в машину!

— Сам ты вгашенный, — усаживается на пассажирское место.

— На меня посмотри! — поворачиваю к себе лицом. — Странное что-нибудь видишь?

— Да, тебя за рулём моей бэшечки, — нежно гладит по панели, обтянутой кожей. — Обидишь мою масичку — я тебя порву! — грозит пальцем.

— Ну, хоть галюнов нет, — завожу машину.

Ей становится хуже. Мечется и смеётся как ненормальная.

Останавливаюсь у ближайшего магазина, блокирую её в салоне, а сам иду покупать побольше воды.

Выезжаю в тихое место, подальше от людей.

— Выходи! — команду.

— Ага, счас! Бегу, волосы назад! Давай вернёмся, там весело...

— Сейчас тебе тоже будет весело, — выхожу из тачки и силой заставляю её выйти.

— Пей! — протягиваю бутылку.

— Я не хочу!

— Пей, я сказал! — перехватываю её за подбородок и насильно вливаю в неё бутылку воды с газом, другой не было.

— Ты оху... — захлебывается.

Вода выходит обратно со всех щелей. Её рвёт.

Открываю вторую бутылку и снова вливаю, зажав её ногами, стоять уже не в силах оба.

— Отпу... — давится.

Опять всё обратно.

— Утопишь, гад! — слабо, но сопротивляется, когда начинаю вливать очередную порцию.

— Терпи!

После четвертой она окончательно сдаётся и перестаёт дёргаться.

— Холодно... — дрожит.

Мокрая вся, а на улице конец декабря. Моя одежда тоже насквозь.

— Кажись, отпустило... — сажусь в сугроб.

Внутри всего трясёт. Собираю пригоршню снега и протираю им лицо.

Левашевский, попадётся ты мне, я тебе ебало разобью. По-любому, твоих рук дело.

— Поехали, — помогаю Сэл встать и сесть в машину.

Куда её такую? Домой? Мать убьёт. Сельванна и так вечно влетает в истории порочащие честь семьи. А тут под кислотой...

К себе... Больше некуда.

По пути несколько раз останавливал машину, её рвёт.

— Мне плохо... — всю колотит.

Дома снимаю с неё мокрые вещи, борясь со своей идиотской эрекцией. Сейчас стояк совсем не в тему. Кутаю в тёплый махровый халат.

Сил у Сэл нет, и приходится отнести в кровать на руках.

Нахожу в телефоне контакт своего семейного врача.

— Пётр Игоревич, извините, что поздно, — набираю его.

— Ничего Лёша. Случилось что-то? Заболел?

— Не я. Знакомая одна... Можете ко мне приехать?

— Что с ней? — серьёзно.

— Думаю, дрянью какой-то накачали на вечеринке. Я ей желудок промыл, но она на ногах еле стоит.

— Понял. Скоро буду.

Отлично!

Сажусь рядом с Сэл на кровать, убираю с лица выбившийся из хвоста локон.

Даже сейчас красивая, дрянь.

Надо же было угораздить в тебя влюбиться.

Только тебе на меня ровно. Завидую тому британке, который смог тебя обуздать. У меня не получается...

Перебираюсь на пол напротив и люблюсь. Что мне теперь ещё остаётся? Правильно — нечего.

Отрывает звонок в дверь.

— Проходите, — пропускаю врача.

Он раздевается и идёт в спальню.

— В отключке? — смотрит по очереди на её зрачки.

— Спит вроде, бубнит что-то...

— Сейчас я ей поддержку прокапаю, чтобы токсины выгнать, и утром только головная боль останется. Точно не со стажем? — смотрит на меня пристально.

— Нет. Я думаю, она и не поняла, что ей что-то подсунули.

— Ясно, — достал из сумки всё необходимое. — Можешь пойти чайку попить. И мне налей. Ночь длинная предстоит.

— Хорошо...

Странное ощущение в теле — оно болит всё. Даже волосы. А на сгибе рука так вообще жутко ноет.

Открываю глаза и подношу посмотреть. Бинт зачем-то намотан. Разматываю — спиртовая салфетка пластырем приклеена, а под ней след от инъекции.

Что за хрень?!

Сажусь в кровати и осматриваю комнату. Это не больница, там такой обстановки не бывает. Спальня незнакомая.

Куда меня занесло?

И одежда где? Почему халат?

Гостиница?

Нет. Уютно слишком. Домашняя обстановка.

Встаю. Качает в сторону, почти сношу лампу на прикроватной тумбочке.

— Стоять! — подхватываю и ставлю на место.

Квартира не сказать, чтобы большая, но ремонт на высшем уровне, а значит хозяин при бабках. Мебель итальянская, дорогой текстиль, стена с коллекцией игрушек БирБрик и Кавс на весь коридор.

Фу, не люблю таких, с кишками наружу. Крипота какая-то. У меня куклы круче! Но эти трендовые...

Туалет где? Булькает в ушах.

Ага, вот он.

После умываюсь и, обшарив шкафчики, нахожу новую зубную щётку. Пока чищу зубы, рассматриваю пузырьки на полках.

Ничего женского, всё для мужчин. Значит, я у какого-то парня в гостях.

Напрягаю память. Гроу мелькал ночью рядом или привиделось?

А если я у него? Нет... Не могла я опуститься до такого.

Крадучись выхожу из ванной и иду в гостиную. Какой-то парень спит лицом в подушку, свесив руку с дивана.

Ну, нет... Алекс...

Так! Если я проснулась одна, а он здесь, то ничего не было.

Логично? Логично.

Нужно быстро сбежать отсюда, пока не проснулся.

Пячусь тихонько спиной назад. Надо ещё одежду свою найти, не в халате же ноги делать.

Задеваю волосами высокую напольную вазу и она, качнувшись, падает с грохотом на пол. С ужасом закрываю рот рукой. Не разбилась и, слава Богу!

Алекс поворачивает голову в мою сторону.

— Меня бить тебе вчера было мало, решила в моём доме посуду переколотить? — сонно.

— Я нечаянно...

— Угу...

— Что ты мне вколол? Почему мне так плохо? — наезжаю на него.

— Плохо? — садится и поправляет чёлку рукой. — Это тебе ещё хорошо. Вот ночью

было плохо. Я первый раз такое видел. Чуть наружу не вывернулась. Если бы доктор какие-то чудесные витаминки не прокапал, то сейчас бы ты желала только одного — сдохнуть!

— Доктор? Ты что врача вызывал? — этого ещё не хватало!

— Не волнуйся. Это семейный врач, который твою тайну унесёт с собой в могилу в старости, — встаёт и идёт ко мне.

Вжимаюсь спиной в стену. Рефлекторная защита от его близости.

— Сильно болит? — нежно проводит большим пальцем по линии волос на лбу.

В глазах сочувствие. Он меня действительно жалеет...

— Немного... — пытаюсь проглотить образовавшийся в горле ком.

Мурашки побежали к пяткам.

— Почему не воспользовался моментом?

— Каким? — приподнимает бровь.

— Ну... Меня...

Ведь мог.

— Я не настолько голодный, чтобы заниматься сексом с девушкой без сознания, — усмешается. — Мне отдача нужна, — ставит руку у моей головы, подпирая стену.

Второй рукой заправляет волосы мне за ухо.

Брр... Опять мурашит.

Хоть кто-то в этом мире не готов трахнуть меня в обмороке.

Смотрим друг другу в глаза. Такие голубые...

Что со мной не так? Почему так волнительно и не хватает воздуха?

Он наклоняется поцеловать, но я ловко отворачиваюсь.

— У меня парень...

— Видел...

— Ты обещал.

— Помню. Только он далеко...

— Это не значит, что я могу пускаться во все тяжкие, — с силой запахиваю халат плотнее, пряча разрез, в который скользнул взгляд Алекса.

— Может, позавтракаем хотя бы перед тем, как разойдёмся навсегда? — убирает руки.

— Кофе...

— Кофе, так кофе. Я сварю, — направляется на кухню.

— Где моя одежда?

— Я выбросил.

— Что?!

— Она испорчена. Можешь взять что-нибудь моё. Гардероб напротив спальни, — слышно из кухни.

Твоё?! Really?

Надеюсь, шубу ты не выбросил. Она целое состояние стоит.

Осматриваю полки с вещами в гардеробной. Что так много чёрного? Беру спортивный костюм, на который первым падает взор, надеваю на себя. Великоват, но будем считать, что это оверсайз.

На кухне сажусь за высокий стол-стойку. Алекс ставит две кружки с кофе и тарелку с бутербродами на стол.

— Сливки есть? Или молоко?

— Только без лактозы.

— Сойдёт! — соглашаюсь и на такое.

Просто черный кофе мне в глотку сейчас не полезет.

— Что было вчера? Я не помню...

Детали пазла из моей памяти выпали и упорно не хотят туда возвращаться.

— Я сам толком не знаю. Когда приехал, ты уже на сцене отжигала. Мы немного потанцевали, тебе стало плохо, и я тебя увёз.

— Плохо? Я всего пару коктейлей выпила!

— Ты чем-то закинулась.

— Совсем ку-ку?! Я не употребляю! Левашевский предлагал, но я его послала.

— Значит, он не спросил твоего согласия. Ешь. Полегчает.

— Урод! — под нос.

— Я? — удивлённо.

— Левашевский! Ничего, Антоша с ним поговорит.

— Я сам с ним поговорю, — твердо.

— Спасибо! Но забыл? Ты почти никто. Как только я выйду за дверь твоей квартиры — мы чужие люди.

— Ты хочешь этого? — в глазах тоска и разочарование.

Трудно принимать поражение?

— Хочу, — откусываю бутерброд с сыром.

— И что ты будешь делать? Поедешь к своему британшке?

— И что? Поеду! — вздергиваю нос.

— Тебе с ним хорошо?

— Очень. Он меня любит.

— А ты?

Смотрю на него. Не хочется обманывать.

— Наверное... Мне с ним интересно...

— Интересно, — скептически фыркает. — Это не главное. Вы разные... Менталитет, воспитание...

— Ой, не надо мне про неравенство! Я училась в Лондоне. С тобой мы тоже разные. Вообще не стыкуемся.

— У нас с тобой другое. При каждой встрече — короткое замыкание. И искрим. Это страсть.

— Я тебя умоляю! — закатываю глаза. — Страсть?! Я тебя терпеть не могу!

— А я тебя готов всю жизнь. Но уйду, и не буду мешать. Всё равно рано или поздно поймёшь... Главное, чтобы не сильно поздно...

— Гроу, не забивай себе этой романтической херней голову. Ты прав, нас коротит, только потому, что мы однополярные. Притягиваются противоположности. А мы не привыкли уступать. Если бы мы стали парой, то поубивали друг друга.

— Ты же не пробовала. И ещё... Заметила, у тебя опять нет истерики, — открыто улыбается мне.

— Я на чужой территории.

— Дело не в этом. Просто есть что-то, что нас связывает.

— То, что ты мне волосы держал, пока я блевала, — язвительно.

— Это такая интимная вещь, — посмеивается с ухмылочкой. — Некоторые пары, прожив много лет вместе, не могут этим похвастаться.

— Позорище!

— Твой позор останется моим секретом.

— Мда... Не самый приятный.

— Какой есть, — улыбается одними глазами.

Губ не вижу, спрятал за кружку.

— Тебе идёт моя одежда, — кивает на свой костюм на мне.

— Шуба где?

— В прихожей. Но ей химчистка нужна.

Брезгливо морщит нос. Угроздило же так вляпаться. Ещё и с ним. Стрёмно-то как!

— Спасибо за гостеприимство! — отодвигаю от себя пустую кружку. — Но мне домой пора.

— Может, останешься? Кино посмотрим... — с надеждой в голосе.

— Нет... Родители, наверное, волнуются. Телефон мой где?

— В машине остался. Я не стал брать.

— Правильно. Я пошла.

— Держи, — протянул мне в прихожей свою куртку. — Приходи в новогоднюю ночь на Красную площадь, я там выступать буду, — помогает мне застегнуть молнию.

— Я в Лондоне буду Новый год встречать.

— Понятно, — с грустью. — Вещи можешь не возвращать, чтобы не было повода лишней раз увидеться.

— Пока! — выхожу из его квартиры, сжимая в одной руке ключи от машины, в другой шубу.

Припадаю спиной к двери и свободно выдыхаю, словно мне до этого не давали возможности дышать.

Из квартиры дважды раздаётся грохот разбиваемого об стену стекла. Передёргивает.

— Псих!

Саунд: Carla's Dreams- Seara de seara

Открываю дверь в квартиру Рона. Его нет, он ещё не вернулся от родителей. Будет только часа через три-четыре. Предусмотрительно оставил для меня ключи у консьержа. Скидываю обувь и пуховик.

В гостиной наряжена живая ёлка, а в квартире пахнет хвоей. Провожу рукой по шарам на ней. Когда была маленькая, то любила рассказывать новогодней красавице свои маленькие секретки.

Где-то должна включаться гирлянда.

Через пару минут сумрачную гостиную освещают разноцветные мигающие лампочки. На улице тихо большими хлопьями идёт снег. Завтра на дорогах будет каша и по традиции объявлен день жестянщика, но настроение уже новогоднее, а сегодня только тридцатое. После праздника эта вся красота растает, снег здесь не задерживается.

Рон попросил заказать что-нибудь на ужин. Перебираю стикеры с номерами доставки на холодильнике. Потом плюю на это и иду в поисках супермаркета.

— Извините, вы не подскажете, где здесь ближайший супермаркет? — обращаюсь к милостивому пожилому консьержу.

— Ой, это тут совсем рядом. Когда выйдете, поверните направо, пройдёте один квартал и налево, там за углом и будет магазин. Только людей сейчас там пруд пруди, — объясняет мне мужчина.

— Ничего страшного... Спасибо! — натягиваю шапку и выхожу на улицу.

Снег хлюпает под ногами. Но всё равно очень красиво. Достая телефон и делаю пару снимков, чтобы сбросить Стаське.

Надеваю капюшон, пряча лицо, и иду в сторону, которую указал консьерж. Закупаюсь всем необходимым. На кассе действительно приходится проторчать почти полчаса. И это мне ещё мужчина свою очередь уступил. Для консьержа покупаю стакан горячего чая и пончики. Он радостно благодарит.

Дома снимаю мокрую одежду, надеваю длинный вязаный джемпер и такие же носки. Если играть в романтику, то по полной. Пусть увидит и обалдеет.

Кручусь на кухне и пропускаю момент, когда Рон заходит домой. У меня просто весело — музыка орёт и танцы с лопаткой, которая ещё и микрофон заменяет.

Он тихонько прокрадывается на кухню и обнимает меня. Я вскрикиваю от испуга и поворачиваюсь к нему, наготове держа руки для удара.

— Не делай так больше! Я ж тебе врезать могла! — пытаюсь глубоким вдохом успокоить испуганное сердце.

— Я не хотел напугать.

— С ума сошёл?! Тут и инфаркт можно заработать.

Рон присасывается к моим губам. Руки жадно бродят по телу.

— Так стоп! — отталкиваю его в плечи. — Я час торчала в магазине, потом два у плиты, чтобы ты приехал и сразу потащил меня в постель? Ну, нет! Мы съедим этот ужин. А если ты откажешься, то я накормлю тебя через другое место, — угрожаю в шутку.

Он удивлённо открывает глаза.

— А можно сразу десерт? — надувает игриво губы.

— Нет! Сладкое портит аппетит! — слегка бью его лопаткой по носу.

— Тогда я в душ...

— Хорошо, я пока накрою на стол.

За ужином обсуждаем всё, что накопилось за эти недели. Потом каким-то образом, я даже не заметила, мы перебираемся на толстый шерстяной ковер у камина, который Рон разжигает. Удивительно, я думала он для красоты. Но это дома старой постройки и в них камины рабочие. Мы просто пьем вино, глядя на огонь. Романтикой фонит, аж не по себе. Я к такому не привыкла.

Мэдлтон перебирает мои пальцы. Приятно... Слегка поглаживает мою ладошку. Мурашки бегут наперегонки по всему телу. Целует в обнаженное плечо. Через мгновение я уже под ним, мои руки закинута за голову и прижаты к полу.

— Я очень скучал, — шепчет на ухо.

Губы скользят по шее, плечам. Убирает одну руку сверху и гладит ей бедро.

— Я хочу свой десерт...

Я просто издаю согласный стон. Никаких страхов, я их отпустила к чёртовой матери. Нельзя так больше, жизнь не такая уж хреновая, если посмотреть.

Он стягивает с меня джемпер.

Сюрприз!

Под ним ничего нет. Издаёт какой-то довольный рык. Его глаза полыхают огнем и это не отблески от камина. Это его внутренний пожар. Лёд и пламя. Заставь меня растаять.

Губы жадно гуляют по моему телу не оставляя ни сантиметра без внимания. Когда касаются тайного местечка, я вскрикиваю. К такому я не была готова. А он не прекращает свои «пытки» пока я не начинаю судорожно дрожать и пытаюсь отстраниться. Рон крепко держит за бедра. Теперь в ход идут пальцы. Снова подхватывает цунами и бросает куда-то...

Я прошу прекратить это «издевательство». Долго упрашивать не приходится. Он всё делает красиво и умело. И мне даже нравится, но такого финала, как в книгах я не получаю. Не вместе... И это меня напрягает. Может я не настолько расслабилась, чтобы получить оргазм?

А может просто перестать париться? Не всё сразу!

* * *

Канун Нового года. Мы пробираться по пробкам к какому-то ресторану, где должна собраться компания, с которой встречаем праздник. Мне бы хотелось дома, но здесь так не очень принято. Рождество — семейный праздник, Новый год — время отдохнуть с друзьями.

— Куда мы едем? — место почему-то от меня Рон держит в секрете.

— Приедем — увидишь... — загадочно улыбается, бросая на меня быстрый взгляд.

Включился зелёный...

— Что за тайна?

— Не тайна, просто сюрприз. Нашел это место недавно, мне понравилось. С друзьями решили отметить там.

— Я не очень люблю сюрпризы, — хмуро смотрю на него.

— Этот тебе понравится, — улыбается, берёт мою руку в свою и целует.

Почему он молчал, я поняла, когда мы подъехали к ресторану. Он был наш.

Смотрю на вывеску и офигеваю. Пригласить русскую девушку в место с русской кухней! Рехнуться можно от счастья!

— Ты серьезно? — показываю на здание.

— Абсолютно...

— Ты думаешь, мне здесь этого не хватает? — не понимаю я.

— Этого мне не хватает, — подходит и обнимает одной рукой за талию. — Я хочу окунуться в вашу атмосферу, культуру, в конце концов.

— Надеюсь, тут хотя бы Калинку-малинку не поют, — бухчу себе под нос.

Но ресторан оказался вполне сносным и посетителей много. Часто было слышно родную речь. Музыкальный репертуар — музыка девяностых. Сносно, потянет. Не Элтон Джон конечно, но Сергей Жуков тоже нормально.

За сдвинутыми столами приличная компания. Но это не те друзья, которые были раньше. Из них только Джек.

— А где остальные? — шепчу Рону на ухо.

— Какие?

— Которые были на твоём дне рождения.

— Так по домам все разъехались на праздники. Это друзья по кино и театру. Тебе они ближе будут.

Компания активно обсуждает меню, время от времени поглядывая на меня, если им что-то в нём не понятно. Вы удивитесь, конечно, но исконно национальные блюда я тоже вижу впервые. По мне борщ с салом и водка с маринованными огурцами и помидорами самое то. Вот с неё и начинаем.

Замечаю, как на меня не очень добро смотрит одна из девушек в компании, Эмми зовут. Худая брюнетка среднего роста.

Что это? Ревность? Ты поосторожнее милочка, я ж за волосы и об стол могу. А что? Мы ж русские для вас все тут чуть развитие неандертальцев.

Прожигаю её взглядом. Не лезь на чужую территорию, детка! Пожалеешь. Отворачивается... Ну, вот и отлично.

Потом узнаю у Джека кто она.

Была ассистентом Рона на последней съёмке. Тут все с этого проекта. В основном актеры, молодые и малозасвеченные. Джек под влиянием градуса, а его хорошо цепануло, разоткровенничался и сказал, что эта Эмми влюблена в Рона по уши. А он внимания не обращает. Значит, я не ошиблась... Интуиция меня никогда не подводит.

Дальше просто её игнорирую, как и Рон. Всё его внимание поглощено мной. Улыбки, касания под столом, объятия и лёгкие поцелуи. Алкоголь делает нас смелее.

В полночь по традиции загадываем желание и целуемся.

— Что ты загадала? — чмокает меня сзади в шею Рон.

— Не скажу, — кто желания говорит.

— А я загадал, чтобы мы всегда были вместе, — шепчет на ухо.

— Рон! Нельзя о желаниях рассказывать — не сбудутся! — ругаю его равнодушно.

— Я не верю в этот бред.

И напрасно... Я верю.

Ближе к обеду едем в аэропорт, там ждёт частный самолёт семьи Сельванны. Впервые полечу как миллионер. Летим во Францию, Куршавель. Её семья каждый год ездит туда отмечать Новый год, покататься на лыжах. А вот Сэл предпочитает сноуборд.

Мне пришлось освоить лыжи для прошлых съёмок, играл спортсмена, так что не будет стыдно.

Её мать до сих пор на меня зуб точит. Чем я ей не угодил? Не самая достойная партия для дочурки? Так это ей выбирать. Хотя моя тоже, даже не познакомившись с Сэл, не очень восприняла новость о моих отношениях. Посчитала её распутной и избалованной. Знала бы она правду... Мне, по её словам, нужна простая и скромная девушка. Чтоб со скуки с ней сдохнуть... Меня заводит бешеный характер Сельванны. Её агрессия. Я видел, как она посмотрела на Эмми вчера в ресторане. Как львица. Ревность? Мне так показалось.

Про чувства Эм ко мне я знаю, но ничем не могу ответить. Не зажигает она во мне огонь, как Сэл. Что я могу поделаться?! Не давать же ей напрасные надежды. Лучше сразу показать, что место занято, и обо мне лучше забыть.

— Может быть, стоило остаться в Лондоне и тут провести каникулы? — спрашиваю у Сэл, после того, как стюардесса пристегнула мой ремень. Красивая, даже обернулся ей в след.

— Ещё раз на неё посмотришь, я тебе глаза выколю, — рыкнула на меня со злостью Сэл.

Она сидит напротив, и по глазам вижу — не шутит.

Взгляд ледяной и безжалостный.

— Я всего лишь... — запнулся, не зная, что сказать.

Эта злоба в её голосе пробежалась холодом по моему позвоночнику. Судорожно сглатываю.

— Отец хочет, чтобы мы прилетели, — уже абсолютно спокойно отвечает на мой вопрос.

— Хорошо...

Как у неё получается так резко менять эмоции? От любви до ненависти... Но я ведь даже не знаю, любит ли она меня... Она только сказала, что ей хорошо со мной.

* * *

Через пару часов мы были на месте и ещё около часа внедорожником.

Красота невероятная! Снег лежит везде, водитель сказал, что ночью как раз выпал свежий. Люди снуют туда-сюда. Все в основном в лыжных костюмах.

Конечно, Рон, это же горнолыжный курорт премиум класса!

Семья Сельванны живёт в отдельном огромном шале. Вокруг заметённые ёлки. Как в рождественскую сказку попали. Кругом чистый скрипучий снег.

Нас радостно встречают... Помимо уже знакомых лиц присутствует ещё бабушка. Милая женщина на вид пятьдесят с хвостиком, но Сэл сказала, что ей шестьдесят восемь. Светлые волосы собраны в аккуратную причёску, дорогая, хоть и домашняя одежда. В

прошлом была красавица, она и сейчас неплохо выглядит для своих лет. Ольга похожа на неё, те же черты лица Бабушка оказывается профессор. Удивительно, как женщина смогла сочетать семью и карьеру?

— Мы подготовили вам отдельные спальни, — говорит нам вдогонку Ольга, когда мы поднимаемся на второй этаж.

— Мам, не смейся! Нам не по пятнадцать, — отвечает Сэл.

Комната огромная, кровать ей под стать. Сельванна назвала её странным словом «траходром», но что оно означает, объяснить не стала, просто хитренько похихикала на мой вопрос.

Вид из окна волшебный на горы. От красоты мурашки по коже побежали.

— Волшебно! — задохнулся я от увиденного.

— Да-а, мы это дом каждый год снимаем. Он почти родной, но я каждый раз удивляюсь этой красоте, — притрагивается рукой к окну.

— Интересно, куда вы ездите летом?

— В Испанию, Барселона. У нас там дом на побережье, — опирается спиной на стекло. — Бабушка и Стаська живут там почти всё лето. Я раньше тоже жила, но последние пару лет не до этого...

— А родители?

— Они работают... — опускает глаза в пол.

— Я их понимаю, — ставлю руки на стекло по бокам от её головы.

— Я тоже... Надо чемоданы разобрать, — пытается выскользнуть.

— Подождут... — целую в губы, шею.

Моё тело изнывает, если я к ней не прикасаюсь. Она мой личный наркотик и я крепко на него подсел.

Сзади слышен звук камеры... Мы прерываем наш поцелуй. На пороге Анастасия охотится на нас с фотоаппаратом.

— Стаська, удали! — кричит на неё Сэл и бежит следом за сестрой.

Меня разбирает смех.

Ладно, пока они воюют, развешу вещи в шкаф.

— Догнала? — спрашиваю, когда она возвращается.

— Да, но камера запаролена. Говорит — на память. Будете потом смотреть, и вспоминать в старости. С такой, как ты до этой старости ещё дожить надо! — кричит в коридор.

Мне смешно. У нас с Бэллой, моей сестрёнкой, большая разница в возрасте, я с ней могу поиграть только, как с маленькой. Ей пять всего. А здесь видна «дружба».

— Вы любите друг друга.

— Да, только она огромная заноза в моей заднице.

До ужина мы не выходим из спальни, просто лежим, обнявшись на кровати, и смотрим в окно. Молча... Нам не нужно слов, за нас всё говорят наши глаза и тела. Иногда целуемся. Всё же надо было остаться в Лондоне, тут я шалить стесняюсь.

* * *

За столом вся семья. Всё спокойно, никто ни с кем не грызется. Даже Ольга смотрит

сегодня добродушно, без высокомерия. Александр так вообще всё старается переводить в шутку. Веселье.

Потом нам вручили подарки. В моей коробке оказался стильный свитер.

Пока они семьёй обсуждают что-то своё, я выхожу на балкон подышать воздухом. От выпитого алкоголя немного опьянел. На улице холодно, на мне только толстый джемпер, но даже сквозь него чувствуется мороз. Это отрезвляет.

— Курите? — раздаётся голос сбоку.

Ольга протягивает мне пачку сигарет.

— Нет, бросил три года назад, — отказываюсь.

— А я не могу, — подкуривает, затягивается и выпускает дым. — Работа и семья — одни сплошные нервы. А это успокаивает ненадолго... Аня ругает постоянно, но у нас характеры одинаковые, обе упрямые. Да и с силой воли у меня туго.

— Вот и я, поэтому долго не бросал. И юность была бурная, — облакачиваюсь на перила. — Вы не ладите с дочерью?

— Скажем так — мы друг друга терпим. Любя. Тебе я тоже желаю терпения, — снова выпускает струйку дыма.

— Почему?

— Потому что на твоём месте, я бы от неё бежала подальше. Она монстр. Раздавит и места мокрого не оставит, — тушит сигарету и выбрасывает вниз.

— Не очень вы хорошего о ней мнения. Это же ваша дочь!

— Поэтому и предупреждаю. Знаю, что сами виноваты в этом, пожинаем плоды своего воспитания. Вовремя не заметили, упустили момент, когда она стала такой циничной. Ты хороший парень, я ещё тогда поняла, четыре года назад, добрый и отзывчивый. Вот и хочу, чтобы ты знал, что она не милая девочка, которой ты тогда помог. Она кошмар. Однажды я ей задала вопрос — сможет ли она убить. Знаешь, что ответила? Да... если обстоятельства того потребуют...

Я не верил словам Ольги. Сельванна не может быть такой, как говорит о ней мать. Я видел в ней внутреннюю агрессию, но чтобы убить...

— Я не верю, — складываю руки на груди. — Она не такая...

— Ты как влюбленный видишь в ней только хорошее. Но розовые очки рано или поздно с глаз спадут. И ты разглядишь то, что вижу я... — похлопывает меня по руке и уходит в дом, оставляя одного с кашей в голове.

Холод начинает пробирать насквозь. Но я всё ещё стою и перевариваю наш разговор.

— Ты сдурел? Простудиться хочешь? — выводит меня из оцепенения Сэл, накидывая на плечи толстый плед.

Обнимает за пояс, а я накрываю нас обоих. Не может она никого убить, я знаю. Всё это глупости... Сэл могла так сказать просто, чтобы позлить мать.

Но она действительно всё ещё для меня большая загадка, которую хочется разгадывать и разгадывать, как бесконечную игру на телефоне.

Сэл сидит на мне верхом, перебирая мои волосы пальцами. А я кое-как справляюсь с мурашками на своём теле. Прошу её перестать, но только улыбается и продолжает дальше. Заводить она умеет. Но не здесь же и не сейчас, в доме полно людей.

Сверху по лестнице слышны шаги, спускается Ольга. Я пытаюсь ссадить с себя на диван Сэл, но она крепко вцепляется в мой свитер.

Ей плевать, а мне неудобно перед её матерью. Пытаюсь ей одними губами объяснить, что так нельзя, хмурит бровки.

— Влюблённые голубки, мы на пару дней собираемся в Париж, не хотите с нами? — спрашивает Ольга.

— Не хотим... — спокойно отвечает Сельванна, слегка повернувшись в сторону матери. Я прожигаю её глазами. Это удивительно, но в Париже я ещё не был. Не приходилось как-то.

Мать хмыкает и поднимается снова наверх.

— Почему нет? — спрашиваю я.

— Туда нужно ехать весной или осенью, — теревит ворот моего свитера. — Тогда там особенная атмосфера. А сейчас новогодняя, как и везде...

— Я не был в Париже... Это же город любви...

— Ну, да. А какая с ними любовь? — пожимает плечами.

Минут через пятнадцать по лестнице раздаются шаги и стук волочащихся чемоданов. Увидев отца, Сэл сразу спрыгивает с моих коленей.

— Остаётесь одни, — даёт указания мать. — Осторожней здесь. Руки, ноги не переломайте.

— Одни — значит и без прислуги? — спрашивает Сэл.

— Вот ещё! Должен же за вами кто-то присматривать и кормить. Любовью сыт не будешь!

Интересное выражение, надо запомнить.

У порога их ждёт машина, чтобы отвезти в аэропорт. Мы наблюдаем, обнявшись, как они грузят чемоданы.

— Пока, малышка! — целует Сэл в щеку отец. — Не хулиганьте тут сильно, — подмигивает мне и жмёт руку.

Стася машет рукой.

— У нас целых два дня свободы, — шепчет на ухо Сельванна, когда машина скрывается за поворотом.

— И я даже знаю с чего их начать, — подхватываю её на руки и несу в дом.

Днём мы немного прогулялись по магазинам и посидели в кафе, согреваясь горячим шоколадом.

Вечером я всё же решил задать вопрос, который уже несколько дней тревожит меня — почему мать и дочь так относятся друг к другу?

— Сэл, почему вы с матерью не ладите? — я специально переплел наши пальцы на руках, думая, что это немного успокоит её.

Я почувствовал, как она вся напряглась. Взгляд сосредоточился на кольце с черным бриллиантом, которое отец подарил на Новый год.

— Я не оправдала её ожидания... И вообще я не хочу об этом говорить, — ответила с раздражением. — Не понравятся тебе мои откровения.

— И всё же?

— Думаешь, ты готов услышать это? — повернулась она ко мне. — Твоё мнение обо мне резко поменяется.

— Не думаю...

— Предупреждаю, ты сам напросился...

Четыре года назад.

Стою на пороге новой школы. Жаль, что нельзя было остаться в Великобритании. Я уже привыкла там. Но родители даже на закрытую частную не согласились.

Отец был против, сказал, что ребёнку нужна нормальная школа и дом. Меня пристроили в гимназию с углубленным изучением гуманитарных.

В классе я буду самой младшей, всем уже по семнадцать лет, кому-то вот- вот восемнадцать исполнится, а мне пятнадцать всего. В школу отправили в пять лет, бабушка выбила разрешение министерства, посчитав, что я уже готова грызть гранит науки. Школьная программа мне давалась легче, чем другим детям, но я старалась не выбиваться из «стада», просто параллельно занималась ещё музыкой, языками, танцами, пару раз в неделю вокал. По вечерам зарывалась в книги по истории и классическую литературу.

Бабушка смотрела, и радоваться не могла. Только дедушка всегда говорил, что у меня должно быть детство. Как же он был прав...

В классе, естественно, одна «золотая молодежь»: отпрыски бизнесменов, политиков, артистов.

Я, как новенькая, привлекаю внимание больше мальчиков. Девочки смотрят с пренебрежением, одна больше всех — Альбина. «Первая леди» класса — блондинка с куриными мозгами. И парень у неё подстатьей, первый красавчик школы — Стас, учится в этом же классе.

Всё началось именно из-за него, а именно из-за того, что он заинтересовался мной и бросил свою Алю. У девки снесло крышу. В мою сторону начался буллинг. Мне портили одежду, вещи, учебники и тетради.

Однажды мы с ней сцепились в раздевалке перед физкультурой. Завязалась драка, досталось мне. Такого унижения я ещё не испытывала. Только она зря радовалась... Стас на её сторону не встал, пожалел меня. Но мне его жалость до лампочки. Я на него даже не смотрела, как на парня. Это он, кстати, был тем ублюдком, который меня изнасиловал.

Зря только эта белобрысая волоса на задку рвала. Я ей пыталась объяснить, но кукушка из гнезда давно улетела, и возвращаться не собиралась. Её закусало...

Ад продолжался пару месяцев. Издевательства и оскорбления сыпались постоянно. Каждый день в школу шла, как на Голгофу, но родителям рассказать боялась. Стукачество только всё усугубит.

Последней каплей стала очередная драка. Эта швабра с подружками подкараулили меня у музыкальной школы и накинудились. Нас разняла охрана. Мне порвали одежду и разбили нос.

Тогда я несколько дней жила у бабушки с дедушкой. Залетела в квартиру как пуля и сразу в ванную, чтоб никто не видел. Там меня и накрыло. Я сидела на полу у раковины, вытирала кровавые сопли и текущие ручьем слезы. В дурной голове родился отличный способ выхода из ситуации.

Достала из шкафчика дедушкину опасную бритву и полоснула.

Тогда я и услышала стук в дверь и вопрос, всё ли у меня в порядке. Это был дедуля. Я молчала. Он стал стучать настойчивее, требовал открыть дверь. Но я просто стекала на пол вместе с кровью из своих вен.

Раздался грохот, и вылетела дверь.

— Что ж ты сделала, глупая! — ругал меня дедушка, заматывая руки полотенцами и прижимая к себе.

Побежал вызывать скорую.

Меня увезли в больницу. А ночью у деда случился инфаркт, через три дня его не стало. Врачи сказали, что всё случилось из-за сильного стресса.

Это я виновата. Никогда себе этого не прощу. Его смерть навсегда останется на моей совести...

С тех пор мать стала со мной холодной. И раньше-то я любви не чувствовала, а тут... Она никогда не упрекала меня вслух, но я знала, что винит меня.

Ещё были разборки о причине попытки самоубийства. Я молчала... Но позвонили из школы и рассказали о драке, охранник всё доложил директору.

Меня от греха подальше перевели временно на домашнее обучение, чтоб не поднимать шумиху. Так даже лучше было. С уроками я справлялась гораздо быстрее, и появилось свободное время. Но на что его тратить я не знала, ничто больше не приносило радости, не было желания не то, чтобы подниматься с кровати, а просто жить.

Однажды на Ютубе увидела ролик танцоров в стиле хип-хоп, под ним была ссылка на группу во ВКонтакте. Я написала парню администратору. Он ответил только через пару дней, но с неприкрытым сарказмом:

«Бальница? Серьезно? Что я с тобой делать буду?»

Я: «Забраковал, даже не посмотрев? Круто!»

Он: "Ок. Сможешь приехать завтра?"

Я: " Да. Куда?"

Он скинул адрес и время.

В назначенный час я была на месте.

Это спортивный центр. В зале, который он указал, не было никого. Я ждала минут двадцать, а когда собралась уходить, то дверь вдруг открылась, и вошёл взмыленный парень лет двадцати. Высокий, красивый и рельефный. Ни здрасьте, ни до свидания, никаких извинений за опоздание. Просто окинул взглядом и сделал серьезное лицо.

— Ну, показывай, — подпёр спиной стену, скрестив руки на груди.

— Что я должна показать? — растерялась.

— Что умеешь, то и показывай.

— Без музыки? — осматриваюсь в поисках музыкального центра.

Он вышел из зала, а через пару минут вернулся и поставил на подоконник беспроводную колонку.

— Вот тебе музыка... Как пользоваться знаешь? — посмотрел на меня как на дурочку.

— Знаю! — задрала нос.

Пусть не выпендривается тут. Самый крутой что ли?!

Я выложились по полной, хоть и без партнёра было сложно.

Он просто стоял и молча смотрел, иногда потирая руками виски.

— Ну, что скажешь? — подошла к нему после танца, восстанавливая дыхание.

— Ты есть хочешь? — задал мне странный вопрос и пошел к выходу.

— Не очень... Так что с танцем? — семенила за ним следом, на ходу цепляя свой рюкзак со стула.

— А я хочу. Пойдешь со мной, я только переоденусь.

И что это такое было? Тебе понравилось или нет?

Через полчаса мы сидели в ближайшем от зала кафе. Он что-то заказал поесть, но я только сок выпила.

— На диете? — кивает на мою тарелку, к которой я не притронулась.

— Нет. Просто не хочется... Нас на диетах не держат, лишние калории на паркете сжигаем.

— Сколько тебе лет? — прищурившись, смотрит на меня.

— Почти шестнадцать...

— Значит — пятнадцать, — пилит в своей тарелке кусок мяса.

— Какая разница? В начале января шестнадцать будет.

— А то, что с тобой проблемы могут быть. Ты начнёшь пропадать на репетициях, родоки ментов вызовут и мне за тебя достанется. — Тыкает в воздухе вилкой в мою сторону.

— А если не достанется? Возьмёшь? — надежда, значит, есть.

— Уверена?

— Да! — улыбаюсь я.

— Есть в тебе потенциал. И пластика отменная. Давно девчонку такую ищу, но всё как-то не то. А ты подходишь.

Я довольно улыбаюсь.

— Меня, кстати, Антон зовут, — протягивает мне руку.

— Сельванна, — жму в ответ и представляюсь своим никнеймом.

— Вау, и имя охренительное.

— Ладно, чем тут в вашей столовке кормят? — поддвигаю к себе тарелку и потираю ладошки.

Он смеётся.

— Мы точно сработаемся.

Так я попала в «Masked gangsters». Первые полгода я в основном училась прыжкам и стойкам на руках. Даже с моей физической подготовкой это было трудно. Но я упорно занималась. А Антон терпеливо со мной работал, даже когда психовала. Называл «sister»... Сказал, что очень хотел, чтобы у него была младшая сестрёнка, но не повезло. Я в шутку предложила подарить свою.

Кстати, благодаря нему я вернулась в школу через пару месяцев. Он настоял, сказал, что нужно быть выше и сильнее этого. И я пришла обратно. За первое же вякание в мою сторону Альбина получила от меня мордой об парту. Остальные подружки — курицы сразу притихли. Больше этот курятник в мою сторону даже не смотрел.

А ещё Антон иногда забирал меня из школы. Школьные сплетницы разнесли, что он мой парень. Разубеждать не стала.

У Антона была девушка, которая через год после нашего знакомства его бросила и тут же выскочила замуж за какого-то богатого папика. Конечно, Решетняк же всего лишь наследник, да ещё и второй по очереди в чете. У его отца какие-то заводы по производству стройматериалов. Оказалось, что мой отец с ним хорошо знаком, они сотрудничают. Нашу дружбу даже одобрили, хоть сначала мать и истерила.

После расставания Антоша расклеился и ушел в запой на две недели. На телефон не отвечал, на репетиции забил. Я пришла к нему домой сама после занятий в институте. Он открыл дверь полуживой.

— Ну, и во что ты превратился? — брезгливо глянула на него.

Зарос, в одной одежде уже, наверное, неделю ходит, перегар в квартире, хоть святых выноси. Бардак. Кругом пустые бутылки и коробки от еды. Не голодал и то хорошо.

— Не нравлюсь? Тогда не смотри... Иди домой! — язык заплетался.

Я просто оттолкнула его в сторону и прошла в прихожую.

Не знаю, откуда у меня взялись силы, он здоровый, но я затолкала его в холодный душ. И вымачивала там, пока не посинел от холода, а алкоголь более-менее не выветрился из его головы. Оставила дальше приводить себя в порядок, а сама занялась уборкой. Я и представить не могу, сколько бутылок выгребла отовсюду. Мешки с мусором аккуратно выстраивались в ряд в коридоре.

— Оставь! Я сам... Или клининг завтра закажу, — прервал мою работу Антон. Мокрый посвежевший, чисто выбритый вышел из ванной.

— Кофе будешь?

— Буду, — взлохматил влажные волосы на голове.

После кофе мы всё же закончили уборку. Квартира сияла, как новенький пятак. Без сил грохнулись на диван, раскинув руки в стороны.

— Sister, никогда не влюбляйся. Оно этого не стоит... Оставляет только боль и разрыв души внутри...

Я эти слова запомнила, так и жила все эти годы, медленно холодея и зверей, подстёгивая себя тем, что доверять нельзя, мужчины все мудаки и насильники. На все попытки обидеть меня отвечала кулаками, на неуважение — агрессией. Научилась смотреть так, что по одну взгляду было понятно, что ко мне лучше не подходить. При этом прекрасно понимала, что из обычной красивой девушки я превратилась в шикарную и сексуальную красотку. И пользовалась этим на все сто, ничего не давая взамен.

А с матерью так общего языка и не нашли. Просто сосуществовали рядом. Прислушивалась только к отцу, но поступала всегда по-своему. Научила их не лезть в моё личное пространство или хотя бы не пытаться. Не надо меня учить, я научусь на своём опыте. Только им мои методы учёбы не нравились. Мать считала меня позором семьи, каждая моя выходка серьезно осуждалась и каралась. Материально. Спасала работа на дубляже и, что я перекидывала деньги на другой счёт до блокировки карт.

Вся моя жизнь последние четыре года — это учёба, работа и изматывающие тренировки. На каникулах могла позволить отпуск и съездить куда-нибудь.

У детей моего круга сплошные праздники и тусовки, а мне это всё поперек горла стояло, не смотря на то, что позволяла себе вылазки в клубы. Мне было там скучно, вот и устраивала перформансы. Теперь за них ещё и неплохо платят. Но дома по головке не глядят за такое.

Проблем с полицией тоже хватало. И не только из-за драк. Я гоняю. На спор или на деньги — не важно. Люблю скорость. Не раз приходилось удирать от ДПС, лишалась прав, платила бесконечные штрафы.

В общем, девочка — не сахар.

- Нравлюсь такая? — задаёт вопрос Сэл, когда завершила свой рассказ.
 - Я просто ещё не переварил информацию, — обтекаю после услышанного.
 - Я предупреждала...
- Она встала и вышла из комнаты, оставив меня одного со своими мыслями.

Праздники закончились, и каждый вернулся к себе домой, мы в Москву, Рон в Лондон.

И опять ожидание следующей встречи. Каждый день живёшь от сообщения к сообщению, от звонка до звонка...

Мои откровения не испугали Мэдлтона. Он сказал, что это всё прошлое. Ему нравится мой дерзкий характер. Вечная история — плохое притягивает хорошее. Один своим плюсом компенсирует минусы другого. В нашей паре этот минус я.

Дни листаются в календаре, превращаясь в месяцы.

Последний раз виделись с Роном в апреле, после его полуторамесячного промотура по странам и континентам. Естественно, на майские праздники я собрала чемодан и рванула к нему. Хорошо, что в России так много праздничных дней.

Он встретил в аэропорту. С медведем в руках. Привез специально для меня из Кореи.

— Что за милашка?!- умиляюсь подарку, прижимая медведя к себе.

К игрушкам я всегда питала слабость.

— Это Рилаккума. Ты сказала, что коллекционируешь, надеюсь, такого в коллекции нет.

— Нет. Спасибо! — целую своего парня. — Теперь я знаю, кто будет тебя заменять ночами, когда не будет рядом.

— Идем. А то мы тут как на ладони, — подхватывает мой чемодан, и направляемся в сторону парковки.

В машине накидывается на меня с поцелуями. Он жадно целует и прижимает к себе.

— Поехали домой... — хрипит в губы, оторвавшись.

Всю дорогу держит меня за руку или колено, бросая сальные взгляды. В его квартире накидывается, как только за нами закрывается дверь.

Он берёт меня сзади прямо в прихожей. Безумство. Мы напоминаем животных.

Ноги не держат, поэтому до дивана Рон несёт меня на руках, не отрываясь от моих губ.

Вцепляюсь в него и не отпускаю, когда он обещает отойти всего на минуту. Такое ощущение, что мы скоро расстанемся навсегда. Но ведь наоборот, меньше пары месяцев и мы будем вместе. Будем засыпать, и просыпаться вместе, обедать и ужинать, ходить по магазинам и путешествовать. Встречать закаты и рассветы... Жить вместе... Играть во всё то, во что играют взрослые дяденьки и тётеньки.

— Прости, малышка, мне нужно ответить... — выпускает меня из объятий, когда телефон в очередной раз начинает трезвонить.

У него идут съёмки, но он бросил всё на эти дни, чтобы побыть со мной. Режиссер был в бешенстве, но отпустил, потому что позволили продюсеры. Роль на Оскара или как минимум Золотой глобус.

— Всё хорошо? — смотрю на взволнованное лицо Рона, когда он возвращается.

— Да... Мама звонила, сказала, приедет на пару дней в Лондон по делам с Бэлл.

— Отлично. Познакомимся.

На лице Мэдлтона читается замешательство. Я помню, что его мать не в восторге от меня. Но ставить диагноз не осмотрев пациента...

— Рон, я постараюсь понравиться твоей маме... Обещаю, — тяну его за руку к себе на диван. Он падает рядом и обнимает. — А дети меня вообще любят.

Усмехается и целует в щёку. Губы скользят вниз к шее, оставляя после себя горящую дорожку на коже. Стягивает с плеча плед, в который я завернулась. Вещи валяются на полу в прихожей. И у нас всё по новой.

* * *

На следующий день приехала мать Рона с его маленькой сестричкой. Диана типичная англичанка, таких в толпе увидишь — сразу скажешь, откуда она. Среднего роста с неброской внешностью. Светлые с рыжиной волосы, глаза цвета алюминия, холодные, смотрят с подозрением.

Малышка Бэлла только войдя, уставилась на меня широко раскрытыми глазами, вцепившись в руку матери. Только это не страх, а интерес. Живой детский интерес, как будто ты встретил героя своей любимой сказки вживую.

— Мам, она как принцесса из мультфильма, — шепчет девочка еле слышно матери. — У неё такие волосы... длинные!

— Нет, милая, она не принцесса... — резко отвечает Диана.

«...скорее ведьма», — продолжаю я у себя в голове её слова, которые она не смогла подобрать или не досказала.

— Бэлла, познакомься. Это Сельванна, моя девушка, — подхватывает Рон сестричку на руки.

— А можно погладить? — робко спрашивает девочка разрешения прикоснуться к волосам.

У неё жиденькие русые косички, как мышьи хвостики.

— Конечно, — улыбаясь, даю разрешение.

Ребенок с восторгом гладит по моим волосам. В глазах столько счастья и улыбка до ушей.

После ужина, который мы с Роном готовили сами к их приезду, я уже сижу на диване с кучей резиночек и бантиков на голове. Бэлла играет в парикмахера. Главное, потом расчесать всё, что она мне накрутила.

Мои родители хотели третьего ребенка, но после рождения Стаськи у мамы возникли какие-то проблемы, так что все попытки родить мальчика были тщетны. Жаль... Я была бы не против, чтобы у меня был маленький брат... Но и сестрёнке тоже.

— Белла, пора спать, — командует Диана.

Строго слишком. Нельзя своё недовольство перекидывать на детей.

— А можно Сэл мне расскажет сказку на ночь? — куксится девочка.

Мать Рона бросает на меня неприятный взгляд, не по себе становится, но позволяет.

— Какую сказку ты хочешь послушать? — укладываю её в постель, накрывая одеялом.

— Не знаю... А какая у тебя любимая? — ерзает в кровати.

— У меня? Ммм... Русалочка. Только она грустная.

— Я не знаю грустной сказки о Русалочке. Расскажи, — хлопает в ладоши.

— Хорошо. Только ты сначала закрываешь глаза.

Она молча и улыбаясь, зажмуривает глаза.

Я устраиваюсь в ногах и начинаю рассказ. Медленно, как учили на занятиях. На середине повествования девочка засыпает. Ну, и, слава Богу! Не хотелось ей рассказывать,

что Русалочка погибла от безответной любви.

Выйдя из комнаты, я услышала, как Рон и Диана ругаются на кухне. Я встаю у стены так, чтоб меня не было видно.

— Мам, тебе не нравится Сэл, но моего отношения к ней это не изменит. Я её люблю! — говорит резко, вышагивая из угла в угол. — И когда она окончит университет, то переедет ко мне, хочешь ты того или нет.

— Не подходит она тебе, — старается не повышать голос Диана. — Я тебе уже говорила. Богатая и избалованная. От скуки черти что вытворяет! Ты понимаешь, что это каждый раз будет пятном на твоей репутации!

— Репутация? Я что королевских кровей? Да плевать я на неё хотел, эту репутацию! — срывается Рон.

— Ты так долго всего этого добивался...

— Знаю! Я брался за всё, что мне предлагали, чтобы вырваться из той нищеты, в которой мы жили. Чтобы я мог сейчас купить себе всё, что захочу, а не как в детстве, когда не было денег даже на лишние ботинки. Я сделал всё, чтобы и вы ни в чём не нуждались. Так может я заслужил хотя бы капельку счастья?! Я много не прошу — посмотри на неё другими глазами. Даже Бэлла её приняла, — махнул рукой в сторону спальни.

— Бэлла — ребёнок. Она для неё, как фея из сказки — красивая и с длинными волосами.

Я устала стоять и слушать, как шпион. Подхожу и прислоняюсь к дверному косяку.

— Я вашей любви не прошу, — холодно кидаю в неё словами. — Но иногда нужно думать сердцем, а не головой. Я переночую в отеле, — обращаюсь уже к Рону.

Ухожу в прихожую, достаю свою куртку из шкафа.

— Какой отель? Сэл, ты не можешь уйти! — догоняет меня у двери, рывком разворачивая к себе.

Хватает руками за лицо и пристально смотрит в глаза.

— Ты знаешь, где меня искать, — вырываюсь из его рук и выхожу.

Перелетая через ступеньку, выбегаю на улицу. Рон следом.

— Сэл, стой! Не уходи, пожалуйста!

— Рон, нам с твоей мамой, пока мы не найдем общего языка, в одной квартире тесно. Поэтому я поеду в отель...

— Нет! — хватает меня за талию. — Так нельзя. Я как будто тебя выгоняю...

— Я сама ухожу, — подношу руку к его щеке и глажу. Колется. Припадаю к его губам с поцелуем. — Я вернусь днём, — шепчу ему в губы, отрываясь от него.

Разговора с Дианой у нас так и не получилось. Через пару дней они уехали домой, а ещё через пару улетела к себе я. Всё это время между нами с Роном было какое-то напряжение. Но он пообещал прилететь через три недели в Москву сам, получит разрешение на въезд к этому времени.

* * *

Шереметьево.

Москва встречает теплой погодой, не то, что морозящий дождь в Лондоне на прощание. Весна... Обожаю, это время года, когда вокруг всё покрывается свежей зеленью и цветами.

На стоянке таксист грузит мой чемодан в багажник, а я стою рядом, прижимая медведя к себе. В кармане вибрирует телефон. На дисплее высвечивается «Антонио».

— Привет, братишка! — отвечаю на звонок.

— Привет! — слышу на том конце потерянный голос. — Ты уже в Москве? Не мог до тебя дозвониться...

Странное чувство сжимает всё внутри.

— Да, только прилетела... Что случилось, Антон? — сдавленным от предчувствия голосом говорю ему.

— Держись, sister... Тут такое дело...

— Не тяни!

— Твои родители со Стаськой утром в аварию попали... — не своим голосом произнес он эту фразу. — Отец и мать насмерть, Настю врачи по запчастям в операционной собирают.

Я почувствовала резкую боль где-то в районе солнечного сплетения, как будто кто-то воткнул нож и повернул его. Из рук всё вывалилось, а в глазах потемнело. Горло сдавил спазм, я не могла не дышать, не говорить. Сквозь туман видела, как у меня что-то спрашивает таксист, но в голове только стучит "отец и мать насмерть".

Нееет! Это всё чья-то дурацкая шутка!

Саунд: Crash Ира(Я) — Ангелы здесь больше не живут

Всю неделю я существовала как в вакууме. Кто-то приходил, уходил, что-то говорили, соболезновали, но для меня они были словно картинки в журнале, который быстро листаешь от скуки, даже не запоминая, что там.

Боли не было, была пустота... Холодная и бескрайняя бездна внутри... Будто из меня вынули душу и лишили всех чувств. Я могла молча сидеть и смотреть в одну точку часами, не думая ни о чём. Все мысли куда-то улетучились.

Слёз тоже не было, даже на похоронах. Я просто смотрела на бледные лица родителей и не верила. Мне казалось, что они сейчас откроют глаза, встанут, и мы поедем домой. Но этого не случилось...

Я наблюдала, как их тела в гробах предают земле, будто со стороны. Потом были поминки. Опять слова соболезнования, кто-то предлагал свою помощь. Я только качала головой. За все дни я, наверное, и десятка слов не произнесла.

Бабушка тоже в больнице... У неё случился сердечный приступ от новостей. К ней пускают ненадолго днём, после каждого моего визита ей плохо, а мы и не говорим почти. Просто сидим и молчим, но понимаем трагедию каждого по глазам.

Спать я не могла. Ночи проводила у дверей палаты реанимации в больнице. Просто сидела и разглядывала стену напротив. Сначала меня пытались выгнать, говорили, что не нужно здесь находиться, меня к сестре всё равно не пустят. Потом махнули рукой...

В конце концов, врач сжалился и пустил на пять минут. Стаська лежала вся в трубках и проводах. С какой-то стороны она счастливый человек — она не знает, что мамы и папы больше нет. А с другой...

Двойной компрессионный перелом позвоночника с повреждением спинного мозга — прозвучало, как приговор в моих ушах.

— Она не сможет ходить, — говорит врач.

— И нет никаких шансов? — чужим, незнакомым мне голосом спрашиваю я. — Деньги не проблема.

— Мы сделает дополнительные анализы и обследования, отправим в разные клиники. Но пока она не восстановится немного физически, оперировать опасно.

— Я поняла... Делайте всё, что нужно... Нам ещё документы на опеку оформить нужно. Иначе мы её просто не сможем вывезти, — это сейчас было делом номер один.

Юрист уже работает над этим. Чтобы решить всё быстро нужно много занести нужным людям.

Контроль над бизнесом отца временно на себя взяли назначенный генеральный директор, Антон и его семья присматривают. Я им очень благодарна, они поддерживают.

* * *

Сегодня в больнице не остаюсь. Еду в дом родителей.

Тихо... Прислугу отпустили на время, осталась только охрана.

Брожу из комнаты в комнату. Я здесь не живу уже три месяца, переехала в свою

квартиру. Теперь каждая вещь напоминает о родителях.

Останавливаюсь перед портретом мамы и папы. Какие они на нём красивые! Только сейчас я поняла, что их больше нет, что я их никогда не увижу, не обниму, не скажу, как сильно люблю. Слезы сами бегут ручьём.

Хватаю вазу с полки и кидаю в стену. Потом туда летит все, что попадает под руки, а из горла вырывается крик. Ноги не держат, и я падаю на пол от бессилия среди хаоса, который устроила. Рыдания и крики смешиваются. Сколько продолжалась истерика я не знаю.

Шатающейся походкой иду в кабинет отца. Набираю пароль от сейфа. Там пистолет, который достаю и проверяю магазин. Пустой... Патроны тут же... Заряжаю.

Пьяная мразь, виновная в смерти моих родителей и травмах сестры ещё жива. И я даже знаю где он сейчас. Тоже в реанимации, только другой больницы. Я слежу за его состоянием, жду, когда он сохнет. Но он не торопится... Сегодня самое время...

Дрогнет ли рука? Нет. Стреляю я отлично.

Делая несколько шагов в сторону двери, слышу звонок телефона на столе. Не хочу брать, но зачем-то возвращаюсь и поднимаю трубку.

— Да?

— Ну, наконец-то! Когда ты телефон включишь? Уже неделю до тебя хрен дозвонишься! — бухтит Антоша.

— Я его разбила в аэропорту. Новый купить времени нет... Что тебе? — раздражаюсь я. Не надо меня задерживать.

— Глаголев умер три часа назад...

Эта новость как мёд для ушей. Ублюдок отправился в ад. Справедливость восторжествовала. Я бессильно опускаюсь в кресло и кидаю пистолет на стол.

— Спасибо за прекрасную новость! — кладу трубку на место.

Меня отпускает.

Ночевать одна в огромном доме я не собираюсь. Меня пупырчатые мурашки покрывают от этой звенящей тишины. Запираю оружие обратно в сейф и собираюсь уйти.

Когда открываю дверь, чтобы выйти, обнаруживаю на пороге гостя.

— Алекс?

— Извини, что раньше не приехал, у меня гастроли были.

— Мог бы вообще не приезжать... Я не обижусь...

— Не мог...

У меня наворачиваются слезы на глазах. Внутри всё бурлит от злости и безысходности.

— Ну-ну, Сэл, не надо, — прижимает к себе.

Зарываюсь лицом в его тёплый свитер, который пахнет папой.

— Давай зайдём, дождь начинается, — подталкивает меня в дом.

А я не хочу обратно... И его хочется послать, но сил нет. Мне нужен кто-то сейчас рядом. Начинаю всхлипывать сильнее, глотая рыдания.

— Всё будет хорошо, малышка, — осыпает поцелуями моё лицо.

Малышка... Где киса? Мне быть киской в его устах больше нравится. Малышкой Рон зовёт, и меня порой коробит от этого прозвища.

Алекс губ не трогает, но почему в данный момент этого очень хочется. Чтобы поцеловал, чтобы меня любили и укрыли от всего ужаса.

И я сама его целую. Но выходит как-то неловко и скомкано, что бросаю затею получить

таким образом капельку любви и ласки. Хотя Алекса только попроси, и он тебя искушает во всём этом.

Сползаю на пол и тяну его за собой. Садимся в угол, и я прижимаюсь к нему, а потом кладу голову Гроу на колени. Он нежно гладит по волосам и молчит, а я всхлипываю, давясь слезами.

Сколько мы так сидим, я не знаю. Время для меня перестало существовать. Кто-то есть рядом и это важно. Но этот кто-то — Алекс, тот от кого я так яростно пытаюсь сбежать в течение целого года. Нонсенс.

Что я творю? У меня же Рон...

— Уходи, Алекс! — приподнимаюсь и отпихиваю.

— Сэл...

— Уходи! Я хочу побыть одна! — срываюсь на крик.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Разреши помочь! — не унимается.

— Чем? Родителей мне вернёшь?

— Нет... Но тебе нужна поддержка...

— Не нужно мне от тебя ничего! Ни от кого не нужно! Вали отсюда на все четыре стороны!

— Сэл... — пытается снова меня обнять.

— Не трогай! — рычу. — Просто уйди и оставь меня в покое!

Обречённо выдыхает и опускает руки.

— Если нужна будет помощь — позвони.

— Обойдусь!

Он уходит, а я стекаю по стене и долго реву, не в силах себя остановить. А потом еду к себе домой. Моя нора, место, которым я дорожу, потому что его подарили они.

По дороге заезжаю в салон и покупаю новый телефон. Я действительно неделю ни с кем не общаюсь. Не до этого было.

Дома ставлю сим-карту. Смартфон через несколько минут после настройки оживает. Бесконечные сообщения и оповещения. Но меня интересует только один номер. С него несколько сотен звонков и сообщений.

Я за эти дни почти не вспоминала о тебе, Рон.

А любовь ли это тогда?

Это решение мне трудно далось, но набираю сообщение:

«Прости, но мы не можем быть вместе. Не ищи меня...»

Отправить...

Обнимаю медведя и скрючиваюсь на полу. Больно... Очень больно... Мир вокруг рухнул, а я раскидала руины своими руками. Слезы и рыдания сотрясают тело.

Ничего не осталось...

Но ад только начинается...

Бизнес отца, в котором я ничего не понимаю, свалился на меня тяжёлым бременем. Всем что-то было нужно, а у меня глядя на эти бумаги, в голове белый шум. Юристы, руководители отделов, финдиректор и прочий офисный планктон пытаются мне донести суть работы, но я улавливаю только какие-то нюансы, знакомые мне. Хорошо есть гендиректор, который всем рулит, пока завещание не вступило в силу.

Пришлось подтянуть Антошу, зря, что ли финансовую академию окончил.

— Тебе придется или во всё это вникать, или продавать. Но пока разберёшься, можно много потерять, — даёт заключение Решетняк.

— Ты же рядом, поможешь, — улыбаюсь ему в ответ, покачиваясь в кресле отца в его кабинете.

— Сэл, ты не деловой человек, по крайней мере, не в этой сфере. Вот шоу-бизнеса — это твоё. А тут... Мой совет — продавай всё к чёртовой матери.

— Я могу продать только свою долю, Стаська своей сможет распоряжаться только после восемнадцати. А пока всем будет управлять Орлов, — уже почти соглашаюсь с ним.

— Ты ему доверяешь?

— А у меня есть выбор? Отец его указал, как гендиректора. Значит, он ему доверял. Они с ним у истоков компании стояли. А вообще, кроме тебя я никому не доверяю, — фыркаю, усмехаясь. — Я даже себе не доверяю. Хотя и тебе... Ты так смотрел на Стаську вчера в больнице...

— Я просто проявлял участие, помог ей подняться на подушки, — смущённо отводит глаза в сторону.

— Убью, если ты к моей сестре шары подкатишь, — оскаливаюсь на него.

— Ты в своём уме? Ей шестнадцать! — смотрит на меня невинными глазами.

— Твоему брату было насрать, что мне было шестнадцать, когда он ко мне приставать начал. А яблонька от яблоньки...

— Ты намекаешь, что отец наш тоже такой?

— Вашей матери стукнуло семнадцать, когда он на ней женился, так что у вас гены, Антоша, — поднимаю какую-то бумажку на столе.

Цифры, цифры, цифры... Брр.

— Анна Александровна, к вам юрист, — входит секретарша и прерывает наш разговор.

— Пусть входит... Надеюсь у него хорошие новости, — обращаюсь уже к другу.

Кадышев Юрий Николаевич давно работает в компании отца. Долгое время дружили, тоже проверенный человек.

Входит юрист, нервно вытирает платком вспотевшую лысину.

— Обрадуете, Юрий Николаевич? — спрашиваю его, кивая головой на кресло напротив.

— Боюсь, что нет. Возникли ещё проблемы по поводу наследства, — волнуется под моим взглядом.

Под ним все теряются. Размер глаз всех в ступор вводит.

— Что с ним не так, — подходит ко мне Антон и облакачивается одной рукой на спинку моего кресла.

— Ваша тётя... — смотрит на меня. — Она подала в суд на опротестование завещания.

— И что эта жаба хочет? — откидываюсь назад.

— Больше денег... — вздыхает адвокат.

— Вот сука! — вырывается у Антона.

Он нервно разглаживает волосы на голове и проводит рукой по лицу, задерживаясь на подбородке.

— Значит торговый центр, два спа-салона, ресторан, дом дедушки и бабушки в Казани, двадцать миллионов долларов ей мало, — перечисляю я, загибая пальцы.

Адвокат только, поджимая губы, жмёт плечами.

— Тварь! Никогда не любила ни её, ни её отпрысков, — кидаю с яростью ручку на стол.

Это действительно так. Мою мать семья отца не принимала долгое время. Иноверка. Они мусульмане, а она христианка. Может быть, всё прошло бы и гладко, если бы наши родители не приняли решение, что мы сами выберем веру, когда нам исполнится по четырнадцать лет. Живя в Казани, возможно, я бы и приняла Ислам, но мы жили в Москве. Меня крестили, Стаську позже тоже. Родители отца восприняли это, как оскорбление. Общались мы редко и очень натянуто. Но папа поддерживал семью... Построил огромный дом для отца с матерью. Обеспечил старшую сестру с двумя её сыновьями — трутнями. Вот где слово «мажоры» прям красным фонарём горят над головами.

У тётки деловая хватка, поэтому отец развернул ей нехилый бизнес в родном городе. И вот теперь ей мало...

— Что она хочет? — спрашиваю у адвоката.

— Двадцать пять процентов от состояния.

— А харя у неё не треснет?!- раздражается Антон.

Сумма приличная.

— Есть же завещание, где четко указано кому и что, разве можно его пересмотреть? — интересуюсь у юриста.

— Если бы ваш отец был болен, невменяем или оно составлялось под давлением, то тогда — да. Но Саша был здоров. Так что у нас все шансы выиграть, — растолковывает Юрий Николаевич.

— Ну и отлично. Пусть идёт в пешее эротическое значит со своим иском, — довольно откидываюсь на спинку.

— Куда идёт? — непонимающе смотрит на нас адвокат.

— На хуй! — поясняет Антон.

* * *

Крови тётка всё равно знатно попила, пока поняла, что все эти суды — пустая трата времени и денег. Осталась только с тем, что ей было завещано. Но нервов помотала нереально. А сколько дерьма я выслушала в адрес себя и своей матери... С трудом каждый раз сдерживалась, чтобы не вlepить ей по морде. В последний день не выдержала, отвесила ей смачную пощечину, когда она назвала мою мать шлюшкой.

Вдобавок ко всему были проблемы с оформлением опекуинства. Взять на себя такие серьезные обязательства я не смогла. Какой с меня опекун?! За мной самой присмотр нужен. Их на себя взяла бабуля... И, слава богу, ей не семьдесят пока. Но у неё проблемы со здоровьем, больное сердце. «Правильные» справки обошлись очень дорого. Проблему решили. Осталось подготовить документы к операции.

Стаську согласилась взять немецкая клиника в Дюссельдорфе. Врачи пообещали стопроцентный результат. Сестра будет ходить, и жить нормальной жизнью.

Потерю родителей она перенесла молчаливо, только по ночам, когда я оставалась у неё ночевать, слышала, как она всхлипывает. Однажды не выдержала, включила свет и, обнявшись, мы ревели вместе. Стало легче, мы обе скинули давящий груз потери на некоторое время с плеч. Но всё это большой обман... Боль не проходит, она притупляется. И для этого нужно время, а его прошло так мало.

Мы со Стаськой часто вспоминали после этого родителей. Разные случаи из нашей жизни. Смеялись со слезами и грустью в глазах. Нам их очень не хватало...

Очень, очень...

С Роном мы больше не общались. Первые дни он звонил и писал, потом я его заблокировала.

Зачем рвать себе душу, которая и так разорвана в клочья? Зачем ему девушка с вагоном проблем? Его мать права — я ему не пара. Найдёт тихую и послушную мышку, женится, нарожают детей и будут пить чай в пять часов в своём доме где-нибудь в окрестностях Лондона. А такая жизнь не для меня. Для меня — это когда задница пригорает, когда без проблем никуда. Иначе скучно, обыденно... Мне нужен драйв.

* * *

— Привет! Готова ехать? — подхожу к Стасе, которая сидит в инвалидном кресле на пороге дома.

— Готова, — улыбается, поджав губы.

Сегодня мы улетаем в Германию. На следующей неделе ей сделают операцию, а через полгода она будет прежней Настей, шустрой и любознательной, бегать со своим фотоаппаратом и снимать всё вокруг.

— Тогда поехали, — толкаю коляску перед собой.

Жизнь устаканивается. Ад из проблем и бумажной волокиты заканчивается. Появляются робкие намёки на хорошее будущее.

У нас будет всё хорошо... Я знаю.

Операция длится уже восемь часов. Бабушке дали успокоительное, иначе сердце точно не выдержит. Ещё её не хватало бы потерять. И так слишком много потерь в моей жизни. Сейчас она спит на диване в комнате для посетителей, заботливо укрытая шерстяным пледом.

Я время от времени встаю и мечусь из угла в угол, как лев в клетке. Время длится невыносимо долго, кажется, что прошла вечность, но по итогу всего минут двадцать. Когда всё закончится — никто не знает.

Даже залипание в телефоне не помогает, раз за разом выключаю его и кидаю на журнальный столик. На окнах изучила, наверное, все царапины и грязные пятна.

Сообщение на экране от Антона, спрашивает, как дела. Отвечаю, что ещё ждём и опять откидываю телефон. Нервно заламываю руки...

А если операция не поможет? Как потом смотреть в глаза сестре?

Я этого точно не выдержу.

Не носи херни! — орёт внутренний голос. Врачи обещали хороший результат.

Проходит ещё четыре часа, прежде чем появляется доктор:

— Операция прошла удачно. Дальше только восстановление и реабилитация, — успокаивает меня, подбадривающе сжимая плечи.

Я с облегчением опускаюсь в кресло. Все отлично! Глаза наполняются слезами...

— Спасибо, доктор!

— Всё будет хорошо! — похлопывает меня по плечу и уходит, едва передвигая от усталости ноги.

В комнату вошла медсестра Марта. Она приставлена к Стаське, как одна из сиделок, наша просьба за отдельную плату.

— Держи, — протягивает мне стакан воды. — Поздравляю, всё прошло успешно.

— Да... — делаю несколько глотков.

Мы нашли общий язык с Мартой быстро, она болтушка. Всё время что-то рассказывает с бывших пациентах, как им здесь помогли — поставили на ноги. Поддерживает. Надо её пригласить куда-нибудь, пообедать, поблагодарить... Да и с городом познакомиться. За неделю кроме аэропорта, больницы и больничного парка ничего не видели. Но это потом, когда Стаська почувствует себя хорошо... Нам здесь ещё полгода жить.

* * *

Сестрёнка тихо спит. Я подхожу к кровати и, стараясь её не разбудить, присаживаюсь на край постели. Бледная... Только перевели из реанимации в обычную палату.

Слегка глажу по руке. Она вздрагивает и с трудом открывает глаза.

— Тшш... Спи, — шепчу еле слышно.

— Ань? Как всё прошло? — спрашивает хриплым голосом.

— Хорошо... Скоро ты встанешь на ноги, — успокаиваю её, поглаживая по руке.

— Я пить хочу, — сглатывает слюну.

Подаю ей бутылку с трубочкой, которую оставила медсестра. Стася делает несколько

глотков и закрывает снова глаза. Проваливается в сон. Он ей сейчас очень нужен... Он всем нужен, я вторые сутки на нервах не сплю.

* * *

Прошел месяц. Уже середина сентября. Но здесь этого не ощущается. Жарко, как и летом. Климат мягкий...

Мы с Мартой, прогуливаясь по городу, заглянули в ресторанчик перекусить. Решили сесть на террасе. Перед рестораном на площади снуют люди — местные и туристы. Шумно... Кто-то фотографируется, кто-то снимает видео, слушают местных уличных музыкантов. Женщина догоняет сбежавшего от неё малыша. Забавно наблюдать, как он всегда выворачивается от матери, когда она уже его почти схватила.

— Мило, да? — указывает на них Марта.

— Да... — улыбаюсь в ответ, размешивая сахар в кофе.

— Я хочу детей, но муж пока против, — с печалью в голосе произносит девушка.

— Какие ваши годы, успеете ещё, — они женаты всего пару лет.

— А ты?

— Когда-нибудь тоже... Наверное... Пока в мои планы это не входит. Да и рожать нужно от того, кто достоин стать отцом твоих детей. Не от первого же встречно, — пожимаю плечами.

А таких на горизонте не видится.

— Согласна, — отвечает Марта.

Внимание привлекает группа мужчин восточной внешности, которые косятся на двух девушек в коротких шортах. Пошленько смеются и что-то обсуждают на арабском, тыкая в них пальцами. Явно из беженцев. Здесь их много, и живут они по своим правилам, которые не вяжутся с европейскими устоями.

Они подходят к девушкам, и один начинает нагло приставать, щипая девчонок за бёдра.

Я напрягаюсь. Марта смотрит туда, где остановился мой взгляд.

— Не обращай внимания, это дело полиции, — с каким-то спокойным недовольством говорит мне.

Но полиция не торопится реагировать, хотя я прекрасно вижу на той стороне площади парочку в форме. Прохожие тоже просто идут мимо, считая, что это не их дело.

Я встаю на стул и снимаю с балки у нашего столика подвесной цветочный горшок. Марта таращит на меня глаза:

— Что ты собираешься сделать?

— Помочь. Всем ведь наплевать... Даже им, — показываю глазами на полицейских.

— Не связывайся с ними! Арестуют...

Поздно. Меня закусало... Пересекаю площадь и подхожу к придуркам, которые лапают девчонок. Размахиваюсь горшком, и самый борзый получает вскользь по голове. Потом второй по плечу, горшок разбивается. Третий успевает отбежать в сторону и начинает орать что-то на своём. Всё, что я понимаю — это слово «полиция». И они тут же появляются, как двое из ларца, скручивают мне руки.

Ночь я провела в отделении. Плюс штраф в десять тысяч евро за нарушение порядка. Первому, которого я ударила, разбила голову. Свидетелей полно... Но в полиции дело

замяли, комиссар посчитал, что его сотрудники не выполнили свою работу и арест прошёл не по уставу, а это причина его опротестовать. Начальник встал на мою сторону.

Возможно, будь на его месте мужчина постарше, то мне грозил бы срок. А этот оказался около тридцати пяти лет, симпатичный голубоглазый шатен. Противно, конечно, но ради свободы пару раз игриво ресничками похлопала. Ключнул, а у самого обручальное колечко на пальце. Ещё и визитку на прощание дал...

— Возьмите, возникнут проблемы, звоните, — развратно улыбается, окидывая меня взглядом.

Думаешь, я не заметила за то время, что я здесь нахожусь, ты меня уже сто раз глазами раздел и трахнул? Так что пусть твой мозг пока покурит на балкончике после «оргазма».

— Я вообще-то в полицию больше попадать не планирую, — закидываю визитку в рюкзак.

— Можете просто позвонить, я буду рад услышать ваш голос. Или пообедать где-нибудь...

— Извините, но я не встречаюсь с... — показываю глазами на его кольцо.

— Вас это смущает? Можете не волноваться. У нас свободные отношения.

Ну-ну, все вы так поёте.

Но это Европа, тут и не такое встречается.

О времена, о нравы! Фэйспалм.

Мягко ухожу от дальнейшего разговора и покидаю отделение.

Саунд: Fort Minor- Remember the name

— Значит, ты не поедешь с нами? — расстроено спрашивает Стаська.

За полгода, что мы прожили в Дюссельдорфе, она встала на ноги и прекрасно себя чувствует, о травме, переломах и операции напоминает лишь фиксирующий корсет на талии.

— Нет, не поеду...

— Жаль... Нам будет тебя не хватать, — почти на слезах произносит сестрёнка.

— Я буду прилетать. Обязательно, — беру её за руку.

Она холодная. Потираю, чтобы согреть.

— Чем здесь займёшься? Ты тут никого не знаешь.

— Я здесь и не собираюсь. Поеду в Лондон, — растираю нервно шею.

— К Рону? Почти год прошел. У него, наверное, уже новая девушка...

— Ну и отлично, потому что я не к нему. Есть у меня одна мысль, — прикусываю в раздумьях нижнюю губу.

— Какая? В кино подашься? Было бы неплохо.

— Нет. Пока не в кино, а там посмотрим. Наверное, то от чего ты так яростно убегаешь и есть твоё предназначение. Надо просто попробовать...

Что именно я задумала Стаське так и не сказала. Если не получится, только расстроится.

Бабушка и сестра вернулись в Москву, а я пару дней хожу вокруг визитки, которую мне полтора года назад дал продюсер в том баре, где отмечали день рождения Мэдлтона. Нашла её пару недель назад, когда ездила домой заключать сделку о продаже своей доли в отцовском бизнесе.

Позвонить не хватает почему-то смелости. Столько времени прошло, он меня даже не вспомнит. Но...

Чёрт! Была — не была!

Набираю номер с карточки. На том конце длинные гудки, потом раздаётся хриловатый мужской голос:

— Слушаю.

— Здравствуйте! Вы меня вряд ли помните, но полтора года назад вы мне дали свою визитку в баре "Голубая пташка" и сказали, что если я захочу стать звездой, то могу позвонить вам, — выпуливаю слова, как автомат, на одном дыхании.

— Долго вы думали, — слышится усмехающийся голос. — Вы в Лондоне?

— Нет, я в Дюссельдорфе...

— Как вас зовут?

— Сельванна, — робко отвечаю я.

— Так вот, Сельванна. Жду вас послезавтра в четыре часа у себя в офисе. С вами свяжется мой секретарь и уточнит адрес.

— Спасибо! Я приеду, — обрадовано отвечаю ему.

— До послезавтра. — Сбрасывает звонок.

Ну что ж, первый шаг сделан.

Незадолго до назначенного времени стою у огромного здания музыкальной компании. Поднимаю голову вверх.

Пусть, Господи, всё пройдёт как надо! — решительно вхожу в холл.

Кругом на стенах плакаты звёзд, рекламные афиши. Какая-то нереальная футуристическая мебель. Охрана выдаёт мне пропуск, и я поднимаюсь на одиннадцатый этаж.

Меня встречает девушка в строгом костюме и очках. Волосы аккуратно зачесаны назад. Когда-то и я носила такую причёску... В своём бальном прошлом.

— Подождите немного здесь, — указывает на кресло. — Мистер Коллингвуд освободится и примет вас.

— Хорошо, — усаживаюсь на указанное мне место.

В офисе главы стены завешаны уже платиновыми дисками подопечных. Одни кричащие на весь мир имена.

Становится немного не по себе. Какого черта я сюда припёрлась? Разве музыка — это моё? Но отступить уже поздно. Надо попробовать.

— Можете войти, — обращается ко мне девушка, показывая на дверь кабинета.

Я молча киваю головой и твердым шагом, отбросив все страхи, откуда вообще эта нерешительность, вхожу.

Мужчина в кресле отрывается от бумаг и поднимает на меня взгляд. В нём читается интерес, а на лице появляется довольная улыбка.

— Я так и подумал, что это вы мне позвонили, — поднимается из кресла и направляется в мою сторону.

Хороший дорогой пиджак прекрасно подчеркивает фигуру. Итальянские туфли, Ролексы тысяч за сто баксов на руке, недешёвый парфюм. Бизнесмен — одним словом...

— Не думала, что вы меня запомнили, — включаю кокетку.

Он берёт руку и целует.

— Из всех тех, кому я дал свою визитку, вы единственная, кто мне так и не перезвонил через пару дней. А свой номер я кому попало, не даю, — подмигивает мне. — Чай? Кофе?

— Воду без газа, — отвечаю на предложение.

Он даёт распоряжение секретарю по селектору. Мы садимся на удобный диван, сделанный в виде буквы П, друг напротив друга. Девушка приносит мне стакан воды, ему чашку чая. Англичанин...

— Значит, решились? — задаёт вопрос, потягивая горячий напиток.

— Да. — Уверенно отвечаю ему.

— Что раньше мешало?

— Семейные обстоятельства... — опускаю взгляд на стакан в своих руках.

— Сейчас они мешать не будут?

— Некому, да и нечему мешать, — тяжело вздыхаю.

— Хорошо... Тогда завтра устроим вам прослушивание часиков в шесть, остальные члены совета вас послушают. Я-то уверен в вас, но это правила. Мы их соблюдаем... Дальше подготовим контракт, пока на два года, дальше, как вы решите. Ну и будем работать. Писать, записывать, трудиться над образом, стилем. Я думаю, вам подойдёт что-то дерзкое, — прищуривает один глаз, глядя на меня. — Но не без доли романтизма. Играете, пишете стихи, танцуете?

— Да, всё что перечислили. Владею фортепьяно, гитарой, скрипкой и ударными.

Трёхкратная чемпионка мира по бальным танцам, танцую и современные. Четыре года проработала в танцевальной коллективе. Стихи пишу, но редко. В школьные годы баловалась. И ещё... Профессиональная дипломированная актриса кино.

— Хороший послужной список, — хвалит меня. — Писать придется начать — много и часто. Мы за то, чтобы певцы сами сочиняли тексты песен. Но у нас есть и коммерческие авторы, так что в случае проблем, они подстрахуют. После подписания контракта нужно будет подобрать менеджера, пиарщика, директора и прочий персонал. Но это уже наши заботы. И вы про актрису сказали. Это тоже хорошо. В клипах нужен хотя бы минимальный актерский талант. А тут диплом... Интересно... — почесывает в затылке.

Встал и подошёл к рабочему столу, написал что-то на бумажке и протянул мне.

— Составьте мне своё резюме и пришлите на вот этот e-мейл. И фотографий прикрепите побольше. Харáктерные лучше, а не как для страницы в Инстаграм.

— Хорошо, — забираю у него бумажку и кладу в сумочку.

Мы ещё какой-то время обсуждали все детали, только потом он меня отпустил.

— До завтра! — произнес на прощание.

Шаг номер два тоже преодолён.

* * *

Прослушивание прошло на отлично. Участники совета наперебой восхищались моими вокальными данными.

Началось обсуждение контракта. На помощь мне Антон прислал Марка. Хотя я его и недолюбливала, но других вариантов не было. И в этих вопросах он всё же понимал. Работал со звездами не раз. Вдобавок у него английское юридическое образование. Некоторые пункты договора его не устроили, он назвал их кабалой, поэтому началось долгое обсуждение путей выхода. Марк был прав, я это и сама понимала, поэтому комфортные условия нужно было требовать сразу.

Жить в отеле — не вариант. Нужно было искать постоянное жильё. Отсмотрев невероятное количество предложений, я выбрала таунхаус в тихом районе на окраине города.

Моей соседкой и хозяйкой дома была русская женщина лет шестидесяти. Веселая и шустрая мадам по имени Мария Ивановна. Её муж когда-то работал в нашем посольстве, а после развала СССР они решили остаться здесь навсегда. Родили сына. Он женился, завёл детей. А два года назад получил хорошую работу в Нью-Йорке и переехал туда.

Квартира, которую я сняла, была как раз его, освободилась после бывших арендаторов.

С Марией Ивановной быстро нашли общий язык, она напоминала мне мою бабушку. Узнав о том, что моя мать тоже работала в посольстве, она только и вспоминала о прошлых годах и той работе.

Марк на время одолжил один из своих джипов. Я предпочитаю спортивные авто, но он сказал, что не пожалею и оказался прав. Когда было время, я выезжала за город и проводила время на природе, иногда просто сидя на капоте или крыше машины и глядя куда-то на море. В такие моменты моё сознание уносилось куда-то вдаль, а чувства обострялись. И я писала... Писала стихи, как просил Джон Коллингвуд... А по ночам подбирала к ним музыку. Иногда наоборот. Но я старалась это делать постоянно, вырабатывала привычку.

Иногда переводила русские песни на английский язык и исполняла их на камеру и выкладывала на странице соцсети. Мойдохлый соцмир ожил. Это один из пунктов контракта.

Аещё я старалась забыть...

Приехав в Лондон, я остро почувствовала желание увидеть Рона, хотя бы издалека, одним глазком. Просто из любопытства. Даже его номер разблокировала...

Постепенно это тяга прошла, работа задвинула её подальше, туда, откуда она появлялась только тогда, когда было очень тоскливо. А это было редко... Не было времени. Его не было даже на поспать...

В душе я надеялась, что с Мэдлтоном мы никогда больше не увидимся.

Но как же я сильно ошибалась... Не зря говорят, что город — это просто большая деревня.

Сегодня полгода наших отношений с Эммой. Она все уши прожужжала за неделю об этой дате, и по случаю забронировал столик в ресторане, чтобы отметить. Почему девушки так загоняются из-за знаменательных дат? День первого свидания, первого поцелуя, секса и прочих дней. Мне кажется все такие... Хотя нет — ОНА такой не была... Она вообще дат не помнила или просто не замечала.

После отъезда Сэл я неделю медленно сходил с ума. Телефон был отключен. Сообщения уходили в никуда. Я набирал и набирал день за днём, но в ответ только «абонент недоступен».

Сорваться и поехать на её поиски не мог — работа, и отсутствие визы не позволяли.

А потом пришло это чёртово сообщение. И я не знал что думать.

Почему? Как? Зачем? Что я сделал не так?

Но ответов не было... Я опять пытался стучать в наглухо заколоченную дверь, но она меня бросила в черный список. Везде...

Днём я ещё существовал, а по вечерам был как больное животное от неизвестности и раздражающей душу боли. А потом напивался, чтобы забыться. И так изо дня в день на протяжении месяца. Но это не помогало, только отключало на время...

С одной съёмки поехал сразу на другую, нужно было снимать продолжение сериала. Работа по восемнадцать-двадцать часов в сутки не давала думать о Сэле, память напоминала о ней только в редкие моменты передышки между сменами.

Тогда-то рядом и оказалась Эм, крутилась вокруг, пыталась угодить. Но для меня она была никем... Пока в однажды на площадке кто-то из актеров не устроил вечеринку по случаю своего дня рождения. Эмма пришла в длинном чёрном платье, нарастила волосы, макияж. И меня перемкнуло. Я увидел в ней Сэле, дешёвую, но копию... Напившись, привёл её в свой номер. Разорвал в клочья платье... Имел жадно, как будто секса никогда не было. Но перед глазами была не Эмма, не её я тогда любил.

Первое время после той ночи шараялся от неё, но потом зачем-то пригласил на ужин. Сам не пойму почему, просто вырвалось. И как-то само собой закрутилось.

И вот уже полгода я с ней... Два месяца назад переехала ко мне.

Мать от неё в восторге. Именно такую девушку она видела рядом со мной.

Постепенно смирился с такой жизнью. Не думаю, что судьба мне снова подкинет подарок в виде сумасшедшей любви. Нужно просто привыкнуть к этой. И я привыкаю...

Привыкаю приходить по вечерам с работы, ужинать вместе, разговаривать о том, что произошло за день, обсуждать новости, слушать, что нужно новую стиралку купить, или у неё фен сломался. Привыкаю жить, как обычные люди...

И вот сегодня мы сидим в ресторане и отмечаем нашу дату. Эмма постаралась: красивое синее вечернее платье, это мой любимый цвет, гладкие блестящие волосы и макияж. Любой другой смотрел бы на неё с восторгом, но для меня было всё как всегда.

— У тебя что-то произошло? — встревожено спрашивает у меня.

— Нет... Всё нормально, — отвечаю, натянув улыбку.

Не портить же ей праздник.

— Тогда давай выпьем, — поднимает бокал с шампанским. — За нас!

— За нас... — повторяю, чокаясь.

А Сельванна шампанское не пьёт...

Делаю небольшой глоток и вдруг улавливаю в воздухе знакомый аромат. Фрукты и шоколад. Не сильный, но я его узнаю из миллиона. Другого такого нет... Таким пользуется только ОНА.

Осматриваюсь по сторонам и вижу Сэл сзади, в десятке метров от нас, с Марком, он держит её под локоть. Администратор ресторана провожает их к столику, который находится в конце зала справа. Там ещё три мужчины.

Моё сердце срывается в бешеный галоп. Становится тяжело дышать, ворот рубашки давит. Ослабляю галстук и расстегиваю верхнюю пуговицу, оттягивая воротник.

— Тебе нехорошо? — спрашивает Эм.

Видимо, на моём лице всё написано.

— Здесь душно... — мой голос хрипит.

— Есть немного, — соглашается с моей ложью.

Кошусь в сторону стола, где сидит Сэл в компании мужчин. Один из них смутно знаком, видел его несколько раз где-то, но не помню где именно.

Похоже, это деловая встреча, мужчина вынул из портфеля документы, долго изучали.

Я незаметно наблюдаю за ними, а вернее за Сэл. Надменная ухмылка и прищуренный взгляд из-под бровей выдаёт в ней сосредоточенность, она всегда так делает. Сначала я думал, что это какое-то пренебрежение, но потом понял — так она думает, переваривает информацию, взвешивает в голове все «за» и «против».

Наблюдая за ними, я пропустил вопрос Эммы.

— Что? Ты что-то спросила?

— У тебя отпуск скоро, я думала поехать куда-нибудь. Может в Париж? — невинно улыбается.

— Нет! Куда угодно, только не в Париж, — категорически отказываюсь.

Туда я хотел поехать с Сэл, и мы должны были сделать это ещё год назад. Но не вышло. Ни с кем больше я туда не хочу.

— Хорошо... — расстроилась.

Снова бросаю украдкой взгляд на столик в углу, и встречаю холодные и колючие глаза Сельванны. Конечно, она говорила, что безошибочно вычисляет того, кто на неё смотрит.

По всему телу пробегают мурашки, а по спине холод. Я отворачиваюсь, но чувствую, как она прожигает меня насквозь своими черными, как угли, глазами.

Но через минуту уже, как ни в чем не бывало, разговаривает с собеседниками. Улыбается и даже смеётся. Расслабленная обстановка за их столом. А вокруг всё словно наэлектризовано.

Я видел, как они подписали те самые документы. Один из мужчин заказал самое дорогое шампанское, но Сэл жестом отказалась от него, выпила просто вино.

Немного погодя она и Марк собрались уходить. Сэл специально шла из зала так, чтобы пройти рядом с нами, держа под руку приятеля. Или он новый парень? От этой мысли сердце предательски сжалось в комок.

На её лице была довольная полуулыбка. Окинув Эмму взглядом, она фыркнула и прошла мимо.

Эм всё это время молчала, не сказала ни слова по дороге. Только дома её прорвало:

— Ты из-за неё такой? — набросилась с вопросами.

— Какой? — пытаюсь сдерживать себя.

Развязываю галстук и кидаю на диван, туда же отправляется и пиджак.

Подхожу к бару, наливаю виски и залпом выпиваю. Нужно утопить, забыться.

— Весь вечер был дерганый. Ты знал, что она в Лондоне?

— Нет! — наливаю ещё и снова сразу до дна.

Эм подходит и вырывает бутылку.

— Она тебя бросила! — напоминает, резанув словами по больному.

— Я помню! — яростно рыкаю на неё. — Иди спать!

Да, я помню... Но куда деть чувства?!

Несколько дней хожу, как неприкаянный. Мысль о том, что она где-то в городе не даёт покоя и сжигает изнутри. Я должен с ней поговорить, закрыть гештальты. Узнать — почему...

Набираю её номер, ожидая в ответ снова услышать короткие гудки. Но неожиданно пошёл вызов. Удивлен, она сняла с меня блок.

— Hello, — раздаётся её приглушённый с сексуальной хрипотцой голос.

У меня по всему телу пробегает горячая волна.

— Привет! — только могу выдавить из себя.

И молчу.

— Я тебя слушаю, — прерывает затянувшееся молчание.

— Мы можем встретиться?

— Где и когда?

— Через два часа в ресторане «Brutus». Помнишь его? — предлагаю я.

— Помню, — отвечает сухо — Через три.

И бросила трубку.

Приезжаю в ресторан за час до договоренного времени, а потом сижу и считаю минуты до её прихода.

Волнуюсь ужасно.

Год... Мы не виделись целый год. Какая она сейчас? Чувствует ли ещё что-нибудь ко мне? Правда, я и тогда не знал ничего о её чувствах ко мне. Она их не озвучивала.

Когда Сэл входит — у меня спирает дыхание... Я так соскучился по ней, что даже не знаю, что делать. Просто стою и смотрю, как она красиво подходит ко мне. Поправляет длинные шелковистые волосы. Я до сих пор помню их гладкость. Как прятал в них лицо, вдыхая дурманящий запах её тела. Меня тогда так крыло, словно я крёком обдолбался.

— Привет...

В горле спазм, не дающий ни говорить, ни дышать.

Красивая...

— Привет, — качает головой и замолкает. — Можно? — показывает глазами на стул.

— Да, конечно... — отодвигаю его для неё.

К нам подходит официант, принимает заказ.

Мы молча сидим и смотрим друг на друга.

Она изменилась... Стала взрослее и серьезнее. Взгляд тяжёлый и давящий. Выглядит устало, под глазами небольшие тени. Недосыпает...

— Ты хотел поговорить? — напоминает цель нашей встречи.

— А ты нет? Я думаю, нам обоим есть, что сказать друг другу.

Сельванна покрутила чашку кофе и ничего не ответила. В глазах смятение. Ей, так же как и мне, сейчас сложно. Только мне сложно понять, а ей сказать.

— Почему? — задаю тот вопрос, который не даёт покоя целый год. — Почему так? Просто сообщение без объяснений.

— Тогда мне казалось это правильным, — не поднимая головы.

— Правильным? — усмехаюсь. — Я же от неведения чуть с ума не сошел! Это из-за моей мамы, да?

— Твоя мать здесь не причём. Мне глубоко наплевать на то, что она обо мне думает. Мне всегда наплевать на тех, кому я не нравлюсь. Я не золотая монетка, чтобы всем нравиться, — в глазах блестит огонёк агрессии. — Просто мне было на тот момент не до тебя.

— Что? — обалдеваю от ответа.

Вот так просто? Не до тебя? Я вроде был не чужой человек. Я думал, что у нас всё серьёзно. Мечтал о семье и детях.

— Да, не до тебя... В день, когда я улетела — на меня свалилось столько всего сразу, что до сих пор разгребаю.

— Что случилось?

— Прилетев в Москву, я узнала, что мои родители разбились в автокатастрофе. Сестра в тяжёлом состоянии на операционном столе, бабушка в больнице с сердечным приступом, её накрыло сразу, как ей позвонили из полиции. Я тогда в такой прострации была, что с трудом соображала, что происходит. В одночасье жизнь перевернулась с ног на голову. А потом были суды, опека, больницы, решение проблем с бизнесом отца. Я так загналась, что не

могла больше принимать адекватных решений. Я без помощи и консультаций правильных людей загубила бы всё.

— Надо было просто позвонить и объяснить мне, я бы понял... — беру её за руку и слегка поглаживаю пальцем.

— Как ты себе это представляешь? — аккуратно высвобождает руку.

Ей больше не нравится.

— Не знаю... Но не нужно было молчать...

— Рон, — шумно вздыхает. — Это мои проблемы и мне их решать. У тебя своя жизнь... Девушка, похоже, новая. У меня тоже всё налаживается. Я не собираюсь лезть в твои отношения, мешать вам строить счастливое будущее. Я просто хочу, чтобы мы остались друзьями. Без обид друг на друга... Я буду заниматься своими делами, ты своими. Не против, если мы будем иногда общаться.

— Я тоже...

— Но между нами ничего больше нет, и не будет. Каждый сам по себе, — решительно отрезает все концы.

Я почувствую, как внутри обрывается последняя ниточка надежды. Чашка разбилась вдребезги и её не склеить. Холод пробирается в душу, стягивая цепкими крючковатыми когтями моё сердце.

— Сейчас для меня на первом месте — работа, — продолжает топить мои мечты.

— Чем ты собираешься заниматься?

— Музыкой. Я подписала контракт с музыкальной компанией. Помнишь, в день нашего знакомства, мне мужчина дал визитку?

— Помню...

— Я позвонила и меня взяли. В ресторане мы как раз контракт подписывали.

— Поздравляю! — искренне рад за неё.

— Спасибо!

— И давно ты в Лондоне?

— Почти три месяца...

Я удивляюсь. Внутри расстраиваюсь. Два месяца назад я был почти свободен. Если бы нам встретиться тогда...

— А Анастасия?

— Она в Москве с бабушкой. У неё сейчас программа реабилитации. Гимнастика, физические нагрузки определённые, — отвечает с долей радости. — Штат врачей ставят её на ноги и делают здоровой.

— У вашего отца ведь крупный бизнес.

— Да, — кивает. — Свою долю я продала. Оставила только кое-что для пассивного дохода. Долей сестры будет заниматься до совершеннолетия управляющий под присмотром Антона.

— Ты теперь завидная невеста, — шучу.

Она слегка смеётся.

— Надеюсь, женихи толпами не повалят... Ты извини, но мне идти надо. У меня встреча...

На прощание Сэл пишет на салфетке номер телефона:

— Это мой новый английский номер. С российским придется расстаться, тебе повезло, что ты дозвонился, я собиралась его заблокировать.

Бумажку аккуратно кладу в карман. В машине забиваю его в смартфон.

Не таким я представлял себе наш разговор, не думал, что смогу так легко её простить. Однако смог... И в душе мечтаю всё вернуть, но поздно. Она ко мне не испытывает уже ничего... Про Марка я спросить не решился, вряд ли там что-то есть, вскользь упомянула, что их семья помогает.

Чёрт!

Как же хочется догнать, сказать, что люблю и никуда не отпускать. Послать всё нахер и остаться с ней наедине.

Поздно... Мы уже теперь никто... У неё новые мечты и стремления. Меня в них нет. Я просто прошлое, которое она перечеркнула одним сообщением.

— А у вас все сотрудники, как с обложки журнала GQ? — обращаюсь к Аве, секретарше Коллингвуда, разглядывая из-за стекла офисного кабинета-аквариума своего менеджера.

Она хихикает в кулачок:

— Увы, такой только Миша Фалькон. Ну и ещё пара-тройка. Но вы же просили со знанием русского языка. Он единственный свободный. У нас таких сотрудников оказалось три, остальные вам не подойдут, у них другие должности. Миша — специалист по пиар и рекламе. Плюс юрист.

— Понятно...

Парень в кабинете сосредоточенно просматривает какие-то документы, сверяя с данными в компьютере. Сидя рост не видно, но ясно, что высокий. Брюнет, на лице ухоженная короткая бородка. Деловой костюм с белой рубашкой и галстуком. Таких здесь немного. Дресс-кода нет, ходят на работу, как хотят.

У этого парня поклонниц, наверное, в офисе пруд пруди.

— Свободный во всех планах? — зачем-то задаю вопрос Аве.

Она теряется с ответом, не понимая, чем именно я интересуюсь.

— Если вы в этом плане... — доходит до неё. — То... Его ни разу не видели с девушками. Поговаривают, что он из этих... — шепотом, чтоб никто не слышал.

— Из этих...? — вскидываю бровь.

— Вы поняли... — делает знак глазами. — Но это не точно...

Ну, супер! Но это не точно...

Только собрались войти, как оживает мой телефон. На экране высвечивается «Рон». Сразу бросает в жар. Не думала, что он позвонит.

Встретились случайно в ресторане, приехали туда с Марком подписать контракт. Бывает, что ж тут такого. Но после этой встречи немного не по себе. Он так смотрел... С болью и какой-то жадностью одновременно. словно весь год сидел на диете, и вдруг подали любимый десерт, но не тебе.

Эмми ещё эта рядом... В сердце кольнула ревность. Похоже на то, что у них отношения. Ну, и ладно. Есть повод успокоиться. И за пару дней начало получаться. И вот опять!

— Hello, — отвечаю, как можно спокойнее, хотя сердце танцует канкан.

— Привет!

И замолчал. Эта гнетущая тишина в трубке раздражает.

— Я тебя слушаю, — прерываю затянувшуюся паузу.

— Мы можем встретиться? — слышу, как дрожит его голос, когда он это произносит.

— Где и когда?

— Через два часа в ресторане «Brutus». Помнишь его?

Конечно, мы не раз там ужинали вдвоём.

— Помню, — смотрю на Мишу через стекло. Ава подаёт мне сигналы руками. — Через три...

Отключаюсь. Я бы и к этому времени успела, но мне нужно морально подготовиться к встрече.

В кабинете Ава уже подогрела Мишу новостью о повышении. Не вижу на лице парня радости.

— Мы знали, что из наших кого-то повысят, но не думал, что меня. Я здесь всего два года работаю, — растерянно пожимает плечами.

— Подфартило, — выдаю на русском, так, чтобы только он понял.

— Вы русская? — застывает в изумлении.

— Расслабься. Русская... Из Москвы, — улыбаюсь ему.

— Я из Питера.

— Две столицы встретились. Ну, что поработаем? — протягиваю руку для рукопожатия.

— Легко! — одаривает своей умопомрачительной улыбкой и легонько сжимает пальцы

в ответ.

От этого в душе как-то даже потеплело после разговора с Роном.

Мы обсуждали какие-то детали больше часа. Обменялись номерами. Предупредила, что теперь его кабинет этажом выше. Там завтра собираются днём все, кто будет заниматься моим продвижением. Он согласно кивнул. На том и попрощались. Теперь с ним мне работать двадцать четыре на семь.

* * *

Уже минут двадцать сижу в машине напротив ресторана и через окно наблюдаю за Роном. Уже был здесь, когда я приехала. Он, то нервно крутит салфетку, то переставляет солонки на столе. Иногда откидывается на спинку стула и смотрит на часы. Ждёт...

А у меня нет сил выйти из машины. Ноги ватные просто. Сижу и смотрю сквозь затонированные стекла джипа на то, как он дёргается в предвкушении встречи.

Что я ему скажу? Как объяснить свой поступок? Порой я и сама не понимаю, зачем тогда так сделала. Нужно было нормально всё объяснить, но смалодушничала и оборвала все контакты, не оставив возможности со мной связаться.

Тогда считала, что так будет лучше, сейчас понимаю — не права. Наверное, повзрослела, а то был детский поступок. Абсолютно незрелый.

Отсидиваться не дело, нужно поговорить и расставить все точки над і.

Выхожу из машины и решительно иду в сторону ресторана.

Разговор получился натянутым, но он действительно нужен был нам обоим. Только после него осталось горькое послевкусие. Тошно на душе, что вот так с ним — холодно и бесчувственно. Он ведь понял и даже дал надежду на прощение, а я проехала тяжёлой техникой по его чувствам. Но так лучше, честнее... Поболит и перестанет...

Срываюсь от ресторана, притопив педаль газа. Нужно уехать подальше, чтоб не видеть. Бессмысленно катаюсь по улицам города. Потом беру телефон и набираю Мишу:

— Занят?

— Немного. В спортзале... Что-то случилось? — встревоженный голос в трубке.

— Можешь приехать в паб «Семь звёзд»? — проезжаю как раз мимо него. — Знаешь где это?

— Найду... Скоро буду.

— Жду. — Бросаю трубку.

Он приезжает минут через сорок.

— Извините, вы застали меня врасплох. Не думал, что сегодня встретимся ещё раз, — присаживается на стул у барной стойки.

Я подаю знак бармену, и тот наливает нам виски.

— Я не пью, — машет рукой Миша.

— Тут пить нечего, — показываю на стакан. — А по русской традиции за знакомство нужно выпить. И давай на «ты», — чокаюсь с его стаканом.

Через час мы уже весело болтаем, как старые друзья.

— Ты серьезно бросила его по смс?

— Угу, — качаю головой, посасывая дольку лайма.

— Это же... — подбирает слово, щёлкая пальцами.

— Пиздец! — помогаю я, хихикая.

— Я хотел что-нибудь цензурное сказать, но... смысл верный, — соглашается со мной.

— А не надо подбирать. Говори как есть. Не люблю церемоний.

— Что ещё ты не любишь? — облакачивается на стойку и подпирает рукой щеку.

— Ну... — осматриваюсь, — пошло вот это бабское не люблю, — показываю на полку с мартини и различным шампанским. — На шипучки всякие у меня непереносимость. Шампанское с одного бокала выбивает напрочь сознание. Вода должна быть без газа.

— Помедленнее, я записываю, — прикалывается надо мной, открывая телефон. — Что ещё ты не ешь и не пьёшь?

— Ненавижу омлет и лук варёный. И диеты ненавижу. Так что не дай бог тебе про похудеть мне ляпнуть, — грожу ему пальцем.

— Ты в отличной форме!

— Спасибо! — снова чокаемся стаканами. — Слушай. Мне тут в офисе такое сказали, — решаюсь задать вопрос в лоб, пока градус скрывает смущение. — Так что если мы сегодня начистоту и как друзья...

Он подозрительно прищуривается и подносит стакан ко рту.

— Ты из этих? — киваю головой в сторону.

— Кто тебе такое сказал? — в недоумении смотрит на меня.

— В офисе жужжат.

Рука — лицо.

— И ты им поверила?

— Ммм... — смущённо улыбаюсь.

— Нормальный я!

— Ну, слава Богу! — облегчённо выдыхаю.

— Просто я сейчас заиклен не на отношениях, а на работе. Девушки бывают, но это одноразово... — как-то грустно произнес эти слова.

— Тоже трагедия?

Он согласно покачивает головой.

— У меня девушка три года назад погибла... Она альпинизмом занималась. Сорвалась. Разбилась о камни...

— Соболезную... — поняла его боль. — У меня почти год назад родители погибли в аварии. Пьяный урод уснул за рулём и на полном ходу вылетел на встречную. Отец и водитель сразу насмерть, удар на них пришёлся. Мать до больницы не довезли. А сестрёнку по частям собирали, были сломаны рука, нога и позвоночник, черепно-мозговая. Если бы собака собой не закрыла, то и её бы не было. Лаки кусок железа насквозь пронзил. Стаська чудом выжила, её около часа из машины спасатели вырезали. Каждый раз, как вспоминаю, вздрагиваю от ужаса. — Чувствую, как всё холодеет внутри. Второй раз за день это

рассказываю. — Давай, за них не чокаясь... — осушила свой стакан.

— Ты из-за неё решила влезть в этот грязный мир шоу-бизнеса?

— Да нет... С ней всё нормально. В Германии врачи отремонтировали, прежний ребенок, только с раненой душой. Я скорее из-за себя... С детства в этом варюсь, друг отца и мой крестный — певец и продюсер известный. Он столько раз предлагал мне пойти к нему. А я отказывалась. Но, наверное, судьба... Да и не умею я больше ничего.

— Ты понимаешь, что для раскрутки огромные деньги нужны? — покручивает тару с виски.

— Деньги не проблема.

— Богатый спонсор?

— Я сама себе богатый спонсор, — смеюсь. — Имя Александр Селиванов тебе что-нибудь говорит?

Он отрицательно качает головой, сжимая губы в одну линию.

Я беру телефон и нахожу в интернете заголовок «Олигарх Селиванов погиб в аварии со своей женой. Дочери наследуют огромное состояние» и показываю ему. Его глаза становятся раза в два больше.

— То есть ты...

— Угу, — моргаю глазами.

— Почему ты без охраны?

— Да кому я тут нахрен нужна?! Кто меня знает?

— Обещаю, скоро узнают все, — подмигивает с довольной улыбкой и протягивает свой стакан.

Работать приходится сутками, практически без перерыва на сон. Кофеин употребляю ведрами. Любая свободная минутка — я дрыхну. Толчок — на ногах и снова пахать как лошадь.

Продюсеры предложили ускорить процесс раскрутки, закинув меня как участницу в один из музыкальных проектов на телевидении. Записали видео, отправили, так положено — для вида. А дальше пошла работа уже другая, чтобы попасть сто процентов в программу, нужно было хорошо заплатить. Пришлось раскошелиться.

Параллельно появились рекламодатели. Первое, что мне предложили, естественно, была реклама шампуня. Смех, да и только. Я отказалась. Втирать людям байку, что от одного шампуня ваши волосы будут, как у меня — надувательство. Это долгая работа специалистов и генетика. Длинные волосы — это роскошь.

* * *

Через месяц Джон Коллингвуд вызвал к себе. В его кабинете ещё один мужчина. Седоватый, около пятидесяти лет, с каким-то болезненным взглядом. Но это не от проблем со здоровьем, он был будто чуть-чуть с «приветом». У творческих личностей такие проявления не редкость, многие страдают. Гениальность — это, по сути, шизофрения в разных её проявлениях.

Как вошла — он просто вьелся в меня глазами, в них появился радостный блеск и восторг. Так смотрит, будто я артефакт, который он всю жизнь искал.

— Сельванна, познакомься. Это мой друг Филипп Торнхилл. Он кинорежиссер.

— Здравствуйте! Приятно познакомиться... — протягиваю руку.

Мужчина схватил её обеими руками и начал трясти, не отводя от меня восхищенного взгляда.

— Боже, Джон! Она, действительно, то, что я искал последние полгода! — восторженно пел дифирамбы, не выпуская и потрясывая мою руку.

Это уже раздражало, и я пытаюсь освободиться. Но он держит крепко.

Я непонимающе смотрю на шефа.

— Филипп ищет главную актрису для своего мистического сериала, — поясняет начальник. — Я случайно показал ему твои фотографии, а он сказал, что ты идеально подходишь для этой роли.

От шока открываю рот и не знаю что сказать...

Сериал? Серьёзно? И сразу главная роль? Не может мне так везти.

— Съёмки через четыре месяца, — трещит быстро режиссер. — Но нужно ещё пройти обучение владения оружием, ножами, мечом и луком.

— Так стоп! — вырываю наконец-то свою руку. — А как же музыка? А проект на телевидении? — обращаюсь уже к Джону.

— Проект будет длиться три месяца, съёмки на следующей неделе. И то это в эфире столько по времени, в реалии не больше месяца всего. Сейчас сделаем музыкальную «подушку» и ты спокойно поедешь сниматься. Это нам даже на руку... Филипп предлагает и

саундтрек тебе для сериала записать...

— А пробы? Вы что меня просто так берёте? — поворачиваюсь к Торнхиллу.

— Мы всё сделаем, — успокаивающе вытягивает вперёд руки. — Но я уверен, что вы справитесь. У вас же профессиональное актерское образование?

— Да, — Коллингвуд всё растрепал.

— Вот и хорошо... Сельванна, я вам предлагаю главную роль! Сценарий захватывающий! Вы сыграете дочь Бога! — одухотворённо кругом проводит руками.

Господи, прости! Вот так — сразу?! Точно не может везти.

«Со мной может», — шепчет внутренний голос. Сэл, вспомни встречу с Джоном.

— Ладно! — останавливаю поток информации, льющийся из Филиппа.

— Вот и отлично! — потирает руки. — Завтра в пять сможете приехать на студию для проб?

Я гляжу на Джона, он утвердительно качает головой.

— Смо-гу... — запинаясь.

— Сценарий я вам скину на почту.

Сумасшествие какое-то...

На следующий день около пяти часов мы с Мишей сидим в небольшой студии, ожидая Филиппа и оператора.

— Зря ты согласилась. Не вовремя это... — недоволен Фалькон.

— Джон сказал, что мы всё успеем.

— Коллингвуду деньги на тебе нужно заработать, и чем быстрее, тем лучше. Ты понимаешь, какая у тебя будет нагрузка? — заботливо смотрит на меня.

— Понимаю... Но, Миш, я четыре года убила в институте, чтобы стать актрисой. Посмотри сценарий, он реально классный! Это не роли шлюх, которые мне в России предлагали.

— Я видел. Из тебя сделают монстра...

— Мало что изменится, — усмехаюсь. — Это моя суть.

— Не говори чушь! Да, ты жёсткая немного, я это понял, но не чудовище. Вполне себе милая...

— Приятно, что ты во мне видишь только хорошее.

— Жизнь ломает, иногда по полной... Но ты сильная. Это в тебе большой плюс.

— Хоть кто-то в меня верит, — опускаю ему голову на плечо.

За время, что мы работаем вместе, сдружились. Между нами, наверное, уже и тайн-то не осталось. Он знает обо мне всё: от размера бюстгалтера, до пин-кода кредитной карты. Я ему даже ключи от дома запасные дала, чтобы он в любой момент мог приехать и взять для меня что-то из вещей.

Пробы прошли отлично. Филипп в какой-то момент меня даже прервал, сказав, что не ошибся с выбором. Я передала чувства героини так, как видел он, а не как представляли другие претендентки на роль.

Воодушевляет...

Теперь к моим занятиям музыкой прибавились ещё тренировки владения холодным оружием, каждый день по паре часов.

Было интересно.

Филипп настаивал на уроках верховой езды, но я и так хорошо езжу на лошадях. Мама любила, у неё даже три жеребца были — отец подарил. Скачкам я с детства обучена.

— Ещё бы, — шутил Миша, — ты же наполовину татарка!

В один из дней мне нужно было приехать к костюмерам, чтобы сделать примерку. На стоянке, когда выходила из машины, заметила знакомое авто. В душе заскребли кошки...

Что он здесь делает?

Успокойся! Это большая студия, снимающая десятки фильмов в год, часто параллельно. Может быть, он по своим делам приехал?..

Поднявшись на второй этаж, стучу в нужную дверь.

— Войдите, — раздаётся изнутри.

В моей голове сразу проносится куча мыслей от звука этого голоса.

Ну, какого чёрта?

— Ты? — не верю своим глазам.

Передо мной Рон.

— Могу задать тот же вопрос, — хмыкает, улыбаясь. — Только не говори, что роль Норы досталась тебе?

— Мне...

— Вот так сюрприз! Фил долго искал актрису, и вдруг ты...

— Мда...

— Все в сборе, — заходит в помещение костюмерша и оглядывает нас. — Извините, сантиметровую ленту долго найти не могла. Вот вечно так — возьмут и не возвращают, ещё и кинут куда-нибудь, а ты потом ищи.

Почти три часа она по очереди нам примеряла и подгоняла костюмы. Я даже в магазинах в примерочных столько времени не провожу.

— Может, перекусим где-нибудь? — предлагает Рон, когда мы наконец-то вышли.

Мельком на часы, до поездки на студию ещё полтора часа.

— Почему бы и нет, — соглашаюсь. — Кстати, что у тебя с волосами? — показываю на короткий ёжик на его голове.

Он смеётся.

— На прошлых съёмках мне надевали постоянно парики или красили волосы, спалили, в общем, их. Вот и пришлось налысо побриться. Это уже отросли, — проводит рукой по голове.

— Руки бы им оторвать. Я тебе напишу какие витамины пить, чтобы быстрее отросли.

— Хорошо. Но я как-то уже привык.

Я брезгливо морщу нос.

— Показывай дорогу, куда поедем, — подхожу к своей машине и снимаю с сигнализации.

Мы сидим в небольшом уютном ресторанчике в дальнем углу, подальше от посторонних глаз.

— Так как ты получила эту роль?

— Не поверишь... Филипп мне её сам предложил. Оказалось, что он близкий друг моего босса. И тот где-то ему показал мою фотографию. А Торнхилл увидел во мне героиню своего сериала и настоял на знакомстве. Я пробы-то толком не проходила, он через пару фраз сказал — роль твоя. А ты?

— Мы с Филом несколько лет уже знакомы, он мне давно роль обещал, но как-то не выходило, а тут позвонил и сказал — ты мне нужен в «Темный ангел». Он, кстати, актрису на роль Норы полгода найти не мог. Тебе повезло. Хотя я сразу, когда прочитал сценарий,

посчитал, что она идеально тебе подходит, — отрывается от тарелки.

— Почему?

— Не знаю... Характерами очень вы похожи...

— То есть, по-твоему, — я хладнокровная убийца? — вскидываю бровь.

— Нет... Просто такая же смелая, дерзкая, сильная... И с чертовщинкой. Я не думаю, что Нора — хладнокровная. Наоборот, она так упорно защищает Коула и своих близких.

— Легко быть смелой, когда ты бессмертна... — глубоко вздыхаю.

— Это да...

У него звонит телефон, на экране высвечивается имя «Эмма».

— Тебе твоя девушка звонит, — серьезно.

Но он сбрасывает вызов.

— А если у неё что-то важное?

— Не думаю... Сегодня пятница... Она наверняка поинтересуется куда пойдём вечером.

— И куда вы ходите по вечерам? — становится интересно мне.

Мы обычно оставались дома и не вылезали из постели.

— Кино, театр, выставки... — перечисляет.

— Как скучно, — кривлю лицо и зеваю.

— Иногда ходим в ресторан или паб.

— Ещё скучнее. Напиваетесь от тоски.

— Почему же от тоски? Нам бывает весело, — врет, как дышит.

Так я и поверила. По лицу вижу, что с ней у него тоска смертная.

— У вас действительно любовь? — задаю прямой вопрос.

Он поджигает, а потом облизывает кончиком языка губы.

— Эмма — хорошая девушка... — увिलивает от ответа.

— И ты её любишь? — дожимаю его.

Он мешкает. Значит, не любит. Любил бы — ответил сразу.

— Ладно, можешь не отвечать, — перестаю давить на него. Хочет жить с нелюбимой — его проблемы. — Мне пора. У меня съёмка на телевидении.

— Что снимаете? — с интересом уставился на меня.

— Через неделю смотри в девять вечера по седьмому каналу.

— Обязательно. Так что это будет?

— Шоу. Просто шоу... — загадочно улыбаюсь.

Достаю кошелек из сумки, чтобы расплатиться.

— Я заплачу, — останавливает меня, хватая за запястье.

Я довольно хмыкаю. Значит, запомнил, что у нас платят мужчины.

Он задерживает свою руку на моей. Взгляды встречаются. В его глазах вспыхивает огонёк.

Сложно нам придется работать вместе...

* * *

— Опаздываешь, — упрекает меня Миша, встретив в коридоре студии.

— Успеем, я же не первая?

— Нет. Но надо сделать макияж, укладку. Костюм я привез, — пропускает в гримерку.

Там сразу накидывается пара девушек, чтобы привести меня в порядок. Хотя я бы и так оставила, только переделась.

Сегодня съёмка третьего этапа конкурса. Каждый раз волнение. Даже попав по блату, могу вылететь, как пробка из бутылки, если публика не примет. Это не важно. Главное, сказал Джон — засветиться. А дальше раскрутим динамо-машину.

Но я прохожу дальше. Облегчённо выдыхаю... Как сложно ждать слов от жюри, всегда бесят эти дурацкие паузы, которые придумали для интриги.

— Поздравляю! — подходит ко мне мужчина.

Это продюсер канала — Грег Фрит. Второй раз его вижу здесь. Даже работники в недоумении. Говорят, он раньше никогда не приезжал на съёмочную площадку, наблюдал за всем издалека.

Симпатичный мужчина около сорокалет, чуть выше меня ростом, брюнет с зелёными глазами.

— Спасибо! — пытаюсь от волнения выровнять дыхание.

В один из моментов чуть не задохнулась на сцене, взяв высокую ноту. Но пронесло...

— Я болею за вашу победу, — улыбается глазами.

— Приятно, — улыбка в ответ.

— Удачи! — и уходит.

Станный...

Тема: *Shawn Mendes- Stitches*

Просиживаем задницы в офисе, обсуждая мои демо, хотя я уже час, как должна быть на тренировке. Пару треков Джон забраковал, а вот песню медляк потребовал доделывать в срочном порядке. В неё я слила все свои чувства. Мишка даже скромную мужскую слезу пустил, когда я ему её наиграла.

— Сегодня же в студию её добивать! — постучал о стол пальцем Коллингвуд. — Готовую пришлите мне. И в этом месяце выпустим. После летних отпусков куча разбитых женских сердец, аудитории зайдет.

Вот циник!

Но у него чутьё на хиты. Он в этом супе годами варится.

— Хорошо, — не спорю с начальством.

— Что там, в шоу по рейтингам? — обращается к Мише.

— Мы ведём! — довольно улыбается тот. — На видеохостингах и в соцсетях самые большие просмотры. Одна из исполнительниц даже разрешила сделать кавер, ей понравилось.

— Ну вот, не тяните. Срочно всё в доработку и выпуск. Так же думай, как ещё поднять охваты. И у Филиппа как? — говорит уже мне.

— Нормально... Через два месяца в Эдинбург на съёмку.

— Значит, времени у вас всего ничего, так как если песня попадёт в ротации — надо клип снимать. По каверу этому это уже даже не обсуждается. Надо! И клип надо. Даже, наверное, раньше собственной песни. Там же по сути всё готово, бумажки только подписать. Займись этим, — говорит Мише.

— Обязательно...

— Всё. Я вас не держу. Вперёд работать!

* * *

— Я полетела на треню, — целую в щёку у лифта Мишу. — Вечером увидимся.

— Окей. Я пока со студией забьюсь.

Я уже в лифте, машу ему пальчиками и посылаю воздушный поцелуй. Он только смеётся.

Со стороны мы прям влюбленные няшки, но это просто дружба такая и работа на одной волне. Нам комфортно вместе, проводим почти всё время вдвоём. Он для меня теперь второй братишка. Мишка оказался не таким уж и серьёзным, а наоборот весёлым и интересным парнем, поддерживающим любые мои эксперименты. Мои соцсети разрываются после каждого нашего совместного видео от сообщений девушек, которые желают с ним познакомиться или комментариев «милая и красивая пара».

Но у Фалькона тоже есть пунктик, в этом они с Антоном похожи. Он от рыжих девушек балдеет. Ха, недаром в Британию приехал. Тут рыжих как грибов в лесу после дождя.

Около часа торчу в пробке, попала в час пик. Нервно стучу по рулю, двигаемся в минуту сантиметров на десять. Ненавижу! В Москве вечно в них стояла и здесь не лучше. Надс

менять колеса, подумывала уже мотоцикл купить. Сейчас бы уже давно потела в зале.

Постукиваю в такт музыке, звучащей по радио. Заводящий ритм заставляет танцевать и подпевать прямо в машине. Чувствую сквозь открытое окно, что за мной кто-то наблюдает. Справа в машине на пассажирском месте на меня внимательно смотрит парень — широко и умопомрачительно улыбается. Его лицо мне кажется очень знакомым, а карие искрящиеся глаза словно прожигают насквозь.

Удивительно, но он подпевает со мной. Я вхожу в раж, когда по радио начинает звучать песня любимого краша всех девчонок. Выжимаю звук на максимум и выхожу из машины, пробка всё равно не шевелится.

В два прыжка я на крыше джипа. Марк будет гундеть конечно, если помну. Да пошел он! Пусть и дальше любитесь моими танцами, он же на этом шизанутый... И пускаюсь в пляс.

Изумлённые прохожие остановились, люди вышли из автомобилей. Кто-то танцует со мной, кто-то просто снимает на телефон. Среди последних и красавчик из соседнего ряда. Я маню его руками с приглашением присоединиться, но он только отрицательно машет рукой, не переставая улыбаться своей голливудской улыбкой...

Когда песня закончилась, он подаёт мне руку, чтобы помочь слезть. Я резво спрыгиваю. Взгляд на протянутую ладонь, на пальце обручальное кольцо. Внутри неприятно царапнуло. Я не ханжа, понимаю, что женатые мужики тоже люди со своими чувствами, но когда это перерастает из заигрывания в наглые домогательства, то меня коробит. Поэтому с женатиками дело иметь не хочу. Проблем от них выше крыши.

— Смело! — медовым голосом.

— Скучно... — играю бровями.

— Есть немного...

Пробка неожиданно тронулась, и нам пришлось вернуться в свои машины.

О том кто это был, я узнаю на следующий день, когда видео с моим танцем покажут на утреннем шоу по телевизору. Это был американский актер Дэн Гарнер, звезда сериала о двух братьях адвокатах. Пару лет назад я даже отправляла видео пробы на него. Но мне так и не ответили.

— Почему-то мне всегда казалось, что в Великобритании люди живут скучно, но в первый же день здесь меня порадовала девушка в пробке, подняла настроение. Я даже забыл, что бессмысленно провёл целый час в машине, — рассказывал Гарнер ведущим.

— Ты про девушку, которая устроила танцы на крыше джипа? — спросил ведущий.

— Да!

— У нас есть это видео! Оно сейчас взрывает интернет.

И его показали. Жесть! Со стороны всё не так весело.

Но эта выходка пошла только на плюс. Через месяц, после победы в конкурсе на его месте в шоу сидела уже я. И в других тоже. А вышедшая песня попала в топ...

В одночасье я проснулась знаменитой.

Вокруг суетятся люди, что-то переставляя, операторы меняют ракурсы съёмок. Второй день клип снимаем, и если Ник прётся от получающейся картинки, то я нет.

Я, медленно жуя яблоко, смотрю в телефоне первый официальный клип Сельванны, звук в наушниках. Стильный, дерзкий и даже в какой-то степени агрессивный. Вот что мне нравится, а не то, что снимаем мы. Возвращаю в начало.

— Алекс! — пихает в плечо Гас. — В уши долбишься?

Вынимаю наушник.

— А, ну понятно! — заглядывает мне в мобилу. — Опять душевные страдания...

— Иди ты на хуй, — в сердцах.

— Братишка, уже год прошёл, как вы последний раз пересекались, она из страны свалила, а ты всё не отпустишь. Даже смерть её родителей к тебе тепла не добавила, а ты рядышком был всё время. Это законы.

— Мои же законы, не твои...

— Загнанные лошади дохнут, — язвит. — На кадр посмотри, — тыкает в экран. — Нравится?

— Нет, — не подымая глаз.

— Алекс, я же тебя сразу спрашивал про всё перед съёмками, ты говорил, что норм.

— А сейчас вижу — хуйня какая-то получается.

Ник издаёт недовольный рык.

— Что не так то?

— Девки какие-то дохлые, свет не подходит...

— Дохлые? Да я с лучшими договорился!

— Лучшие вот! — тыкаю ему в лицо телефоном с вновь перемотанным клипом Сэл.

— Этих уже не достать, свалили к ней, — кривляется. — Один Антоша остался, но он теперь не при делах, в бизнес нырнул. Свет чем не угодил?

— Сюда неон просится, может тогда и бабы твои «лучшие» прокатят. Не так будет заметно, что они кривоногие.

— Неон... — задумывается. — Можно и неон. Но это полдня потерять, пока установят.

— Вот и займись, — встаю со стула. — А я поеду домой.

— В смысле? Ты охренел? Мне одному это надо?

— Твоя же идея, вот и раскручивай. А я устал...

— Если Николаич заявится на площадку, он тебя и в хвост, и в гриву отымеет, не найдя здесь. Ты за сорванный концерт ещё не расплатился.

— Скажи — заболел... Я, правда, себя что-то херово чувствую... — медленно и болезненно несколько раз моргаю.

— Знаю я твою болезнь...

— Всё! Я уехал, — разворачиваюсь и ухожу с площадки.

А мне реально плохо. И справляться с этим всё сложнее. Врач сказал, что я на пороге депрессии и прописал какие-то чудодейственные таблеточки. Только я посмотрел на пузырёк с ними и закинул подальше в угол ящика.

Не хочу я такую химию. Естественную хочу, ту, которая в моём организме происходит. Когда кровь бурлит, эмоции зашкаливают и я потом в раздрае, хоть и не получивший всё

сполна.

Но уехал мой химик... И возвращаться не собирается. А зачем? Кто вернётся, когда там прёт?

Правильно, никто...

А мне что делать? Тихо умирать без неё? Я и так полуживой.

Пряча за очками глаза, сажусь в машину и подрываюсь. Тупо катаюсь по городу под минорные темы на плеере.

Я их скоро наизусть выучу. Пишу такие же. Но та, для которой клип снимаем не в эту тему. В ней Ник больше наследил, у него любовь ко всему трендовому, что нам запад подкидывает. Просто парень не влюблялся никогда так, что крыша улетает. А может, шифруется... Пьяный как-то мычал про какую-то Алису с янтарными глазами и прощения у неё за что-то просил. Мы с кентами так и не поняли кто она, а утром он грузанулся и на все наши подколки только рычал.

«Мне тебя не хватало, детка-скандал... Пацаны, я пропал, она снова пропала... Мне тебя мало... Так мало, так мало, так мало, так мало, так мало...»- звучит по радио.

Мне тоже мало, мне всегда её было мало. А сейчас катастрофически не хватает, потому что даже поцапаться с Сэл не могу.

Сколько часов я кручусь по городу, даже не понимаю. Приезжаю к дому уже, когда стемнело. Ещё какое-то время сижу с закрытыми глазами в машине, собирая себя по кусочкам, чтобы выйти и подняться в квартиру.

Раздеваться начинаю от самой двери и до душа. Состояние — из меня вытянули всё. И силы, и радость, и желание жить. Я опять окунаюсь в этот бульон под названием "существование". Ешь, пьёшь, работаешь, иногда спишь, потому что раскуроченная мясом наружу душа не даёт тебе заснуть спокойно.

Пытаюсь смыть водой все дурные мысли, но они не уходят. Я должен её хотя бы услышать. Иначе тихо загнусь, а она и не узнает.

На кухне достаю с полки бутылку виски, такой мы с Сэл пили в Эмиратах, и стакан, ставлю рядом с телефоном. Сажусь и смотрю на них. Включаю музыку в тему (**Саунд: GROSU — Виски**):

— Себе нальет он виски от тоски...Она не близко, шансы вернуть низки...Ведь его интересы ей совсем не важны...Мгновенья были вместе — там судьба покажет...

А если она не захочет со мной говорить? Или занята?

Не позвонишь, не узнаешь.

Наливаю вискарь и выпиваю одним глотком. Потом ещё, и ещё...

Звоню.

— Привет! — как только берёт трубку.

— Алекс? Привет! Подожди секундочку... Ай! Ты что делаешь? Оно же в кожу въелось! — ругается по-английски. — Слушаю, — возвращается.

— Просто звоню услышать твой голос...

У неё там что-то плачет.

— Миша, принеси мою зарядку, — опять не мне.

Миша... Кто вообще этот Миша? Мелькает постоянно в её соцсетях, веселятся с ним вместе.

— Со мной говори! — срываюсь в пьяный неадекват.

— Не рычи, кошара! — грубо отвечает. — У меня заряда на телефоне два процента.

Батарейка сдохнет, и вообще меня не услышишь.

— Прости...

— Алекс, ты как? У тебя голос странный.

— Хуево мне...

— Что-то серьёзное? — взволнованно.

— Да. Пол литра вискаря...

— Я-то думала у тебя реально проблемы, а ты просто нажираешься.

— А у меня проблемы. Я подыхаю... Без тебя...

— Алекс... — делает долгую паузу. — Я не знаю, что тебе сказать. Честно... А врать не хочется.

— Скажи, что ты обо мне хотя бы чуть-чуть вспоминаешь.

— Я часто вспоминаю. Правда... Недавно рассказывала Мише о наших приключениях в Дубае. Сейчас это выглядит смешно, а тогда было страшно.

— Всё рассказала? Он не ревновал? — кидает меня самого в ревность.

— А должен?

— Ну, если вы вместе...

Она на том конце заливается звонким смехом.

— Усмири свой пыл, тигр, — собирается и отвечает. — Миша — это Антоша номер два. Он мой менеджер. Работаем вместе и только.

Меня отпускает. Она бы врать не стала. В чём-чём, а во лжи её не обвинишь. Правду-матку всегда говорит в глаза. Может только не договаривать.

— Как ты? — спрашиваю успокоившись.

— Терпимо. Работаю... У меня сейчас съёмки, на гриме сижу, — произносит расслаблено.

— Рад за тебя.

— Спасибо!

— У меня тоже съёмки идут, но я с них сбежал, — хихикаю, оценивая свой идиотский детский поступок.

— Дядя Вова тебя вздрючит. Ох, нарываешься ты на неприятности, Гроу.

— Вывезу как-нибудь.

— Не вывезешь. Бросай бухать, отдохни пару часов и возвращайся на площадку. Я не стою таких рисков.

— Ты стоишь больше... Я могу иногда звонить? — понимаю, что разговор уже на финише.

— Можешь. Не хочу себя винить, если вдруг ты от несчастной любви решишь руки на себя наложить.

Звонок в дверь.

— Не решу, — теперь точно. — Ко мне кто-то пришёл, — направляюсь к двери и открываю.

— Мне тоже пора. Целую, — слышу чмокающий звук.

Зависаю на мгновение с телефоном, потом жму на отбой. На пороге Николаич. Ко мне он приезжает только в самом крайнем случае и, значит, сейчас как раз такой.

Ведёт возле моего лица носом.

— Пьёшь? — проходит в квартиру.

— Лечусь, — закрываю за ним дверь.

— Это, какие такие болячки виски лечит? — проходит в гостиную, я следом, осматривает всё.

— Душевные...

— Ух, ты! Что так? Жизнь хреновая?

— Не радуется, — сажусь на подлокотник кресла и складываю руки на колени.

Сейчас он начнёт драть. Это у него отлично получается.

— Алекс, прости, но меня заебало твоё распиздяйство, — переходит на резкость.

Я же говорил. Началось...

Оправдываться бесполезно. Я и так в залёте за сорванное выступление на сборном концерте и сольнике в Нижнем. Я думал, он меня придушит за это. Но он только орал.

— Если ты хочешь, чтобы мы попросились, то никаких проблем. Я хоть сейчас разорву контракт, только ты уйдёшь ни с чем. Ни имени, ни песен. Ни-че-го! — распилил меня гневным взглядом.

В курсе. Это прописано в договоре. Преждевременный разрыв лишает меня всего. Не даже по сроку не факт, что я с чем-то останусь. Всё зависит от капризов барина.

— Хочешь, чтобы я тебя отпустил?

— Хочу... — понижаю тон. — На пару дней в Лондон.

— Куда? Зачем тебе? — удивляется.

— Крестницу хочу вашу увидеть.

Он хватается за лицо и тяжело вздыхает.

— Когда ж ты успокоишься?!- садится на диван. — Не в Лондоне она, — вдруг начинает говорить совершенно спокойно. — В Шотландии где-то, в Эдинбурге вроде. В сериале снимается. Не до тебя ей сейчас.

— Сериале? Она же поёт, — вот на каких она съёмках.

— Одно другому не мешает. Ей предложили, она согласилась. Так что за Сэл порадоваться надо. Её там поддерживать некому. Одна. И пашет... Вспомни себя, когда ты ко мне только пришёл, тоже рвался к вершинам.

— Я помню...

— Так что гордиться нашей девочкой нужно. А любовь... Если судьба — никуда она не денется. Помыкается и поймёт кто лучший. Надо просто подождать, — встаёт. — А теперь собирайся, и поехали в павильон. Пока Ян с Ником там совсем всё не запероли.

Поправляю бабочку у зеркала. Мы идём на гала-ужин перед премией. Черный классический смокинг отлично подчеркивает фигуру. Месяцы тренировок не прошли даром.

— Застегни, пожалуйста, молнию, — просит Эмма.

Я выполняю просьбу. На ней чёрное шёлковое платье в цвет моему костюму.

— Ну как? — крутится на месте.

— Отлично!

Довольно улыбается своему отражению.

Всего пара недель прошла с возвращения из Шотландии, большая часть съёмок проходила там. Работать три месяца с Сельванной на одной площадке было сложным испытанием. Хорошо интимных сцен не было. Я бы рехнулся от бесконечных дублей... Но её холодность по отношению ко мне охлаждала и меня. Дружба — это всё, что она мне могла предложить.

А ещё мне показалось, что у неё что-то с её менеджером Мишей. Очень уж тёплые отношения между ними. Хотя ничего себе не позволяли лишнего, по крайней мере, я не видел. Дёргался каждый раз, когда замечал их вместе и душил в себе ревность.

Эмма тоже сводила с ума постоянными звонками и своими сомнениями. Хотелось иногда послать всё и всех к чёрту и уйти. Но я обещал Сэл помочь, поддержать в её первой работе в кино. И я терпел, сжав зубы...

* * *

Знакомые и незнакомые лица мелькают туда-сюда. Бесконечные вспышки камер. С каждым нужно поздороваться и перекинуться парой слов. Сделать вид, что рад их всех видеть. Для Эм всё в новинку, это первый наш официальный выход в свет вместе, а я бы лучше остался дома.

Мы разговаривали с несколькими моими коллегами по прошлым фильмам, когда один из них произнес:

— Ничего себе! Кто эта богиня с Филиппом Торнхиллом?

Все повернулись в сторону входа. Рядом с Филом стоит Сэл. Моё сердце пропустило удар. Она пришла с ним...

На ней шикарное открытое чёрное платье, подчёркивающее все изгибы и прелести. В ушах бриллиантовые серьги. Вечерний макияж подчеркивает красоту и глубину черных глаз, и пухлых губ. Кожа светится.

Адам был прав — Богиня...

Она сразу привлекает к себе всеобщее внимание. Мужчины смотрят на неё с неприкрытым интересом, бросая сальные взгляды. А фотографы, не переставая щелкают затворами. Фил тоже хорош! Так позирует рядом с ней, как будто она его женщина. Я прекрасно понимаю, что этот выход — всего лишь способ привлечь внимание к себе и будущему сериалу, но ситуация бесит.

— Похоже, новая протееже Торнхилла, — отвечает кто-то Адаму.

Кто именно я не заметил, я смотрю в сторону Сэл. Эмма недовольно ткнула меня

локтем в бок. Я прихожу в себя.

— Совесть имей, — шипит чуть слышно.

Я молчу... Отпираться бессмысленно, я, как и все пялюсь на Сельванну, загипнотизированный её красотой.

Фил представляет её всем, кто решился познакомиться, а таких много, и всех она одаривает умопомрачительной улыбкой. От пускаемых на неё слюней можно поскользнуться.

Сельванна.

Я отказалась ехать с Филиппом на мероприятие, но он зашёл с другой «двери». Убедил Джона уговорить меня, а тот умеет убеждать.

Пришлось стать сногсшибательной, стилист очень постарался. Даже я себя захотела в этом виде...

— Филипп прав, этот выход важен для вас обоих, — помогает мне надеть пальто Миша. — Полезные знакомства тебе не помешают.

— Ты же знаешь, кто там будет...

— Знаю, — смотрит на меня сзади сквозь зеркало. — Но ты не пятнадцатилетняя девочка, чтобы от вида его девушки в истерику впадать. Ну, улыбнись, — сжимает мне плечи. — Ты королева!

Я натянуто улыбаюсь.

— Так и зафиксируй. Ты должна всё время улыбаться и показать, что жутко счастлива.

— У меня губы треснут всё время лыбиться.

— Это шоу-бизнес, детка, здесь кругом фальшь, — подаёт мне клатч и слегка целует в щёку. — Ни пуха, ни пера!

— К чёрту! — у порога уже ждёт машина Торнхилла.

Всю дорогу Филипп сорит комплиментами, не зная, что у меня на них иммунитет. Я не развешиваю уши на слова «самая-самая». Не отрицаю — слышать их приятно, но не более. Лужицей я не растекусь...

Вспышки камер в лицо ослепляют, но надо сделать лицо. Улыбка и искрящийся взгляд. Проплыть, как лебедь сквозь толпу. Как вести себя в подобных местах научена давно.

Рука Филиппа, лежащая на моей обнаженной спине у талии, раздражает, хочется её скинуть. Мужик он хороший, но не более. Миша прав — это всего лишь работа. Терпи!

Бесконечные знакомства. Кого-то знаю, много известных лиц, кого-то вижу впервые. В голове каша от имён и фамилий.

— Филипп, перестань! Я всё равно их всех не запомню, — одергиваю его, когда он опять ведёт меня к каким-то своим знакомым.

— Тебе и не надо. Главное — они тебя запомнят.

— С чего ты это решил?

— Я бы точно запомнил, — окидывает меня взглядом с макушки до ног. — Да и Джон попросил...

Против Джона не погрешь. И продолжаю изображать сильный интерес к персонам вокруг.

Доходит очередь до компании, в которой стоит Рон. Сердце сначала замирает, потом ускоряется в два раза быстрее. Я даже в имена его приятелей не вслушалась, просто улыбалась им, как дуреха. Всё внимание поглотил Мэдлтон и Эмма. Она была раздражённой, моя компания ей явно не нравилась. Меня эта ситуация тоже напрягает и

я спешу отвести Филиппа от них.

Дальше нас рассадили за столы, были бесконечные речи о претендентах на премию и прочее. Я даже не вслушиваюсь. Было некомфортно, чувствую десятки глаз со всех сторон и трудно определить, кто именно смотрит. Их много... Торнхилл сказал, что привыкну со временем, это норма. Но внутри не комфортно.

Вырвавшись от льющегося потока информации и комплиментов, сбегая поближе к бару. Надо передохнуть, переварить всё. Бармен наливает мне бокал белого вина. Пить не хочется, но и сидеть с пустыми руками не вариант. Просто кручу его.

— Вот дерьмо! А я думала, что такие как ты ещё в античные времена исчезли, — раздаётся громкий женский голос сзади с явным американским акцентом и манерой говорить.

Повернувшись, я вижу перед собой большую афроамериканку.

— Вы мне? — в недоумении смотрю на неё.

— Тебе! — заявляет женщина.

— Вы, похоже, не в себе! — отворачиваюсь от неё.

Но она снова своими словами заставляет повернуться к ней:

— Такие, как ты много хороших мужчин своими голосами погубили. Про Сирен что-нибудь слышала?

— Слышала. Орфей, Одиссей и всё такое... Только причём здесь я?

— Сердца мужчинам, как орехи колешь, — щелкает пальцами. — Они для тебя на всё готовы, только тебе плевать. У тебя своя правда. Присмиреешь только тогда, когда судьбу свою встретишь. А этот... — она показала в сторону Рона, — не твой мужчина. Не морочь ему голову. Счастья ни ты ему, ни он тебе не принесёте. Только нервы истрепите друг другу.

— Вы бред какой-то несёте! — злюсь на эту странную женщину в объёмных одеждах с платком в виде чалмы на голове. — Ещё скажите, что знаете — кто моя судьба.

— Знаю. Он сейчас тихо посапывает в своей кроватке.

— Что? Говорите так, будто ему два года!

— Шесть.

Меня разбирает смех.

— Не хватало мне ещё статьи за соращение малолетних.

— Придет время — попомнишь мои слова, — предупреждает меня.

Я отворачиваюсь от неё, чтобы скрыть смех. Через несколько секунд разворачиваюсь снова. Её и след простыл. Испарилась, как по щелчку своих же пухлых пальцев. Сколько я не вглядывалась в толпу — её нигде не было. Не мог этот «большегруз» так быстро исчезнуть... Но это факт — как ветром сдуло.

Я снова смеюсь её словам.

Это же надо такое придумать!

— Уже домой? — останавливает меня Рон.

— Нет, Филипп зовёт с собой и знакомыми продолжить где-нибудь вечер. Как раз договаривается, — показываю на Торнхилла в небольшой группе людей.

— Не думал, что вы придете вместе, — как-то недовольно произносит.

— Я и не собиралась, шеф уговорил...

— Понятно... Думаю, разговор с ним сейчас не выйдет, — опускает глаза и шоркает ногой.

— Думаю, что нет... Он уже навеселе. О чём хотел поговорить? — не нравится мне его настрой.

— Я хочу выйти из сериала.

У меня чуть челюсть не упала.

— Ты серьезно? Ещё до выхода? Ты понимаешь, что он на следующий сезон нацелен, а ты вот так всё бросишь? — развожу руки. — Ты же обещал...

— Что произошло? Откуда шум, а драки нет! — подходит к нам Филипп.

— Он хочет выйти из сериала, — приношу ему новость.

— Рон, ты с ума сошел? Ты понимаешь, сколько денег вложено?! Мне что теперь нового актёра искать и всё переснимать? Слушай, — берёт его за локоть и отводит немного в сторону. — Если гонорар мал, то я и прибавить могу...

— Дело не в деньгах... Мне просто сложно... По личным причинам, — смотрит на меня.

— Если у вас какой-то конфликт, то давайте не будем его на работу распространять, — Торнхилл смотрит по очереди на нас. — Хорошо? Встретьтесь, поговорите за бокальчиком вина. Рон, я эту роль для тебя специально прописал. А ты...

— Ладно... Я подумаю ещё, — обрывает Филиппа.

— Вот и хорошо. Сэл, мы можем ехать, — кладёт руку мне на талию.

— Извини, я не поеду, — передумываю я.

— Почему? — наигранно раскидывает руки.

— У меня голова разболелась, — вру, даже не моргнув.

— Ну... Давай хотя бы до дома подвезу, — недовольные нотки в голосе.

— Я сама доберусь. На такси...

— Расстроила ты меня. Я же пообещал, что ты с нами поедешь.

— Извинись перед друзьями за меня, — натянуто улыбаюсь. — Спокойной ночи, Рон!

Я прохожу немного пешком от дворца, где проходил ужин до ближайшего центра. Там легко можно взять такси.

Не болит у меня голова. Просто хотела Рона успокоить, почувствовала, что у него нервы, как струны натянуты. Между нами напряжение уже больше трёх месяцев. Каждый день, как на пороховой бочке в ожидании, что рванет. А это не происходит...

Когда все закончится? Когда я почувствую свободу от него? Вопросы в никуда...

Передо мной почти вплотную останавливается черный Ролс Ройс, я отскакиваю назад. С задней двери выходит Грэг Фрит. Сказать, что я удивлена — значит, ничего не сказать. Я видела его на вечере, он поздоровался кивком головы и улыбкой, потом несколько раз ловила на себе его взгляд. Но он не подошёл. А тут...

— Добрый вечер! — приветствует.

— Скорее ночи, — намекаю, что уже за полночь.

— И куда вы направляетесь так поздно? — вскидывает вопросительно бровь.

— За такси, — показываю головой в сторону стоянки, на которой стоят несколько кэбов.

— У меня предложение лучше. Разрешите подвезти вас? — указывает рукой на свой дорогой автомобиль.

Я сомневаюсь, но принимаю его приглашение. Он помогает сесть в машину и занимает место рядом.

— Какой у вас адрес?

Я называю, Грэг передаёт шофёру и поднимает разделяющее стекло. Становится немного не по себе. Один на один с малознакомым человеком... Мало ли что у него на уме. Нужно держать ухо остро и кулаки наготове.

— Очень рад, что после нашего конкурса ваша карьера пошла в гору.

— Спасибо! Не думала, что вы интересуетесь делами участников? — подозрительно смотрю на него.

Есть подозрение, что он интересуется только мной.

— Конечно, мне любопытно, как складывается судьба у наших героев.

— И как дела у Брэдли Вайба? — вывожу его на чистую воду.

— Ммм... Хорошо... Пишет песни...

— Песни-то он может и пишет, но с делами у него плохо. У него рак нашли, — ловлю собеседника на лжи.

Я сама ему помогала, оплатила лечение, когда узнала.

— Не знал...

— Признайтесь, вам только моя судьба интересна? — спрашиваю напрямую.

— Не буду врать — да. Вы сразу привлекли моё внимание, и я до последнего болел за вас.

— И помогли выиграть?

— Нет, тут вы сами справились. Зрители в вас влюбились.

Я только хмыкаю с улыбкой. Сделаю вид, что поверила.

— Что вы делаете завтра вечером? — неожиданно задаёт вопрос.

— Буду лететь в самолёте домой. У меня две недели отпуска, поеду навестить сестру с бабушкой, а потом в США на очные пробы.

— Очень жаль... Хотел вас на ужин пригласить. Может быть, пообедаем тогда.

— Вряд ли, — отрицательно качаю головой.

— Завтрак?

— Завтрак? — смеюсь. — Чтобы позавтракать вместе — нужно проснуться вместе.

Он смеётся со мной.

— Может быть тогда сейчас куда-нибудь? Простите, но очень не хочется вас отпускать, — кладет свою руку мне на ладонь.

Он клеит меня! Я плавно вытаскиваю свою руку.

— Окей... Можем заскочить в клуб. А то классическая музыка и эти о-очень медленные танцы на вечере тоску нагоняли.

Он снова засмеялся.

— А наши наряды подходят для таких мест?

— Отлично подходят. Только бабочку снимите — лишнее, — указываю на ненужный аксессуар.

— Хорошо, — снимает галстук.

Клуб Марка. Как всегда яблоку негде упасть. Но мы находим два местечка у бара.

— Вы здесь частый гость?

— Это клуб моего приятеля.

— Он тоже русский?

— Да. Но давно живёт в Лондоне.

— Ладно. Что будем пить? — потирает руки.

— Начнем с текилы, — пожимаю плечами.

Понеслась!

* * *

— Что тебе сказала Заза? — любопытствует Грэг о женщине, которую я не знаю.

— Кто такая Заза? Прости, просто на вечере было столько людей, с которыми пришлось знакомиться, что голова кругом, — произношу пьяненько.

— Большая тёмная женщина в странном одеянии, вы разговаривали у бара, — уточняет он.

— Ах, эта! Только не говори, что ты её тоже видел. Я спрашивала у людей — её никто не заметил и не знает. Как будто она мне привиделась. Такая странная!

— Видел. И общался с ней. Странная — это точно, — рассмеялся он. — Она новоорлеанская ведьма, колдунья или кто ещё там. Экстрасенс в общем. Участвовала у нас в одной передаче.

— Не знала, что у вас есть своя версия «Битвы экстрасенсов». Эта женщина несла какой-то бред...

— Она редко ошибается, даже я, как скептик, не сомневаюсь в её способностях. Лично проверял. Всё в точку.

— То есть, по-твоему, то, что я потомок античных Сирен и моему будущему мужу всего шесть лет — это в точку? — изумлённо гляжу на него.

— Сирены? Ну, здесь она перегнула, — разразился хохотом.

— И я про то же. Да и шестилетний возлюбленный — это на грани фантастики. Шестнадцать лет разницы.

— Ну, любовь зла... Жаль, что наши предсказания не сошлись. Мне она пообещала, что на ужине я встречу свою судьбу...

— Так вот почему ты ко мне подкатил, — ухмылка рисуется на моём лице.

— Грешен...

Через час мы с Грэгом танцуем грязные танцы на танцполе. Он неплохой танцор. Двигается точно в такт, прижимая меня к себе. Это даже заводит. Не огонь в крови, но тоже приятно. Танцы — это всегда приятно и неважно с кем.

— Так что насчёт завтрака? — спрашивает у меня, поддерживая за талию, когда мы выходим из клуба.

Я смотрю ему в глаза. Даже сквозь пьяный туман замечаю в них пляшущих чертей. Сердце забилось чаще.

— А я согласна! — неожиданно даже для себя.

Если и ломать себя, то вот так неожиданно, координально и бесповоротно.

Проснувшись утром и выскользнув из объятий Грэга, который крепко спит, сбегаю в душ. Прохладная вода выводит остатки хмеля. Голову мыть не стала, чтобы не разбудить Фрита шумом фена, заворачиваюсь в полотенце и выхожу.

Подбираю с пола разбросанную одежду.

События прошедшей ночи промелькнули перед глазами.

Я не смогла... В самый ответственный момент на меня вдруг накатила паника. И благо Грег оказался понимающим мужчиной, без обид. Просто поговорили. Домой не отпустил, завернул в одеяло, обнял, и так мы проспали всю ночь.

С трудом натянув на влажное кожу плотно прилегающее к телу платье, постаралась застегнуть молнию, но она заела и не поддавалась.

Неожиданно на мою руку легла ладонь Грэга, он потянул за бегунок и замок закрылся.

— Решила от меня сбежать, не прощаясь? — перекинул мои волосы на другую сторону и несколько раз поцеловал в шею.

Я непроизвольно дёрнулась. Сейчас утром, когда моя голова трезвая, вчерашнее решение не кажется мне таким уж и хорошим. Но моя психосоматика, похоже, работает лучше, чем мой мозг.

— У нас говорят — уйти по-английски, — просвещаю его, отстраняясь немного.

Он разворачивает меня к себе лицом.

— Ты обещал мне завтрак...

— Я свои обещания исполняю. Только схожу в душ.

Он ушёл, а я достала из сумочки телефон. Почти десять часов. Несколько неотвеченных ночных звонков от Миши и сообщений «где ты?». Филипп написал, интересовался моим самочувствием. И ещё пара смс по работе. Пока отвечаю, Грэг выходит из ванной. Мокрый, с обмотанными полотенцем бёдрами. Я ночью и не разглядела, что он в отличной физической форме. Везёт мне на мужиков с кубиками пресса. Почему-то смущаюсь и отвожу глаза. Он удивляется и улыбается. Уходит в гардеробную, а возвращается в футболке и домашних хлопковых брюках.

Мы спускаемся вниз в столовую, где накрыт для завтрака небольшой стол. Я и не заметила, какой у него огромный шикарный дом.

Неужели он здесь один живёт?!

Меня особняками не удивишь, я их не меньше сотни повидала, но не вижу смысла содержать громадный дом, если ты живёшь в нём в одиночестве.

Не один...

В гостиную входит девочка лет восьми с няней.

— Доброе утро, папочка! — обнимает Грэга дочь и чмокает в щёку, а потом недобро глядит на меня.

— Маргарет, познакомься, это Сельванна, — представляет он нас, прижимая дочку к себе за плечи.

Девочка подозрительно прищуривает глаза и спрашивает:

— Ты будешь моей новой мамой?

Вот она детская прямолинейность и непосредственность. Я даже растерялась.

— Нет... Не буду, — отвечаю честно.

— Отлично! Тогда давайте кушать, — улыбнулась мне Маргарет и подходит к столу, забирается на свой стул.

Я хмыкаю от удивления и смотрю на Грэга, он только пожимает плечами. Отодвигает для меня стул.

Обожаю английские манеры!

Завтрак проходит довольно весело. Мэг рассказывает разные смешные истории про своего щенка, которого папа месяц назад подарил ей на день рождения.

Мне невольно вспоминается наш лабрадор Лаки. Он был ленивым с самого детства даже гулять для него было не в радость. Любил только есть и спать. Его тоже подарили на мой одиннадцатый день рождения родители. Я была тогда самым счастливым ребёнком...

Кручу на пальце кольцо с черным бриллиантом, которое подарил отец. Глядя на Грэга с дочерью, я остро почувствовала нехватку моих родителей и давлю собравшие слёзы. Почему я не ценила их при жизни? Они же не бессмертные... Но я слишком поздно это поняла.

* * *

— У тебя чудесная дочь...

Мы с Грэгом идём к мини стоянке в его дворе, водитель отвезёт меня домой.

— Спасибо! — опускает голову, смотря под ноги.

— А её мама?

— Мы развелись три года назад. Она теперь живёт в Ницце.

— Она спокойно уехала от дочери? — останавливаюсь я.

— Она никогда не пылала особой любовью к Мэг, ребенок для неё был лишь обузой. Поэтому я дал ей хорошие отступные и дом на Лазурном побережье, — как-то грустно произносит это Фрит.

— Главное, у дочери есть ты — тот, кто её любит.

Мы доходим до машины. Грэг берёт меня за руку и целует каждый пальчик.

— Мы увидимся после твоего возвращения?

— Честно? Я не знаю...

— Я всё понимаю. Тебе сейчас не до свиданий и отношений, — я чуть покачиваю головой в согласии. — Спасибо...

— За что? Ничего не было.

— Иногда секс только всё портит. Я давно не общался с девушками просто так. Ты окунула меня в молодость. Напомнила первую любовь. Как мы с ней вот так же всю ночь просто спали в обнимку, и я был безумно счастлив.

* * *

— Ты почему на телефон не отвечала? Я полночи звонил, — накидывается дома на меня с расспросами Миша.

— Занята была, — швыряю на диван клатч.

Стягиваю пальто и вешаю на вешалку.

— Я даже знаю чем...

Открывает планшет и пролистывает несколько фотографий, где мы с Грэгом в клубе.

— Там ещё и видео страстных танцев есть, — произносит грубо.

— Ревнуешь? — шучу над ним.

— Нет! Это всё твой дружок Марк час назад на сайте клуба выложил, — злится.

— Марк не мог, он на Мальдивах с какой-то цыпой булки греет, — лезу в холодильник, чтобы достать воды.

— Не важно: сам или кто-то из его людей. Теперь это, — тыкает в экран, — вылезет везде. Твою победу в конкурсе поставят под сомнение.

— И будут правы... Я не сомневаюсь, что Фрит для этого подсуетился, хоть и не признаётся.

— Что?

— Что слышал. Миш, давай без истерик, у меня голова трещит.

— Пить меньше надо было! — огрызается. — Где ты ночевала?

— Не задавай глупых вопросов, если и так знаешь ответы.

— Только не говори, что ты с ним... — смотрит, широко раскрыв глаза.

— Да! Я с ним, то самое, — зачем-то вру.

— Пиздец!

— Ну, не надо так. Нормально было... Не вау, конечно, но для здоровья сойдёт. Помнишь, что мне мой гинеколог сказал?

— Помню. Твоё воздержание вызовет проблемы с женским здоровьем в будущем, вплоть до бесплодия, — проговаривает как на автомате.

— Вот. Доктор прописал — я выполняю предписания, — поднимаюсь по лестнице. — Я переодеться. Когда выезжаем?

— Через час...

Выглядываю из-за угла. Мишка стоит, нервно растирая затылок.

— Не психуй. Не было ничего у нас, — успокаиваю его.

Выдыхает.

* * *

Москва встречает холодом и снегом. Февраль. Моя одежда не подходит для такой погоды, в Лондоне плюс десять было, когда улетали. Окоченев, добираемся до такси, которое отвезёт домой.

С бабушкой и Стасей виделись только пару дней на Новый год, нет времени к ним часто мотаться. Сестрёнка уже почти взрослая, в июне восемнадцать стукнет. Надо заранее подумать о подарке.

Ещё нужно навестить Антошу с крестником, он прошлым летом отцом стал. Резинка у него лопнула. Девица надеялась, что Решетняк женится, но на нём — где залезешь, там и слезешь. Она сына бросила на попечение отца, а Антон её родительских прав лишил. Оставил ребенка без матери...

Твою мать! Ещё же юбилейный триббют у крестного.

Я отдыхать приехала или опять пахать?

Надо выдохнуть и успокоиться — я всё успею и отдохнуть тоже. Потом в Лос-Анджелесе на солнышке погреюсь пару дней. Больше времени не будет.

— Sister! — кидается мне на шею Стаська.

— Ну-ну, полегче! — отрываю от себя. — Иначе у меня позвоночник в штаны высыплется. Чем тебя тут кормят? Здоровая какая!

— Нормально кормят, — а сама косится в сторону Мишки. — Познакомишь?

— Можно подумать нужно, — снимаю куртку. — Условно вы знакомы. Он у нас пару дней поживёт, потом к родителям в Питер рванет. Бабуля где?

— На кухне с Галей ужин готовят.

В гостиной появляется горничная.

— Даша, покажи Михаилу его комнату, — обращаюсь к ней. — И мой чемодан в мою спальню отнесите. Пойду с ба поздороваюсь.

Мишка пошел вверх в гостевую, а мы со Стаськой вприпрыжку побежали на кухню.

Бабуля и Галя при виде меня пускают слёзы.

— Похудела-то как... — запричитала бабушка.

— Ба, не говори ерунды, мой вес прежний.

— Осунулась, бледная какая-то. Твой Джон тебя в чёрном теле держит!

— Все так работают, я не исключение, — попытка стянуть со стола кусочек огурца, но получаю по руке от Гали.

На пороге появляется Миша со своей улыбкой до ушей:

— Добрый вечер!

— Господи, ты не одна приехала?! С молодым человеком.

— Бабуль, ну, ты чего! Это Миша — мой менеджер. У него тоже отпуск, он пару дней у нас побудет. Да, милый? — прикалываюсь, облакачиваясь на него.

— Да, — в ответ изображает воздушный поцелуй.

— Ой, хоть один мужчина в доме будет, — радуется ба.

— Почему один? Скоро Антон подъедет, он уже мне скинул, что выехал, — сообщает Стаська.

— А почему это он не мне, а тебе пишет? — недовольно упираюсь руками в стол.

Подозрительно как-то.

— Откуда я знаю... — прячет глаза сестра.

— Как твою бабушку зовут? — интересуется Миша, когда мы идём открывать дверь на звонок.

— Валентина Ивановна.

Антон вваливается в дом весь в снегу, разошелся к ночи. Запрыгиваю на руки к другу и чмокаю много раз лицо.

— Угомонись, бешеная! — опускает меня на пол.

— Я соскучилась, — прижимаюсь к моему большому и сильному другу, стряхивая снег с его куртки.

— Я тоже. Раздеться дай!

— Даю, — отпускаю его ненадолго, пока снимает куртку и мокрую обувь, потом опять обнимаю его.

— Антон, — протягивает правую руку Фалькону.

— Миша.

— Пойдемте за стол, там уже всё накрыли, — тяну их за собой.

Ужин прошел на веселой ноте. Обсудили, наверное, все, что не успели рассказать при звонках по телефону. Антон отчитался о делах на фирме, он следит за работой генерального директора, чтоб деньги не уходили налево.

— Как Арс? Большой уже? — допытываюсь у друга.

— Семь месяцев стукнуло. Я же тебе фотки скидывал.

— На фотографиях не понятно, какой он. С тобой рядом все маленькие.

— Приезжай — увидишь.

— Завтра и послезавтра не могу, у дядь Вовы концерт, попросил выступить, а вот потом приеду, — постукиваю ладонями по столу. — Так хочу его потискать.

— Ты будешь выступать на концерте?

— Ага. Только это трибьют, так что у нас чуть больше суток, чтобы подготовиться и прогнать максимально песню. Дядь Вова ещё придумал, что это должен быть дуэт с Алексом.

— Да, ладно! — подскочила Стаська. — С Гроу? Врешь!

— Сама не в восторге. Но...

— Он же классный! У вас же было что-то... — закатывает глаза под лоб Стаська.

— Не носи ерунды! Не было ничего.

— Это тот самый Алекс? Из Эмиратов? — посмеивается Мишка, вспоминая мок историю.

— Ага. Мух назойливый.

* * *

На следующий день дядя Вова встречает меня в здании своего офиса у лифта лично. Я приехала одна, Миша отправился на встречу с какими-то рекламодателями. Точно надо было в отпуск на Мальдивы рвануть, никто бы не доставал на краю света.

— Моя любимая девочка приехала, — прижимает к себе и целует крестный.

— Не могу же я тебе отказать.

— Не можешь, конечно. Идём, там уже все музыканты собрались, у вас времени всего ничего, чтобы всё максимально отрепетировать, а завтра перед концертом прогнать. Песню ты знаешь? — приобнимает меня за плечи, мы направляемся по длинному коридору в репетиционный зал.

— Твои — все наизусть.

— Отлично. Вот Алексу сюрприз будет, когда увидит, с кем ему придётся петь.

— А он не знает?

— Я ему не сказал.

— Мне кажется — ты с ним излишне нянчишься. Он так и на голову залезет. Ты с ним поостроже.

Знаю его выходки, пару раз звонил мне в какой-то истерике, а потом вдруг пропал.

— Уже... — вздыхает дядя Вова. — Вытворяет что хочет. Срывает концерты, не выходит на сцену, если что не по его. В начале следующего года у нас контракт заканчивается, так он уже сказал, что продлит только, если его процент повысят до семидесяти. Совсем оборзел. Но он приносит больше всех денег, так что будем торговаться.

— Лечить его надо от звёздной болезни.

Доходим до нужной двери. В небольшом зале восемь музыкантов и ещё пара парней.

— И где этот засранец? Охрана сказала, что он приехал, — рыкает на одного из них.

Тот в испуге только лупает глазками и пожимает плечами.

— Побудь здесь, я его сейчас найду, — говорит мне крестный и выходит.

Но пропажа сама нашлась через пару минут. Алекс заходит в зал, разговаривая с кем-то по телефону:

— Малышка, как только закончу — сразу к тебе, — мурлыкает в трубку кому-то.

Любит он! Заврался в край.

Увидев меня, сразу отключается, прячет смартфон в карман, окидывает внимательным взором и улыбается, счастливо искрясь.

Одет по последней моде. Денег на свой вид точно не жалеет. Это я пришла в спортивном, хоть и брендовом, костюме и угах. Холодина на улице.

— Какие люди и без охраны, — острит Гроу. — Владимир Николаевич самый лакомый кусок для меня припас — восходящую западную звезду из Европы выписал. Приятно...

— Губу закатай! Я здесь только по личной просьбе дяди Вовы, а не для потехи твоего самомнения — язвлю в ответ.

Дружественный тон при разговорах по телефону сразу улетучивается, как только мы встречаемся в одном пространстве. Атмосфера накаляется. И беседа его с какой-то «малышкой» жутко напрягает.

— Не думал, что вот так встретимся. Я скучал... — меняется его тон на мягкий.

— Слышала я только что, как ты скучаешь.

— Вот ты где! — врывается дядь Вова и прерывает наш разговор. — Где ты шляешься?

— В туалет ходил. Нельзя? — защищается парень.

— Мог бы и потерпеть. Можем начинать.

— Чтобы ты не думала, я правда очень скучал, — тихо говорит Алекс, когда мы подошли к микрофонам. — Вот ведь пути господни неисповедимы...

— Да уж...

— Кто бы мог подумать, что фортуна повернется таким боком, и мы будем петь вместе. Правда? — ухмылка не сходит с его лица.

— Ещё бы, не думала, что так низко упаду...

Петь дуэтом у нас не получается. Гроу всё время ложает. Хочется его придушить. Мы здесь уже шесть часов бьёмся, но всё без толку.

— Идиот, ты без автотюна вообще в ноты попадать можешь? — выводит меня из себя.

— Ну, извините, я, как вы, консерваторий не оканчивал, — зубоскалит в ответ. — Не могу я такие высокие ноты брать.

— Да ты никакие не можешь! Кто тебя только слушает?!- шиплю на него. — Я тоже, между прочим, консерваторию не оканчивала, уроки вокала никто не отменял.

Придурок психует, бросает микрофон и уходит, на звонки и сообщения не отвечает. Дядя Вова рвёт и мечет, обещая выкинуть с волчьим билетом и, что сучонка никуда больше не возьмут. Да этот псих и один не пропадет с такой армией поклонниц!

Заявляется часа через три, ничего не говоря, подходит к микрофону и делает всё как надо. Перебесился видимо. Или сообщения прослушал.

— Довольна? — со злостью в глазах смотрит на меня.

— Вполне. Только так надо ещё раз десять, чтобы завтра не опозориться на концерте.

Сможешь?

— Смогу, — расплывается в сумасшедшей улыбке.

Точно ненормальный! Ему определённо в дурдоме прогулы ставят.

Вечером проводила Мишку в аэропорт, улетел к родителям, через неделю прилетит в Лос-Анджелес, а сама решила прогуляться по Москве, благо на улице потеплело. Город сверкающий миллионом лампочек и толпы людей на улицах. Давно я, просто так, не ходила нигде пешком. Всё время куда-то спешу, бегу, еду. Не могу позволить себе остановиться и постоять.

На ужин захожу в ресторан крестного — полгода назад открыл. Шикарное местечко, чувствуется люкс. Думала меня с моём наряде, спортивный лук, не пустят, но нет.

Хорошо и вкусно кормят.

Я как раз начинаю есть свой стейк, когда в кресло напротив плюхается Алекс. Кусок застревает в горле.

После концерта его хотелось убить ещё больше.

По сценарию в конце песни он должен был изобразить желание поцеловать, а я оттолкнуть. Но этот идиот меня реально поцеловал, впился в губы, как пиявка. За кулисами пришлось отвесить ему хорошую оплеуху. Только это вряд ли на него подействовало, стоял и смеялся, потирая щёку.

— Что тебе надо? — внутри расплзается раздражение.

— Два дня назад ты лишила меня секса, так что ты мне должна, — совсем охренел.

— Кулачком поработаешь. И вообще такой скорострел, как ты, за те три часа, что тебя не было, мог бы и успеть.

Он только надменно ухмыляется, пропуская мою колкость.

— Я хочу записать с тобой песню, — идёт напролом.

— А я нет, — отрезаю кусочек мяса.

— Тогда я не уйду, пока не согласишься, — стягивает с моей тарелки помидор.

Где таких борзых делают?!

— Я не собираюсь с тобой снова петь, ты же бездарность!

— Многие с тобой не согласятся, — стаскивает ещё кусочек моего блюда.

— Твои поклонницы текут от смазливой мордашки и хорошего пиара.

— Значит, ты признаешь, что я красавчик, — пошленько улыбается и снова тянется к моей тарелке, но не успевает.

Я перехватываю его руку у запястья и ставлю на неё нож.

— Ещё раз возьмёшь еду с моей тарелки, я из твоей руки пашлык сделаю, — смотрю на него свирепым взглядом, надавив немного на ножик.

— Ладно, я понял, — выдергивает ладонь. — Ты шизанутая!

— От такого же слышу.

— Всегда нравилось это в тебе, — восторженно выдыхает слова.

Жестом руки подзывает официантку:

— Мне тоже самое, — показывает на моё блюдо.

— Так что насчёт песни? — снова заговаривает после того, как ему принесли заказ.

— Я уже сказала — нет!

— Ты из-за этого глупого поцелуя дуешься? Извини, симпровизировал.

— А тебя просили импровизировать? Ты меня подставил! Мне твои поклонницы все соцсети говном закидали. Я про себя давно такого не читала, — раздражение выходит на

высший уровень.

Ещё немного и я взорвусь.

— Увы, это цена успеха, — совершенно спокойно пожимает плечами, отправляя кусок мяса в рот. — Надо пользоваться моментом и на волне хайпа выпускать совместный трек.

— Засунь свой трек себе подальше! — я взрываюсь.

— Тогда я буду ходить за тобой, пока ты не согласишься. У меня время есть, — складывает руки в замок, поставив локти на стол, и ехидно улыбается.

Как же он бесит!

— Если делать нечего — пожалуйста! — бросаю приборы в тарелку, достаю из кармана деньги и кидаю на стол.

— Я бы и сам заплатил.

— У нас каждый платит за себя, — хватаю рюкзак и направляюсь к выходу.

Он догоняет меня на улице.

— Давай подвезу. Куда тебе? — дёргает за рукав пуховика.

Я выдергиваю руку и поворачиваюсь к нему лицом.

— Отвяжись от меня! Я и на такси прекрасно доберусь!

Собираюсь уйти, но этот наглец подхватывает меня, перекинув через плечо, и тащит на стоянку в сторону своего Мерседеса.

— Отпусти меня, придурок! — бью кулаками в спину.

Но он здоровяк, почти как Антон, немного только в плечах поуже. А в такой позе справиться с ним сложно.

— Угомонись! Просто подвезу до дома, — хлопает рукой по заднице и отпускает меня у машины, а потом силой запикивает в неё.

Сволочь! Ещё никто себе такого не позволял.

Но довез не до дома, он же даже адрес не спросил. Мы приехали к офису дяди Вовы.

— Я не здесь живу.

— Я знаю. Здесь студия...

— Я тебе уже сказала — я с тобой ничего записывать не буду!

— Ну, не ершишь, — проводит тыльной стороной ладони мне по щеке, за что и получает по ней. — Я ведь не прошу что-то сверхъестественное. Только одну песню. И всё...

— Даже если бы я согласилась, без одобрения Коллингвуда я не могу это сделать, — пытаюсь избавиться от надоедливого нахала.

— Да, брось! Запишем сейчас, а потом продюсеры сами между собой договорятся. Ну, так что?

— Ты после этого от меня отвяжешься?

— Клянусь! — скрещивает пальцы на руке.

— Дверь!

— Что? — не понимает о чём я.

— У нас принято открывать девушкам дверь, — гневно гляжу в его сторону.

— А ты смотрию, за полтора года в Англии стала прозападной, — приподнимает один уголок рта в ухмылке.

Выходит из машины и открывает дверь с моей стороны.

— В Великобритании, неуч! — опираюсь на протянутую мне для помощи руку.

— Ой, извините! Вы правы, я ж институтов тоже не кончал, — театрально делает вдох и прикрывает рот рукой.

— А не мешало бы, хотя б какое-нибудь ПТУ окончить.

— Нет времени — работа, — качает головой. — Идём.

В студии проторчали всю ночь. Удивительно, но у нас вышло. И даже неплохая лирика. Осталось свести и обработать звук. Но этим уже композитор и аранжировщик займутся.

— Ну вот, а ты боялась, — произносит Алекс, тяжело падая рядом со мной на диван и протягивая бутылку воды.

— Не боялась я, — фыркаю в ответ. — Просто работать с тобой — то ещё наказание. Как тебя дядь Вова терпит?

— С трудом. Но скоро отмучается. Последний год пошел, — отвечает спокойно.

— Ты решил уйти?

— Да. Я вполне и сам могу справиться. Мне надоело отдавать большую часть кровно нажитого чужому дяде, — делает большой глоток воды.

— Сразу надо было смотреть, что подписываешь.

— А ты бы смотрела, когда тебе предлагают стать звездой? Подмахнул не глядя.

— Я смотрела и два месяца вела переговоры за выгодные условия, — хвастаюсь перед ним.

— Ну, значит, ты умнее меня...

— Кто бы сомневался, — буркнув себе под нос.

— Поехали, я тебя домой отвезу.

— Э, нет! Ты уже довез, — обвожу пальцем студию. — Я такси вызову.

— Я реально отвезу домой... Что хотел — я уже добился.

— Мало ли что тебе в голову ещё придет. Раньше усталость тебе не мешала...

— Неа, я реально устал и хочу спать. Так что по домам...

* * *

— Куда едем? — спрашивает у машины, открывая мне дверь.

Хоть какие-то манеры появились.

Я называю адрес. Он как-то странно ведёт глазами вверх и вскидывает одну бровь, но ничего не отвечает.

Едем молча, под тихую классическую музыку. Не думала, что он такое слушает. Меня укачало, и я уснула. Усталость дала о себе знать.

Просыпаюсь уже на подземной парковке своего дома. Не была здесь полтора года, но помню её отлично.

Гроу сидит в кресле, откинув его немного назад. Я пытаюсь пошевелить затекшими руками и ногами, шея резко заболела, тру, чтобы снять спазм. Часы показывают, что прошло два часа.

— Ну, ты и соня, — заговаривает Гроу.

— Мог бы и разбудить, когда приехали, — огрызаюсь на его замечание.

— Ты так крепко спала, что не хотелось тебя тревожить.

— Спасибо, что подвез! — открываю дверь и сбегаю от него.

— Что больше английские манеры не нужны? — говорит мне в спину, выходя из машины и следуя следом.

— Зачем ты за мной идёшь? Я тебя не приглашала, — уставилась на него, когда мы

оказываемся у лифта.

— Открою секрет — не одна ты здесь живёшь, — шепчет мне на ухо, обдав горячим дыханием так, что мурашки побежали.

— В смысле? Ты тоже?

— Да, купил квартиру на восьмом этаже полгода назад.

— Твоя квартира подо мной? Пипец!

— То есть твоя на девятом? Там никто не живёт.

— Конечно никто! Я в Лондоне живу. А квартира пустует. После отъезда я здесь впервые.

— Тогда пошли ко мне, у тебя там наверняка полуметровый слой пыли. У меня есть две гостевых спальни. Но если очень хочешь, можем и вместе, — подмигивает и протягивает руки в попытке обнять, но получает по шаловливым.

— Оборзел? Квартиру убирают раз в неделю, так что пыли там нет! А ты держи свой... — показываю на его пах. — На привязи. Иначе...

— Люля-кебаб сделаешь? — смеётся. — Ладно, не хочешь — не надо. Уговаривать не буду. На сегодня лимит унижений исчерпан. Спокойной ночи! А нет. Приятного утра! — паясничает.

С каких пор он такой? Несколько месяцев назад был как баба, что ему хреново без меня.

Выходит на своём этаже, а я поднимаюсь на свой.

Пустая безжизненная квартира встречает тишиной. Раздеваюсь и прохожу в гостиную к панорамному окну. Касаюсь прохладного стекла рукой. За окном встаёт солнце, окрашивая всё вокруг в коралловый цвет.

В памяти всплывает день, когда мы с отцом стоим на этом самом месте, и он говорит, как они с мамой меня любят.

Я так по вас скучаю!..

На глаза наворачиваются слезы...

За спиной раздаётся шорох. Я разворачиваюсь. Сзади стоит Алекс.

— Ты случайно свой телефон мне в рюкзак кинула в студии. А дверь была открыта, — протягивает мне смартфон. — У тебя всё в порядке? Это из-за меня? — показывает на слезы. — Извини!

— Всё в порядке. И ты тут не причём, — вытирают быстро слезинки, и забирают телефон. — Спасибо!

Саунд: Artik, Asti — Крылья

— Кто обидел мою кису? — подхожу к ней вплотную.

Чувствую запах её дурманящих духов. Я так часто искал его в парфюмерных магазинах по всему миру, но ни разу ничто даже близкое не попало.

— Никто... Жизнь...

— Да, она сука такая... Может очень сильно ударить. Я воды принесу, — делаю пару шагов в сторону кухни.

— Бесполезно, — всхлипывает. — Вода отключена, чтобы тебя, не дай бог, не затопить.

— Вот как... Тогда пошли ко мне, — подхватываю со столика её ключи от квартиры и протягиваю руку.

Смотрит боязливым зверьком, но протягивает и вкладывает ладонь в мою. Сжимаю нежные пальчики. Холодные... Вывожу из квартиры, закрываю дверь, и мы по лестнице спускаемся на мой этаж. Квартиры у нас одинаковые, планировка только немного отличается. Но это дизайнеры наворотили при ремонте.

— Твоя старая квартира мне нравилась больше, — оглядывается.

— Мне тоже. Но она не моя, я снимал. А хозяйка не захотела продавать.

Сельванна больше не хлюпает носом, только краснота и припухшие глаза напоминают, что плакала.

— Я воды принесу, — подрываюсь, вспомнив, зачем мы спустились ко мне.

— Аха...

Вернувшись со стаканом из кухни, застаю её у моей домашней студии, на которой я демки пишу, если вдруг муза придёт. Или музыку слушаю. Вот в моём плейлисте она что-то и ищет, включает клавишные.

Я молча наблюдаю за ней в сторонке, привалившись плечом к стенке. Заиграла песня, я под неё тут столько прострадал, что вспомнить страшно.

Это её любимая группа.

Пальчики Сэл нажимают на клавиши, оживляя звук.

— Днём и ночью жду одна у окна, но ты снова не приходишь... Третий день без сна, на кого ты с любовью смотришь? Я не верю, что тебя не обниму, не прижмусь к тебе ночью, что не утону, что не утону я в твоих объятиях больше...

Отходит от инструмента и ее, словно невидимая сила швыряет в стену.

— Сэл! — бросаюсь к ней, поставив стакан с водой на пол. Она уже сползла по стенке вниз.

— Без тебя мои крылья сломаны, намертво скованы... Медленно, до земли падаю, ты лови, я в твоих руках... — продолжает петь, опять заливаясь слезами.

— Малышка, ну ты чего? — обхватываю её лицо.

Меня рвёт от того, что ей плохо. Защитить, укрыть, спрятать от всего — вот первое желание.

— Не называй меня так, — рычит сквозь слёзы, пихая кулаками в мои плечи. — Ты своих блядей так зовёшь, — хватает за руки и пытается их убрать.

— Нет никаких блядей, кис, — меняю на привычное. — Я ни к кому не ездил и даже номер заблокировал.

— Другие будут... Они у тебя всегда были.

— Да, я не святой. Прости за это... Но тебя больше года не было.

— Не оправдывайся, — становится отрешённой и отворачивается. — Я тоже не недотрога...

Догадывался об этом, но, пиздец, как выворачивает от одной мысли, что к ней кто-то прикасается. Только предъявлять ей что-то или требовать — я не имею права. У нас даже намёка на отношения нет.

Сажусь на пол, вытягиваю ноги, затягиваю её на себя. Она садится лицом ко мне, обхватывает ногами, обнимает за шею и утыкается носом в моё плечо.

Я расплетаю её волосы, они тяжелым водопадом падают мне на колени. Пальцами перебираю, успокаиваю мою девочку.

— Ты пахнешь как папа, — втягивает глубоко мой запах и прижимается сильнее.

— Я не специально. Парфюм понравился...

— Не меняй его, ты должен пахнуть именно так, — ведёт кончиком носа по моему подбородку. — Такой запах только у родного человека.

Сжимаю её крепко, теряя голову от этих слов. Внутри что-то подпрыгивает и ударяется в горло и мне хочется поплакать вместе с ней. Но я не могу позволить себе расклеиваться, ей нужен рядом кто-то сильный, а не тряпка половая. Тот, кто сможет утешить, сказать какая она милая и красивая, не смотря на то, что по лицу размазана косметика.

— Я люблю тебя... — тихо шепчу ей на ушко.

— Я знаю. Но разве люди могут любить так долго тех, кого нет рядом?

— Люди могут любить всю жизнь и никогда не видеться.

— Это ужасно, Алекс... — отстраняется и смотрит мне в глаза. — Тебе же больно...

— Больно... Но я стараюсь терпеть.

Пальчики Сэл скользят мне в волосы, разминая затылок, она начинает мурлыкать.

— Нет. Не надо, — закрываю ей рот рукой. — Я не хочу уснуть как в прошлый раз от этой песни сирены.

— Сирены... — выдавливает грустную улыбку. — И ты туда же...

— Ты о чём?

— Неважно. Вспомнила тут кое-что. Глупость это...

Она касается пальчиками моего лица, изучает каждый сантиметр. А я от её прикосновений улетаю куда-то, закрывая от удовольствия глаза, урчу.

— Породистый котик, — шепчет в губы.

Я ловлю её губы и совершенно теряют контроль от того, как она держит моё лицо ладонями. Руками с силой вжимаю стройное тело в себя, показывая, что она желанна.

Где-то на фоне включается трек, заводящий меня и заставляющий даже губам двигаться в ритм. Бёдра Сэл начинают на мне выплясывать восьмёрку. Это так эротично, что я издаю стон. Член под ней рвёт одежду. Он так хочет эту девочку, что скоро задымится.

Беру её руку и кладу на него. Заигрывающе ведёт по нему ноготочками, царапает.

— Фссс... — сжимаюсь от резкого болевого спазма.

Рука Сэл проникает под резинку штанов и сжимает горячую головку. Мне словно неожиданный удар в голову прилетает, в глазах темнеет. Освобождает его. Нежно пальчиком по уздечке, и я на грани потерять сознание. Размазывает выпущенную мной смазку по плоти, сжимает руку и двигает ей.

Меня ломает так, что я с грубостью впиваюсь в её губы, на что получаю врезающимися в

мой член ногтями.

— Ммм, — сжимаюсь от боли, но тут же понимаю, что я сейчас кончу.

А мы даже не... Тяну за резинку её штанов, но по укусу в шею понимаю, что кайфану сегодня только я.

— Сэл? — пытаюсь разглядеть её сквозь мутный взгляд.

Но она только сильнее сжимает пальчики и ускоряется.

— Да, fuck... — взрываюсь.

Моя сперма заливает её шаловливую ручку. Вижу её хищный и довольный взгляд с полуухмылочкой. Она радуется своей власти надо мной.

Вот сучка! Как ты так можешь?..

Соскальзывает с меня и садится рядом, смотрит, не отрываясь, кусая губку.

— Тащишься от того, что сделала это со мной?

— Угу... — согласно кивает. — И от... — показывает на мои штаны.

Они в сперме.

Блядь, как подросток...

С трудом ухожу на непослушных и трясущихся ногах, чтобы быстро смыть всё с себя и переодеться. Вернувшись, застаю Сэл спящую на мягком толстом ковре у окна. Свернулась как кошечка и уснула.

Какая же ты всё-таки удивительная... Диван же есть.

Подхватываю на руки и уношу безвольное тело в свою спальню. Мы снова вместе в одной кровати, только теперь спит она. И у нас был секс... Да, неполноценный и только мой, но от этой пугливой козочки и такой получить — огромное достижение.

Да, я хочу больше. И ей хочу, чтобы было также классно, как мне. Но потом... Сейчас сон обоим нужен. Обнимаю одной рукой, прижав к себе. Меня развозит как пьяного, и я урчу по-кошачьи от удовольствия, утыкаясь лицом в её волосы.

Моя киса...

Просыпаюсь через несколько часов один.

Сбежала...

Саундтрек: Иван Дорн — Бигуди.

Арс что-то недовольно бурлит на своём языке, игрушка у него не складывается.

— Уу, — отводит мою руку, когда пытаюсь ему помочь.

Такой милый пупсик. На Тоху похож.

Хочется схватить на руки и зачмокать пухленькие розовые щёчки. Но он от меня отстраняется, не знает. Я его видела только на крещении и после на празднике.

— Антош, ему мама нужна, — толкаю ногой друга, который растянулся рядом на ковре. — Он мальчик. Да и вообще... Без мамы плохо.

— Такая нам не нужна, да сынок? — проводит пальцем по маленькому курносому носику. — Она за полгода всего два раза позвонила, чтобы узнать как ребёнок. В Эмиратах задницей по клубам крутит.

— Другая... За тебя любая пойдёт.

— А мне любая не нужна. Я любимую хочу, — тяжело вздыхает.

— А она есть?

— Есть. Но...

— Что? — настораживаюсь.

— Ничего... Она не знает о моих чувствах.

— И чего тянешь? Испугался? Не поверю!

— Есть обстоятельства...

— Ладно. Не хочешь говорить — не говори. Я думаю, ты справишься с этими проблемами.

— Да. Но не сейчас. Нужно время...

Когда Решетняк влюблён — это звезда! Он в депрессию впадает. Вот и сейчас как собака побитая.

— Родецкий сегодня тусовку в честь своей днюхи устраивает. Меня пригласил. Плюс один. Пойдёшь? — отвлекается от давящих мыслей.

— Какой ещё Родецкий? Лучший друг Гроу? — вспоминаю этого парня.

— Да, Илья.

— Не пойду! Там точно будет Алекс, — отказываюсь от его предложения.

— Алекс в Минске ещё. У него концерт там вчера был и сегодня фан-встреча.

— А вы смотрите, дружите? — ревностно.

— Просто общаемся иногда, — оправдывается. — Ну, так пойдёшь?

— А его куда денешь? — киваю на гукающего Арсения.

— Он спать уже будет. А ещё есть няня и бабушка с дедушкой. Найдется, кому присмотреть.

Родители Антона снова сошлись, знатно потрепав друг другу нервы.

— Ладно! Я же всё-таки отдохнуть приехала.

* * *

Выходим из машины у бара-ресторана. На вывеске громкое название «Днище».

— Это приколы такой? — спрашиваю у Антона, показывая на надпись.

— Ну, типа того, — смеётся. — Просто ресторан как бы под землёй. Днище пробило. Новое местечко, все крутые тусы теперь проходят здесь. А ещё тут акустика охуительная. Тебе понравится.

Ресторан действительно, словно в каком-то круглом бункере. Два этажа: верхний, он же первый, и цокольный. Весь движ внизу, но и наверху стоят столики вкруговую по всему залу.

Биток. Родецкий встречает гостей внизу у лестницы, под которой сложена гора подарков.

Преобразился парень, я его ещё сопляком помню по клубам, сейчас стал мужественнее. Не красавиц с обложки, но есть в нём что-то по-мужски привлекательное. Девушки к таким тянутся и это даже сейчас заметно — две красотки рядом.

— Ого! — смотрит на меня с удивлением. — Вот это шикарный подгон! — благодарит Решетняка. — Мисс, я надеюсь, что вы усладите наш слух своим прекрасным пением? — паясничает как обычно, кланяясь.

— Я не подаю, — в ответ.

— Жаль... Мне было бы приятно.

— Возможно, я передумаю...

— Обязательно передумайте, — продолжает свою дурацкую игру, целуя руку. — Да, хорош! Я рад, что ты приехала, — обнимает и похлопывает по спине.

Клоун. Сколько помню — всегда дурака изображает.

Лица знакомых полно. Приветствуют, поздравляют с прорывом в мир западного шоу-бизнеса. Много фотографируемся. Веселимся по полной. И даже Антон почти не отходит от меня. На девушек точно не отвлекается, словно их здесь нет.

Что с тобой? Отцовство на тебя так повлияло? Или любовь, про которую ты заикнулся?

— Вау! А говорили, он не приедет, — произнесла рядом какая-то девушка.

Слежу за направлением её взгляда.

Fuck!

В Минске автографы говоришь, раздаёт?!

Повелась как наивная дурочка! Хрен он пропустит день рождения лучшего друга. Это же Гроу!

Спускается вниз по лестнице, раздавая пожатия и поцелуи направо и налево.

Беру со столика бокал вина и пытаюсь затеряться в толпе. Не хочу с ним встречаться после последней нашей встречи. Стыдно, блин! Тогда мне это таким не казалось.

Обдумываю план, как отсюда незаметно свалить, пока он меня не заметил.

Серьёзно?!

Я думаю, он уже точно знает о том, что я здесь. Родецкий наверняка его предупредил. И наше столкновение всего лишь дело нескольких минут.

Ну вот! Пробирается через толпу ко мне.

Мечусь, не зная куда рвануть.

Туда! Дёргаюсь направо, там людей побольше.

— Стоять! — успевает перехватить сзади за талию. — Куда сбегаете?

— Никуда... — втягиваю живот.

Горячая рука обжигает голую кожу. На мне короткая кофта.

— Рад, что ты приняла приглашение, — отводит мой хвост в сторону и утыкается носом

В шею.

— Ты подстроил... — меня всю мурашит.

— Естественно. Антон получил приглашение, я точно знал, что возьмёт он с собой тебя.

— Я могла не пойти. Не хотела...

— Тоха умеет уговаривать, — разворачивает к себе лицом.

Обхватывает за виски ладонями, немного сжимая. Ловит мой взгляд. Его такой тяжёлый и счастливый...

— На нас смотрят, — пытаюсь не задохнуться.

— Боишься, испорчу твою репутацию? — улыбается краешком губ.

— Нет... Давно отбоялась. Снимут, все узнают...

— Пусть знают. Я своих чувств к тебе никогда не скрывал.

— Раздуют из мухи слона... Поцелуй наш уже все кто мог, обсудил.

— Давай ещё масла в огонь подольем, — наклонился поцеловать, но я отвернулась, и он только мазнул губами по щеке. — Зачем ты так со мной, а? — прижимает к себе за затылок.

— Давай без публичных лобызаний?!

— Я найду, где уединиться...

— Даже не мечтай! Просто отдохнём. Без всего этого...

— Окей! — легко соглашается и отпускает.

Как-то подозрительно... Мне его эти качели совсем не нравятся. Я понятия не имею, что от него ожидать. Он непредсказуем. Бывали моменты, когда изображал полный игнор, словно я пустое место. А на следующий день мне привозили огромные букеты цветов от него.

— От меня только далеко не отходи, — тянет за рукав кофты, заметив, что я пытаюсь слинять.

Хрен с тобой! Антоше сейчас всё равно не до меня, он с парнями что-то обсуждает.

— Выпьем? — Алекс тормозит проходящую мимо официантку с подносом. — Держи! — подаёт бокал вина.

У меня и так голова уже кругом, но я беру. Пьём и одновременно прожигаем друг друга взглядами. Не по себе рядом с ним. Раньше я его просто терпеть не могла, а сейчас что-то сломалось. Нет такой яростной неприязни, хоть он меня до сих пор бесит.

Подходит кто-то из его друзей, меня представляют. Завязывается легкий разговор про работу. Алекс подаёт мне ещё один бокал вина. Улыбочка не сходит с его лица.

Хочу свалить тихонько, но сделав шаг, понимаю, что Гроу держит меня за край кофты.

Даже не вздумай! — читаю в его глазах.

Да какого хрена! Командир нашёлся! Но попытка сбежать, показав характер, провалилась.

— Извините, парни! Но киска хочет потанцевать, — придумывает предлог, чтобы уйти.

— Киска? Борзеешь?!- шиплю на него.

— Пантера, львица, тигрица... Выбирай любое. Но всё это — кисы, — прижимает за талию к себе, раскачиваясь в такт музыке.

— По правилам бальных танцев твоя рука должна быть не на талии, а на линии лопаток, — поднимаю его руку на нужное место.

— Обойдёмся без этих дурацких правил, — возвращает руку обратно и сильно встряхивает меня, вжимая в себя. — Как о твоей причёске все мечтают, когда кружишься в

танце... Как о, yeah, и волосы твои летают, как на обложке глянца, — напевает звучащую песню.

— Скажи, что у тебя в кармане фонарик... — чувствую его эрекцию.

— Нет, — нагло лыбится. — Там то, о чём подумала. Возбуждаешь ты меня.

Зачем я спросила?!

Не задавай вопросы, если не хочешь получить такие ответы.

— Никаких результатов, а что между нами?

Ты манишь меня, ты манишь меня, своими волосами, — продолжает напевать.

Музыка замолкает. На сцену выходит Родецкий, берёт микрофон.

— Гайз, послушайте, — громко кричит.

Толпа затихает.

— Спасибо! Спасибо всем, что пришли отпраздновать со мной мой двадцать четвертый день рождения! Я очень рад! Но я вышел по другому поводу. Кто там за пультом света, можно посветить вот сюда, — показывает пальцем на нас.

Через пару секунд место, где мы стоим, освещает софит. Люди расступились, и мы остались в середине круга с Гроу. Так и не разлиплись друг от друга после танца.

— Я думаю, представлять их не надо, — продолжает Илья. — Но... Эти двое сегодня заявили, что не готовы петь на моей днюхе!

Толпа недовольно заулюлюкала.

Засранец ты, Родецкий!

— Я не так сказал! — оправдывается Алекс, поднимая одну руку вверх, а второй прижимая меня к себе. — Ты попросил наш дуэт, а я отказался до релиза. Справедливо?

— Да! — взорвала толпа.

— Можем караоке спеть, — смотрит на меня, склонив голову в предложении.

Согласно развожу руки.

Взрыв аплодисментов.

Саундтрек: EL'MAN Sam Vardi — Дважды

Мы в машине, едем в центр, где будет проходить встреча с фанатами.

Приходит смска.

«Она будет».

В сообщении всего два слова, а мир вокруг взорвался всеми цветами радуги.

— Сокращаем встречу на два часа.

— В смысле? — не понимает Иван, мой директор.

— Мне вечером кровь из носу надо в Москве быть. А если мы задержимся, то на самолет не попадем, — объясняю ему.

— Мы так не договаривались, Алекс! Организаторы будут недовольны.

— Я сам объясню всё людям, — отмахиваюсь от него.

Придётся разговорчики «по душам» отменить. Раздача автографов и фотосет. Всё!

Я не могу без своей «дозы». Меня ломает. Я и так долго в тени отсвечивал. Сэл с первого раза не возьмёшь. Её и со сто первого-то не возьмёшь! Что себя обманывать. Но чем я ближе, тем больше она ко мне привыкает. Кусаться перестаёт и голову на плечо готова доверчиво положить.

Закрываю глаза и уплываю.

Губы её снова хочу... Всю хочу... Чтобы моя...

В животе всё сжимается от предвкушения.

Размечтался! А почему бы и да! Сдастся когда-нибудь. Уверен!

Просто испугалась и сбежала, а потом ещё и не отвечала на звонки и сообщения. Читает, но молчит.

Вот сегодня и поговорим.

Успеваю прилететь к началу вечеринки, но из-за задержки багажа опаздываю. И лучше. Пусть расслабится и подумает, что меня не будет. А потом удивится.

* * *

Я бухой рядом с ней и дело не в бокале выпитого вина. Оно даже не подействовало. Её близость, запах, ощущение прохладной кожи под пальцами пьянит.

Прячет красивые глазки в сторону... И так сексуально кусает пухлые губки. Я в обмороке...

Люблю тебя... Хочу до одури... Башню сносит. Не могу отпустить от себя, в руках хочу держать. Если бы не толпа, наблюдающая за каждым нашим телодвижением, я бы давно тебя опять себе на колени затащил.

Помогаю подняться моей кошечке на сцену под подбадривающий свист гостей. Поворот головой и цепляется хвостом за стойку микрофона, он кувыркнулся в воздухе. Ловко ловлю и ставлю обратно, помогаю распутать запутавшиеся волосы.

— Упс! — Сэл смущённо смеётся, закрывая рот ладонью.

Илюха выхватывает для нас троих по бокалу шампанского. Сельванна категорично отказывается, размахивая крест-накрест руками. Помню, что у неё какая-то

непереносимость. Я забираю прямо со сцены у какой-то девушки бокал с вином, которое она только что взяла с подноса.

— Сорри! — хлопаю невинно глазками на её молчаливый посыл " ты охренел! "

Отдаю бокал Сэл.

— У всех налито? — кричу в микрофон в зал.

— Да!

— С Днюхой, братишка! — обнимаю друга за шею рукой. — Чтоб у тебя всё было!

Чокаемся втроем на сцене, остальные внизу.

Выпиваем до дна. Глаза Сэл уже заметно блестят яркими огоньками. Пьяненькая...

— Бро, включи " Дважды"! — поворачиваюсь к диджею в углу сцены.

Показывает пальцами окей.

С первых секунд песни пошёл кач. Кидаю второй микрофон Сельванне. Ловит на лету. Умница девочка!

Притягиваю рукой к себе её извивающееся в танце тело. Я всё больше улетаю куда-то от порхающих движений попки об меня.

— Я такой не видел даже на обложке... Сегодня я на ней залип... — трюсь щекой о её ушко.

Лижу воздух рядом.

— Вау! — крик возбуждённой толпы.

— Вокруг тебя дымитесь огромная толпа, — показываю одуревшую публику Сэл.

Откидывает голову мне на плечо, вырисовывая восьмёрку бедрами на моём паху.

Сука, мышцы сводит до боли от спазма.

— Каждый хочет её дважды... Хочет, но не скажет... Знаю, так бывает... Накрывает! — дуэтом с ней... глаза в глаза...

— Её косы заплетают...

— Но, тут парни в напряге, ну поймай меня правильно... — шея Сэл впитывает слова, которую я туда пою.

Я сейчас кончу от этих плавных поглаживаний рукой по моему бедру. Мышцы нестерпимо болят.

Если я сейчас взорвусь, то это будет твоя вина, Сэл!

— Твоя будет только, когда в свадебном платье, — нагло поёт.

— Но сегодня ты рабыня моих объятий! — вжимаю её задницу в себя.

Почувствуй моё дикое желание.

Я дурею от происходящего. Словно обдолбанный после песни кидаю микрофон и тащу девчонку за собой. Вжимаю её в стену в каком-то проходе.

— Алекс! — слабая попытка освободиться.

Куда там! Впиваюсь в её губы жадно, словно она единственный источник, из которого можно напиться. Да какого хера?! Так и есть. Все остальные никуда не годятся.

Я подхватываю одну её ногу и заставляю обнять ей меня, сам сжимаю пальцами охренительную задницу.

Первобытный танец, мы двигаемся в ритме наших губ, возбуждая друг друга.

У Сэл звонит телефон.

— Нет... — отвожу её руку от кармана. — Не отвечай...

Он настойчиво долбит.

— Да... — хриплый тембр моей кошки стал ещё ниже.

— Не вздумай с ним переспать, — доносится из трубки мужской голос.

Кусаю её за шею. Тяжело дышит...

— Откуда... ты знаешь? — срываясь на шёпот.

— Назад погляди.

Она замирает и смотрит куда-то сквозь меня. Глаза становятся ещё больше и в них растерянность.

— Сэл... — поворачиваюсь туда, куда устремлен её взгляд.

— Он ведёт прямой эфир, — слышно из телефона.

— Алекс...

У меня срывает планку. Порву сучоныхша!

— Охуел?!- подлетаю к парню и хватаю за грудки.

Телефон летит в железную стену и разбивается вдребезги. Ублюдок перепуган.

— Совсем рамсы попутал? — вбиваю его в стенку.

— Я...

Больше ничего он не смог произнести. Решил словить сиюминутный хайп, засняв нас вместе.

Подбираю остатки телефона, отдаю ему симку, запчасти запихиваю себе в карман. Толку-то... Прямой эфир... Даже если он не сохранился, то по-любому его заскринили.

Пиздец... Так я ещё не влетал и Сельванну подставил.

Сэл...

Осматриваюсь. Её нет!

— Чтоб тебя! — вылетаю в зал.

Куда же ты маленькая спряталась? Я всё равно найду.

И нахожу. На улице. Почти села в такси, но успеваю схватить за руку.

— Пусти! — вырывается. — Мало было? Хочешь дальше нас позорить?!

Запихиваю её в машину на заднее сиденье, сам рядом.

— Братишка, погуляй немного, — протягиваю водителю сложенные бабки.

Там его месячная зарплата.

Он выходит.

— Ну, куда ты сбежала? — тяну Сельванну к себе на колени.

Упирается, шипит, как кошечка.

— Отстань от меня Гроу! Я поддалась минутной слабости. Пьяная просто. Но уже всё! Протрезвела. И вижу, какой ты.

— Какой? — ловлю руками её лицо, вжимаюсь губами в её губки.

Мычит, лупит по плечам кулаками.

Больно...

— Моральный урод ты, Гроу! — выдыхает, когда отпускаю.

— Поехали ко мне, — не слышу её оскорблений.

У меня крыша едет, я завёлся от этой нашей игры в кошки-мышки. Если не будет разрядки, я сдохну.

— Ты совсем? — бьёт по щеке.

— Окей, давай к тебе. Невелика разница...

— Никуда я с тобой не поеду! — кричит в лицо.

— Что ты хочешь? — сжимаю за плечи и встряхиваю. Морщится от боли. — Я уже не знаю что сделать, чтобы ты поняла, что ты для меня — не очередное развлечение! Хочешь,

женюсь на тебе?!- удивленно распахивает глаза. — Прямо сейчас поедem и распишемся.

— Ночь...

— Посрать! Я всех подниму.

— Ёбнулся?

— Рядом с тобой — да! Мне тошно без тебя, Сэл, — прижимаю её к себе. — Я пытался забыть, уйти от всего. Не получается... Послушай мои песни, они все о тебе... — поглаживаю по голове.

— Алекс... — отстраняется после долгой молчаливой паузы.

Её взгляд холодный и безразличный.

Она обнулилась...

Снова ни капли чувств по отношению ко мне. Я согласен на ненависть, это хоть что-то, но вот этот лёд в глазах...

— У нас ничего не получится вместе, — ровным тоном. — Мы живём в разных странах.

— Я буду прилетать на выходных...

Этот циничный смех от неё полосует душу.

— Не ври себе. У нас нет времени друг на друга. Нам суждено быть одинокими, пока мы не решим со всем завязать. Наша карьера сжирает всё время, что у нас есть. Работа — наша вторая половина. Я не хочу тебя обманывать — отношения сейчас — это последнее о чём я думаю. Хочешь потрахать? Окей, поехали, потрахаемся. Но это всё!

Нет! Так я не хочу! С такой, как ты сейчас, тоже не хочу. Будто кукла...
Бесчувственно... Начинаю остывать.

— Обойдусь! — ухожу, хлопнув дверью.

Лос-Анджелес. Кузница звёзд. Моя первая поездка в Америку.

После холодной Москвы прилететь в почти лето. Как же это круто!

Оставив вещи в отеле, еду в прокат автомобилей. Но плюнув на большой выбор элитных машин, у которых под капотом по шестьсот лошадей, выбираю спортивный байк. Город стоит в пробках, как и все мегаполисы.

Погоняв по улицам, возвращаюсь в отель, завтра пробы, хочу быть свежей и выспавшейся. Отключаюсь сразу и до утра.

С трудом нашла студию, где проводят кастинг. Бесконечные закоулки в здании.

Стучусь в кабинет, номер которого мне сказал охранник:

— Здравствуйте! — открываю дверь.

В помещении два мужчины, один в возрасте, другой лет сорока, не больше.

— Здравствуйте! Я на пробы. Меня приглашали.

— Ваше имя? — копается в бумагах тот, что помоложе.

— Сельванна.

— Фамилия? — смотрит на меня с ожиданием.

— Просто Сельванна... — отвечаю ему.

— Ах, да! Мы вас ждём, — расплывается в улыбке пожилой и встаёт с кресла.

Всё как-то странно...

— Знаете, мы вас уже утвердили, — сообщает мне шокирующую новость. — Так что вторых проб не будет.

— Утвердили? Вот так просто? — удивляюсь.

— Вы же нам уже второй раз видео посылаете, мы отсмотрели и решили вас взять.

То есть они подняли старые записи? Интересно получается... Где подвох?

— Вы проходите, садитесь, — показывает мне на кресло напротив.

Я села.

— Меня зовут Майкл Эвинг — я режиссер, это Джеймс — мой ассистент, — показывает на мужчину младше. — Понимаете, мы планируем съёмку последнего сезона и нам для завершения нужна любовная линия с одним из главных героев, — объясняет мне. — Девушки у нас в сериале все, как на подбор красавицы. А вы одна из лучших. Да и Филипп вас рекомендовал... — сбалтывает лишнего.

Вот и тот самый подвох. Выходит, Торнхилл постарался. Не трудно догадаться — одна телекомпания сериалы снимает.

— Значит, Филипп... — недовольно натягиваю улыбку.

— Не волнуйтесь, он прислал нарезку сцен из своего сериала, нам понравилось. Я думаю, у нас вы тоже сможете неплохо реализоваться, — говорит Майкл.

Да, действительно, пошло всё к чёрту! Взяли — и радуйся!

— Хорошо...

— Сейчас идут съёмки последних серий девятого сезона. Вы как раз вовремя подъехали, с вами снимем одну маленькую финальную сцену, а в мае уже прилетите на полную работу, — поясняет Джеймс.

— Можете побыть несколько дней на площадке с нами, познакомиться с основным актерским составом, посмотреть за процессом, — предлагает режиссер.

— С удовольствием! — соглашаюсь я.

— Сегодня у нас ночная смена, а завтра в три часа можете подъехать на площадку. Джеймс, объяснишь куда.

— Без проблем! — машет головой ассистент.

* * *

По навигатору, нахожу место съёмок. Охрана на входе даёт указания куда идти, но я всё равно плутаю в бесконечных рядах павильонов. И как назло никто не знает, где нужный. Ориентируюсь по номерам, но они иногда не по порядку.

Замечаю двух парней с бумагами, которые переговариваются.

— Извините, не подскажете, где павильон 56В? — подхожу и спрашиваю у них. Они поворачиваются ко мне.

Капец! Это Дэн и Джед Риан, главные актеры сериала. С Гарнером мы пересекались в Лондоне, когда я устроила танцы в пробке. До сих пор, как вспомню его улыбку, так мурашки по коже. Такие сексуальные мужчины не на каждом углу встречаются.

— Вам прямо до конца, потом налево и он будет второй, — осматривает меня Джед и расплывается в улыбке.

Хорошо я сразу натянула кепку поглубже, так что лица разглядеть практически не возможно.

— Спасибо! — отправляюсь в указанном направлении.

— Это что за красotka, — доносится в спину.

— Без понятия...

Нахожу тот самый павильон, где проходят съёмки. Девушка, работница площадки, показывает, где найти режиссера.

— Сельванна, добрый день! — протягивает он мне руку. — Рад, что приехали. Как добрались?

— Пришлось поискать, — натянуто улыбаюсь в ответ.

— Это да... Но ничего, скоро будете нормально ориентироваться, привыкнете. Большая часть работы производится здесь, другая на натуре.

— Понятно.

— Я про вас пока никому не сказал, подождём пару дней, там и представлю. Поставь на место! — крикнул на кого-то из рабочих. — Извините, — смущённо обращается ко мне.

— Ничего, — хихикаю про себя.

Наблюдать за процессом создания фильма не менее увлекательно, чем самому быть в кадре. Режиссер должен улавливать не только игру актеров, но и следить за звуком и картинкой на экране. Малейшая ошибка, и новый дубль. А когда актеры в кадре раз за разом колятся или забывают фразы, то это прям подбешивает. Не удивительно, что Майкл всё время орёт.

Съёмочную группу распирает желание узнать, кто я и что здесь делаю. Столько предположений настроили, но большинство сошлись на том, что я буду новым ассистентом режиссера. Подержим ещё интригу.

В один момент осталась одна, и ко мне подсел Джед. Красивый высокий брюнет с нереальными глазами. Когда-то я была его поклонницей, после выхода одного фильма.

— Ты новая ассистентка Майкла?

Я молча неопределенно покачиваю головой.

— С такими данными и быть на побегушках?! Это же несправедливо, — завуалировано отвесил комплимент.

— Возможно... — пожимаю плечами.

— Ты почему не на площадке? До мотора пара минут, — прикрикивает на него режиссер.

— Майкл, может, найдешь для девушки маленькую роль? — кивает в мою сторону.

— Без тебя разберёмся, — садится Эвинг на свой стул.

Я улыбаюсь Джеду и развожу немного руки.

Дэн.

Джед все уши прожужжала о девушке, которая появилась сегодня на площадке. А у меня ощущение, что я её знаю. Точно где-то пересекались. Но где?

Я каждый день встречаю десятки и сотни девушек, многие хотят сфотографироваться или взять автограф, всех запомнить нереально.

Мои попытки вспомнить прерывает Джед:

— Все сходятся на мнении, что она новый ассистент Эвинга, Джейсон ведь в командировку уезжает. И имя узнал — Сельванна.

— Всё может быть, — надеваю костюм и поправляю галстук.

— Попросил Майкла дать ей маленькую роль, не должна такая красotka за кадром стоять. Обещал подумать... А я надеюсь на благодарность, — играет бровями.

— Джед, тебе всё неймётся? Когда ты утомнишься? Мало было скандала, когда тебя жена в прошлый раз с девицей застукала? — предостерегаю друга. Тот ещё ходок.

— Не все такие верные, как ты, и я в их числе. С природой, брат, не поспоришь.

— Ну, так разведись и гуляй, сколько влезет.

— Дэн, у меня двое детей, — напоминает мне.

— Я в курсе. Но хорошим это не закончится, поверь мне, — стою в дверях трейлера на выходе.

— А что я могу с собой поделатъ? — разводит он руками в бессилии.

Джед перехватывает Сельванну, когда мы пьём кофе в перерыве:

— Могу поздравить — я выбил для тебя роль в сериале.

Она фыркает носом, большие чёрные глаза смеются. Где-то я такие видел.

— Спасибо! — хочет пойти дальше, но Риан подхватывает её под руку.

Она смотрит на его руку, а в глазах недобрый блеск. Ей не понравилось. Я подумал, что она ему её одним движением сейчас заломит. Но не сделала, чем меня разочаровала, хотел бы я на это посмотреть.

— Как насчёт отблагодарить? — смотрит на неё, как кот на рыбу.

— Могу станцевать для тебя, — шепчет рядом с его ухом, приподнимаясь на цыпочках.

— И всё? — недовольно сводит брови Джед.

— Как хочешь... — поводит плечами. — Дважды я не предлагаю, — разворачивается и уходит.

Друг сердито дёргается. Меня разбирает смех. Давно его не отшивали. Похлопываю поддерживающе по плечу и возвращаюсь на площадку.

После смены едем вместе с Джедом домой на машине телекомпании. Я решил забить в поиске телефона имя девушки. Очень удивился, когда поиск мне выдал её. Прочитал то

немногое из её биографии, что есть в интернете. Но меня больше заинтересовали видео. Особенно парочка. Теперь я её узнаю. Это девчонка из пробки в Лондоне, которая танцевала на крыше машины. Тогда она меня сильно удивила. Эти глаза, как две черные дыры, поглощали, уводя в неизвестность.

Второе видео решаю показать Риану:

— Зря ты отказался от танца, — протягиваю ему телефон, где на экране на барной стойке танцует Сельванна соблазняющий танец.

— Fuck! — кидает мне в руки смартфон, после просмотра видео.

От злости аж кулаки сжал.

Меня давит смех.

В Америке задержаться пришлось ещё на неделю. Удачно записали дуэт с одним из всемирно известных певцов. А потом вернулись с Мишкой в Лондон.

Дни на календаре летели со скоростью света. Концерты, выступления в шоу, интервью, съёмки рекламы. Миша уговорил завести Тикток, а это тоже отнимает достаточно времени, я ж всё сама хочу делать и контролировать, даже соцсети веду лично, а не с помощью специально нанятых людей. Это моё пространство и никого я туда не пушу.

Неимоверно устав, я забредаю по дороге домой в паб. Решила принять пару стаканчиков виски, чтобы снять напряжение.

Людей в заведении было немного, поэтому в глаза сразу бросилась рыжая девчонка лет двадцати, которая сидела за угловым столиком. Периодически она отбивалась от приставаний одного из пьяных посетителей, который был не просто наглым, а охувшим. Цензурного слова я не смогла подобрать к ублюдку.

Девушка, схватив большую сумку, направилась к туалету, пристававший к ней скот шатающейся походкой следом.

Не лезь в это дело, — шепчет внутренний голос, но я его не слушаюсь.

И не жалею... Расплатившись за выпитый алкоголь, двигаюсь тоже в ту сторону.

Открыв дверь туалета, вижу, как эта мразь, прижав девушку к раковине и зажав одной рукой ей рот, второй лезет под юбку. К горлу подкатывает тошнота от омерзительной картины... Она безуспешно пытается от него отбиться.

Тихонько подхожу сзади, глаза девчонки округляются в молящем молчаливом крике помощи. Вложив в удар всю силу, прикладываю козла головой о зеркало над раковиной. Он стекает на пол без сознания вместе с осколками.

Рыжая испуганно таращит глаза, глядя на притихшее тело на полу. На его лбу порез, из которого сочится кровь.

— Твою мать! Ты его убила! — заговаривает по-русски.

Я прикасаюсь двумя пальцами к сонной артерии на шее. Пульс есть...

— Живой... Такие ублюдки живучие. Валим, пока кто-нибудь не пришёл, — утягиваю её из туалета на выход.

Мы быстрым шагом удаляемся от паба. Через несколько кварталов присаживаемся на скамейку перевести дыхание.

— Спасибо! — благодарит, тяжело дыша.

— Пожалуйста... — осматриваюсь по сторонам. Ощущение что нас преследуют всё ещё внутри. Но я ошибаюсь — никого нет. — Ты откуда? Русская?

— Нет, из Гомеля. Меня Алёна зовут.

— Я Сельванна, — шумно выдыхаю и откидываюсь на спинку скамейки.

— Да ладно! Та самая? — её глаза увеличиваются в два раза.

— А ты другую знаешь?

— Нет... Просто в жизни ты другая. Я даже не узнала...

— Ну, значит, богатой буду, — достаю телефон, чтобы вызвать такси. — Тебе куда? Я подвезу.

Алёна опускает глаза в землю, а я обращаю внимание на её большую сумку. Там точно вещи.

— Некуда мне... Я в отеле горничной работала, но из-за кризиса хозяин решил сократить штат. В общем, я как иностранка попала под пресс несправедливости. Жила там же. Теперь ни работы, ни жилья... — жалуется девушка.

— Понятно... Такси через пять минут будет. Переночуешь сегодня у меня. Завтра решим, что с тобой делать.

Кинув ключи на комод в прихожей, и стащив с себя куртку и кроссовки, прохожу в гостиную и плюхаюсь в кресло.

— Проходи, не топчись в дверях, — говорю Алёне, которая стоит за спиной.

Она ставит сумку на пуфик и робко садится на диван. Крутит вокруг головой:

— Хороший дом, но я думала у тебя особняк.

Я ухмыляюсь.

— Я здесь-то редко появляюсь, в основном, чтобы только переодеться и душ принять. Зачем мне особняк?! Он у меня в Москве. А тебя как сюда занесло?

— На заработки приехала. Дома-то работы нормальной не найти, чтоб хорошо платили, вот и... — ерзает на месте.

— А здесь миллионы платят? Хорошо там, где нас нет... Чёрт! Как же я устала, — медленно встаю из кресла. — Там в конце коридора ванна и туалет для гостей, — показываю Алёне. — Рядом спальня, можешь занимать. Постельное белье и одеяло в шкафу. А я в душ и спать. Устала, как собака...

— Спасибо! — кричит мне вдогонку девушка, когда я поднимаюсь по лестнице. У меня сил хватает только приподнять руку.

Миша.

Открываю дверь дома Сельванны своим ключом. На телефон не отвечает, сообщения не читает... Последнюю неделю — это норма, спит — пушкой не подыметь. Приходится приезжать и будить лично. У меня других же дел больше нет!

Из кухни доносятся звуки громыхания посудой. Отлично! Уже проснулась. Тогда какого хрена не отвечает?!

Но у плиты я застаю совершенно незнакомую девушку. Невысокая курносая с ярко-рыжими волосами, собранными в хвост, и невероятными зелёными глазами.

— Ты кто? — спрашиваю по-английски.

Кого ещё Сэл притащила к себе?

— Я Алёна, — отвечает тоже по-английски, но чувствую акцент. Да и имя русское.

— Что ты здесь делаешь? — перехожу на родной.

— Фух! — выдыхает она шумно. — Как хорошо, что вы русский. Я на английском плохо говорю.

— Что ты тут делаешь? — повторяю свой вопрос.

— Завтрак готовлю, — кивает в сторону плиты.

— Это я вижу. Как ты здесь оказалась и где Сэл?

— Мы вчера с ней в пабе познакомились. Она спит ещё... — отвечает девушка.

— Она что напилась вчера? — направляюсь в сторону лестницы, чтобы поднять эту заразу.

— Нет, — семенит за мной девушка. — Она мне вчера от мужика, который ко мне приставал, помогла избавиться. Так ловко его головой об зеркало долбанула! — с какой-то детской радостью рассказывает Алёна.

— Что она сделала? — останавливаюсь на середине лестницы и спускаюсь обратно

вниз. — Головой долбанула? Fuck! — ругаюсь.

И снова возвращаюсь на лестницу, перепрыгивая через ступеньку, залетаю на второй этаж. Сэл заспанная встречает в дверях своей спальни.

— Что ты с утра пораньше орёшь? — делает мне замечание, направляясь в ванную.

— Ты мужика какого-то в пабе избила! По-твоему это нормально? А если там камеры? Проблем с полицией хочешь? Журналисты нас сожрут! Я только от твоей выходки в Москве оправился. Столько проблем было. Если бы вовремя не прислали ссылку на тот стрим, то ты бы стала звездой порно! — взрываюсь я.

Она спокойно стоит в дверях санузла и ухмыляется.

— Если бы там вызвали полицию, то здесь бы на меня орал не ты, а какой-нибудь инспектор. Так что Миш, угомони свой пыл... Узбогойся! — вытягивает ладонь вперёд и хихикает, закрывает перед моим носом дверь.

Сжимаю от злости кулаки и ударяю правой рукой в стену. Разворачиваюсь, чтобы спуститься вниз и узнать у девчонки название паба и пробить ситуацию, а натыкаюсь прямо на неё за своей спиной. От неожиданности подхватываю её за талию. Она смотрит на меня широко открытыми глазами, приоткрыв губы. Я уставился на них. Она смущённо покраснела и забегала глазками.

— Название паба помнишь? — мой голос отдаёт хрипотцой.

— Нет. Я не присматривалась. Зашла в первый попавшийся выпить кофе.

— Понятно, — выдыхаю.

— Может Сельванна помнит, она такси вызывала на адрес поблизости.

Мы возвращаемся на кухню. Я смотрю на сковородку, в которой омлет.

— Можешь выбросить, она такое не ест.

— Я не знала... — расстраивается девушка. — А что приготовить? Хотелось хотя бы завтраком отблагодарить за гостеприимство.

— Кофе и тосты с сыром. Она сыр любит. Любой.

Сельванна.

— Смотрю, вы уже познакомились, — захожу на свою кухню, где за столом завтракают Миша и Алёна.

В голове проносится мысль, что они мило смотрятся вместе. Тем более Мишке всегда рыжие нравились.

— Да, — хором.

— Паб помнишь, в котором были? — накидывается на меня друг.

— Дикий кабан, кажется, — наливаю себе большую кружку кофе с молоком.

Миша выходит из кухни и приходит минут через десять.

— Никаких вызовов в полицию из этого паба не было, — кладет телефон на стол.

— А я тебе говорила. Они бы за мной ещё ночью пришли... Мудак, наверное, очухался и подумал, что сам башкой пьяный долбанулся. Он на ногах не стоял. А всё туда же, — вспоминаю, как он лапал Алёнку.

— И что нам теперь делать? — смотрит Фалькон на нас по очереди.

— Поживёт пока у меня, по дому помогать будет. А там посмотрим. У тебя виза американская есть? — спрашиваю у девушки.

— Нет...

— Плохо. Мы через месяц улетаем в Америку на три месяца, взяли бы с собой. А так останешься здесь. Работу же мы ей найдем? — надавливаю взглядом на Мишку.

- Поищем что-нибудь... Без образования и хорошего знания языка будет сложно, но...
— Пойдет на курсы, — перебиваю его.

* * *

Через пару недель я застала этих двух голубков целующимися в моей гостиной. Разбежались по углам при виде меня, как тараканы при свете.

— Продолжайте, я чайку возьму и пойду, — смущаюсь, что помешала. — Хотя у кого-то личная жизнь есть...

Саунд: Natan- Покажи мне любовь

— Нам нужны неоспоримые улики, чтобы засадить Ньюта в тюрьму, — говорит Рэй, отходя от окна.

— Ты уверен, что он виноват? — смотрю на него, на лице сомнение.

— Уверен. Но это надо доказать... Нужно копать. Искать — где и что мы упустили.

— Значит, найдём... — медленно подхожу к нему и провожу руками по груди к галстуку, развязываю его.

Он наклоняется и целует меня. Потом губы устремляются к шее, а руки теснее прижимают к себе. Расстегивает блузку и целует мою грудь поверх кружевного бюстгалтера. Я откидываю голову назад и жадно хватаю воздух.

Усаживает на стол и, подхватив большими пальцами, край юбки, задирает её. Притягивает меня к себе, так что чувствую его желание. Соблазнительно улыбаюсь и целую в губы, прикусываю нижнюю, оттягивая немного. Руками расстёгиваю пуговицы на его рубашке и глажу по мощному накаченному торсу. Он захватывает мою шею, плечи, покрывает их поцелуями. Дыхание тяжёлое и прерывистое, от удовольствия выгибаюсь назад, как кошка. Он стаскивает с меня трусики.

— Стоп камера! — раздаётся громкий голос Майкла.

Мы с Дэном, на секунду задержавшись, отстраняемся друг от друга. Запахиваю блузу, одергиваю юбку и отхожу в сторону.

— Отличный дубль! — хвалит режиссер. — Сразу нельзя так было?

«Нельзя!»- проносится в моей голове. Я от близости Дэна теряюсь. Чёрт!

В первых моих съёмках не было интимных сцен, а тут их полно. И я немного тушуюсь. Непривычно... Это же нужно сыграть так, чтобы зритель поверил в страсть между героями. А я подобное только глазами отыграть могу.

А ещё у меня проблема с Дэном. Неравнодушен... Пару раз он не сразу остановился после слова "стоп". Хотя мне это могло только показаться. Он женат и все говорят, как он безумно любит свою жену, которая ему двух детей родила.

Окольцованные меня никогда не интересовали даже как вид. Зачем лишние траблы. От жен всё равно не уходят. Например, такие как Джед. Жена, двое детей и куча девиц на одну ночь. Девочки гримеры рассказывали, как его супруга одну такую поклонницу за волосы таскала.

— У кого-нибудь есть контакты заказа хороших и вкусных суши? — шарю в интернете в поисках необходимого контакта.

Миша улетел в Нью-Йорк, на какую-то встречу для рекламной кампании, у него все телефоны, он всегда и всем занимается.

Собрались после смены, как обычно, в одном трейлере поболтать, прогнать все косяки, отрепетировать новые сцены на завтра.

— У меня есть, — хитро улыбается Джед.

— Скинь. Я на всех закажу...

— Я пас! — отказывается Дэн. — У меня ещё дела, — забирает сумку и уходит.

— Дела у него... Номер скинешь? — наезжаю на Джеда.

— Уже...

— Отлично. Тебе какие?

Через полчаса курьер привез еду.

— Саке не хватает, — с досадой произносит Джед.

— Саке нет, есть шотландский скотч.

— Тоже неплохо. Доставай! — командует Риан.

Ужинаем мы вдвоём. Часть группы снимает какие-то эпизоды, остальные разъехались по домам и отелям.

Пропустив по паре-тройке стаканов, становится весело. Джед развлекает байками о съёмках, показывает смешные видео с бэкстейджа. Смеёмся от души. Пока он не вспоминает моё старое предложение:

— Помнишь, ты предлагала мне танец?

— Ну, ты и вспомнил. Когда это было?! Да и отказался ты, а я предупреждала — дважды не предлагаю, — прыскаю от смеха.

— Раскаиваюсь, был не прав... Я же не знал что ты профессиональная танцовщица. Я до сих пор твой танец на барной стойке время от времени прокручиваю.

— Не напоминай! — в памяти всплывает тот вечер и ночь с Роном.

Внутри неприятно сдавливают от воспоминаний.

Последние месяцы я почти о нём ничего не знаю. Мы не общались и не пересекались. Встретимся только, когда вернусь из Америки. Нужно будет сделать дубляж сериала. Потом будет съёмка второго сезона и поездка в Египет, где пробудем около недели.

Только сердце уже не так часто стучит с замиранием при мыслях о нём. Скорее о другом. Об Алексее...

Наша ночь в его квартире каким-то образом круто всё перевернула во мне. Я его обидела своими словами на вечеринке, но это голая правда. Не судьба... Но, сука, что-то во мне сломалось после отпуска. Я всё чаще начинаю думать об Алексее.

Работа заглушает чувства. Пока ты в процессе — живёшь, стоит остановиться — мозг предательски возвращает в прошлое, заставляет вспоминать и переживать каждое мгновение рядом с ним. Хочется стукнуться головой и чтобы амнезия на всю жизнь. Вырвать, удалить, стереть, разорвать всё, но не выходит.

Что за хрень со мной творится? Я не понимаю. Опять идти к мозгоправу и находить ниточки, которые приведут к тому, кто дороже? А оно мне надо?! Мне с ним не по пути. Жить от встречи до встречи — не хочу!

Я даже забыть ни с кем не могу. До сих пор тяжёлый осадок после ночи с Грэгом. И пусть ничего не было, но как-то сама себе противна. Возможно, нужно просто переступить через себя, послать всё и вся нахрен и жить в своё удовольствие. Но не получается.

До Рона у меня никогда не было мук совести. Жила и думала — так правильно. Были свои правила и желания. И я следовала им. А он что-то сломал во мне и не починишь.

А до Алекса мне никогда не было стыдно за мои поступки. Сейчас я сильно загоняюсь из-за того, что могу оступиться и опорочить себя. Прячусь, как улитка в своей раковине, чтобы не оправдываться.

Точно загоняюсь... Пора перестать этим заниматься...

Да пошло всё!

Стребаю со стола коробки, Джед успевает схватить только бутылку виски и стаканы. Беру телефон и включаю музыку, залезаю на стол.

Движения плавные, качаю бёдрами, как в танце живота. Наслаждаюсь, как смотрит на

меня парень, заводится с пол-оборота. Через минуту в его глазах в такт со мной пляшут черти, не удивительно, что он такой любвеобильный. Добавляю огня, томно прикрывая глазки, покусывая и облизывая губы. Эта игра забавляет.

Джед смотрит, не отрываясь, на мой соблазняющий танец. Наливает виски в стакан и выпивает залпом, его руки немного дрожат. Я присаживаюсь на стол, танцует уже верх тела, запускаю руки в распущенные волосы и опять язычком по губам.

Танец пламени на ветру, а не моего тела. Страстные, обжигающие...

Джед срывается с места, хватает за ногу и подтаскивает к себе, наваливаясь всем телом. Губы впиваются в мои поцелуем, а руки гуляют по бёдрам.

Дэн

— Только не говори, что вы переспали? — неприятное чувство прокрадывается внутрь.

— Нет. Она меня оттолкнула... Сказала, не связывается с женатыми, — злобно смахивает со стола листы бумаги.

Закусило мужика. Он не привык к отказам. Увы, но его не исправить. Блядство в его крови. Ни семья, никто другой его не остановит. Он без тормозов.

А у меня камень с души падает. Отшила — это звучит как мёд для ушей...

Я гоню от себя эти мысли, но Сэл меня притягивает. Каждая интимная сцена на площадке, как ножом по сердцу. У меня сны потом с продолжением. Как же иногда некоторые женщины умеют влезть к нам в головы и хозяйничать там, будить самые нескромные фантазии.

Но я верный.

Для меня брачные слова — не пустые фразы. Я поклялся. И я их исполняю. Гвен рядом со мной уже десять лет, у нас двое детей — сын и дочь. Полное доверие было до сих пор, мог рассказать ей всё. А сейчас тайны... Потому что сердце с замиранием стучит по другой. Убеждаю себя, что это просто гормоны, химия и всё такое. Слабые оправдания...

Я никому не могу в этом признаться. Даже себе. Просто ловлю каждое движение Сэл, каждое её слово. Мне нравится её акцент, протяжный с хрипотцой голос. Он засел в голове. Если присылает голосовое сообщение, то слушаю по несколько раз, не понимая, что говорит, просто нравится, как звучит.

С этим нужно как-то бороться. Ещё месяц рядом с ней и я превращусь в Джэда. Хорошо, что сцен с поцелуями и прочим больше не будет. Но один взгляд в её глаза опускает меня в бездну.

Выброси её из головы! У тебя любимая жена, обожаемые дети. Семья!

— Гвен сегодня приезжает? — возвращает меня в реальность Джед.

— Да... Приедет с малышами на площадку к вечеру.

— У кого-то теперь будут веселые ночки, — играет бровями.

— Она же не для этого приедет. Соскучились... Я уже два месяца дома не был.

Живу не в Лос-Анджелесе, в Хьюстоне. Джед из Сан-Франциско. Но это рядом, а мои полстраны летят, чтобы встретиться. С двухгодовалой Иден это непросто, гиперактивный ребенок, Том в её возрасте был полной противоположностью — сидел и кубики собирал.

Они сейчас нужны, как никогда. Чтобы отвлечь, погрузить в другие заботы, почувствовать, что семья важнее каких-то мимолётных сексуальных увлечений.

Сельванна.

В бесконечных коридорах павильонов натыкаюсь на мальчика лет пяти. Стоит, крутится по сторонам и не знает куда идти. В больших карих глазах застыли страх и слезы. Но ни одну слезинку всё же не проронил. Мужественно терпит и не теряет надежды найти выход.

Мальчишка смутно кого-то напоминает.

Присаживаюсь возле него на корточки:

— Привет, малыш! Откуда ты здесь?

Возможно, ребенок где-то снимается и ушел с площадки. Мы здесь не одни снимаем.

— Я с мамой к папе приехал и потерялся, — шмыгает носом и проводит по нему рукой.

— Как тебя зовут?

— Том...

— А лет тебе сколько?

— Шесть...

В голову ударяет кровь.

Шесть...

Успокойся!

Ты на всех шестилеток так теперь реагировать будешь? Мало ли тебе что сказала какая-то ненормальная гадалка! У неё с головой не всё в порядке. Такую легенду сочинила.

— Такой большой мальчик, а плачешь, — вытираю ему выступившие всё-таки из глаз слезы.

Обнимаю Тома и поглаживаю по голове.

— Не волнуйся, найдём мы твою маму. Хорошо? — улыбаюсь ему.

— Угу, — слабая улыбка в ответ.

Беру его за руку и веду за собой. Надо вывести испуганного ребенка из лабиринта, а там уже родителей отыщем.

— Маму и папу твоих как зовут? — смотрю на него сверху вниз.

Том успокоился и даже заулыбался.

— Гвендалин и Деннис, — отвечает на мой вопрос, потом достает из кармана конфету и протягивает мне. — Хотите?

— Нет, спасибо! Сам ешь, — отказываюсь от лакомства, прикидывая в голове, кто могут быть его родители.

Женщины с таким именем у нас точно нет.

— А папа любит, — делится ребенок.

Деннис? Любит сладкое?

Чёрт! Как я сразу не догадалась. Дэн!

Конечно! Он вечно шоколадные батончики и конфеты с собой носит. Сладкоежка. Потом сгоняет всё это в зале. Полным именем его никто никогда не называет. Просто Дэн. Приглядываюсь к мальчику.

Ну, точно! Те же черты, цвет волос, только цвет глаз темнее. Красивым парнем вырастет.

Где искать родителей теперь ясно. А они как раз идут нам навстречу, в поисках сына. Дэн держит на руках маленькую девочку в милом розовом платье с большим бантом.

— Куда ты пропал, Том?!- дёргает к себе за руку мальчика женщина. Глаза мечут гром и молнии. — Я же попросила никуда не отходить.

— Мам, я побежал за собачкой и потерялся, а тётя меня нашла, — опять виден страх в глазах ребенка.

Он боится матери?

— Какой ещё собачкой? — раздражается Гвен.

— Это, наверное, собака Майкла... Он её иногда с собой на площадку привозит, — отвечает за сына Дэн. — Сэл, спасибо!

— Не за что... — пожимаю плечами.

А сама слежу за его женой. Дерганная какая-то... Стрессует.

Её можно понять — муж вечно на работе, месяцами дома не бывает, но это не причина кошмарить детей. Да и Дэн нормально зарабатывает, можно целый штат нянек нанять, а

самой заниматься чем-нибудь более приятным для себя. У неё вроде бизнес какой-то имеется.

На меня она тоже недоброжелательно смотрит. Женщины на подсознательном уровне чувствуют соперничество. Но пойти против этих двух очаровательных ангелочков, я бы даже при огромном желании не смогла.

Детки как с картинки. Не удивительно — родители красивые. У Гвен явно присутствуют латиноамериканские корни. Яркая брюнетка со смуглой кожей и темно-кариими глазами, сын их наследовал.

Ох, держите семеро, когда эти детишки вырастут!

— Я, пожалуй, пойду, — натягиваю улыбку. — А ты больше не теряйся, — обращаюсь к Тому.

Он энергично качает головой в знак согласия и прижимается к ногам отца. Тот теребит его по волосам, но мальчишка убирает голову в сторону.

Завернув за угол, чувствую в кармане вибрацию телефона. Звук пользоваться нельзя, отвлекает от работы. И так за вибрации получаем хорошие нагоняи.

Вынимаю и вижу на экране, что звонок от контакта «Squirt». Когда-то его так записала, так и висит в книжке.

Фак! Тебе-то что надо? Вот так позволишь себе пару раз слабость, и потом это будет тебя преследовать постоянно. Нервы натягиваются, как струны, а сердце ускоряется до галопа.

Сдвигаю на экране зелёную кнопку:

— Слушаю!

— Что тебе? — голос резкий от раздражения.

— А что не ласково-то так? — произносит на том конце Алекс. — Во-первых, здравствуйте!

— И тебе не хворать! Что тебе? — повторяюсь.

— Фу, как грубо! И это после того, что между нами было, — смеется нахал.

— Не напоминай, как вспоминаю — вздрагиваю!

— А мне понравилось, — мурлыкает, как похотливый котяра.

— Что тебе нужно? Или я бросаю трубку, — начинает выводить из себя в очередной раз.

— Ладно-ладно. Я в ЛЭ с концертом, хотел тебя пригласить, — говорит вполне серьезно.

— Не могу и не хочу. У меня работа... Это ты можешь от неё косить, а у нас штрафы, — отказываюсь.

— Говорит девушка с девятью нулями, — подкалывает меня.

— Потому и девять нулей, а не шесть, как у тебя, — подколочка в ответ.

— Давай хотя бы поужинаем? — игриво.

— У меня рядом с тобой аппетит пропадает!

— Ну, пожалуйста... Обещаю быть пайнкой, — чуть ли не скулит.

— Слабо верится. Мы ж не можем спокойно находиться рядом. Особенно после последней встречи.

— Видишь — я тебя завожу, — отпускает пошлую шуточку.

— Пошел ты!

— Ну, не сердись, кисуля, — опять урчание в трубке. — Я соскучился, а ты так грубо отшиваешь.

— Кому ты лапшу на уши вешаешь? Соскучился он! Другой это втирай, может она и расстелится ковриком. Столько времени молчал и тут нате — нарисовался — хрен сотрёшь!

— Я другую не хочу, я тебя хочу, — наглеет парнишка.

— Мои соцсети открыты, фотографий там предостаточно. Крем курьером прислать или сам купишь? А то вдруг нулей не хватит.

— Мне твоими ручками понравилось. Так что?

Я в бешенстве сжимаю в руках телефон и делаю злую гримасу.

— Я освобожусь в десять, — смиряюсь с тем, что вечер проведу в компании этого придурка, и чем он закончится — одному богу известно.

— Я скину адрес ресторана.

Отключается, а через полминуты приходит сообщение с координатами встречи. Мишленовский ресторан. Надо по дороге будет бургер съесть, а то уйду голодной.

* * *

Алекс сидит за столиком, развалившись в кресле, и листает в телефоне ленту. Когда подхожу — убирает его в сторону. Оценивающий взгляд на меня:

— А где вечернее платье, туфли, бриллианты?

— Перебьешься. Я с работы, — осаживаю его.

Вид у меня действительно не вечерний: джинсы, длинная футболка с большой горловиной, которая сползла на бок и открыла одно плечо, а низ наполовину заправлен за пояс, на ногах кроссовки. Волосы заплела в косу. Выгляжу — вышла в магазин за хлебушком. Ещё и рюкзак ко всему прочему.

Подошедший официант отодвигает мой стул, чтобы я села и подаёт нам меню. Я была в этом ресторане, размер блюда здесь, как будто ты птичка колибри.

Гроу не сводит глаз. Так и буравит глазами, особенно моё оголённое плечо, только что не облизывается.

— Что? — зыркаю на него.

— Ничего... — смущается вдруг.

— Не было у меня времени переодеться, — зачем-то оправдываюсь перед ним.

— Не парься и так неплохо. Тебе всё идёт.

— Слушай, — захопываю меню. — Я знаю, как здесь кормят. А я голодна... Целый день на работе на кофе. Может, свалим отсюда и купим какие-нибудь бургеры или тако?

— Ты серьезно? — вскидывает брови.

— Серьёзней не бывает!

— Моя девочка, — произносит и встаёт, хватая за запястье и тянет на выход.

Я только успеваю рюкзак схватить на ходу.

На улице осматривается по сторонам, выбирает куда идти и тащит за собой, не выпуская мою руку. Дергать бессмысленно — держит крепко.

Мы дошли до ближайшего круглосуточного фудтрака и купили по большому тако с курицей и сыром, воду.

Сели тут же недалеко на ограждение вдоль дорожки, ведущей к пляжу.

— Ты меня проверял? — прищуриваюсь, глядя на него.

— Угу, — уплетает свой фастфуд. — Было интересно, как ты отреагируешь.

— Я могла бы половину меню в том ресторане заказать, твоя карточка потянула бы такие траты?

— Похудела бы, но выдержала, — смеётся.

— Я не люблю всё это. Не поверишь — скажешь, выросла в богатой семье и привыкла к такому. Так вот нет! — откусываю небольшой кусочек.

— Узнаю себя. Меня когда из дома выгнали, я черти чем питался. Гастрит заработал, — смотрит на меня, потом протягивает руку и вытирает с моей губы соус.

Его голубые глаза не отрываются от моих губ. Становится неловко. В памяти всплывают наши страстные поцелуи, и меня жаркой волной обваривает между ног.

Да нет! Не может так быть!

— Как прошел концерт? — возвращаю нас на землю, отгоняя от себя идиотские мысли.

— Отлично. Солд-аут. Ещё один в Вегасе и можно отдохнуть.

— Везёт... У меня отпуск только в конце декабря, — вздыхаю.

— В декабре у нас самая горячая пора. Думаю, ты знаешь — артисты в праздники пашут на весь год вперёд.

— Хорошо здесь Рождество важнее, так что можно на неделю раньше освободиться.

— Это точно, — вытирает салфеткой рот, сминая и с первого раза попадает в мусорку.

— Не хило, — улыбаюсь.

— Ещё бы! Баскетбольное прошлое. Если бы не травма, то играл бы уже в НБА.

— Раскатал губу! — толкаю его плечо.

Мы смеёмся.

И я вдруг понимаю, что когда мы наедине, то разговариваем спокойно и откровенно, но стоит рядом появиться хоть одной живой душе, то меня кидает в неадекват.

Так-с, проблема понята, а это означает, что я на полпути к её исправлению. Нужно просто сдерживаться и не срыватьсь. Похоже, я боюсь публичных проявлений настоящих чувств. Алексу по барабану, что о нас подумают, а мне кажется — все решат, что мы близки.

С Роном я этого не пугалась. А почему?

А без понятия...

Мы прогуливаемся по дорожке вдоль линии океана. Молча. Каждый только загадочно улыбается своим мыслям.

Алекс пальцем с осторожностью задевает мою ладонь, потом двумя, берёт за руку.

С каких пор ты такой скромный? — немой вопрос в моих глазах.

Но не отдёргиваю руку. Он такой счастливый сейчас, что я не могу его разочаровать.

Да и нравится мне, что греха таить.

Я тут недавно застучала себя на мысли, что скучаю по его поцелуям.

Интересно, если я его сейчас сама поцелую, он сильно удивится?

Даже не вздумай! — орёт на меня внутренний голос.

Он только этого и ждёт!

Я же тоже жду, хоть и не признаюсь в этом. Всегда ждала...

Мы доходим до площадки, где выступают уличные танцоры. Отжигают хип-хоп. Вокруг собралась толпа зевак.

Мы протискиваемся вперёд, Алекс прижимает к себе спереди. Улыбаясь, приподнимаю голову, чтобы посмотреть на него. Он чмокает меня в кончик носа.

Опускаю глаза, по мне растекается какое-то спокойствие и блаженство. Я такого никогда не чувствовала. Что-то новенькое... Меня кроет от подобных ощущений.

Беру руку Алекса и кладу себе на живот. Хочу почувствовать его тепло, которое передаётся мне. Он прижимается губами к моей макушке, горячим дыханием запуская миллионы мурашек по моей коже.

И вот мы вроде в толпе, но словно никого нет и мы наедине. Не бесим друг друга, а обнимаемся.

Надо запомнить это состояние и включать в других ситуациях.

У Алекса звонит телефон.

— Да, — отрывается взгляд от танцоров и отвечает.

Ну, чтоб вас там всех метеором накрыло!

Тема: Luan Santana- Acordando o Predio

— Да? — отвечает на звонок Алекс.

— ...

— Где? — смотрит на меня, натягивая в улыбке сжатые губы, и шоркает ногой по земле.

— ...

— Да, я знаю, где это. Скоро буду. БУДЕМ, — поправляется.

Отключается и засовывает телефон в карман брюк.

— Что значит — будем? — смотрю на него строго.

— Это значит — ты едешь со мной.

— Почему ты за меня решаешь? Уже поздно, мне пора домой. Завтра на работу, — я вру, у меня выходной.

Просто возмущает его уверенность и желание мной командовать. Он и так каким-то образом каждый раз добивается своего, когда я против.

— Никаких домой! Мы едем вместе. Ребята из моей команды сейчас в баре «Латино» зависают, зовут к себе. — Я хмурюсь. — Ну, брось! Выпьем, потанцуем какую-нибудь румбу. Или что там у них... — поправляет мне выбившийся из косы локон.

А потом легко проводит пальцем от уха до шеи.

— Я не пью! — вспоминаю прошлый вечер с Джедом.

— Я тоже не хочу. Просто за компанию посидим, они уже точно бухие.

— Ладно, — даю согласие.

Вот опять!

— Отлично! — достает телефон и вызывает такси.

— Ты неплохо говоришь по-английски, — опираюсь спиной о столб, в ожидании машины у дороги.

Алекс стоит в метре от меня.

— Мать настояла, чтобы учил. Сказала — в жизни пригодится. Вот пригодилось, такси вызвал, — широко улыбается.

— А меня четыре языка учить заставили...

— И каково это — быть полиглотом?

— Я не полиглот, но было трудно только в самом начале. Потом я начала видеть связь между языками, повторяющие слова с одним и тем же значением и стало намного проще. В начале только произношения пугала.

— Твои родители были изверги. Прости... Но у тебя детство вообще было?

— Не было. Я училась.

— Мрак! Наше такси, — кивает в сторону подъезжающей машины.

* * *

Большой бар полон подвыпивших посетителей. У барной стойки рекой льётся текила и ром. Девушки посасывают из трубочек разноцветные коктейли. Официантки в коротких юбках и топах ловко ходят между столами с полными подносами. Мексиканская кухня, всё с

острым перчиком. Горячее, как само латино. Его пары танцуют на танцполе.

Всегда обожала именно латиноамериканские танцы в бальных. Это как секс на паркете. Объятыя, прикосновения, откровенные наряды, в которых порой чувствуешь себя практически голой... Но это так заводит. У нас были уроки, как соблазнить мужчину танцем. Неофициально, конечно, но преподаватель рассказывала, как смотреть, куда прикасаться, без интимных мест. Повернуться, присесть, поправить одежду или волосы. Мужчины на всё это реагируют, как быки на красную тряпку. У истинных латиноамериканских женщин это в крови, передается с молоком матери. Нашим дано сразу только избранным, остальным приходится учиться.

Алекс снова берёт за руку и ведёт за собой к столику с шумной компанией. Попытки выдернуть ладонь бесполезны — он свою сжал максимально, у меня аж пальцы захрустели.

— Мне больно, — объясняю ему, упираясь в его спину второй рукой.

Он немного ослабляет хватку, но не выпускает.

— Теперь понятно, куда ты так быстро уехал после концерта, — говорит мужчина, тридцати с небольшим лет на вид, Алексу.

Его я единственного не знаю. С остальными пересекались на трибьюте дяди Вовы. Шесть танцоров, менеджер Ксения и звукарь, его имя я не запомнила.

— Сэл, это мой директор — Иван, — представляет нас.

— Приятно познакомиться, — кивает он.

— Вы не слишком разошлись? — бросает Алекс взгляд на накрытый стол с несколькими бутылками текилы.

— Ой, папочка вернулся, — стебётся одна из танцовщиц. Инга её зовут. — Сейчас всех накажет, — складывает губки бантиком.

— Поздно уже наказывать... — подпихивает ребят, чтобы подвинулись.

Садится и хлопает возле себя рукой по дивану, приглашая меня сесть. Тесно... Нам придется сидеть, прижавшись, друг к другу.

Чёрт с ним! Сажусь. Он кладет руку сзади на спинку диванчика.

— Не дергайся ты, — шепчет на ухо так, чтобы никто не слышал, почти касаясь губами мочки.

Горячее дыхание вновь вызывает волну мурашек и странное чувство внутри, словно дохлая бабочка ожила и разгоняет кровь по венам взмахами крыльев.

Обожаю русский менталитет, вот в чьей компании можно реально расслабиться. Понятные всем шутки и приколы, отдающие порой пошлятиной, вызывающие не просто смех, а ржач. Я по этому часто скучаю за границей.

Сначала Алекс на протяжении вечера сидел и накручивал на палец мой локон, пока не получил по рукам, потому что с бегаящими мурашками уже невозможно было справляться. Но он нашёл другую забаву — потихоньку расплетал косу, сняв с неё резинку.

— Что ты делаешь? — недовольно гляжу на него.

— Мне нравится, когда твои волосы не заплетены.

— Ты про личное пространство что-нибудь слышал? Убери руки!

Но он уже расплел, подсовывает ладонь под хвост и расправляет его, волосы струятся вниз волной.

— Так лучше, — смотрит, улыбаясь, в мои глаза.

И мне опять хочется его придушить.

— Ты невыносим!

— Привыкнешь, — касается кончика моего носа.

— С чего бы это? — открываю от удивления рот.

— Признайся — между нами магнит. Мы это проверяли...

— Мы уже об этом говорили. Мы однополярные, — язвлю я.

— Нет, неодимовые.

Вот самоуверенность у человека.

Надо отпустить это бесячее состояние, снова проникнуться в него, как на побережье.

Нельзя так вечно!

— Пойдём, потанцуем, — протягивает руку в приглашении.

— С тобой? Латино?

— Можешь вон с тем старичком, который на тебя битый час слюни пускает, — указывает на пожилого мексиканца за столиком.

Алекс тянет за руку.

— Я в кроссовках, такие танцы надо в туфлях танцевать, — придумываю отмазку.

Латино же близко танцуют, можно сказать, щека к щеке, а меня что-то сегодня от него накрывает.

— Я уверен — ты справишься. Идём, — подхватывает за талию и ведёт к танцующим парам.

Гроу раскручивает меня в танце, искусно меняя руки и переставляя ноги. Даже двигается как заправский танцор латиноамериканских. Не забывает время от времени прикоснуться шеи и плеч, это создаёт энергию страсти.

Я шокирована. Ты так можешь?!

Вокруг нас образуется свободный круг, танцующие освобождают нам место и просто наблюдают, хлопая в такт музыке.

Алекс подхватывает меня и перекидывает вокруг себя. Оу! Мои волосы взлетают и накрывают нас с головой. Он пользуется этим и легонько касается моих губ своими.

Неисправим!

Захотелось влепить пощёчину по наглой морде. Но нас учили — никогда не прерывать танец в неловких ситуациях, а искать пути выйти из них, поэтому мы кружимся дальше.

— Никогда больше так не делай! — тыкаю ему пальцем в грудь, когда уходим с танцпола.

— Не танцевать с тобой? — смеётся, делая вид, что не понимает о чём речь.

— Не целуй на людях!

— Не могу... Я с трудом сдерживаюсь. Никак не забыть твои сладкие пухлые губки.

— Если хочешь, чтобы мы нормально общались — забудь, — бросаю на него злой взгляд.

— Хорошо-хорошо, — со смехом поднимает примирительно руки. — Подожду, когда останемся тет-а-тет. Тогда ты точно не отвертишься.

От его слов моё сердце вспархивает с места и застрекает в горле. Я так чувствую тот бешеный ритм, в котором оно бьётся.

После бара в такси прижимаюсь к Алексу, впитывая тепло его тела. Он обнимает рукой за плечи. Мои глаза сонно моргают, а пальчик выводит узоры на его груди.

— Гроу...

— Умм... — тоже сонно.

— А ты классный... Спасибо за вечер.

— Обращайся, — приподнимает моё лицо за подбородок и легко чмокает в губы.
— И вкусный... — отъезжаю к Морфею.

Просыпаюсь в незнакомой обстановке. Как это знакомо. Снова закрываю глаза. Под рукой и щекой чувствую тепло и стук бьющегося сердца. Подбородок упирается в мою голову. И знакомый запах туалетной воды.

Ну, нет! Опять! Как в этот раз то угораздило? В гостиничном номере. Не мой. Мы с Мишкой живем в квартире, ненавижу надолго селиться в отелях.

Пытаюсь отстраниться, но Алекс одной рукой притягивает к себе, а второй кладет мою голову обратно себе на грудь. Даже глаза не открыл. Только утыкается носом в мою макушку, глубоко вдыхает.

Тело затекло, при попытке пошевелиться, он только сильнее прижимает к себе. Щёлкаю у его уха пальцами, но никакой реакции.

Да не можешь ты так крепко спать!

Ага, а как ты тут оказалась? Тоже не помнишь, значит, спала.

Обречённо вздыхаю, ёрзаю, чтобы устроиться поудобнее и закрываю глаза. Снова накрывает сон.

Кто-то поправляет мои волосы и нежно целует в закрытые веки и нос.

Fuck!

Резко открываю глаза и поднимаюсь. Меня никто не держит больше. Алекс лежит рядом, положив одну руку под голову, и улыбается.

— Всё-таки ты соня, — делает замечание.

— Это я соня? — потираю кулачками глаза. — Это ты спишь, как сурок. Я пыталась тебя разбудить, — сажусь на колени в кровати.

— Заметно... — смеётся. — Я твою бесчувственную тушку ночью с трудом до номера дотащил. Ты в такси отрубилась.

— Почему домой не отвез?

— Куда? Ты адрес не сказала, сразу отключилась. Мы же не пили, а тебя так размазало.

— Я устала, — надуваю губы. — У меня работа по восемнадцать-двадцать часов в день.

— Понимаю. У меня и двадцать четыре бывает, — приподнимается и поправляет мои волосы, закрывающие лицо.

Смотрит в глаза так, что у меня озноб по спине проходит. О чём говорят его глаза не трудно понять. И мне вдруг становится страшно. Страшно если сейчас между нами всё произойдёт.

Вот почему с другими получалось, а с ним ступор? Ведь он откровенно лучше их. Столько лет любит и не меняет на другую, как некоторые.

Но если у нас сейчас случится секс, то нам очень трудно будет расстаться. Зависимость усилится, к ней прибавится ещё и плотская тяга, а это может разрушить многие наши планы на жизнь.

— Я первая в ванную, — спрыгиваю с кровати и убегаю от греха подальше.

Он разочарованно глубоко и шумно вздыхает и откидывается спиной на подушки.

После душа понимаю, что моя одежда уже не первой свежести. И если джинсы можно ещё раз надеть, то верх и бельё нет. Выхожу из ванной с намерением попросить футболку или рубашку у Алекса.

Он лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Без майки. Залипаю, разглядывая

мышцы его спины. Блин, я раньше не приглядывалась, что тело у него тоже классное, как и он. У меня дыхание спирает, а кровь резко поднимает свой градус в венах.

— Алекс... — сипло до невозможности, царапая горло.

— Ммм, — мычит в подушку.

— Мне нужна твоя одежда, — заикаясь.

— Чего? — приподнимается и поворачивает голову ко мне. — А перед уходом скажешь — I'll be back? — посмеивается.

Мда... Звучит глупо.

— У меня футболка грязная.

— Чемодан там, выбирай, что понравится, — показывает на стул и уходит в душ. —

Только в большом пакете не бери, там тоже грязное, — выглядывает из-за двери.

Поняла.

Открываю его большой чемодан. Пробегаюсь глазами по содержимому, борясь с желанием проверить каждый карман.

Но он же сам разрешил! И открываю первый замочек. Здесь документы и наличные. Во втором какая-то коробочка. Не открывается. Трясу её, там что-то брякает. Цепи свои в ней держит под замком, возвращаю на место. В третьем кармашке таблетки. Нужное в путешествии дело.

И пачка презервативов!

Ты... ты... — внутри возмущение вперемешку с растерянность.

А вот хрен тебе! — достаю и прячу в свой карман.

Ибо нефиг с другими!

Беру тонкий свитшот с ярким принтом.

Вот ты гад, Алекс!

Я год назад такой по всем фирменным магазинам искала, но их все разобрали. Лимитированная коллекция. А у него в чемодане лежит.

Подношу к носу и втягиваю его запах. Вот почему ты выбрал этот парфюм? Своему папе когда-то я подарила первый флакончик, он ему так понравился, что покупал постоянно. А потом уже папа отвёз меня в Париже к парфюмеру, который создал для меня мой собственный аромат, и я по сей день его у него заказываю.

Надеваю кофту, ещё раз подтягиваю горловину к носу и нюхаю. Бомбезно...

— Нравится? — голос Алекса за спиной.

Ай! Разворачиваюсь к нему и теряюсь. Меня застукали. Надеюсь, он не видел, что я у него презервативы спёрла. Нащупываю их рукой и запикиваю поглубже в карман.

Это моё первое воровство в жизни. И как-то не хочется быть пойманной на месте преступления.

— Что именно?

— Тебе лучше знать, — криво и нагленько улыбается он.

— Мне домой пора, — начинаю суетиться в поисках своего рюкзака.

— Э, нет! — хватая меня за руку и притягивает к себе. — У меня самолёт через пять часов и до этого времени ты будешь со мной.

А я сейчас думаю не о том, что он так неприлично близко, а о пачке патронов в кармане, которые жгут бедро.

Ой, дура!

Вот нахрена они тебе сдались? Ты из них только что капитошки сделать можешь. По

прямому назначению использовать давно не с кем.

— Мне на работу...

— Отмазка не засчитана. Пока ты была в душе, звонила какая-то Алёна, интересовалась, где ты провела ночь. А ещё она сказала, что у тебя сегодня выходной.

Алёна? Странно, что не Мишка...

— Ты взял трубку? — подгорает, что он влез в мой телефон.

— Она настойчиво долбила. Я не выдержал. Ответил, что ты провела ночь с горячим парнем, — дёргает бровями и крепче прижимает к себе.

Мать твою! Вот сейчас я точно спалюсь с этими резинками. Как его отвлечь, чтобы он отпустил?

— Я есть хочу, — выпуливаю на автомате первое, что пришло в голову.

— Даже ругаться не будешь? — прищуривает подозрительно глаза.

— На что? — совершенно не соображаю от мук совести.

— Ну, я немного приврал...

— Алёна умная девочка, она вряд ли тебе поверила, — выкручиваюсь из его объятий. —

Где здесь ресторан?

— Я в номер закажу, — идёт он к телефону.

— Нет! Давай в ресторане. Пожалуйста...

Когда идём к лифту, я незаметно скидываю презервативы в стоящую в холле мусорку. Сразу отпускает. Не умею я воровать. Из-за какой-то пачки гондонов так загнаться. Мрак...

За завтраком Алекс не сводит с меня глаз, наблюдая, как я ем. Смотрит и улыбается. А мне под этим взглядом приходит с аппетитом поглощать еду, так как если он заметит обман, то подколочек не избежать.

— Ты почему не ешь? — киваю на его тарелку с омлетом и сырными тостами.

— Я глазами уже наелся.

Я давлюсь.

— Давай без этого?!

— Не давай, — не соглашается.

— Алекс... Ты сегодня в Вегас, а потом домой, в Москву. А я здесь, затем вернусь в Лондон. Наши пути не пересекаются ни в одной точке. Напрасно надеяться на то, что у нас может что-то получиться.

— Слабая попытка оправдаться. Ты даже попробовать не хочешь, — становится злым и хмурым. — Я не понимаю, что я каждый раз делаю не так? Объясни мне.

— Ты о чём?

— Я о том, что у других мужчин каким-то немислимым образом получается с тобой, а у меня нет, — наклоняется ко мне и почти рычит. — По твоей реакции я вижу, что не так уж и противен тебе. Что не так, а?

Других? Что ты там себе напридумывал?!

— Я берегу твои чувства...

— Не надо их беречь. Я вывезу.

— Вывезешь?!- срываюсь. — Да ты напиваешься, а потом звонишь мне с бабской истерикой, что любишь, скучаешь, жить без меня не можешь. Так ты вывозишь?

— Больше не буду, — психует и собирается уйти, зовет официанта, чтобы расплатиться.

— А ну сел! — прикрикиваю на него. — Смотрите-ка, обидчивый какой!

Он шокировано садится на место.

— Так вот. Дело не в том, что ты делаешь что-то не так. Дело во мне. Это мне сложно сломать какой-то барьер в себе, чтобы быть с тобой ближе. С другими, — да сколько их там было-то?!- Могу. А с тобой... Блядь, я даже сама не знаю, как это обозвать! — признаюсь честно. — Страшно мне...

— Почему? — растерянно.

— Не знаю... Не хочу жалеть... Я уже пробовала заводить отношения. Нихрена хорошего из них не вышло. Я даже не понимаю пока, что я к тебе чувствую. Ты хороший Алекс, я не могу тебя ломать и дальше...

— С чего ты взяла, что ты меня ломаешь?

— Я не слепая, Алекс.

— Нет! Ты не только слепая, но и глухая. Ладно, — вдруг соглашается со мной. — Хочешь фрэндзону, будет она тебе. У нас есть чуть больше четырёх часов, погнали на Голливудские холмы.

— Куда?

— Я там не был ещё, так что составь мне компанию. По-дружески... — ехидно.

Тема: Adam Lambert- Whataya want from me (Acoustic version)

Ночные съёмки на природе. Красивое место: лес, озеро. После смены собрались возле большого костра.

Ночью сегодня прохладно. Кутаюсь в толстую кофту и подставляю руки теплу от огня. Одна из ассистенток приносит термос и подаёт мне стаканчик с чаем.

Ммм... Такой ароматный... На травах.

Кто-то обсуждает работу, другие что-то своё. Рядом парочка ребят спорят о чем-то из последних новостей.

Джед притащил из трейлера гитару и теперь тихо бренчал, настраивая инструмент. Потом ударил по струнам. У него красивый голос — я заслушалась.

Сознание в голове рисует красивые истории под эту музыку. У меня постоянно так — своё видение видео ряда к песням. Сценарии к своим я тоже сама придумываю, ориентируясь на собственные представления.

Задумавшись, не заметила, что все смотрят как-то странно на меня. Вздрагиваю, возвращаясь из своих мыслей.

— Сэл, споешь? — спрашивает Майкл.

— Почему бы и нет, — Джед передаёт мне гитару.

Вспоминаю ноты любимой песни:

— Hey, slow it down... Whataya want from me... Whataya want from me... Yeah, I'm afraid... Whataya want from me... — медленно по струнам. — Please don't give in, I won't let you down... It messed me up, need a second to breathe... Just keep coming around...

Люди зависли, кто-то из девушек всхлипывает носом. И тишина... Аплодисменты я не жду, молчание порой красноречивее слов. Передаю гитару обратно Джеду и бросаю взгляд на сидящего рядом Дэна, он смотрит прямо на меня каким-то пустым взором. Стало не по себе... Я отвожу глаза.

На телефон пришло сообщение, вынимаю его из кармана.

Алекс...

Опять прислал кучу сердечек.

Губы растягиваются в улыбке. Встаю и отхожу подальше от костра к озеру, там есть мостик.

Отправляю в ответ смеющиеся стикеры. Так и общаемся после его отъезда. Почти каждый день пишет, что скучает. Знаю я по его сторис, как он скучает — в отпуске развлекается на море. А тут... Зябко запахиваю кофту.

Сзади скрипят доски под чьими-то ногами. Это Дэн. Я прячу телефон в карман.

— Красиво... — кивает на горизонт.

— Да... очень, — поднимаю голову.

Над нами звёздное небо, оно настолько чистое, что виден Млечный Путь. В городе звёзд не видно, их заглушают огни. А здесь дикая природа.

С берега подул лёгкий бриз. Слышны голоса каких-то ночных птиц, уханье совы, кваканье лягушек. Вода плещется и бьётся о мостик. Отдаленно доносятся звуки от костра.

— Давно я не была на природе, — говорю, вдыхая прохладный воздух. — Только каменные джунгли вокруг...

— А у меня своё ранчо в Техасе, лошадей разводим, — облакачивается Дэн на перила.

— Необычное занятие в наше время.

— Да, но мне нравится. Каждому своё — у меня лошади, у тебя — музыка. Кстати, в твоём исполнении эта песня звучала как-то иначе. Более чувственное что ли... Будто ты не чужую композицию спела, а свою историю рассказала, — поворачивается ко мне.

— Так и есть... Иногда я тоже задаю этот вопрос — что ты хочешь от меня? Но он скорее адресован самой себе. Мне часто сложно определиться в своих желаниях. А с чувствами у меня вообще полная неразбериха, — вздыхаю и опускаю взгляд на воду.

— Почему?

— Потому что не могу решить, что я хочу — любви или свободы...

— Ты ещё молода, придёт время, и сделаешь свой выбор. Или судьба сделает за тебя свой выбор, когда влюбишься.

— Я уже влюблялась, но из этого ничего не вышло, не предназначена для такого.

— Что за бред, — подходит ко мне почти вплотную. — Надо просто подождать немного.

— А если много? — поднимаю голову.

Наши взгляды встречаются. Ночью его глаза почти черные, как мои. Эта топь засасывает. По телу пробегает холодок. Мне не очень комфортно, словно сейчас опять вляпаюсь во что-то хреновое.

Он нежно касается рукой моей щеки. Я кладу свою ладонь поверх его, но не убираю. Дэн наклоняется и робко целует. Я охаю. Его поцелуй становится настойчивее... Это не как на площадке, по-настоящему.

— Я не понял, — раздаётся голос за спиной.

Дэн отрывается от меня и смотрит на того, кто вторгся на нашу территорию.

Это Джед...

— Я что-то пропустил? — непонимающе разглядывает на нас.

Я зажмуриваю глаза и ухожу. Подальше. Но не бегом. Не я первая начала... Он сам захотел...

Лицо горит, губы пульсируют. Сердце бешено колотится. Прислоняюсь к дереву, чтобы успокоиться. Не быстро, но выходит. Мимо быстрыми шагами проходит Дэн, не заметив меня в темноте.

Зато Джед разглядел. И подошёл.

— Значит с женатыми ни-ни, — произносит с издёвкой.

— Не твоё дело! — сбегая, оставив его стоять посреди дорожки.

Сзади раздаётся только резкий звук, как плетью по листьям.

Всю ночь мучает бессонница. Ворочаюсь с боку на бок, воскрешая в памяти, поцелуй с Дэном. Я на взводе, как пружина — коснись и вылечу из гнезда.

Совість мучает.

У меня прямо талант влетать в неприятности.

Зачем-то набираю Алексу.

— Сэл? Что-то случилось? — произносит взволнованно, потирая сонные глаза.

— Ты спишь?

— Отрубился после насыщенного дня. Ещё и обгорел вдобавок сегодня. Кожу жжёт.

— Ясно... Не буду мешать. Тебе и так не сладко. Поправляйся. Кремом не забывай намазываться.

— Сэл! Что произошло, что ты мне ночью звонишь? — хмурится.

— Я сегодня сделала большую ошибку... — тяжело выдыхаю.

— Сильно накосячила?

— Нет. Но как-то паршивенько на душе...

— Всего-то... — усмехается. — Вся наша жизнь состоит или из ошибок, или нет. Так что просто поставь в голове зарубку и не повторяй.

— А ты умеешь успокоить.

— На таком расстоянии это легко. Был бы рядом, обязательно бы поссорились.

— Я не хочу ссориться...

— А как я не хочу... К тебе хочу.

— Ко мне бессмысленно... Я работаю. И ещё долго буду.

Алекс сонно по-детски хлопает глазами.

— Температура есть? — тревожусь за него.

Не нравится мне его вид.

— Не знаю. Горит всё...

— Поднимай задницу, набирай прохладную воду в ванну и на полчаса в неё. Полегчает.

Если есть обезболивающее с собой, то прими. Тебе бы спрей от ожогов...

— У меня нет, — качает головой.

— Тогда прохладная вода.

— Заметила, ты уже обо мне заботишься и переживаешь, — играет нагло бровями.

— Жалко тебя дурака просто. Знаю, что такое ожоги.

— Спасибо!

— Не за что... Выздоровливай!

Чмокает воздух.

— Алекс... — останавливаю его, прежде чем он нажмёт кнопку для отключения.

— Что?

— Что тебе во мне нравится? — почему-то этот вопрос меня сейчас очень волнует.

— Не знаю... — не ожидал такого. — Характер, наверное, твой неуправляемый. Ты же, как кошка, вроде ласковая и добрая, но с когтями и кусаешься. Мне это нравится... Ты настоящая, ни под кого не подстраиваешься...

— Не думала, что неудобные женщины мужчинам нравятся...

— Мужики по таким с ума сходят и готовы весь мир к их ногам сложить. А удобных любят только слабаки.

У меня защипало в глазах от его слов. Так круто, что он в меня верит.

— Спасибо... Прохладная ванна, — напоминаю и отключаюсь.

Я больше на него не злюсь и не раздражаюсь. Его голос меня успокаивает.

Балбес! Про крем для загара ничего не слышал?!

Ой, да какой там! Мужики ж бессмертные.

Обнимаю подушку и засыпаю. Ненадолго, всего на час, но с лёгкой душой.

Осень.

Лето пролетело в работе, как и сентябрь. Хочется лечь на диван, сказать, что у меня лапки и никуда не идти. Но кто ж позволит?!

Новые песни записаны, и я могу спокойно отправляться на съёмки в Египет.

Мой верный соратник Миша тоже со мной. И Алёнка... За лето она съездила домой и сделала все необходимые документы на выезд. Не могу же я разлучать влюбленных бесконечно.

Вся съёмочная группа летит отдельным самолётом. Больше сотни человек.

Филипп и Рон что-то бурно обсуждают в зале. Подходить не очень хочется, но я должна поздороваться. Торнхил не виноват, что мы бывшие, которым некомфортно рядом.

Весь полёт я просиживаю в одиночестве, слушая музыку в наушниках. А по прилету в Каир узнаю самую неприятную новость — нам с Роном приготовили одну виллу. И больше никого... Сегодня определённо не мой день.

Дня три мы общались только по работе. Я старалась появляться в доме как можно позже, чтобы не встречаться с ним.

— Ты избегаешь меня? — задаёт Рон мне вопрос, который так и витает в воздухе, когда в очередной раз я возвращаюсь на виллу за полночь. Съёмки у нас заканчиваются на закате.

— С чего ты взял? — пожимаю плечами, остановившись посреди лестницы наверх.

Рон сидит на диване внизу.

— У меня создалось такое впечатление...

— Ты ошибаешься, — лгу. — Просто берегу нервы твоей девушки, чтобы не ревновала.

— Мы с Эмми расстались ещё в апреле.

Вот так новость!

Только это ничего не меняет.

— Поздравляю! И спокойной ночи! — продолжаю подниматься по лестнице.

Я чувствую, как он смотрит в спину, буквально буравит глазами. Но не повернусь...

Долго стояла в душе, смывая с себя всю дневную грязь. Жара стоит невероятная. Даже после лета в жаркой Калифорнии здесь какое-то пекло. Съёмки в такую погоду изматывают. Хочется забраться в воду и не вылезать. А ещё лучше в холодильник.

Натянув трусики-шорты и свободную футболку, забираюсь в постель. Но даже кондиционер не спасает от жары, ворочаюсь и не могу уснуть. И Рон в соседней комнате... Не хочу!

Встаю и направляюсь вниз.

Никого...

Слава Богу! Выйдя на террасу, ловлю прикосновения лёгкого ветерка. Закрываю глаза и подставляю ему лицо. В голову приходит идея окунуться в бассейн.

Сбрасываю футболку и прыгаю в воду. Она прохладная, омывает всё тело и сбавляет градус.

Рон

Я не спал, вообще здесь плохо со сном, когда послышался всплеск воды, донесшийся из открытого окна. Откладываю в сторону планшет и выхожу на балкон. Бассейн прямо под ним. Сэл медленно плывёт в воде. Она похожа на русалку со своими длинными волосами. Я

зависаю на это зрелище... А ещё замечаю, что она топлет. От этого кровь ударяет в голову так, что шумит в ушах. Сбегаю обратно в комнату.

Эти месяцы не жил — существовал с мыслями, что у Сэл есть другой.

Случайно лента соцсети подсунула новость о её романе с каким-то русским парнем. Там были фотографии и видео, как они целуются. Телефон тогда полетел в стену, разлетевшись на куски.

Мой внутренний ад начал сжигать меня ревностью. Сорвался на Эмми, и она ушла, а я выдохнул. Больше не нужно никого изображать.

Добби свободен...

С Сельванной я не связывался, у нас был договор — не лезть в жизнь друг друга. Она его держит и я должен. Просто слежу со стороны. А у неё тишина... Своего парня она никому не показывает, только летом один раз было видео в сторис на её странице, где они в баре в Америке. И всё.

Уже минут десять назад я слышал, что она вышла из бассейна. Но наверх не поднялась, я бы услышал шаги мимо своей комнаты. Дом наполовину сделан из стекла.

Полежав ещё немного, я встаю, надеваю тонкие хлопковые домашние штаны и спускаюсь вниз. Замираю ненадолго у лестницы, а потом сажусь на ступеньки.

Сэл в гостиной...

Она танцует под тихую музыку с бокалом вина. Мокрая от воды с волос майка прилипла к телу, подчёркивая все прелести её тела.

Внутри неприятно скребёт — к ней прикасался другой. С ним она делила постель, он наслаждался ей. Я понимаю одно — я собственник... Она должна принадлежать только мне и никому больше.

Решительно встаю и иду к ней. Останавливаюсь всего в шаге. Хочу увидеть её глаза, прочитать, что в них. Но не получается, никогда не получалось... По ним можно увидеть только её злость. Сейчас её нет. На губах ухмылка, которую можно прочитать как — что тебе надо? В глазах только огонёк от выпитого алкоголя.

— Тоже не спится? — хихикает и, взяв со столика бутылку вина, протягивает мне.

Я выдёргиваю её у неё из руки и ставлю на прежнее место. Тоже делаю с пустым бокалом.

— Тебе уже хватит.

— Фу, какой ты вредный! — морщит носик. Она пьяна. — Если спать не даёшь, так хоть снотворное верни, — тянется за бутылкой, но я отодвигаю.

— Тебе хватит! И почему это я мешаю спать?

— Присутствием своим... — крутит в воздухе пальцем, подбирая слова.

Потом безразлично машет рукой.

— Извини, что тебе вместо твоего парня подселили меня! — начинаю раздражаться.

— Вместо кого? Моего парня? — истерический смех. — Веришь всем сплетням, что пишут в жёлтой прессе?

— То есть, это не правда?

— Нет! Хотя... Я жалею, что не могу влюбиться в это шизика. Он этого достоин, — веселье уходит с её лица, сменившись задумчивостью. — Он единственный, кто принимает меня такой, какая я есть...

— Я тоже принимал тебя такой.

— Ты? Не обманывайся! Ты переделывал меня, хотел сделать лучше, чем я есть.

— Ты сама это сделала.

— И мне это не нравится! — кричит мне в лицо. — Я не хочу быть зависимой. Я не хочу испытывать душевные муки.

Сэл закрывает лицо руками и отворачивается.

— Я вообще не хочу любить... Это больно...

Подхожу сзади и обнимаю за плечи. Она вздрагивает и опускает руки. Лицом к себе — по щекам катятся слезы. Целую в эти места. Она не шевелится. Просто смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Прижимаюсь лбом к её лбу:

— Я хотел бы тебя забыть, но не получается... Я помню каждую минуту с тобой...

Она сама вдруг целует. Но как-то вяло и неуверенно.

— Я так скучал по тебе, — шепчу ей на ухо.

Но она не отвечает.

Её тело вдруг стало расслабленным и ватным, а глаза застыли стеклом и закрылись.

Фак! В отключке.

Дикая резкая боль в голове не даёт даже глаза открыть. Делаю это с огромным трудом. Тело будто налито свинцом — руками и ногами пошевелить нереально сложно.

Копаясь в памяти, пытаюсь вспомнить причину такого состояния. Ничего... Туман... Помню только, как купалась в бассейне. Всё... Дальше воспоминания обрываются.

В комнате полумрак, опущены шторы. Из щелей между ними пробивается свет. Значит уже утро.

Превозмогая боль, сажусь, опираясь спиной на подушки. Заглядываю под простынь, которой прикрыта. Где моя одежда? Трусы и майка на мне точно были. Это я помню. Надела после душа... И бассейна...

— Ааа... — хватаюсь за голову, которую просто раздирает боль. Такие боли у меня бывают в двух ситуациях — джетлаг и игристые вина. Первая причина отменяется, мы здесь уже четыре дня, обычно боль приходит на второй или третий день. Да и разница во времени не сильно большая. Я страдаю им только в Америке.

Остаётся второе. Но я не помню, как пила. Ужасно мутит, к горлу подходит ком.

Слетаю с кровати и пулей несусь в туалет, забыв, что совершенно голая. Меня выворачивает наизнанку. По стенке иду в душ, включаю холодную воду и стою под ней, не чувствуя долгое время холода. Терморегулятор организма отключен.

Надев халат, спускаюсь вниз. Пройти по лестнице оказалось целым квестом. Ноги плохо слушаются и я почти не чувствую пола, а в глазах рябит.

В кухне за столом Миша, Алёна и Рон. Последний подсакивает со стула, чтобы мне помочь. Подхватывает под руку, но я отмахиваюсь от него. Он недоуменно смотрит на меня. Я делаю пару шагов, но от боли ноги подкашиваются и если бы Мэдлтон не подхватил, я бы рухнула на пол. Мишка быстро подставляет мне стул, на который я просто падаю. Хватаюсь за голову.

Алёна кладет мне на голову холодное мокрое полотенце:

— Должно полегчать.

— Спасибо... — произношу еле слышно.

— Ты сегодня съёмку сорвала, нахрена было пить игристое, если знаешь, что после будешь умирать? — злится Миша.

— Не помню, чтобы я его пила...

Мишка достаёт из ведра бутылку.

— Рон сказал, что ты половину осушила.

— А что было потом? — вопросительно смотрю на Рона.

Он молчит. Не нравится мне это.

— Потом расскажу, — смущается, когда отвечает.

Блин! Да не могла я! Или могла? Я не помню...

— Надо врача вызывать, думаю тут аспирином не обойтись, — достаёт телефон Миша и кого-то набирает.

Врач приехал через полчаса. Мне сделали обезболивающее. Стало легче.

— Ты не помнишь ничего, что было ночью? — глядит на меня, прищурив глаза, Рон.

— После купания в бассейне — пустота, — откидываю голову на спинку дивана. В этот момент в памяти всплывает кусочек с поцелуем. — О, нет! Только не говори, что мы...

— Да!

— Fuck!

— Всё понятно! Трезвая ты бы этого не сделала, да? — нервно сжимает руки в замок.

— Без понятия. Я последнее время часто творю то, что не собиралась...

— В смысле?

— Тебе лучше это не знать, — закатываю глаза. — Сделай одолжение — принеси воды.

Он пошёл на кухню, а я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

Твою мать! Мы переспали.

Надо же было от него столько дней шарахаться и в один миг сдать. Ещё и не помнить это. Провожу рукой по лицу.

— Держи, — садится рядом и протягивает стакан с водой. Выпиваю залпом и до дна. —

Я думаю нам нужно поговорить.

— Давай не сегодня. У меня соображалка плохо работает. Можно я с этим пересплю?

Завтра утром на ясную голову поговорим.

— Хорошо, — кивает.

Когда головные боли отступают, я тщательно пытаюсь прокрутить в голове хоть какие-то обрывки памяти. То, что я проснулась голая, не значит, что между нами что-то было. Или было?

Он воспользовался моим состоянием и просто трахнул меня, как и тот ублюдок. Он такой же, ничем не отличается. Если я и подавала признаки жизни, то явно очень слабые, чтобы сопротивляться. А я бы в здравом уме не согласилась на секс с Роном.

Я не хочу больше с ним — я это уже давно поняла. Просто иногда во флэшбэки кидает от «голода».

— Миша, — набираю друга. — Найди мне гинеколога.

— Кого? — сильно удивлён моей просьбе.

— Врача женского. Мне надо...

— Ну и задачки ты задаёшь, Сэл. До утра терпит?

— Да. Но найди, пожалуйста...

И он находит. На следующий день я в кабинете врача объясняю ситуацию, прошу осмотр на предмет изнасилования или вообще присутствия какого-либо секса в последние дни. Врач смотрит шокировано, но соглашается.

Ничего... Ничего и ни с кем у меня не было.

Зачем тогда соврал? Это такой способ меня вернуть?

Глупо. Я ведь могла и не клюнуть на эту уловку.

А я разве клюнула?

Нет!

Возвращаюсь на виллу с желанием разнести в пух и прах этого засранца. Но его нет, он ещё на площадке.

Отлично! Мы люди не гордые — подождём.

Он приезжает через несколько часов. Застывает в дверях, когда видит меня сидящую напротив входа.

— Не смотри на меня так, — слегка дёргаются мышцы на его скулах.

— А что не так? — приподнимаю немного верхнюю губу в оскале.

— Когда ты так смотришь, у меня мороз по коже. Глаза чёрные абсолютно, меня это пугает.

Я в курсе. Потому так и смотрю, чтобы не было ни малейшего желания мне соврать. Это всегда действует.

— Зачем ты меня обманул? — задаю вопрос в лоб.

— Обманул? О чём ты? — уваливает от ответа.

— У нас прошлой ночью ничего не было. Я была у врача.

— Ты каждый раз после секса к врачу бегаешь? — пытается пошутить, но глаза воровато забегали.

Подходит к бару и наливает виски.

— Да, когда меня пытаются поиметь против моей воли. За-чем? — тяну вопрос.

— Не знаю, — разводит руками. — Ревность. Хочу, чтобы только моя была.

У меня вырывается истерический смех.

— Ты серьёзно? Хочешь вернуть меня, сказав, что мы якобы переспали? Что у тебя в голове, Рон?! Мозги присутствуют? Ты же понимаешь, что такие вещи со мной не пройдут. Я скорее приму тебя за очередного насильника, чем вернусь. Я знаю себя. Возврат сексом не получится, не настолько я в нём нуждаюсь. Да и не хочу я тебя больше, — ударяю побольнее.

Если ты сучка, то будь уж ей до конца.

— Вот как? — приподнимает бровь.

Но я же вижу, что ты расстроился. Мужчин всегда такое задевает. Удар по самолюбию, а звёздные мальчики вдвойне уязвимее, так как себя боженьками считают, которых все хотят.

— Ты же меня сама поцеловала...

— Наверное, хотела проверить, — встаю, подхожу к нему и забираю стакан с алкоголем. — Мне другой нравится, — выпиваю.

— Но ты его не любишь. Сама об этом мне сказала.

— Я не уверена... — наливаю ещё себе выпивку.

— Ты же это специально говоришь, чтобы задеть меня.

— Ммм... — задыхаюсь ненадолго от крепости алкоголя. — Нет! Я говорю это тебе, потому что правда. Я так долго бегала от него, а сейчас думаю, что зря.

— Кто он?

— Мы с Алексом познакомились задолго до тебя, он был навязчивым фанатом. И меня это жутко бесило. Удивительно, но когда мне было плохо или мне нужна была помощь, он оказывался рядом. Поддерживал, заботился... — меня пробивает на слезу.

Чёрт... Я только сейчас поняла, что это действительно так. Ведь Алекс пытался меня поддержать в самых сложных ситуациях. Спасал мою задницу, когда я влипала в истории, беспокоился о моём здоровье.

Какая же я неблагодарная сука...

— Мне позвонить нужно! — ставлю стакан на столик и выхожу на улицу.

Жадно хватаю воздух ртом, пытаюсь успокоиться. В груди сильно давит. Когда осознание приходит внезапно — выбивает из колеи.

Открываю телефон и меня наглеца на Алекса. Жму на кнопку вызова.

Абонент недоступен...

Мишка мониторит соцсети, пока я пытаюсь придумать новый сценарий для клипа.

Мне по душе, когда в видео есть какая-то история, а не тупая красивая гламурная картинка, но здесь такое не любят. Поэтому нужно придумать историю в этих самых картинках.

— А твой приятель Гроу уходит от Владимира Николаевича со скандалом, — задумчиво произносит Фалькон, не отрывая взгляда от планшета.

— В смысле? — подкатываю к нему на кресле и забираю гаджет.

" По информации инсайдера, Алекс Гроу может лишиться своего имени и прав на исполнение песен. Переговоры по уходу певца из-под крыла продюсера зашли в тупик из-за несогласия сторон".

Твою ж мать!

Набираю крёстного.

— Доброе утро, дядь Вова!

— Доброе, — голос раздражённый.

— Что у вас там с Гроу? Я новости прочитала.

— Охренел Гроу!

— А точнее? — хитренько.

— Условия он мне ставит. Но у меня свои условия — хочет имя и песни, пусть платит.

— Сколько? — понимаю, что там речь не о копейках.

— Четыре миллиона...

— Баксов?

— Нет, тубриков! — срывается гневно.

— Крёстный, это же много...

Алекс столько не потянет. У него отец, конечно, богатый, но не поможет сыну. Он до сих пор воспринимает всё, как глупое увлечение музыкой, и ждет, что Гроу придёт, в конце концов, в семейный бизнес. А тот, как и я, в этом ничего не понимает.

— Не мои проблемы.

— Я за него заплачу, — решаюсь уверенно.

— С хера ли?

— Ты прекрасно знаешь, что у него нет таких денег. И если ты не отдашь права по-хорошему, то я дам ему эти деньги.

— Тебе делать нехрен? Миллионами раскидываешься! — он там уже кипит от злости.

Слышно, как что-то кидает на стол.

— Либо полюбовно, либо я даю деньги. Решай! Ты же просто нервы ему помотать хочешь, деньги для тебя — не главное. Посмотреть хочешь, как он выкручиваться будет. Любишь ты, крёстный, над людьми поизмываться.

— Вырастили правдорубку, блин...

— Так что?

— Я подумаю, — и бросил трубку.

— Жёстко ты с ним, — посмеивается Миша.

— С ним только так. Он всегда только ультиматумы понимал. Даже отец с ним так общался.

— Алекс тебе спасибо не скажет, — осуждающе качает головой.

— Почему?

— По мужскому самолюбию резанула.

— Переживу как-нибудь.

Через неделю на странице Алекса появился пост о том, что он покинул продюсерский центр и ушёл в свободное плавание. Всё осталось за ним.

Значит, правильный выбор сделал крёстный.

А ещё через пару дней среди ночи раздался звонок.

Я же только спать лечь собралась! У меня два дня съёмки было без перерыва. Засыпаю на ходу.

Сбросить, — тормозит мой палец в миллиметре от экрана телефона. Но свайпаю на «ответить».

— Да...

— Сэл, какого хрена ты вмешиваешься!

Даже не поздоровался. Бью воздух кулаком.

— Ты о чём? — включаю тупую овечку.

— О том, что ты предлагала Николаичу деньги за меня, — повышает голос. — Я не просил мне помогать!

— Так я ничего и не платила. В чём претензия?

— Я сам могу разрулить свои проблемы. Мне не нужна помощь, тем более от девушки.

Мишка был прав. Душевная кастрация.

— Извини, если это тебя как-то оскорбило. Я хотела как лучше... Знаю, что нет у тебя такой суммы.

— Да откуда ты знаешь?! Я бы нашёл!

— А я договорилась бесплатно! — начинаю повышать голос в ответ.

Высокомерно фыркает на том конце.

— Потратишь сэкономленное на раскрутку. И знаешь что? Пошёл ты нахрен, Гроу! — кричу в трубку.

Сбрасываю вызов.

Совсем охамел! Вот и помогай людям по доброте душевной, а они тебе в лицо плюют.

Но Алекс, конечно, прав. И я это понимаю. Мужик должен свои проблемы сам вывозить. Это делает их сильнее и мужественнее, помогает внутреннему росту.

Только не со мной. Я везу сама и друзьям помогаю. Меня так с детства учили.

Падаю обессилено на кровать.

Надо поспать.

К чёрту Гроу с его контрактами и загонами. Гордость — грех, между прочим. Так что заткни рот и молча хавай произошедшее.

Может он!

Поздно уже после драки кулаками махать.

Но сон улетучился...

— Чтоб тебя, Гроу, метеором уебало! — злюсь и сажусь в кровати.

Я и так вся накрученная после съёмок, там все почему-то были уверены, что лучше меня знают, как мне снимать МОЙ клип.

Ещё ты!

Беру телефон и встаю. Вставляю его в держатель лампы.

Пора Серега и Сашка вам зазвучать, давно ищут повод снять такой ролик.

" Как же хочется порой вечером, придя домой, снять с себя рубаху и послать все наху...

"- напеваю, кривляясь на камеру.

* * *

— Представляешь, ты был прав, — рассказываю утром Мишке в машине. — Гроу позвонил ночью и наорал на меня.

— Я предупреждал, — тихонько усмехается. — Ты ударила мужика по больному.

— Мужика? Где там мужик? Пацан ещё...

— А возраст не показатель, как и внешность. Если этот пацан способен вывезти свои проблемы сам, то мужественности в нём больше, чем в сорокалетнем маменькином сынке. Мужик не в годах, а в поступках.

Ой, да ладно!

— Знаю я это всё...

— Вот теперь и задумайся, стоит ли в следующий раз вмешиваться. У него полно состоятельных друзей. Кредиты есть, на худой конец... Выкрутился бы... Но ты сунула нос со своей помощью и сейчас он считает себя обязанным и ущемлённым.

Да, наверное, перегнула...

— Думаешь, надо извиниться? — понимаю свою ошибку.

— Думаю. Ты же наверняка это не сделала.

— Сначала извинилась, а потом послала в пешее эротическое...

Фалькон смеётся.

— Даже не сомневался в этом. Ролик тоже ему предназначался?

— Это наболевшее...

Набираю сообщение в нашем с Алексом секретном чате. Не сразу увидит, так как оповещения там без звука.

" Извини, не хотела тебя обидеть... "

Но, обидела. И заработала опыт.

А этот гад прочитал и не ответил.

И две недели молчал, пока однажды вечером не раздался звонок от него.

Отставила в сторону ведро с попкорном, который аппетитно уплетала при просмотре фильма в кинотеатре.

— Слушаю.

На том конце тишина и она затягивается. Связь есть, я отчётливо слышу музыку.

— Или ты перестаёшь томно вздыхать и говоришь что хотел, или я бросаю трубку, — на экране начинается всё самое интересное, и рука снова тянется и закидывает в рот попкорн.

— Я тут с мыслями собираюсь, не знаю с чего начать, а ты мне так... — говорит заплетающимся языком.

— Ты пьяный?!

— Немного...

Немного! — усмехаюсь.

Быстро избавиться, значит, не получится. Надо было телефон отключать, когда пришла. Попросить поставить на паузу?

— Ты в слюни, Гроу. И что за повод? — решаю не останавливать показ.

— Тоска зелёная...

— Оу! А правду?

Громкий вздох.

— Прости меня... Я перегнул палку...

— Долго же ты смелости набирался.

— Хотел характер показать... Но не могу, — хныкает. — Мне без твоего «доброе утро»

тошно жить...

— Доброе утро... Почти... У вас четыре часа...

Он там облегчённо выдыхает.

— Ну, давай же! — тихо реагирую на фильм.

— Не подгоняй меня! — прикрикивает.

— Это не тебе.

— С кем ты? — ревностно.

— С большим накаченным лысым мужиком...

На экране Вин Дизель. И он там, в прямом смысле, горит на работе.

— Видео включи! — требует от меня.

— Как ты себе это представляешь? Мы тут одни, у нас интим и я включаю фэйстайм?

Неа, не канает! — продолжаю свой пранк, не отрываясь от фильма.

Что творится...

— Включи! — срывается на рык.

Вау, мальчик! Да не заводись ты так.

Шуток совсем не понимаешь...

— Океюшки, — переключаюсь на видеозвонок.

Направляю камеру на экран кинотеатра.

— Симпатяга, правда? Тащусь от него, — тяну звуки сексуально и клацаю зубами.

— Он старый, — понимает, что я его развела.

— Не старый, а опытный... Тебе до него расти и расти.

— Сэл! Издеваешься?!

— Конечно, издеваюсь. Ты серьёзно поверил, что я тут с мужиком развлекаюсь? Я бы тогда на твой звонок не ответила, мне не до тебя бы было.

— Ты свободная...

— На приключения меня толкаешь?

— Нет. Я бы порвал любого, кто к тебе прикоснётся.

— Можешь моего стилиста порвать? Он предложил мне волосы отрезать.

— Передай ему, что если с твоей красивой головки хоть волосинка упадёт, я ему ножницы в жопу затолкаю. Твои волосы — это что-то нереальное, — на полном серьёзе.

— Боюсь, он от этого получит лишь удовольствие. — Хихикаю. — Алекс, едь домой спать. Выглядишь уставшим...

— Я две недели страдал...

— Всё! Твои страдания закончились. Объявляю мир. Отправляйся баиньки...

Он любит, когда с ним так. Недолюбленный ребёнок... Иногда мне его очень жалко — не хватает парню тепла и ласки.

Очень хочется сейчас обнять этого наглеца и укачать как маленького.

Закрываю дверь дома, когда звонит телефон. Достав его из сумки, вижу на экране имя Алекса. Пару дней назад он звонил, чтобы предупредить, что давая большое интервью какому-то блогеру, рассказал про меня и моём участии при его уходе от дяди Вовы. Плотненько последнее время общаемся, особенно по ночам.

— Привет! — быстро и весело выпаливает он.

— Привет! Я думала, ты меня забыл. Два дня молчок.

— Тебя? Да ни за что на свете! Работы много. У меня мало времени, я в самолёте на взлётной. Через две недели у меня маленький юбилей, так что жду тебя как почётную гостью.

— Через две недели — это когда точно?

— Седьмого июля.

У нас разница ровно полтора года.

— Седьмого я не могу. У меня седьмого и восьмого концерты в Сиднее и Канберре. А вот потом три свободных дня, — проговариваю разочарованно.

— Ладно... — задумчиво. — Решу проблему — отзвонюсь.

— Алекс, стой, не стоит из-за меня... — но он уже отключился.

Ведь отложит праздник, у него не заржавеет. Ради меня одной...

Перезвонил через день и сказал, что перенёс торжество на вечер девятого, если я не прилечу, найдёт и накажет. Жёстко!

Интересно даже как именно?

Ладно, не буду проверять, прилечу на его день рождения, не так уж это и сложно.

* * *

— Ба, а где мои костюмы бальные? В комнате в шкафу их нет, — заглядываю на кухню, где бабушка что-то готовит.

— Внизу в гардеробной. Мы их туда отнесли.

— Хорошо, а то у Алекса вечеринка в стиле латино. Мне платье соответствующее нужно.

Решил вспомнить наш вечер в Лос-Анджелесе? Или просто совпадение?

Спускаюсь на цокольный этаж и открываю первую гардеробную. Их там три. В них хранятся вещи, которые вышли из моды или занимают много места наверху. Можно всё отдать куда-нибудь на благотворительность, но бабушка считает, что мода циклична и лет через тридцать всё вновь будет стильно.

В первой моих платьев не оказалось. Во второй тоже, она забита вещами родителей. Надо бы их отдать кому-то... Зачем хранить?

Я побродила между вешалок, прикасаясь к одежде и вспоминая, куда и когда они их надевали. Мама всегда была примером стиля и вкуса... Вот в этом синем платье она была на юбилее папы, а в этом бежевом на новогоднем балу в Кремле. За каждым есть маленькая история.

Из-за двери раздаётся какой-то шум.

Горничная? Здесь внизу прачечная комната. Она там стиркой и гладкой занимается.

В коридоре никого нет.

Подхожу к двери третьей гардеробной и открываю. Слева слышится приглушённое хихиканье. Стаська! Это она так смеётся. Там её мастерская, где она пишет картины. Учится в Строгановке.

Направляюсь в ту сторону, но дверь заперта.

— Стаська, я знаю, что ты здесь. Открывай! — у меня почему-то на душе беспокойно, долблю кулаком.

За дверь шорох. Она там не одна.

— Открывай! Или я позову охрану, и они выломают дверь! — угрожаю ей.

Через минуту дверь открывается. От увиденного у меня просто падает челюсть. Там моя сестра и мой лучший друг Антон. Чем они занимались в мастерской не трудно догадаться по взъерошенному виду и покрасневшимся лицам.

Злость быстро закипает во мне.

Убью скотину! Как ты посмел к моей сестрёнке прикоснуться?!

— Сука! Я же тебя предупреждала, чтобы ты к ней не подходил! — осматриваюсь в поисках чего-нибудь потяжелее, чтобы огреть эту сволочь.

Под руку попадает кусок багета. Антоша срывается со стола, на котором сидел и отбегает в другой угол, подальше от меня. Знает, что в гневе я и прибить могу.

— Сэл, успокойся! — вытягивает вперёд руки в попытке оборониться и успокоить меня.

Я замахваюсь, но он проскальзывает.

— Ты не так всё поняла!

— А тебя кобель понимать не надо — в голове только одно. Кого-кого, а тебя я знаю, как облупленного! — очередной замах, попадаю ему по руке.

Стаська взвизгивает в углу.

— Анька, успокойся! У нас всё серьёзно! Он мне предложение сделал!

Я замираю.

Что он сделал?

— Да. Я просто кольцо сняла, когда ты приехала, хотели как-то помягче к этому подвести...

— И сколько вы уже вместе?

— Год, — отзывается Антон.

Я смотрю на них по очереди, потом злобно закидываю кусок доски в угол.

— И молчали? Я же зимой прилетала.

— На два дня... Ты и понять-то ничего не успела. Один день с нами, а потом с Алексом где-то на вечеринке тусили.

С Алексом... Только какая там туса? Сначала репетировали и прогоняли полдня его сольник, потом выступление. После да, расслабились немного.

— Поэтому ты ничего и не заметила, — натягивает Стаська улыбку. — Я решила тебя не тревожить ещё и новостями о наших с Антоном отношениях. Мы знали, как ты отреагируешь, — кивает на выброшенный кусок багета.

— Вот про какую любовь ты мне намекал...

— Сэл, мы любим друг друга и собираемся пожениться, — подходит поближе Решетняк с виноватым видом.

— Когда?

— В сентябре...

— Я так понимаю — я узнаю в последнюю очередь? — злобно смотрю на них.

— Мы хотели завтра всё рассказать. Пока ты здесь, — мямлит Стаська.

Антон обнимает её за плечи.

— Стась, нахрена тебе это надо? У него же ребёнок...

— Я его люблю и Арсения тоже. Он меня мамой зовёт, — со слезами на глазах делится сестрёнка.

Я только фыркаю. Опускаю плечи и иду на выход.

— Желаю счастья... — останавливаюсь в дверях и смотрю на них. — Обидишь её — прибью! — тыкаю пальцем в Антона.

Возвращаюсь в гардеробную, нахожу короткое серебряное платье, которое покупала в Париже в магазине для танцев. Ручная работа, хренову тучу тысяч евро за него заплатила. Идеально для такой вечеринки. Я в нём румбу и самбу танцевала на чемпионате мира. Первое место тогда заняли.

Стаська и Даша, горничная, помогают накрутить волосы и сделать локоны, которые немного собираю сзади по бокам заколками с бриллиантами.

— Алекс обалдеет от такой красоты! — восторженно произносит сестрёнка, глядя на моё отражение в зеркале, стоя сзади.

— Не говори ерунды, — наношу последние штрихи в макияже.

Накраситься я прекрасно могу и сама.

— Да точно! И так от тебя слюнями давится, а тут захлебнется. Ты его интервью смотрела? Он же прямым текстом на всю страну сказал, что влюблён по уши.

— Один тоже в любви клялся... А когда я его послала, он к бывшей вернулся, — скидываю помаду, зеркало и телефон в небольшую сумочку. — На премии эта сучка с таким презрительным видом смотрела на меня, как будто я пресмыкающееся, аж противно стало.

— Рон — идиот!

— Тут я с тобой согласна.

— Алекс тебя ни на кого не променяет. Он столько лет уже ждёт, — мечтательно складывает ладошки Стаська.

Ждёт...

А достойна ли я этого ожидания?

День рождения Алекс отмечает в гостиничном комплексе за городом. Добираться пришлось больше часа. Сегодня я с водителем, с этим ненормальным можно ожидать всего чего угодно. Уговорить меня выпить для него ничего не стоит.

— Господи, сколько здесь людей? Не меньше пары сотен.

А прессы! Вот с кем меньше всего хочется общаться. Но приходится ответить на пару вопросов и поздравить на камеру, они ведь слетелись как вороны. Как же звезда не российского шоу-бизнеса приехала на прием.

Вовремя подходит Алекс для снимков. Красивый... В белой рубашке с расстегнутым воротом и закатанными до локтей рукавами, черных брюках. На мой взгляд, он слишком тесно прижимает к себе, позируя перед папарацци, но отстраниться и сохранить дистанцию непросто, хватка у него мертвая, я только впустую дёргаюсь.

— С прошедшим, — поздравляю его и целую в щёку.

— Спасибо! — придерживает одной рукой за талию. — Как долетела?

— Хорошо, всю дорогу проспала.

— Как кенгуру?

— Прыгают! — толкаю его в плечо, отчего он смеётся. — Смотрю, ты решил, прям праздник праздников устроить.

— Так двадцать пять лет раз в жизни бывает, можно и отметить.

— Чем тебе не нравится скромно? Столько прессы нагнал, — киваю в сторону журналистов, которые непрерывно нас щёлкают.

— Скромно по-домашнему, с тортиком и чаем, я позавчера отметил, когда ты не приехала. А сегодня извини... Гулять так, гулять.

— Не говори только, что все эти девушки, которые на нас косятся — твои бывшие?

— Да фиг его знает, думаешь, я помню где, когда и с кем?!- шутит.

— Алекс! — возмущаюсь.

— Я шучу! Пойдем, я тебя с родителями познакомлю, — подхватывает меня под руку.

— А тебе гостей не надо встречать? — показываю в сторону входа, люди ещё пребывают.

— Главную гостью я уже встретил, — шепчет мне на ухо, а потом урчит, как котик.

— Сэл, познакомься, мои родители — Алексей Акимович и Татьяна Сергеевна, — представляет родителям Гроу. — И мои сестрёнки Лера и Лима, — приобнимает двух девчонок.

Одной примерно восемнадцать, второй около восьми лет. Младшая очень похожа на Алекса.

— Приятно познакомиться, — киваю в приветствии.

— А мы раньше не встречались? — смотрит на меня пристально отец.

Я-то его точно узнала.

— Вы были знакомы с мой отцом, Александром Селивановым, — напоминаю я.

— Ах, вот в чем дело... Я вам соболезнаю...

— Спасибо...

Перекинувшись ещё парой фраз с его родителями, я отхожу якобы поговорить с кем-то из присутствующих.

Отец Алекса был конкурентом моего отца в одном из проектов строительства гостиницы в Подмоскowie лет девять назад. Путём взяток он выиграл тендер. Папа потерял немало денег тогда.

Теперь понятно, почему он говорил, что с семьёй Алекса он родниться бы не хотел.

— Ты чего? — подходит ко мне Алекс и прикладывает руку к моей обнаженной спине.

Ладонь горячая и я невольно вздрагиваю. Он заметил...

— Тебе мои родные не понравились?

— Ничего. Просто твой отец не очень чисто ведёт свой бизнес.

А ещё он тебя из дома выгнал, а я бы такое не простила.

— Я знаю. Но его не переделать. Если что-то хочет — получает любыми путями.

— Яблоко от яблони недалеко упало, — замечаю я.

— У меня всё законно.

— Я не про бизнес... а про характер...

— Возможно, не отрицаю. Но я не такой жестокий, как он. Я всегда был для него непутёвым сыном, даже когда сам стал солидно зарабатывать. Но родителей не выбирают... И хватит о грустном, — слегка ударяет пальцем по моему носу. — У меня сегодня праздник, который, между прочим, я оплатил сам. И я не намерен дохнуть со скуки. Надо выпить, — тянет меня к столу с алкоголем.

— Я не хочу, — отказываюсь.

— Ничего не знаю. Давай хотя бы на этот вечер забудем правила приличия и отдохнём, как следует. Мы заслужили... Нам текилы, — обращается к бармену.

Через пару шотов он наклоняется к моему уху:

— Надеюсь, я первый кто тебе это скажет — выглядишь просто сногшибательно.

— Не первый, но от тебя приятней... — хитро улыбаюсь от его слов.

Они расцветают чем-то тёплым внутри.

Дальше застолье, бесконечные поздравления, вручение подарков. Танцы, разговоры, снова танцы.

Алекс не отпускает от себя.

Когда сидим за столом, он под ним берёт мою руку, переплетает пальцы и крепко сжимает. Я немного скривлю лицо, глядя на него, показывая, что мне больно. Хватку он ослабляет, но не выпускает. Только нахально улыбается и смотрит в глаза, поглаживая большим пальцем внутреннюю сторону ладони.

По телу пробегают приятные мурашки.

Время стёрло всё, что было между нами раньше и перезаписало заново, оставляя только лучшее.

Я вот сейчас смотрю на него и понимаю, что злилась совершенно из-за какой-то ерунды. Ведь он не виноват, он так проявлял свою любовь. И для нормальной девушки все эти проявления романтические и приятные, а мне долбанутой они казались наглыми и навязчивыми.

Сама провожу царапающе ноготками по ладони Алекса. Глядит удивлённо с кривой улыбкой на губах. А я только играю бровями в ответ. Что такого-то?

Выносят огромный торт от лучшего кондитера Москвы. Мастер и его команда очень постарались, сделали огромный четырехъярусный торт с шоколадными героями фильмов Марвел — Алекс их фанат. Очень вкусный. Я, если честно, не любитель тортов, но Гроу просто силой запихивает в меня кусок кондитерского шедевра.

— Хватит! Я лопну! — отворачиваюсь от очередной ложки.

— Ты себя видела? На шуку похожа, — всё равно засовывает мне в рот кусок лакомства.

— Вы с моей бабушкой сговорились? Не нравлюсь — не смотрите.

Я действительно похудела — нервы и работа дают о себе знать. Скинула пять кило. Но это не катастрофично!

— Нравишься, — пошленько ухмыляется Алекс.

* * *

Разглядываю на своё довольное отражение в зеркале туалета. Давно я не веселилась. Глаза горят... И не только от алкоголя.

Достаю из сумочки помаду и подкрашиваю губы, причмокиваю и посылаю сама себе воздушный поцелуй.

Сразу за дверью на выходе меня кто-то хватает за руку и тянет за собой по коридору в сторону, противоположную банкетному залу.

— Алекс! Не гони так! Я же на каблуках, — пытаюсь его притормозить.

Он открывает одну из дверей и подпихивает меня вперёд. Там темно и ничего не видно.

— Алекс? — пытаюсь взглянуть в темноту.

— Да, — он прижимает меня к стене, впечатывая в неё. — Я здесь...

Его губы нежно касаются моей шеи, а рука обвивается вокруг талии. У меня перехватывает дыхание.

— Что ты делаешь? — нервно сглатываю и хватаюсь за его рубашку.

— А не понятно? — хрипло шепчет мне в подбородок, и опять я чувствую лёгкие поцелуи на своей коже.

Делаю слабую попытку оттолкнуть, но он перехватывает мои руки, закидывает их за голову и одной рукой прижимает к стене. Второй рукой поднимает и без того короткую юбку и проводит по моему бедру. Сжимает попу. По телу пробегает дрожь.

Бедром чувствую его возбуждение.

Он целует в губы. Жарко, страстно и настойчиво. Его язык проникает в мой рот и хозяйничает там. Чёрт! Голова кругом. Ноги наливаются тяжестью.

Отстраняется:

— Я снял президентский номер здесь в гостинице, — говорит, почти касаясь моих губ.

— Зачем?

— Не будь дурочкой, Сэл! Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Хочу тебя до потери сознания...

— Ммм...

— Я люблю тебя, — касается снова поцелуями шеи, рукой спуская бретельку платья, и легко притрагивается к груди.

Меня снова пробивает дрожь. Тело начинает ныть. Теплые волны оседают внизу, заставляя сжаться от приступа желания.

Но я не могу... Не хочу так... Я не должна давать ему ложную надежду на счастливое будущее. Любить на расстоянии можно — сохранить отношения нельзя.

Набираюсь силами и отталкиваю его.

— Так нельзя, — пытаюсь выровнять сбивчивое дыхание и поправить одежду. — Я

не готова сейчас...

— Сэл, отпусти ты тормоза. Доверься мне, — хватает меня за руку и притягивает к себе. — Нам же хорошо вместе, — скользит губами по моей коже.

Отпихиваю его снова, выхожу из комнаты и что есть силы бегу на выход. Это трудно, ноги подкашиваются от произошедшего, а ещё туфли на каблуках.

Алекс выбежал за мной, но не догнал. Я пулей пролетаю на стоянку, на ходу снимая обувь, и сажусь в свой автомобиль.

— Поехали быстрее домой, — приказываю водителю.

Гроу не успевает меня перехватить и здесь. На телефон пришло сообщение: «Вернись. Мы не договорили».

Я не отвечаю. Выключаю смартфон от греха подальше.

Прыскаю от смеха.

Господи, вот я дура конченная!

* * *

Сажу на кухне, покручивая в руках чашку чая, и жду, когда бабушка отрежет кусочек моего любимого яблочного пирога.

В голове крутятся события прошедшей ночи. До сих пор чувствую поцелуи Алекса. А в голове стучат слова «хочу тебя». Не открытие, конечно, знаю, что равнодушен, но не думала, что он такое на приёме выкинет. Но это же не впервые...

— Держи, — ставит передо мной тарелку с выпечкой бабуля.

— Спасибо! Пахнет аппетитно, — вдыхаю аромат яблок и корицы.

— Вот и ешь, пока не остыло.

Я отламываю вилкой кусочек и отправляю в рот. Ммм, вкуснятина. Как бабушка такой пирог никто не готовит.

— Ба, можно вопрос?

— Конечно, — подливает мне чай.

— Можно любить человека, но жутко бояться сблизиться с ним?

— Можно, — садится напротив.

— Почему?

— Причин много. Но чаще всего — это боязнь разочароваться, что он не оправдает твоих ожиданий.

Не, этот точно оправдает. Я на сто процентов уверена. Просто я реально тормоз — Алекс прав.

На столе завибрировал телефон. Смска от него:

" Прости... Был дурак!"

Свадьба Стаськи и Антона сказочная. Дату подобрали к началу моего отпуска, я же подружка невесты.

Моя маленькая сестрёнка похожа на одну из моих кукол, которые сидят в шкафу в комнате: пышное белое платье, расшитое серебром, нежное фарфоровое личико, не испорченное кричащим макияжем, легкие локоны. Хрупкий цветочек...

Организаторы постарались на славу, создавая красивое торжество. Когда регистратор объявляет их мужем и женой у меня текут слёзы.

Не думала, что эта малышка выскочит замуж раньше меня. Но недаром мы разные... Стаська — домашняя кошечка, а я — вечно бродящая тигрица...

Не знаю, подстроено или нет, но каким-то немислимым образом я умудряюсь поймать букет.

— Ну вот, пора готовиться к новой свадьбе, — прижимается сестрёнка к мужу.

— Да, главное приготовиться, а жениха по ходу найдём, — шучу я, отодвигая от себя цветы.

— Ой, не прибедняйся! Желающих вагон и маленькая тележка, только намекни, — смеётся Антон.

— А толку? Выйти замуж ради печати в паспорте?

— Некоторые и на это согласны.

— Я — нет! — отвечаю категорично.

Ещё пару дней молодожены пробыли дома и улетели в медовый месяц на Гавайи.

Я тоже провожу около недели в Москве, валяясь тюленем на диване и поедая бабушкины пироги, а потом засобираюсь в Лос-Анджелес. Там несколько дел и одни пробы, с ними нужно спешить — съёмки уже этой зимой.

Фильм о танцах — это мечта. Я выросла на фильмах «Шаг вперёд» и «Уличных танцах» и есть большой шанс прикоснуться к созданию ещё одного.

* * *

Вип зал аэропорта, вылет через час. В городе ангелов уже ждут Миша и Алёна. В этот раз сняли хороший большой дом.

Кто-то подходит сзади и закрывает глаза. Ощупываю руки — мужские. Вдыхаю запах туалетной воды.

— Алекс! — узнаю по аромату.

— Ну, так не интересно! — опускает руки, наигранно надувает губы и садится на подлокотник моего кресла.

— Туалетная вода. Она тебя выдает.

Он обнюхивает свою одежду.

— Кстати, всё время забываю спросить — что у тебя за духи? Необычный аромат... Я такой не нашёл.

— Это эксклюзив, таких не купишь в магазине. Создаёт индивидуально для каждого клиента собственный аромат парфюмер — одиночка из Парижа и продает за большие

денАжки.

— О, как! Номерок телефона скинешь? — подмигивает мне.

— Перебьешься! — пихаю его локтем в бедро.

Он шипит и потирает ушибленное место.

— Обиделась и решила со мной больше не общаться? Неделю в Москве, но зашифровалась тщательно, чтобы не пересеклись, — переводит разговор на другую тему.

— Что? На больных не обижаются! — он весело улыбается одним краем губ. — Работала... А теперь отпуск, три недели отдыха.

— Вот так совпадение. А у меня месяц. Куда летим? — отодвигает меня немного в сторону и плюхается рядом в моё кресло.

Становится тесно и душно.

— Куда летим?!- переспрашиваю. — Каждый летит в своём направлении.

— Моё направление — ЛЭй. Сестра там в универ поступила, говорит один придурок покоя не даёт. Надо съездить мозги убогому вправить.

— Боже, как я её понимаю! — закатываю глаза. — Я туда же.

— Совпадение? Не думаю! — цитирует ведущего. — Первый? — кивает на мой билет, лежащий вместе с телефоном на столике.

— Естественно!

— Точно не совпадение, — показывает свой билет.

Наши места даже почти рядом.

Зависаем взглядами друг на друге.

— Ты такая милая, когда без гламурного лоска, — проводит Алекс пальцем по щеке.

Мой пульс ускоряется, и я глубоко вдыхаю. Его запах, и близость рвут лёгкие. Себе-то я уже давно призналась, что он мне нравится, но вот он-то ещё этого не знает. И не спалиться бы...

Объявляют посадку.

— Я помогу, — подхватывает мою сумку и берёт за руку.

Я смотрю на наши сомкнутые пальцы и дурею от покалывающих горячих ощущений.

Так и направляемся в самолёт.

* * *

Решаю посмотреть что-нибудь, пока длится полёт. Вспоминаю, что давно не пересматривала классику советского кино. Выбрала фильм «Девчата». Самый любимый.

Устраиваюсь поудобнее, вытянув ноги, надеваю наушники и погружаюсь в просмотр. Но спокойствие оно нам только снится. Через пять минут появляется Алекс.

— Двигайся, — читаю по губам.

Снимаю наушники.

— Ты что тут делаешь? У тебя своё место.

Но он меня подвигает и растягивается рядом в кресле.

— Совсем с ума сошел? — оглядываюсь назад. — Бортпроводник увидит — получим оба, это не по правилам.

— Я ей сказал, что ты моя девушка, и мы поссорились перед вылетом. Так что она будет молчать.

Я от возмущения открываю рот.

— А что ты хотела, чтобы я сказал? — разводит руками.

— Правду!

— После моего дня рождения все уверены, что у нас роман, — кладет руку на мой затылок и притягивает к себе с желанием поцеловать, но я отворачиваю лицо. — Побудь хотя бы чуть-чуть хорошей и послушной девочкой.

— А ты не будь озабоченным придурком!

— Почему сразу «озабоченный»? Просто нормальный мужчина с нормальными потребностями. Или ты предпочитаешь робких, которые за полгода раз за руку возьмут и всё достижение?

— Да, таких!

— Не-е-т! Ты, прости, пожалуйста, сучка, и парень тебе нужен подстать. Хотя... Я несколько лет был таким вот скромнягой, ждущим момента. Больше не буду. В этот отпуск ты станешь моей.

— Ты офигел? Помечтай! — подлетаю я и пихаю его.

Но он только устраивается поудобнее и похлопывает по тому самому плечу, приглашая прилечь.

— Нет! — злобно выдавливаю из себя.

— Ну как хочешь... Моё дело предложить, — надевает мои наушники, снимает фильм с паузы и накрывает ноги пледом.

Вызываю стюардессу:

— Можно мне ещё одни наушники?

— Конечно, — любезно кивает и, улыбаясь, смотрит на нас.

Алекс дарит ей умопомрачительную улыбку, за что получает пинок по ноге.

Морщится от боли.

— Ревнует, — тихо говорит девушке.

Она приносит мне наушники и мы смотрим кино — он лёжа, а я сидя.

Несколько раз выгибаюсь назад, размять затекшую спину. После ещё одной попытки Алекс поднимается, обнимает одной рукой за шею и тянет на себя вниз. Я ложусь ему на плечо.

— Хватит мучиться, — шепчет в ухо, опаливая кожу.

По телу пробегают мурашки.

Я устраиваюсь, положив руку ему на грудь. Он улыбается... Я этого не вижу — чувствую. Так мы и досматриваем фильм. После сцены со словами: 'Какая ж это любовь? В посёлке про нас невесть что болтают, а я тебя ещё ни разу не поцеловал', — Алекс смотрит на меня:

— Никого не напоминает?

— Не напоминает.

— А мне даже очень.

Нам приносят ужин. Покончив с ним, опять ложимся, как раньше, только теперь слушаем музыку, поделившись айрподсами.

Взглядом ощупываю его улыбающееся лицо, красивые черты, мысленно провожу рукой по щеке, подбородку с лёгкой небритостью и припечатываюсь поцелуем. Внутренности сжимаются от живости моих фантазий. Губы горят и пульсируют от желания поцеловаться с ним по-настоящему. Задыхаюсь и делаю очень глубокий вдох.

— Тебе плохо? — обеспокоен моим поведением.

Да, мне плохо! Я целоваться с тобой хочу. Но не признаюсь. Поэтому в ответ отрицательно кручу головой.

— Потанцуем? — встаёт и подаёт мне руку.

— Здесь? — беру его за ладонь.

— А что не так? Зрителей мало? — тянет на себя, я встаю.

— Люди спать готовятся, — делаю к нему шаг, приближаясь вплотную.

— Музыку слышим только мы, — обнимает одной рукой.

«Давай полетаем мы только вдвоём — лишь ты и я... Никто не узнает... Ты рядом, в тебе душа моя... Давай всё забудем, мы просто мгновенье помолчим... Нам возвращаться нет причин...»

Алекс медленно кружит меня в танце, а я обмираю от горячих импульсов, которые посылает его рука, лежащая на моей талии.

«Улетай со мною в облака... В руке твоя рука... Побудь ещё со мной сейчас... Улетай со мною высоко... Сейчас мы далеко... Поверь, весь этот мир для нас...»

Улыбаемся друг другу, внимательно всматриваясь в глаза. И меня как в песне кроет от его любви.

«И где бы ты ни была, как воздух ты мне нужна всегда... И пусть подождет весь мир... Сольемся орбитами, со мною улетай...»

(Саунд: Jay Leemo — Улетай)

Крутит меня вокруг оси, я сдержанно смеюсь, краем глаза замечая, что вокруг собираются любопытные, которые снимают нас на телефоны. Можно потребовать, чтобы не делали этого, но я не хочу. И Алекс не хочет, наоборот играет, притягивая меня рывком к себе и зарываясь лицом в мои волосы.

В его объятиях спокойно и надёжно. Он крепко прижимает, будто боясь меня отпустить. Его руки скользят по моим волосам, освобождая их от заколок.

— Я буду спать с тобой, — говорит тихо на ухо.

И я хочу возразить, но слова застревают в горле, издаю только какой-то приглушённый хрип.

Подхватывает и укладывает меня в кресло, под пристальными взглядами других пассажиров.

— Всем спокойной ночи! — ложится рядом и укрывает нас с головой пледом.

Дыхание Алекса щекочет шею. Разбирает смех.

— Тихо тебе, — поддерживает моё веселье, проходясь пальцами по рёбрам. — Спать! — сжимает обеими руками в тиски.

Как тут спать, когда ты рядом?!

И мы долго лежим в обнимку, пока я услышала, как его дыхание выровнялось, а сердце перестало бешено биться. Уснул... Я тоже закрываю глаза, растягиваю губы в лёгкой улыбке. Всю жизнь бы так...

Засыпаю.

Будит нас стюардесса через несколько часов, сказав, что подлетаем к Лос-Анджелесу и Гроу должен занять своё место.

— Надо бросать эту дурацкую привычку — просыпаться вместе, — ворчу, потирая глаза.

— Я тебе брошу! Я только привыкать начал, — чмокает в нос и исчезает.

Пока ждём свои чемоданы, ко мне подходит несколько людей с просьбой сфотографироваться. Я не отказываю.

— Это пока, — заявляет Алекс. — Когда их станет больше, ещё и охранников быков двухметровых заведешь.

— В Лондоне я уже с охраной хожу...

— А будешь везде. Неадекватов на свете хватает, — помогает поймать мой чемодан.

Следом подхватывает свой.

— Поужинаем вечером? — предлагает, когда выходим из аэропорта.

Мишка с Алёной уже ждут меня.

— Я не одна, — киваю в их сторону.

— Я тогда сестрёнку возьму. Поужинаем компанией. Надежды на свидание, я так понимаю, у меня нет? — сжимает разочарованно губы.

— Пока нет. А с компанией я согласна.

— Тогда в девять. Адрес скину.

— Хорошо. Тебя подвезти?

— Я на такси доберусь, — отказывается.

— Тогда до вечера, — быстро обнимаю его на прощание и убегая к своим встречающим.

Глава 65

В этот раз ресторан Алекс выбрал обычный, без высокой кухни. Круглые столики расположены в уютном саду с множеством кустов и цветов, каждый под бамбуковой крышей. Вместо стульев удобные кресла. Играет тихая приятная музыка.

— Вайбовое местечко, — с лёгким восторгом произносит Алёнка, когда заходим.

Я с Мишкой переглядываюсь.

— Какие ты слова выучила, — посмеивается он над ней.

— Так вы постоянно про этот вайб говорите. Тот или не тот...

— Не обижайся, — осматриваю столики. — Это у нас профессиональное.

— Я тоже в вашей команде... Профессионалов.

Глаза находят Алекса за столом с тремя девушками. Одна из них его сестра Лера, двух других не знаю.

Гроу, ты оборзел?! Тёлок с собой притащил?!

Ещё и мулатку.

Ой, мать! Расизмом попахивает это в твоих устах.

Она глаз с Алекса не сводит и лыбится без перерыва.

— Миш, в Калифорнии услуги дантиста дорого стоят? — спрашиваю на ходу.

— Не знаю... Тут всё дорого стоит. А что? — растерянно.

— Кажется, я сегодня кому-то зубы пересчитаю, — произношу со змеиным шипением.

— Сэл, держи себя в руках! — дёргает незаметно за рукав, а сам мило улыбается Алексу и девушкам. — Добрый вечер!

Сажусь напротив Гроу и натягиваю дикую улыбочку.

— Познакомишь? — зыркаю на девок.

— Леру, мою сестру, ты знаешь. Это Науми и Кристи, её подруги, — показывает по очереди на девушек.

Взгляд упирается в Науми, ту самую мулатку. Она начинает ёрзать под моим взором. Ещё бы!

— Рада познакомиться, — скалюсь на них. — Миша и Алёна, — представляю своих друзей.

Подходит официант, раздаёт всем меню. А я в нём букв не вижу. Странное ощущение — слепну от злости, которая разъедает изнутри словно кислота.

— Навалял убогому, который сестру обижал? — киваю в её сторону, спрашивая у Алекса.

— Нет, — хмурится, впиваясь в меня глазами.

— Брайан сам извинился, — влезает в наш разговор Лера.

— Подозреваю, что это симпатия, — пытаюсь всё же сосредоточиться на том, что написано в меню.

— Как ты догадалась?

— Если парню на девушку пофиг, то он её игнорит, а не пытается задеть. Любые поползновения — признак равнодушия.

Ну, а что? Лера миленькая. Шатенка со стрижкой под каре, красивые голубые глазки. Миниатюрная.

— А если он пытается постоянно унижить? — спрашивает Кристи.

— Значит, он сам не в восторге от испытываемых чувств. Боится себе в них признаться, но они есть. Вот и старается отыграться и ударить сильнее за своё. Или... он ненормальный.

— Как интересно, — Алекс ставит локти на стол и упирается подбородком в сложенные руки. На лице наглая ухмылочка. — Знакомая ситуация.

Ээ, нет! У нас немного другое. Я от тебя шарахалась, потому что близости как чёрта боялась. Но не говорить же об этом при всех.

Кристи заваливает меня ещё кучей вопросов, пока мы ждём заказ. Вот ей точно Алекс не интересен. А шоколадка так и старается о чём-то поговорить с ним. И хочется, как он однажды, закричать — со мной говори!

В какой-то момент мне становится нехорошо от этого удушающего чувства, и я сбегаю в туалет.

Смотрю в зеркало на своё злое перекошенное лицо и с трудом дышу. Внутри клокочет от бешенства и желания кому-нибудь врезать. Давно меня так не крыло.

Я ревную? Алекса?

Да нет... С чего я должна его ревновать?!

Стук.

— Занято!

— Сэл, открой, — за дверью Гроу.

Щёлкаю замком, а сама отворачиваюсь, чтобы он не видел мои глаза. По ним всё можно прочитать.

Он заходит, молча подхватывает меня и усаживает на тумбу между раковинами. Утыкается носом мне в грудь и глубоко вдыхает.

Я шокировано смотрю на него и немею. Хочется всё высказать, вылить весь поток претензий, но не могу... Сейчас не могу. Сейчас он мой. Открытый и честный.

Осторожно касаюсь его спины, он вздрагивает. Обнимаю, утопая в его тепле.

— Сестра попросила взять с собой подруг, Кристи очень хотела с тобой познакомиться, — оправдывается.

Неужели так заметно, что мне не понравилась его компания? Где я перегнула?

— Кис, я тебя люблю... — сжимает до боли мои бёдра.

Мычу нечленораздельно, пробиваемая потоками чего-то приятного и ощутимо оседающего внизу. И мне сладко от этого. Я поднимаю его подбородок и целую. Мне этого сейчас хочется так, что ломает всю внутри. Мне ласки хочется именно от него. И я со стоном погружаюсь в его объятия.

Он сломал меня... Убегала все эти годы, а так и не смогла. А он смог залезть мне в голову. Смог подчинить себе мои раненные чувства. Я больше без него не хочу... Мне без него пусто.

Из глаз брызгают слёзы. Даже не могу определить от чего они, просто катятся и всё.

— Не плачь... Они не стоят ни одной твоей слезинки, — вытирает пальцами мне влагу с лица.

И снова целуемся. Я цепляюсь за него крепко, так как голова кружится и мне кажется, что я сейчас просто слечу с мраморной тумбы, на которой сижу. Не хочу его отпускать, из объятий его уходить не хочу. Хочу, чтобы время остановилось.

— Давай сбежим? — предлагает Алекс.

— Сбежим? — с трудом понимаю его слова. — Зачем?

— Погуляем вдвоём по городу, — гладит меня по щекам нежно.

— Давай...

Проскальзываем незаметно к выходу и бегом от ресторана.

— Чёрт! Там же Миша и Алёнка. О чём они будут разговаривать с девчонками? — перевожу дыхание через несколько кварталов. — Надо его предупредить, — достаю телефон.

— Нет! — хватает за руку Гроу.

— Так нельзя. Напишу хотя бы, чтобы ужин оплатил. А то некрасиво получается, — набираю сообщение Фалькону, отправляю и прячу мобилу в карман. — И куда мы теперь?

— Понятия не имею, ты лучше город знаешь.

— Прикалываешься? Я кроме лабиринтов студии тут ничего не видела, — возмущаюсь.

Он разводит руками.

— Студия игр... Там же и ночью развлекательные павильоны работают, — щёлкаю пальцами. — Нам нужно такси!

Ловим на улице машину. Доезжаем, покупаем VIP билеты, чтобы легко и без очередей везде проходить. Вечером и ночью людей здесь значительно меньше, но обычно даже несколько минут ожидания меня выводят из себя.

Держась за руки, входим в парк. Неоновый свет вспыхивает на деревьях и декорациях, когда к ним приближаешься. Голографические люди и персонажи сказок возникают из темноты, заставляя подпрыгивать от испуга. Каждый раз я истерично смеюсь и хватаюсь за Алекса, который сдержанно улыбается, не показывая страха. Но очень красиво. Завораживающе...

— Привет! — неожиданно возникает рядом с нами из темноты у входа в другой павильон маленькая девочка.

— Блядь! — тут Гроу впервые подкидывает.

Я ржу с него.

Смотрим на неё внимательно, обходя вокруг.

— Это Красная королева? — приглядывается к ней Алекс.

— Кто?

— В Резидент Эвил не играла? — посмеивается он надо мной.

— Кино смотрела...

— Кино почти ничего общего не имеет с игрой. Только идею.

— Что тогда там? — киваю на дверь в павильон, откуда доносится шум.

— Вы все там погибните, — заявляет голограмма угрожающе и исчезает.

Заебись!

— Подозреваю, что Раккун-сити или Улей Амбреллы, — осторожно тянет на себя ручку Алекс.

Никогда не понимала увлечения мальчишек компьютерными играми. Просиживать часами в виртуальном мире — не моё.

За дверью мы попадаем в огромный павильон с выстроенным городом. Звук сирены режет слух, крики и шум. Бегающие туда-сюда люди, загримированные под зомби, пугают посетителей.

С силой хватаюсь за запястье Алекса. Я знаю эту кухню, как снимают фильмы, так что если тут зомби апокалипсис, то и искусственной кровушки налить могли, а она действует, как и настоящая. Мне на съёмках " Тёмного ангела " было сложно взять себя в руки и не сорваться.

Кто-то хватает за плечо, я взвизгиваю и машу руками с желанием вклеить этому гаду

хорошенько. Гроу быстро хватает меня за руки и сжимает в тиски, понимая, что я могу разойтись до неприличия.

— Мне здесь не нравится, Алекс, — смотрю на него дезориентировано.

— Мне тоже. Пойдём, — вытягивает за руку к выходу в другой павильон.

Что-то сегодня мне не хочется щекотать себе нервы.

В следующем помещении попадаем на какую-то планету. Много неоновых света. Летают бабочки, светятся неземные растения.

— На Пандору похоже, — кручусь на месте.

— Нет, это не Пандора. Пиандонея.

— Так-с... Это очередная игра?

— Да, — смеётся над моей неосведомлённостью.

— Как часто ты в игры играешь?

— Очень часто. Я даже стримлю с компанией.

— Мрак... Ты ещё и геймер...

— А чем заниматься в отсутствии личной жизни? Иди сюда, — притягивает к себе и делает очередное селфи.

Мы их тут уже кучу сняли. И видосиков несколько запилили в соцсети. Вот и сейчас Гроу снимает происходящее вокруг и скидывает к себе на страничку.

Больше мы никуда не пошли, мне хотелось закончить вечер этим умиротворением.

Шли по улице за руки и смотрели друг на друга.

— Спасибо... — благодарю Алекса.

— Не за что...

— Есть за что. Это, конечно, странно, но ты единственный, с кем я ходила на настоящие свидания, — признаюсь честно.

— В смысле? — притормаживает.

— Да. Кроме тебя ни с кем. Первое год назад и вот сейчас...

— А этот твой... Британец? Он не приглашал тебя на свидания? — не верит в мои слова.

— Мы ходили куда-то, но это не свидания. Просто выход в свет. Не было волнения и сомнений, а понравлюсь ли я. С тобой я это почувствовала... С тобой необычно и очень весело, — обнимаю его за пояс и прижимаюсь сильнее.

— Вау... — смотрит пьяно сверху.

Мы оба пьяные, но без алкоголя. От чувств, от происходящего сейчас между нами, от энергии струящейся вокруг.

Поддаваясь порыву, приподнимаюсь на носочки и целую Алекса в полуоткрытые губы. Мир поехал вокруг, я ничего не слышу и не вижу. Только он...

— Поехали ко мне, — вжимает в себя сильнее, чтобы я почувствовала его желание.

— Не сегодня... Я сейчас не готова...

Он убирает руки и отворачивается. Дышит глубоко и рвано.

— Алекс... — касаюсь его плеча, а потом обхватываю и прижимаюсь лицом, трусь носом. — Не злись. Мне чуть-чуть настроиться на тебя надо. Я так долго тебя отвергала, а теперь рядом с тобой такой пожар внутри, что я не могу пока справиться. Ты мне очень нравишься...

— Девушкой моей будешь? — разворачивается и прижимает за затылок к себе.

— Буду...

Вчера, прощаясь, договорились с Сельванной, что сегодня вечером встретимся и сходим в кино. Оказывается, мы два киномана. После решил устроить ей свидание на крыше небоскрёба. Терять лицо единственного правильного ухажёра не хочется. Если у такой красивой девушки никогда не было свиданий, то дай их ей.

Но сегодня она вдруг замолчала, на звонки и сообщения полный игнор весь день. Набрал Мишку, он сказал, что у неё сильные головные боли, и они вызвали парамедиков. Джетлаг... Я сам сморщился от этого слова. В первый мой приезд в Америку тоже ощутил его на себе — головная боль и бессонница мучили несколько дней.

Прыгаю в машину, которую взял напрокат, и еду к ним.

— Нехилый домик! — охреневаю про себя, когда въезжаю во двор дома, в котором живёт Сельванна со своими помощниками.

Большой двухэтажный особняк с садом и бассейном.

Дверь открывает горничная и проводит меня в гостиную. Мишка сидит на диване, разложив перед собой на журнальном столике кучу документов. Пожимает мне руку в приветствии.

— Зря приехал. Врач сделал ей укол обезболивающего, сказал, что скоро она заснёт и проспит до утра.

— Всё так плохо, что даже анальгин не помогает?

— Хуже только после шампанского, — ухмыляется по-доброму Мишка. — Прошлой осенью в Египте на съёмках она сдуру полбутылки осушила, плохо было на следующий день просто нереально.

Сверху спускается Алёна и присаживается рядом с Мишей.

— Привет! Как она?

— Сказала, что боль отпускает. Но нужно поспать...

— Я пойду к ней, — направляюсь к лестнице.

— Алекс! — окликивает меня Миша.

Я останавливаюсь и разворачиваюсь к ним.

— Хочу тебя предупредить. Если у тебя к ней не серьёзно, то не морочь ей голову. Я не хочу снова видеть, как она плачет. Иначе — я тебя по стенке размажу.

— Серьёзно! — отрезаю все его сомнения одним словом.

— Первая дверь слева, — Алёна вдогонку.

Поднимаясь по лестнице, думал, о каких слёзах говорил Мишка.

Из-за бывшего?

Сэл не похожа на истеричку. И бросила она его сама.

Тихонько открываю дверь в спальню. Полумрак... В дальнем углу слабо светит лампа. На одной половине большой кровати под одеялом свернулась Сэл. Я устраиваюсь в кресле напротив.

Она не открывает глаз, скорее всего уже спит, хотя ресницы немного подрагивают. Откидываюсь на спинку и просто долго смотрю на мою красавицу. Бледная, это даже в неярко освещённой комнате видно. Домашняя совсем.

Как же я тебя люблю...

— Прости, что сорвала наш поход в кино, — неожиданно тихо произносит Сэл.

— Ничего страшного, ещё будет время, — двигаюсь на край, ближе к ней. — Как голова?

— Уже лучше...

— Тебе нужно спать... Я мешаю, — поднимаюсь, чтобы уйти.

— Не уходи, — режет слух её просьба.

— Хорошо, я на пять минут, и вернусь, — целую в щёчку и выхожу.

Открываю двери по очереди в поисках ванной. Нашел. Брызгаю в лицо ледяной водой. Кожа горит, а сердце бьётся, как у воробья. Всего два слова вывели меня из полного равновесия.

Это же моя девушка! Но именно сейчас осознание сего факта как-то непривычно для меня. Так долго ждал, она согласилась, а я теперь боюсь. Боюсь не потянуть её, облажаться...

Я возвращаюсь. Скидываю кроссовки и футболку, я в ней задыхаюсь, и ложусь рядом. Сэл дышит ровно и не шевелится. Уснула... Утыкаюсь носом в её затылок, вдыхая запах волос. Они пахнут какими-то фруктами. Аромат похож на её духи, но без примеси шоколада. Вкусная и сладкая, как конфета. Так бы и проглотил.

Долго лежу, поглаживая легонько по волосам и перебирая любимые локоны. Как же я от них тащусь...

Вспоминаю первое прикосновение к их шелковистости и свой восторг от длины. Она для меня тогда была как инопланетянка — красивая, необычная и загадочная. И я влюбился по уши...

Постепенно мысли стали пропадать и я проваливаюсь в сон.

Сельванна.

Раннее утро. Неудивительно — я уснула около восьми вечера. Все ещё спят. В голове лёгкий туман, но уже не болит.

Алекс посапывает за спиной, обнимая за талию и прижимая к своей груди. Горячий...

Совсем легонько прикасаюсь к тату на его руке с моим именем. И ведь выполнил моё тупое желание в начале нашего знакомства, а я не пришла на обещанное свидание, если он его сделает. Идиотка...

Осторожно, чтобы не разбудить, убираю с себя его руку и, стараясь не шуметь, бегом из комнаты, рванув в туалет. Потом душ.

Семь утра. Солнце уже встало. Из окна моей спальни открывается потрясающий вид на берег. Раздвигаю шторы и открываю окно, в комнату врывается свежий ветерок. Вглядываюсь в голубой океан, блестящий на солнце. Тихий... В такие дни чувствуешь себя заново рожденным. Жить хочется...

Алекс ворочается на кровати.

— Зачем ты встала? — слышится сзади его сонный голос.

Поворачиваюсь к нему и внимательно разглядываю. Лениво по-детски хлопает ресницами. Красивый...

— Как ты себя чувствуешь? — произнес с волнением.

— Хорошо...

— Ещё рано, — смотрит на часы на руке, мой подарок на день рождения. — Ложись, поспи...

— Я не хочу, Алекс, — подхожу к кровати, не отрывая от него глаз.

Как я раньше этого не заметила.

— А что ты хочешь? — вымученно улыбается и смотрит на меня вопросительно.

Сажусь рядом с ним, провожу кончиками пальцев по его небритому подбородку, щекам. Погружаю их в его волосы, чувствую кожей какие-то неровности. Не припомню их...

— Тебя, — вложив в это слово всё своё желание.

Алекс дёргается. Замечаю, как расширились его зрачки в голубых, как небо, глазах. Они становятся почти черными. И мы сливаемся в поцелуе. Таким, что он сжигал всё внутри напалмом. Вспыхиваем, как спички, обжигая друг друга поцелуями и прикосновениями. Гроу делает резкий поворот, и я в мгновение ока оказываюсь под ним.

Он распахивает мой халат. Под ним ничего... На его лице довольная хищная улыбка.

Губы изучают каждый сантиметр моего тела, а я плавлюсь как воск. Когда его губы касаются груди — по телу проходит горячая волна. Внизу живота приятно и болезненно тянет, а от вспышек в голове мутнеет.

Он втягивает один сосок в рот и делает вокруг него круговые движения языком, слегка прикусывает. Взвизгиваю и выгибаюсь дугой. Алекс просовывает руку под спину, проводит ей вниз и сжимает попу. Вторая рука и рот ласкают грудь. От сладких ощущений мозг не соображал. Только чувства — острые, как нож.

Губы Алекса возвращаются к моим и впиваются жёстко, настойчиво, я отвечаю укусом. Рычит на меня... Отвечает тем, что прикусывает мочку уха. А потом запускает в него свой язык. От невероятных ощущений хочется сбежать, но ноги отказали. Всё тело собрасает дрожь.

— Алекс, пожалуйста... — прошу умоляюще.

Эта самая сильная пытка, которую я когда-либо чувствовала.

Он отстраняется и смотрит на меня. В его глазах пляшут бесы.

— Сэл, ты уверена?

— Я голая перед тобой. Есть сомнения?

Он снова покрывает моё лицо поцелуями. Коленом раздвигает мне ноги и запускает в меня пальцы. Толчок вперёд. У меня вырывается стон.

— Да, киса. Теперь я верю, что ты меня хочешь, — проводит этими пальцами по моему животу, оставляя мокрую дорожку.

Его одежда сброшена, теперь мы оба обнажены, как первобытные люди. И секс такой же — дикий и необузданный. Крутимся на постели, лаская друг друга.

Когда он входит в меня, я чувствую боль и вскрикиваю.

Чёрт! Он заполнил меня всю. Размер огромный.

— Ты привыкнешь, — раздаётся смеющийся голос Алекса над ухом.

Он двигается, а меня от каждого толчка уносит горячей волной. Стоны и крики сами вырываются, я не могу их контролировать. Дыхание будто остановилось. Тело пробивает током так, что ноги сводит. Я судорожно дёргаюсь в оргазме и чувство будто описалась.

Fuck!

В голове словно взорвался склад боеприпасов.

Алекс ненадолго отпускает, дожидаясь, когда меня перестанет бить дрожь. А потом снова входит. Движения становятся быстрее и глубже. Мир вокруг разбивается вдребезги, звуки исчезают, только пульсируют охренительные импульсы в голове. Меня снова накрывает волной оргазма. Я его царапаю и кусаюсь, а он только смеётся:

— Дикая кошечка!

Дальше был ещё и ещё оргазм, пока Алекс не получает такое же удовольствие, как

и я. Наши стоны ласкают слух. Это было цунами... Накрыло и я тону...

Оба мокрые и обессиленные мы лежим поперёк кровати валетом.

— Детка, ты огонь! — целует мне ногу, а потом кусает за это место.

— Ты тоже неплохо дров подкидываешь, — шучу в ответ.

Он смеётся, наматывая мои волосы на руку, тянет на себя.

— Ай! — прикусываю его за бок.

Урчит по-кошачьи.

Мой котик...

Душ мы принимали вместе. Кончилось всё тем, что я чуть не разбила голову, когда достигла пика наслаждения. Алекс подхватил меня и крепко прижал.

— Больше никогда не будем ЭТИМ заниматься в душевой, — выдыхаю ему в плечо.

— Согласен, опасно... — смеётся на ухо, опалая дыханием.

Он выходит, быстро вытирается, потом помогает мне, сильно растирая полотенцем, собирая с волос воду. Целует и уходит. А я остаюсь досушивать волосы феном, поставив на самый мощный режим. Даже так это занимает минут двадцать.

Когда вхожу в спальню, Алекса там нет, как и его вещей, только халат скомкано валяется на полу.

— Вот гад! Получил своё и сбежал! — со злостью пинаю мокрую тряпку.

Спускаюсь вниз, чтобы узнать у охраны как давно свалил мерзавец. Через окно замечаю, что во дворе стоит ламба. Это не наша машина... Никуда он не уехал.

— Понторез!

С кухни доносится звук чего-то упавшего.

— Да, ладно! Ты ещё и готовить умеешь? — задаю вопрос в пустоту и отправляюсь на звук. Он стоит у плиты. — Если ты тут что-то разбил, то, во-первых, тебе за это придется заплатить хозяину, во-вторых, Алёнка тебя придушит. Кухня — это её место обитания. Видел, какую морду уже Мишка нажрал?

— Ложка упала, — показывает мне.

— Ты готовишь завтрак? — удивлённо вскидываю бровь и забираюсь на высокий стул у стола, разделяющего кухню на две половины. — Так мило.

— Это всё на что я способен. За то у меня есть другие таланты, — играет бровями.

— Какой же ты самоуверенный!

— Так это даже ты признала, — перегибается через стол и чмокает в губы.

Возвращается к плите.

— Мне просто сравнивать толком не с кем, — высказываю мысль вслух.

Спина Алекса напрягается, он сжимает в руке лопатку до побеления костяшек.

— Я не хочу слышать о твоих бывших, — цедит сквозь зубы.

— Я о твоих тоже... Тем более мои с их количеством не сравнятся.

— Это мои с тобой не сравнятся, — перебивает меня.

Это льстит.

Берёт с полки тарелку и кладёт в неё что-то со сковороды, ставит передо мной.

— Что это? — смотрю на блюдо, и меня начинает подташнивать.

— Омлет с сыром и помидорами, — подаёт мне вилку.

— Ммм... — натянуто улыбаюсь.

Отковыриваю маленький кусочек и глотаю нежёвавши.

— Вкусно...

Сзади раздаются шаги и голоса, это Миша и Алёна. Они живут в другом крыле дома на первом этаже, чтобы я не слышала их ночные «шалости».

— Вы уже не спите? — интересуется Мишка, я покачиваю головой. — Как самочувствие?

— Нормально...

— Похоже, ещё нет, — заглядывает он в мою тарелку.

Я зыркаю на них обоих, слегка помотав отрицательно головой, чтобы заметили только мои помощники.

— Вкусно? — давит смех Алёна.

— Очень! — сжимаю губы и натягиваю улыбку до ушей.

— Ну, я тогда кофе сварю, — отворачивается подруга и зажимает рот рукой, чтобы не прыснуть от смеха.

Я доедаю всё, борясь с чувством тошноты. Не хочу обидеть Алекса, он так старался.

— Алекс, подкинешь меня на пробы, — выхожу из-за стола.

— Конечно, без проблем. Только в отель заедем, я переоденусь.

— Хорошо, я пойду, возьму вещи, — срываюсь скорее к лестнице, а потом в туалет.

— На будущее, Алекс, — отворачивается от двери Миша. — Она оmlет терпеть не может. Сыр любит, а вот это... — показывает два пальца в рот.

— Думаешь, она сейчас его в туалете скидывает?

— Уверен, — смеётся Мишка.

А Алёна согласно качает головой.

— Откуда ж я знал?! Зачем тогда ела? — развожу руками.

— Влюбленные девушки ведут себя порой очень странно, — загадочно улыбается Алёнка.

Влюбленная?..

— Могла бы и сказать, что ты такое не ешь, — обиженно бурчит Гроу, когда мы садимся в машину.

— Эти доложили? — киваю в сторону парочки, стоящей в обнимку на пороге.

— Да... Давай договоримся, если тебе что-то не нравится, то ты об этом говоришь прямо, а не молчишь, — пристегивает ремень безопасности. — Как было раньше.

— Договорились, — щёлкаю своим.

Машина плавно выкатилась со двора и понеслась по улице до отеля. Номер Алекса на пятом этаже. Уютно и в тоже время современно.

Он обнимает сзади и притягивает к себе. Откидывает волосы с шеи и прижимается к ней губами.

— Алекс, мы опоздаем, — тихо, с трудом справляясь с мурашками на теле и возбуждением, которое заныло внизу.

— Пробы через полтора часа, мы успеем, — подхватывает под попу, приподнимает и несёт к кровати.

Вот ненасытный!

Смотрю сверху на его довольное искрящееся лицо и до сих пор с трудом осознаю, что я сдалась этому парню. Как же долго я морочила ему голову.

— Прости меня, — пытаюсь сказать между поцелуями, когда мы падаем на кровать.

— За что? — перестаёт расстегивать мой бюстгальтер.

— За то, что так долго держала тебя в друзьях.

— Не было между нами никакой дружбы, — всё же снимает с меня бельё и проходится языком по груди до соска. — Ты просто на ручнике всегда была. А причин не объясняла, — ведёт губами по коже.

Не объясняла, да... Ты бы потребовал имя насильника, и чем бы всё закончилось — хрен знает.

Места, по которым он «идёт», горят, словно по ним зажигалкой ведут.

Разворачивает меня лицом в матрас, стягивает остатки одежды. Целует по линии позвоночника. Ниже и ниже. Моя попа вся расцелована.

— Ай! — вскрикиваю от неожиданного укуса.

Но тут же это место покрыто поцелуями, и я забываю про боль и жжение. Голова кружится.

Алекс седлает меня, и я ощущаю его горячий член между моих булочек. Трётся, заставляя меня застонать от накатывающего желания, чтобы он быстрее оказался во мне.

Снова приятная боль от проникновения и я улетаю куда-то сознанием от сладких толчков во мне. Токи волнами накрывают снова и снова голову. Это что-то невероятное... Я недовольно рычу, когда Алекс сбавляет темп и, наоборот, царапаю простынь от глубоких и резких движений.

— Я сейчас кончу... — вгрызаюсь зубами в ткань.

Алекс ещё сильнее ускоряется, и я готова сбежать из-под него, потому что такое терпеть нет сил. Так кайфово мне ещё не было. Мозг «взрывается» в черепушке, а телу передаётся взрывная волна, которая бьёт конвульсиями.

Гроу тоже кончает, я это чувствую и слышу по стонам. Бессильно сваливается с меня на огромную кровать. А я даже головы не могу поднять, так беспощадно была вжата в кровать и оттрахана, что тела не чувствую. Да и мозга тоже. Вакуум. Ни одной мысли, только счастливая идиотская улыбка на лице.

А такого точно стоило ждать...

* * *

Мы бежим за руки по коридору студии. Опоздали, не сильно, но всё же. Находим нужный зал и вламываемся туда с хохотом и прерывистым от бега дыханием. Там человек сорок и все смотрят на нас удивлённо.

— Извините, — мой голос подхватило эхо высоких потолков.

Алекс только сдавленно улыбается, прикладывает руку к груди и кланяется.

— Вы на пробы? — строго спрашивает высокая подтянутая стройная женщина лет сорока пяти, пронзая нашу парочку взглядом холодных серых глаз.

— Да, — отвечаю я и протягиваю ей бумаги.

— Опаздываете. Мужские пробы у нас завтра, — обращается она к Алексу.

— Он просто со мной... — улыбаюсь я женщине, но её это не смягчило.

Это Энди Хиггинс, хореограф фильма.

— Тогда пусть подождёт там, — показывает на одинокий стул в конце зала.

— Ни пуха, ни пера, — желает Гроу вполголоса, крепко пожимая руку и стягивая с моего плеча рюкзак.

Пара девушек в зале восторженно смотрят на него, перешептываясь. Узнали... Значит, наши или из СНГ.

— К черту!

Это второй этап проб, нужно станцевать. Актерский я уже прошла заочно, отправив видеозапись с куском текста, который прислали. Третьим будет импровизация.

Хореограф показывает связку движений, которые нужно запомнить и повторить.

Прогнав два раза этот кусок, включили музыку и мы станцевали.

— Ты, ты, ты и ты, — ткнула Хиггинс пальцем в девушек. — Свободны!

Расстроенные девчонки подхватили вещи, и вышли из зала. А нам показывают ещё связку и снова заставляют повторить.

Я пытаюсь сосредоточиться максимально, но очень тяжело бороться со смехом. Алекс в конце зала кривляется, копируя все движения. И ведь точно попадает, гадёныш!

Снова вылетели пять девочек. В следующий раз десять и так до тех пор, пока нас не осталось шесть.

— Всех оставшихся, ждём послезавтра в три часа здесь же с вашим танцем, — объявила Энди.

Фух! Я прошла.

— Поздравляю! — подходит Гроу и чмокает в щёку.

— Пока не с чем, — прикусываю губу.

— Я уверен — роль твоя, — обнимает за талию, стоя сзади, и фотографирует нас в отражении огромного зеркала.

— А вы, молодой человек, не хотите попробоваться на роль завтра? — предлагает Хиггинс Алексу.

— Нет, спасибо! У нас в семье одна актриса.

Она отвечает ему улыбкой. А я смотрю на них, открыв рот.

Ты хренов соблазнитель, Гроу! Пойди ты завтра на пробы — роль в фильме была бы у тебя в кармане.

— Что это было? — накидываюсь на него с упрёком, когда выходим.

— Ты о чём? О том, что она мне улыбнулась? — делает вид, что не понимает.

— Нет! Я про семью!

— Ааа! Ты про это... Ну, ведь так и есть, ты — актриса, я — артист, все по своим местам, — ускоряет шаг, чтобы дойти до машины и открыть мне дверь.

— Мы не семья!

— Это временно, — самоуверенно произносит он. — Не, волнуйся — ты привыкнешь.

— Да, ты мне всегда это говоришь!

— Господи, ну почему я не влюбился в какую-нибудь глухонемую? — складывает руки в молитве и смотрит на небо.

— Сама задаю ему этот вопрос! Мне бы тихий, лежащий в коме как раз бы подошёл.

Алекс сгребает меня в охапку и целует. Жарко, ноги подкосились. Он подхватывает и прижимает к себе моё обмякшее тело.

— На нас люди смотрят...

— Да похрен! — и снова целует.

Сидим в небольшом итальянском ресторанчике, на уличной веранде. После проб жутко захотелось есть.

— Какую пиццу закажем? — берёт Алекс меню, стоящее на столе.

— «Маргариту».

— Я думал, ты выберешь «Три сыра».

— Я хочу «Маргариту».

Подошедший официант принимает заказ.

— Надеюсь, сегодня наш поход в кинотеатр не отменяется?

— Нет, конечно, — потягиваю холодный лимонад.

— Жаль, что вчера не получилось. Пришлось такое свидание на крыше отменить.

— На крыше? — удивляюсь. — Необычно...

— Да. Но не судьба...

— Лос-Анджелес не предназначен для таких свиданий, мне кажется. Другое дело Париж или наш Питер...

— Малыш, да с тобой хоть на Бурдж-Халифа, — протягивает руку и гладит по щеке.

Слегка шершавая рука вызывает поток мурашек по телу.

— Там тоже неплохо, — пересиливаю себя, чтобы не поплыть прямо здесь. —

Переезжай в наш дом, — предлагаю ему.

Хочу, чтобы он был рядом.

— Зачем?

— Затем. Не нужно платить за отель, в который ты будешь приезжать только переодеться. Для этого есть шкаф в моём доме.

Он удивлённо выгибает дугой бровь.

— Я не могу жить за твой счёт.

— Тебя никто и не заставляет, — хмурюсь.

Какие же дебилские принципы у некоторых мужчин.

— У меня другое предложение — после проб взять напрокат машину побольше и проехаться по Штатам, — делает вид, что смотрит в сторону, а сам косится на меня.

— Заманчиво... Но через четыре дня я должна быть на фан встрече в Сан-Франциско.

Наш разговор перебивает девушка, которая подошла сфотографироваться со мной.

Отдаёт Алексу телефон, и он делает снимок.

— Непривычно, что не с тобой фотографируются? — допиваю свой лимонад и делаю знак бармену, чтобы повторил.

— Ничуть... Я здесь дышу свободно. Но и тут находятся те, кто узнает. Особенно в Beverly Center, там наших полно. Кстати, надо после обеда туда заглянуть, я с собой вещей по минимуму взял.

— Н-е-т! Только не магазины, — хныкаю.

— Д-а-а, — тянет. — Тебе тоже что-нибудь купим. И не спорь!

Боже, он мной уже командует. Но со мной не так легко, как ты думаешь.

Мы ходим из одного магазина в другой. Алекс волочит в руках кучу пакетов, большая часть с его покупками. Он покупает всё без разбора. Я же морщусь от почти всего, что мне предлагают. Гроу оказывается очень терпелив, ни разу не сорвался, пока я долго хожу между

рядов вешалок и по итогу ничего не нахожу подходящего.

— Я устала, — надуваю губы, когда мы идём в направлении очередного бутика.

— Ну, наконец-то, — облегчённо выдыхает. — Поехали отсюда уже.

Кремень! Я бы четыре часа блуждания по торговому центру со мной не выдержала, устроила бы скандал часа через полтора.

Все пакеты с трудом влезают в небольшой багажник ламбы.

— Поменяй машину, она невместительная.

— Я заметил, — заводит машину и срывается с парковки, скрипя резиной.

Следующий пункт был его отель — забрать вещи. Уговорила таки его переехать ко мне, хоть он и сопротивлялся. Но пара поцелуев и поглаживание по бедру, и он, закатив глаза, согласился.

* * *

— Может быть, вы с нами в кино? — спрашиваю у Миши с Алёной перед выходом.

— Нет. Мы и дома можем посмотреть, — отказывается девушка, игриво покосившись на Фалькона.

— Понятно. Пойду, потороплю Алекса, а то он, похоже, решил в шкафу поселиться.

Гроу стоит у зеркала при параде. Я приваливаюсь плечом к дверному косяку и наблюдаю, как он расчёсывает волосы.

— А ещё говорят, что девушки долго собираются.

Он подскочил от испуга и повернулся ко мне.

— Ты так бесшумно подкралась, — хватается за сердце.

— Ничего подобного. Это ты был так увлечён собой, что не заметил меня.

И снова я в его крепких руках, которые сжимают меня так, что голова кружится.

— Мы в кино опоздаем, — задыхаюсь от поцелуев.

— Не опоздаем, — снова наклоняется и впивается в мои губы.

Я обвиваю его шею руками и прижимаюсь к нему всем телом. Какой же ты... Ммм... Съела бы!

* * *

Если честно, то мы практически не следим за тем, что происходит на экране кинотеатра. Мы увлечены друг другом. Держимся за руки, перебирая пальцы друг друга, целуемся или просто смотрим в глаза. Похожи на двух подростков и ведём себя так же.

На половине фильма Алекс выходит в туалет, напрасно он пил эту Кока-Колу, и пропадает. Я жду минут пятнадцать, но его всё нет. Решаюсь пойти за ним.

Навстречу мне выскакивает девушка с телефоном в руках и вызывает полицию. Она говорит, что трое афроамериканцев избивают белого парня. У меня внутри всё обрывается. Я бегу в ту сторону, откуда пришла она.

— Алекс! — кричу, подбегая к ним и заслоняя его собой.

Ему уже досталось — разбита бровь и губа, он сгибается и задыхается от удара в солнечное сплетение. Но видимо успел ответить, у одного из парней разбит нос, второй

держится за глаз. Третьему достаётся удар ребром моей ладони в горло. Он хватается, хрипит за шею и отступает.

— Сэл, не лезь! — еле дышит Гроу, но поднимается и отодвигает меня в сторону.

— Стоять! — раздаётся голос сзади.

Это полицейские.

Полночи провели в участке. Разбирались с этой дракой.

— Алекс, какого чёрта ты с ними связался? Жить надоело? — обрабатываю ему дома раны. — Нам повезло, что мы иностранцы, поэтому и отпустили.

— Фсс, — шипит и кривится от боли. — Один из них меня толкнул плечом, я попросил быть аккуратнее. Они начали наезжать. Я даже не всё понял, что они говорили. Потом ударили, я ответил.

— Ты знаешь, что у одного из них был нож? А если бы он тебя пырнул? Закрой глаз, — попикала антисептиком на разбитую бровь.

Алекс снова морщится.

— Хорошо не ствол, — пытается пошутить.

— Это, по-твоему, шуточки?! Ты чокнутый придурок! Тебя могли убить!

— Но не убили же. Ты тоже как тигрица бросилась на мою защиту. Приёмчик, которым ты его вырубил, покажешь? — притягивает меня за талию и сажает на колени.

Клею ему на рану пластырь. Так лучше. А то меня кроет уже от вида крови.

— Шрам останется теперь.

— Шрамы мужчин украшают. Так что с приёмом?

— Обычная самооборона — глаза, горло, пах. Я просто за тебя испугалась и треснула куда попала, — провожу пальчиками по его щеке.

В его глазах столько тепла.

— А я за тебя... — гладит меня по спине.

Тело сразу покрывается мурашками. И вид разбитого лица жутко возбуждает. Перед глазами начинает появляться пелена, стук собственной крови в висках оглушает. Но я держусь. Нужно бороться со своим пороком, маниакальностью или как это там называется.

— Я со школы не дрался. Лупить по груше в зале не считается.

— Я последний раз дралась год назад. Но это и дракой не назовешь...

— Что? Как?

— Приложила наглого ублюдка в туалете мордой об зеркало, за то, что к девушке приставал. Мы так, кстати, с Алёнкой и познакомились, — обнимаю Алекса за шею.

— А ты боец! Меня ты тоже ловко вырубил.

— Зря, что ли меня тренируют столько лет, — чмокаю его в губы.

— Фсс! — перекашивается от боли его лицо.

— Прости!

— Не прощу! Прощение ты должна заслужить ласками, — похотливо улыбается и урчит.

— Вот же котяра хитросделанный, — пробираюсь руками под его футболку и провожу ногтями по груди.

У него вырывается стон.

— Я слишком долго тебя ждал, теперь навёрстываю.

— Мда... — сосредоточиваю взгляд на его разбитой губе.

А что такого? Выпусти зверя погулять... Ему точно понравится.

Внутри просыпается что-то животное, неуправляемое. Я чувствую, что даже моё лицо

меняется, появляется звериный оскал.

Зубами вгрызаюсь в футболку Алекса, делаю небольшие дырочки, а потом, проникая в них ногтями, разрываю её.

— Сэл, ты что творишь? — смеётся, но в глазах видно удивление. — Она пятьсот баксов мне стоила.

— Я тебе новую куплю, — рычу и больно кусаю за шею.

— Ай... — сжимается.

Хватает меня за плечи и отстраняет от себя.

— С тобой всё нормально? Ты так резко поменялась, — вглядывается внимательно, пытаюсь разгадать причину перемены.

— Не нравится? — веду плечами, чтобы освободиться от захвата.

Снова прикладываюсь к его шее. Желание прокусить до крови, но это может испугать его. Просто всасываюсь, оставляя засос.

Бёдрами скольжу туда сюда на коленях, чувствуя что он под штанами уже в боевой готовности. Ускоряю движения, отчего он стонет громко.

— Fuck, Сэл! — пальцы врезаются в мои ягодицы, сильно и до боли сжимая.

Кайф...

Освобождаю его член от плена одежды, а себя от трусиков, и седлаю моего сладкого мальчика, пытаюсь поглотить его собой как можно глубже.

Это больно. Но меня такая боль только ещё больше разжигает. Толкаю Алекса в грудь, он откидывается в кресле и с довольной улыбкой закатывает глаза. Что-то урчит, мурлычет, стонет.

Ноготками веду по груди, не прекращая двигаться и ёрзать на нём. Остаются красные отметины. Лижу царапины языком.

Гроу шипит и вдавливая пальцы в мои бёдра. Заставляет ускориться. Во мне поднимается волна, накрывающая с головой от взрыва чувственности. Алекс рывком насаживает меня так, что внизу сводит от боли. И я чувствую, что он кончает в меня. Когда вынимает член, сперма вытекает из меня вместе с моей влагой, пачкая его лобок.

Провожу пальцем и пробую на вкус. Алекс молча удивлённо морщится.

— Ты животное, Сэл...

— Алёна, мы на интервью, а ты, как этот Ван Дамм проснется — покорми его завтраком, — прошу подругу перед уходом.

— Хорошо... Я могу его эксплуатировать?

— В смысле? — не понял Миша, отвлекаясь от телефона.

— Мне нужны мужские руки таскать сумки из супермаркета, — поясняет она своему парню, а то у него от ревности дымок с ноздрей пошёл.

— Можешь! — похлопываю я Мишку по плечу и делаю знак рукой, что пора идти.

— Держи, — протягивает он мне два конверта в машине.

— Что это? — кручу в руках.

— Приглашения. Белый на следующей неделе у Мастерса день рождения, он приглашает, плюс один. А вот приглашение в синем меня сильно удивило.

— Что там такое? — открываю я конверт и не верю глазам.

Оно было от Рона, ему в этом году тридцать лет. Приглашает седьмого ноября отметить юбилей в Лос-Анджелесе. Родился он десятого.

Кто раньше времени днюху отмечает?!

Мы три раза всего после съёмок пересекались. Один на премии, два других на студии озвучивания. Не скажу, что мы враги, просто не общаемся.

— Пойдешь?

— А почему нет? То, что мы когда-то встречались — ничего не значит. Мы коллеги. И я уже давно забыла его глупую попытку меня вернуть.

Мишка скептически хмыкает и заводит машину.

Мы приезжаем в офис музыкального канала. Вопреки ожиданиям шума и беготни, нас встречают всего четыре человек в студии. Приглушенный свет, удобные диванчики и доверительная атмосфера.

Интервью (фрагмент):

— **Как вам работалось практически в мужском коллективе сериала?**

— Нормально. Они почти все женаты. Это, кстати, немного смущало. Игра в любовь, целоваться и сниматься в постельных сценах, когда знаешь, что это увидит жена актёра, вызывает неоднозначные чувства. А так моя команда на девяносто процентов состоит из мужчин — я привыкла.

— **Что было самое сложное на съёмочной площадке?**

— Запомнить все эти юридические термины, — смеюсь.

— **Вы занимаетесь ещё музыкой. И она занимает большую часть вашей работы. Собираетесь ли завязать с кино и уйти на сцену?**

— Скорее наоборот, хочу больше посвятить себя кино.

— **Вы родом из России. Тяжело здесь?**

— Нет. Нормально и комфортно себя чувствую. Моя семья по-прежнему живёт там и не собирается покидать страну.

— **Как они воспринимают ваш успех?**

— Радуются. Недовольны только тем, что мы редко видимся, раз в полгода. Надеюсь, теперь я буду бывать дома чаще.

— **Что изменилось? Это как-то связано со слухами о романе с русским молодым**

человеком?

— Ээ... я оставлю этот вопрос без ответа... — улыбаюсь. — Давайте личное оставим личным. Когда я буду готова рассказать о своём любимом человеке — я это сделаю.

— Хорошо. А что для вас любовь?

Пауза. Мне сложно подобрать слова для ответа.

— Боль... Любовь всегда приносит боль. Особенно если это невзаимно. Сначала появляется душевная боль, которая постепенно перерастает в физическую. Тебя начинает ломать, выкручивать, ты плохо спишь, ешь. Перестаешь общаться с друзьями и близкими, стараешься быть один, чтобы никто не видел твоё состояние. Но даже взаимная любовь приносит не меньше страданий. Потому что вы начинаете переделывать друг друга, подстраивать человека под себя, возникают конфликты, вы ссоритесь. Расходитесь. Хорошо, если в разные комнаты, пока не остынете. А можно разойтись и навсегда...

— Как с этим бороться?

— Во-первых, принимать человека таким, какой он есть. Не пытаться его изменить. Во-вторых, научиться слушать, разговаривать и не делать поспешных выводов. В-третьих, не уходить после ссоры. Особенно это касается мужчин. Пусть у девушки истерика, она выгоняет, но уходить — это самая большая ошибка. Ушел — это значит предал. У нас у девушек фантазия бурная, мы в голове себе такого напридумываем, что ни один писатель фантаст с нами не сравнится.

— Что мужчине нужно в такие моменты делать?

— Обнять... Крепко... Пусть дерётся, царапается, кусается — терпи. Ну и обязательно сказать, как ты её любишь. Что она единственная, другую такую ты не вытерпишь, — смеюсь. — Не знаю... Поцеловать, отнести в спальню и заняться кое-чем примирительным.

— Это основано на жизненном опыте?

— Мой опыт как раз неудачный, но это моё решение расстаться, хотя у нас всё было благополучно.

— Карьера?

— Нет. Семейные проблемы. У меня не было времени на любовь. Так бывает. К сожалению...

— Вы возглавляете десятку самых популярных блогеров Великобритании с несколькими миллионами подписчиков. И это за пару лет. Тяжел груз славы?

— Нет, я его пока ещё не ощущаю. Хотя вижу, как на улицах, в магазинах или ресторанах меня снимают тайком. Иногда это раздражает, у меня есть своя жизнь, в которую я не хочу пускать посторонних. Сегодня с утра в сети активно обсуждается мой вчерашний шоппинг. Ну, кому какая разница, где и какое нижнее бельё я купила?

— Я думаю, обсуждают не сам поход по магазинам, а то с кем он был, и для кого оно было куплено.

— Возможно... Но это моё, повторяюсь, личное дело. А вообще люди сенсацию могут высосать из пальца и развернуть другим боком. У нас в стране про такое говорят — в одном конце деревни пукнул, в другом скажут, что обгадился. Почему всем интересна чужая жизнь? Копаться в грязном белье? Я не в прямом смысле, переносном. Занимайтесь своей. У всех есть проблемы, решайте их.

— Может потому, что звезды — люди публичные и поклонникам хочется знать немного больше?

— Я же к ним в спальню не лезу со свечкой постоять. Если я посчитаю нужным рассказать о чём-то, то я это сделаю сама. Без гадких сливов и вбросов часто ложной информации.

— **Какие планы на будущее?**

— Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах. Поэтому я долгосрочных не строю, максимум на три месяца. А вообще самый главный план — жить и быть счастливой в моменте. Надеюсь, получится...

* * *

— Миш, проследи, чтобы отсебятину не выпустили.

— Обязательно. Домой? — открывает дверь машины для меня.

— Да. Что-то я устала. Ты домой звонил?

— Угу. Все живы, здоровы.

Алекс греется на солнышке, растянувшись на шезлонге у бассейна. Нависаю над ним, закрыв свет. Смачный синий засос виден на его шее издалека.

Он поднимает очки и приоткрывает один глаз.

Смотрит на меня:

— Девушка, вы мне солнце загораживаете.

— Переживёшь.

— Excusez moi, — приподнимается и садится. — Кстати, я на тебя зол.

— Что так?

— Ты продала меня в рабство!

— Да что ты! И кому?

— Алёне. Мне пришлось тонну продуктов из магазина привезти.

— Не преувеличивай, Алекс. Мы столько не съедим. Ну, и ты же не хотел здесь жить бесплатно. Вот и отработывай.

— Ах, ты... — ловит меня за ноги, притягивает к себе и усаживает на колени. Отбросив прядь моих волос с лица, целует в губы. Больше шипящих звуков от боли он не издаёт. Но рядом с ранами видны небольшие синяки.

— Болит? — слегка прикасаюсь пальцами к его губе.

— Чуть-чуть. Но целоваться я могу, — снова припадает к моим губам.

Моё тело «заискрилось».

— Остановись, ненормальный. У тебя снова кровь пошла, — отстраняюсь, когда чувствую солоноватый вкус во рту.

А у самой в голове застучали молоточки. Кровь ударяет в голову от вида открывшейся раны. Внизу тянет, а кожа вспыхивает, словно её подожгли. Даже лёгкое прикосновение как ожог крапивы.

— Пошли навверх, — увожу я его за собой.

Дальше я плохо соображаю, только звериный инстинкт. Алексу ничего даже делать не приходится, только лежать и получать удовольствие.

Сан-Франциско.

Пятизвёздочный отель, в одном из его залов и будет проходить пресс-конференция.

А пока нас заселили в номера. Я прихватила с собой Алекса, чтоб не было скучно.

Мишка, конечно же, тоже рядом, куда я без него.

— Шикарный вид из окна, — открывает Гроу двери на балкон и выходит.

Вид на мост Золотые ворота.

— Да, визитная карточка Сан-Франциско, — выхожу следом за ним.

Алекс ловит меня сзади и притягивает к себе, целуя в макушку. Я вдыхаю солоноватый воздух.

— Привет, соседям! — раздаётся с балкона слева.

Это Джед. Он буквально сверлит нашу пару глазами. А на лице наглая ухмылка.

Сто раз пожалела, что тогда по-пьяни танцевала перед ним. Но такие ошибки, увы, не исправишь.

— Привет, Джед! Алекс, познакомься, это мой коллега по сериалу...

Алекс приветственно кивает:

— Приятно познакомиться!

На балконе появляется яркая блондинка и смотрит на нас.

— Это моя жена Лайла, — представляет её Джед.

— Вы живёте в отеле? Вы же отсюда, — решаю я уточнить.

— Это номер Дэна.

— Ах, вот оно что, — неприятно скребнуло внутри.

Жить через стенку с Дэном не очень хочется, но придется.

— Что-то не так? — подозрительно всматривается в меня Алекс, когда возвращаемся в номер.

— Нет. Всё хорошо...

— Ты напряглась, когда этот парень с нами поздоровался.

— Просто неожиданно появился.

— Сэл, признайся — у вас что-то было? — берёт за плечи и упирается орлиным взором в мои глаза.

Взгляд его голубых глаз тяжёлый, пронизывающий насквозь, пытается разглядеть правду.

— Нет, — по сути это не ложь, пара поцелуев не считается.

— Хорошо, — он теплеет.

— Ты ревнуешь? — обнимаю за шею.

— Я ревнивый собственник. Так что лучше не давать мне повода, — склоняется над моими губами, потом целует.

— Тогда будет скучно.

— Поверь — я найду повод. Например, столб рядом с тобой, — я смеюсь. — Знала бы ты, как я злился, когда видел кого-то рядом с тобой, даже на фотографиях. Ревновал до одури.

— Значит, тебе придется себя обуздать. Я актриса, Алекс! Мне приходится в кадре целоваться, изображать любовь, секс, — делаю акцент на последнем слове. Его глаза

сузились и потемнели. — Ты ведь снимаешь клипы и знаешь, как играть на камеру. Но это всё не по-настоящему.

— Вот именно знаю, как это всё снимается, — произносит с нотками злости.

А потом понимает, что спалился, и виновато отводит глаза в сторону.

— Твою мать, Алекс! Только не говори, что ты со всеми ими спал?!- бью его кулаком в плечо.

— Не со всеми. Была одна несовершеннолетняя... И ещё одна...

— Всё, заткнись! Не хочу даже слышать! — пытаюсь вырваться из его рук, но он не отпускает.

Прижимает к себе сильнее.

— Забудь о них. Теперь только ты и больше никого мне не надо, — выдыхает слова мне в макушку.

Теплое дыхание касается кожи головы, заставляя тело трепетать.

Я ему верю. Не знаю почему, но верю. В моём присутствии он никогда не смотрел на других девушек, всё внимание только мне. Стало стыдно за свои мысли.

Я обвиваю руками его за пояс и тянусь к губам.

— Запомни, милый, за измену я накажу и очень жестоко, — проговариваю, прежде чем поцеловать.

Он даже глаза не закрыл, видно было, как в них на секунду проскользнул страх.

Я не шучу.

* * *

Расположились с обедом в креслах на балконе, когда затрещал мой телефон. По фэйстайму звонит Стаська.

— О, молодожены вышли из спальни, — Алекс хихикает.

— Привет, sister!

— Привет! — откидываюсь на спинку. — Как Гавайи?

— Супер! Прилетай к нам!

— Я на работе.

— Какая работа? Ты же говорила у тебя до конца месяца отпуск.

— Так и есть. Но приходится пару дней поработать, продлю себе потом отдых.

— Заканчивай, собирай чемодан и к нам. Тут клёво! — восторженно громко.

— Хороший получится у вас медовый месяц в моей компании.

— Да какой медовый месяц! Фиг с ним, что мы мало времени провели на пару?! Я сестру раз в полгода вижу, а сейчас есть вариант отдохнуть вместе. Антош, ну скажи ей, — смотрит сестрёнка в сторону.

Там, похоже, муж.

Антон появляется в пределах камеры:

— Да, давай к нам!

— Заманчиво, но я как бы, не одна...

— Не поняли! — хором.

Я переключаю с фронтальной камеры на обычную. Напротив меня сидит Алекс и потягивает холодный безалкогольный мохито.

Машет им рукой:

— Hello!

Я снова переключаю камеру.

— Вот это номер! — вырывается у Стаськи. — Прилетайте вместе. Так даже лучше.

— Я за! — подходит и обнимает меня сзади Гроу и улыбается моим родным. — Тони, привет!

— Здорова, бро! — приветствует в ответ зять.

— Мы прилетим через пару дней, — обещаю я.

— Выходит, вы с Антоном вы продолжаете дружить, — замечаю я.

— Мы с ним в одной команде в Fortnite рубимся.

— Где вы рубитесь?

— Онлайн игра такая, — разъясняет мне.

— Оу, понятно, — я далека от этого. — Снова ваши игры.

Тоша раньше увлекался, думала, что перерос уже пацанские увлечения.

— Иногда, по ночам... Когда не спится и скучно.

— А у тебя такие были?

— После твоего появления в моей жизни почти все ночи такие, — целует меня в шею.

* * *

Пресса вперемешку с фанатами сериала задают бесконечные вопросы, часто не по существу, залезая в личные дебри. На слишком откровенные или частные стараюсь не отвечать. Приходится ловко увиливать от них.

Когда вопросы не касаются меня — смотрю в зал. В начале первого ряда сидит Алекс, закинув ногу на ногу, и со скучающим видом листает что-то в телефоне. Но по выступающим из-под футболки мышцам понятно, что он напряжен и ловит каждое слово. Время от времени поднимает глаза из-за кепки, которую натянул поглубже, чтобы не было видно его лица, и смотрит мне в глаза. Тогда на моём расцветает улыбка, и я пытаюсь её подавить, прикусывая нижнюю губу. А он показывает кивками головы, чтобы так не делала, это возбуждает.

Он точно озабоченный!

Это не прошло незамеченным. Алекса тоже фотографируют.

Чёрт! Мы сами подогреваем слухи...

А ещё за мной следят две пары глаз ревнивых жён. И если Лайла смотрит так на любую девушку рядом с Джедом, то Гвен ненавидит только меня.

Неужели Дэн ей всё рассказал? Не думаю. Да и что там было? Поцелуй вне камер. И всё. Да, чувственный, но только и всего. Ничего более мы себе не позволили. Сейчас я сижу рядом с Дэном и ощущаю только лёгкий дискомфорт от его близости или скорее от воспоминаний. Больше ничего.

Всё внимание поглощает Алекс. Как этому наглецу удалось залезть мне в голову и под кожу? Пропитать собой всё? Когда я сошла с дорожки ненависти к нему к дороге влюбленность? Где была эта грань?

Куча вопросов и ни одного ответа. Я задумываюсь настолько, что не замечаю, что мне задали вопрос.

- Что? Повторите вопрос... — прошу я.
- Ваше сердце сейчас свободно? — повторяет вопрос парень.
- Нет... Я влюблена, — в упор смотрю на Алекса.
- Я тебя люблю, — читаю по его губам.

* * *

- Прямо светишься от счастья, — подходит ко мне Джед, когда я осталась одна на ужине.
- Алекс что-то обсуждает с Майклом.
- Не плакать же.
- Я думал, что ты к Дэну чувствами вспылала, а оказалось и здесь ошибка, — кивает в сторону Гроу.
- Дэн женат... Я не собираюсь сидеть и ждать до старости шанса, которого нет, — беру бокал вина и делаю большой глоток, чтобы успокоиться нервы.
- Он рассказал всё Гвен.
- Значит, дурак! Ничего сверхъестественного между нами не случилось. А признанием своим дал ей повод думать, что он может изменить.
- Я ему так же сказал.
- Понятно теперь, почему он ни разу со мной не заговорил, — смотрю в сторону Дэна. Он бросает на нас быстрый взгляд и отворачивается к собеседнику.
- Ещё бы! Там только что до развода дело не дошло.
- Не дошло и хорошо. У них милые малыши, не хотелось бы, чтобы они жили то там, то здесь, разрываясь между родителями.
- Вот поэтому я не развожусь, — замечает Джед.
- Ты не разводишься, потому что тебе так удобно. Жена прощает и отлично. Но поверь мне, Джед, это до поры до времени, — хлопаю его по плечу и направляюсь к Алексу.
- Он уже несколько раз недовольно косился в нашу сторону.

Сестрёнка с Антоном забронировали для нас небольшое бунгало недалеко от своего. Пляж, пальмы, океан в пяти минутах ходьбы — райское местечко.

Перед приездом пришлось пройтись по магазинам и купить с десяток купальников, лёгких платьев, несколько шорт и маек, чтобы выглядеть красавицей.

Электрокар подвозит нас к нашему домику, на небольшой террасе в креслах уже расположились мои родственники.

— Aloha! — приветствуют в один голос, шутливо вскидывая руки вверх.

— Признавайтесь, вы репетировали? — обнимаю сестрёнку, потом Антона.

— А чем ещё тут заниматься, — смеётся друг и крепко пожимает руку Алексу. — Можно уже говорить — добро пожаловать в семью?

— Я пока не знаю, — отвечает Гроу и смотрит вопросительно на меня.

— Всё будет зависеть от твоего поведения.

— Тогда веди себя как можно хуже, ей, похоже, это нравится, — шутит Стаська.

* * *

— Признавайся, когда произошла эта метаморфоза, которая так изменила твоё мнение об Алексе от шизанутого придурка и наглеца до «возможно, мы примем тебя в семью»? — спрашивает сестра, когда парни оставляют нас наедине, увлекшись разговором об играх.

— Сама без понятия. Пару дней назад задавалась тем же вопросом, — качаю головой и задумчиво прикусываю нижнюю губу.

— Он же тебя бесил! И кроме дружбы ты ничего не хотела с ним иметь...

— Он и сейчас это делает, но уже по-другому. И вообще, вы тут без интернета сидите что ли? Вся пресса нас почти женила уже, одни вы тёмные.

— Мы почти не заглядываем в него. Только сегодня прочитала о вас. И была в шоке... Кстати, что у него с лицом?

— Подрался с тремя афроамериканцами в кинотеатре.

— Мда, влипнуть в истории он умеет. В этом вы похожи, — посмеивается сестра.

— Видимо, ты о нём знаешь больше, чем я.

— Я же его поклонницей долгое время была. Так что многое о нём знаю. А вот роман с собственной сестрой мимо меня прошёл.

— Слона-то ты и не заметила.

— Это точно! С Роном получается — всё? — меняет тему Стаська.

Я тяжело вздыхаю, отпуская давящее чувство от её вопроса.

К чему она его вообще задала?..

— Думаю, да... И давно. Представляешь, он мне приглашение на свой юбилей прислал. Я обалдела, когда конверт открыла.

— Пойдешь?

— Почему нет, — пожимаю плечами.

— С Алексом?

— Нет. Он уже вернётся в Москву.

— И что вы будете делать? Ездить друг другу на выходные?

— Не знаю, Стась! В конце ноября закончится контракт, я буду свободнее. Смогу летать и жить в России дольше.

— Ага, потом у тебя начнутся съёмки или ещё что-то, — ведёт пальчиками в воздухе.

— Стась, не трави душу! Я сама уже сто раз думала о том, что будет дальше, когда этот месяц закончится. Я ведь даже его девушкой согласилась стать. Не хочу метаться туда-сюда. Кому-то из нас придется уступить, но вот кому... Одно точно — без Алекса мне будет хреново, — снова вздох. — Я в его объятиях таю, как сыр в духовке...

— Значит, придётся принимать сложное решение. Иначе ты развязываешь ему руки и даёшь понять, что он может ходить налево.

— Не может, — ухмыляюсь.

Сестра вскидывает бровь.

— Давно...

— Ух, ты! Ничего себе! Наш неразборчивый Алекс сломался, — юморит сестра.

— Скорее починился.

— У него, кстати, после школы не было серьёзных отношений. После того, как его любимая девочка в аварии погибла.

— Я не знала. Когда это было? — шокирована её словами.

Я совершенно не интересовалась жизнью Алекса раньше. Не хотела забивать лишней информацией голову.

— Примерно восемь лет назад. Он угнал тачку отца, чтобы покататься с девушкой, и они попали в серьёзную аварию, слетели с дороги на полном ходу, машина несколько раз перевернулась. Врачи его тогда в буквальном смысле с того света вытащили, а вот девочка умерла... Теперь у него два дня рождения. Говорит про себя, что восьмилетний мальчик живёт в теле двадцатипятилетнего парня. А в её смерти он до сих пор себя винит... Кстати, у него на голове есть шрам послеоперационный. У него перелом черепа был.

— Мда... — хмыкнула я. — Вот что значит совершенно не знать человека.

Слова о восьмилетнем мальчике как-то плотно засели в голове.

— Успеете ещё. Не всё же сразу выкладывать. У тебя тоже есть тайны, — смотрит косо Стаська.

— Есть...

— Пойдем, разбавим их компанию, а то они ещё передерутся, — кивает Стаська в сторону наших парней, которые действительно о чём-то активно спорят.

Алекс

Я растянулся на животе на диване, положив голову на колени Сэл. Она, то взъерошивает мои волосы, то приглаживает, мурлыкая что-то.

Много лет я не разрешал никому из девушек проделывать это. Только маме...

Из-за Лики... Она любила так делать. Моя первая любовь и первая девушка во всех смыслах. Но её больше нет...

Я переворачиваюсь на спину, но всё так же остаюсь на коленях Сельванны. Просто лежу и смотрю на неё, не отрываясь. Она немного похожа на Лику, такие же черные глаза и волосы, дерзко вздёрнутый носик.

Только Лика была попроще и поговорчивее. И зависимая от родителей. Сэл в её возрасте была уже самостоятельной. До сих пор иногда просыпаюсь в ужасе от её последнего взгляда перед аварией. Она спасла меня, закрыв собой.

— Откуда у тебя шрам на голове? — задает вопрос Сэл, будто прочитав мои мысли.

— После трепанации остался...

— Тебе делали такую сложную операцию?

— Да, после аварии была открытая черепно-мозговая.

— Жуть, — морщит носик.

— Ещё бы! Мозги наружу.

— Теперь понятно, почему ты носишь удлинённые чёлки. Как это произошло? — проводит пальчиком по еле заметному шраму.

— Я плохо помню, — решаю уйти от ответа.

— Что-то же должен помнить.

Да... Страх в глазах Лики.

— Помню, как дурачились в машине, я набрал слишком большую скорость. Драйв. А потом мы кувыркаемся с дороги. Очнулся через неделю в реанимации весь в бинтах и гипсе, — мой голос вздрагивает.

— Там кто-то погиб?

— Да. Моя девушка... Её звали Анжелика. Ей было всего шестнадцать...

— Ты её любил?

— Очень... Она училась на класс младше меня. Новенькая. Когда появилась в школе — я её сразу приметил. Подкатил к ней, а она недолго сопротивлялась. Оказалось всё просто — взаимность. Год встречались, я уже жениться собирался, планы строил. А потом... Потом я её убил... — произнес стальным голосом.

— Это несчастный случай. Ты не виноват...

— Виноват! Выпендриться хотел. Показать себя крутым. И чего добился? Сам потом полгода лечился, врачи вообще крест на мне ставили. Говорили, что если и выживу, то инвалидом останусь. А я выжил и нормальный. А её больше нет...

Я сажусь и обнимаю колени, как ребёнок.

Сэл прижимается сзади и целует в обнаженное плечо.

— Ты же не хотел, чтобы так произошло...

Я беру её руку и прижимаюсь губами к открытой ладонке.

Мой взгляд падает на шрамы на руке, такие же есть на второй. Она вскрывала вены.

— Если у нас вечер откровений, то откуда у тебя эти шрамы?

— Они тоже мне напоминают о смерти близкого человека.

— Кого?

— Дедушки...

— Что с ним произошло?

— Я его убила, — произносит холодным голосом

У меня в жилах застывает кровь.

— Только, если в твоём случае это был несчастный случай, то я точно знаю, что виновата в его смерти. Пока он меня спасал, из-за моей дурачности у него произошёл обширный инфаркт на фоне сильного стресса.

— Ты же не знала...

— Что у него сердце большое? Знала. Что уже был один инфаркт — знала. Но я жалела только себя. Ведь мне было плохо, хотя проблема так легко решалась. А дедушка умер. Так что эти шрамы — напоминание, что жизнь важнее глупостей. Потому и не свожу.

— Ты это не специально...

— А хочешь ещё одну тайну? — смотрит на меня каким-то диким взглядом.

Я качаю головой в согласии, и меня это пугает.

— Я хотела застрелить убийцу моих родителей. Собственноручно. Уже направлялась в больницу, где он лежал, чтобы его грохнуть, когда мне позвонили и сказали, что он сам сдох.

Она это проговаривает с каким-то звериным хладнокровием, у меня даже спина холодеет.

— Я не верю...

— Зря... Все способны убивать. Вопрос только в том — когда это желание выйдет наружу. Мы животные, Алекс. Хищники... А хищники убивают. Я за семью глотки зубами грызть буду, если понадобится...

Теперь меня как будто ледяной водой окатили. Внутри сдавил холод от этих слов.

В её глазах что-то такое, что пугает. Животная дикость... Понимаю одно — она не шутит.

Отпуск закончился. Алекс улетел в Москву. На Гавайях отдохнули без приключений, только ощущение близкого расставания пугало. Последние пару дней мы не отходили друг от друга почти ни на минуту.

После его отлёта несколько раз порывалась купить билеты и рвануть за ним, останавливала работа.

Я получила роль, и нужно было каждый день на несколько часов ездить на репетиции. Так же работали в студии, писали новые песни в дуэтах с американскими звездами.

Пролетел месяц...

— Послезавтра день рождения Рона, ты собиралась пойти, если я не ошибаюсь, — напоминает Миша.

— Да, я помню. Надо подарок купить.

— Уже, — показывает Мишка фото мужской сумки на телефоне. — Сегодня привезут.

— Что бы я без тебя делала? — улыбаюсь ему.

— Всё бы делала сама.

— Это точно. Напомни мне прибавить тебе зарплату.

Телефон издаёт звук сообщения. Алекс прислал кучу сердечек. На лице сама собой расплывается улыбка.

— Кстати, десятого у тебя частный концерт на закрытой вечеринке в Лондоне.

— Ты пробил, кто заказал? Я не буду выступать для очередного извращенца, — набираю ответное сообщение Гроу.

— Да. Конкретное имя не сказали, но заказ от друзей для именинника. Он твой большой поклонник, так что это сюрприз, всё должно быть тайно. Там будет много людей.

— Отлично, — соглашаюсь. — Передай моим друзьям, чтобы на мой юбилей Энрике Иглесиаса заказали, — шучу я.

— Ну, это через, чур...

* * *

Машина останавливается у порога большого двухэтажного особняка. Рон решил погулять на славу.

— Позвонишь, я приеду за тобой, — напоминает Мишка, когда я выхожу из машины.

Подает мне пакет с подарком.

— Хорошо...

Он уезжает.

Я глубоко втягиваю воздух и подхожу к двери.

Внутри полно людей. Но основная масса гостей в огромной гостиной.

Отыскиваю глазами Рона и направляюсь к нему.

— Поздравляю! — вежливо целую в щеку и вручаю пакет.

— Спасибо! — он будто оцепенел и не сводит с меня глаз.

Эмми так вообще меня глазами поедает. Была бы у неё возможность — она бы меня придушила.

— Сэл! Вот это сюрприз, не знал, что ты в Америке, — подходит к нам Филипп и звонко чмокает меня в щёку.

— Уже третий месяц...

— Как дела у моей любимой звёздочки? — подмигивает мне.

— Отлично. Готовлюсь к новому фильму.

— И это я зажёл эту звезду, — хвастается Филипп, приподнимая палец, он явно уже не один бокал выпил. — Пойдем, я тебя ещё кое с кем познакомлю, он как раз ищет актрису твоего типажа для фильма.

— Извините, — обращаюсь к Рону и Эм прежде чем Торнхилл меня уводит.

— Сельванна, познакомься, это мой друг — Брайан Синг, — представляет меня.

— Боже, Филипп, ты был прав. Она идеальна! — прикасается губами к моей руке брюнет примерно моего роста, лет пятидесяти.

— Приятно познакомиться, — немного смущаюсь от его слов.

— Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на Монику Беллуччи? — спрашивает вполне серьёзно Брайан.

— Да, бывало...

— Так вот я хочу снять фильм о ней. Как вы смотрите на то, чтобы исполнить эту роль?

— Лестно сыграть самую красивую и сексуальную женщину в мире. Но...

— Никаких «но»! В ближайшее время сделаем пробы, если вы согласны, конечно.

— Ээ, да... — улыбаюсь я такому предложению.

Кажется, запахло Оскаром.

* * *

Большой компанией сидим на диванах вокруг стола с напитками и закусками. Филипп и Брайан опять завели разговор о фильме. Но постепенно он перешёл в обсуждение красивых и сильных женщин.

Рон напротив и почти не сводит с меня глаз. Хотя не он один... Чувствую себя мишенью. И вроде привыкла к постоянному вниманию, но сегодня как-то не по себе.

— Сэл, вы, как одна из красивейших девушек Британии, как считаете — почему такие женщины зачастую одиноки? — задает мне вопрос Синг, наклоняясь за бокалом вина.

— Потому что мужчины боятся сильных женщин. Красивая знает себе цену и не будет рядом с недостойным её. Она всегда найдёт замену, — смотрю надменно на Рона.

Эмми переводит взгляд то на меня, то на него.

— Поэтому мужчины в большинстве случаев ищут ту, что попроще, — кидаю косо взгляд на Эм.

— Сэл, ты же тоже долгое время одна, — давит, как ему кажется, на больное Филипп.

— Кто тебе сказал? У меня есть любимый человек, — окидываю всех взглядом, ухмыляясь.

Рон меняется в лице, а Эмми рядом с ним зеленеет от злости. Кажется, она восприняла мои слова иначе.

— Значит слухи — это правда? — интересуется Мэдлтон.

— Слухи — это слухи...

Подают торт, и Филипп передаёт мне тарелку с кусочком.

— Спасибо, Фил, но я не очень люблю торты, — машу рукой в знак отказа.

В этот момент Эмми толкает под локоть Торнхилла и этот кусок прилетает прямо на мою белую блузку.

— Извини, — театрально изображает раскаяние. — Я не хотела.

А в глазах светится совершенно противоположное — удовольствие от содеянного.

— Сука, — шиплю я чуть слышно через зубы.

— Я провожу до ванной, — порывается помочь Филипп.

— Сама найду! — огрызаюсь на него, припечатав взглядом к полу.

В ванной снимаю блузку и стараюсь застирать, но жирное пятно на белом шёлке только расплзается ещё больше.

— Fuck!

В дверь стучат.

— Кто там?

— Это я, — голос Рона. — У тебя всё нормально? Я могу войти?

— Входи.

Он входит. Осматривает меня с ног до головы. Его глаза останавливаются на уровне груди. Судорожно сглатывает.

Я даже не подумала, когда разрешила войти, что стою сейчас в одном бюстгальтере выше пояса посреди ванной. Он кружевной и мало что скрывает.

— Блузка испорчена, — расстроено складываю руки на груди, отчего ложбинка ещё больше увеличивается и становится привлекательнее.

Рон вдруг начинает снимать свою рубашку.

— Что ты делаешь? Совсем сдурел? — не на шутку пугаюсь.

Он отдаёт её мне:

— Надень. А блузку я сдам в химчистку, будет как новая.

— Нет. Как я буду выглядеть в твоей рубашке? Что люди подумают?

— Тебя когда-то это беспокоило? Не будешь же ты ходить так, — кивает на кружевное бельё.

Мне не нравится его взгляд. В его глазах читается желание.

Выхватываю сорочку и надеваю, пытаюсь скрыться от этого раздевающего взора.

— А ты?

— Поднимусь наверх и надену другую...

— Вам очень идёт мужская одежда, — улыбаясь, смотрит на меня Брайан, когда я возвращаюсь к гостям.

— Подлецу всё к лицу, — шучу в ответ на его комплимент.

Увидеть лицо Эмми было высшим наслаждением. Она рвала и метала. Полетела наверх, наверное, устроить Рону скандал. Их долго не было.

За это время я позвонила Мише, чтобы он меня забрал. И тот довольно быстро приехал.

— Миленький наряд, — посмеивается надо мной.

— Ха-ха, эта сучка испортила мне блузку за четыре тысячи баксов, — злобно рычу я.

— Как будешь мстить?

— А зачем? Это рубашка Рона... — растягиваю губы в злорадной улыбке. — Он в ней был на вечеринке.

— И кто здесь сучка? — приподнимает он брови.

Мы посмеялись и поехали домой.

Мишка сразу отправляется спать, а я поднимаюсь в спальню и принимаю душ. Когда собираюсь лечь в постель, раздаётся звонок телефона.

— Алекс, — нежно улыбаюсь своим мыслям.

Но это не он. Звонит охранник.

— Извините, но к вам гость.

— Так поздно?

— Не пускать?

— Кто это?

— Рон Мэдлтон.

Мысли перемешались. Что он здесь делает?

— Пропустите...

Я жду минут пять и выхожу из спальни.

Рон стоит у лестницы, когда я спускаюсь сверху. Нервный и взъерошенный.

— Если ты за рубашкой, то я хотела сначала её отдать в стирку и лишь потом вернуть.

— Можешь оставить её себе.

— Спасибо за подарок с барского плеча, — язвительно.

Замираю на несколько ступенек выше его.

— Зачем тогда ты приехал?

Он шагает по лестнице ко мне. Останавливается совсем рядом, смотрит в глаза, прожигая насквозь. По спине прошёлся холодок. Становится не по себе.

Потом хватает за руку и притягивает к себе, впиваясь губами в мои. Я пытаюсь отпихнуть, но не получается. Он был на взводе и пьян, от этого сила прибавляется.

Но я не оставляю попытку вырваться. Его это только, похоже, распаляет. Он вдавливает меня в стену.

— Отпусти. Я буду кричать, — рычу на него.

— Кричи, — затыкает рот поцелуем.

Я изловчаюсь и выворачиваюсь из его тисков. Бегу наверх, но он снова хватает меня на верхней ступеньке. Оттесняет назад, пока я не упираюсь задницей в стол, который стоит в коридоре. От толчка лампа, стоявшая на нём, падает и разбивается. Я отдергиваю руку от боли. На внутренней стороне ладони большой порез. Кровь хлещет из раны. Трясу кистью. Несколько капель попадают на лицо и одежду Рона.

Мы молча заморожено смотрим на стекающую по руке кровь. По телу проходит электрический заряд, и в голове что-то отключается.

Я смотрю на Рона совершенно по-другому... И накидываюсь. Сама... С поцелуем.

Миша

Кто-то барабанит кулаком в дверь спальни. Я встаю, чтобы выяснить, в чем дело. Алёна приподнимается и смотрит сонно:

— Что случилось?

— Не знаю, — натягиваю штаны и открываю дверь.

У двери стоят горничная и один из охранников. Оба жутко испуганные.

— Что произошло?

— Там мисс... Много крови, — заикается от всхлипываний девушка.

Внутри всё леденеет. Я срываюсь и лечу молнией к спальне Сэл. Они за мной.

У двери отодвинут стол и разбита лампа. Кругом капли крови, на стене след от окровавленной руки. Я осторожно отворяю дверь в спальню.

Сэл лежит посреди кровати без простыни, наполовину прикрытая одеялом. На полу дорожка из кровавых пятен. Под рукой на матрасе большая красная лужа.

— У неё ночью был гость, — говорит за спиной охранник.

— Кто? — от нехороших предчувствий внутри всё сжимается.

— Рон Мэдлтон.

Какого хрена он припёрся?!

Сзади взвизгивает Алёна, вошедшая за нами. Я смотрю на неё. В глазах страх, её бьёт дрожь. Она закрывает рот руками, чтобы опять не закричать.

Подхожу к кровати и всматриваюсь в Сэл.

Странно, она не бледная.

Трогаю пульс на шее. Он бьется ровно. Правая ладонь замотана куском какой-то ткани, насквозь пропитанной кровью. Я приподнимаю её и сдергиваю повязку. Глубокий порез.

— Ммм, — возится Сэл.

— Расходимся. Всё нормально. Это только порез.

Все глубоко и с облегчением выдыхают.

— Что за столпотворение? — бубнит Сэл спросонья, оглядывая нас и прижимая к обнажённой груди одеяло.

Все, кроме меня, сразу испарились.

— Ты совсем с катушек съехала? Мы же подумали, тебя грохнули! Столько крови вокруг. Ещё и охрана говорит, что у тебя Мэдлтон ночью был. Только не говори, что ты с ним...

— Выгнала я его, — садится в постели, подтянув ноги к подбородку. — Сначала было какое-то помутнение, когда кровь увидела. Но потом подумала об Алексее и пелена спала. Я его оттолкнула и потребовала уйти.

— Неожиданно... Учитывая твой фетиш.

— А для меня нет. Я больше ничего к нему не чувствую. И мне противно с ним.

Сельванна

Большой банкетный зал в Лондоне. Моё выступление — главный подарок. Меня привозят на машине тайне, заводят через чёрный ход и оставляют в комнате до выхода.

Когда приходит время, в зале тушат свет, чтобы был сюрприз. Когда его включают и я привыкаю к нему, оглядываю толпу присутствующих. Сердце скакнуло к горлу... Это

вечеринка Рона для его друзей... Нормальное явление — устраивать отдельные тусы.

Он явно не ожидал меня увидеть, и шокирован. Перед глазами пролетели события последней ночи с ним. Становится гаденько.

Эмми смотрит презрительно и высокомерно, нагло ухмыляясь. Думаю, это она заказчик сюрприза.

Но это всего лишь работа, и я её выполняю по полной отработав оплаченный гонорар.

Я уже собираюсь сесть в машину, когда подходит Эм.

— Теперь ты понимаешь, что ты только обслуга, которой платят, чтобы развлекать публику? — проговаривает с желчью в голосе.

— Надеюсь, для оплаты моих услуг тебе не пришлось брать кредит? Я хоть и обслуга, но очень дорогая, — делаю равнодушное лицо.

— Не твоё дело!

— Да мне плевать, — с равнодушием. — Мне тебя жаль...

— Это ещё почему?

— Пытаешься строить из себя ту, которой не являешься. Прикидываешься белой и пушистой, чтобы на тебя обратили внимание.

— Зато Рон мой!

— Да подавись! Только это самообман, как ты это не понимаешь. Терпеть измены, только чтобы рядом был тот, кто не любит...

— Ты о чём? — хватает меня за рукав.

— Да, ладно! — мелькает в голове догадка. — Вот же Рон конспиратор. Неужели ты за эти дни не видела его обнаженным? У вас всё так плохо с ЭТИМ? — нагло хихикаю я ей в лицо. — Загляни ему под рубашку, — шепчу рядом с её ухом и дергаю плечом, освобождая рукав.

Я возвращаюсь к машине, оборачиваюсь и гляжу на Эмми. Она стоит, как пыльным мешком пристукнутая.

Из моего горла вырывается истерический смех.

На спине Мэдлтона должны быть следы моих ногтей. Я помню, как царапала его в ту ночь. И пусть ничего не было между нами, но желание ударит суку побольнее гораздо сильнее.

Это тебе месть за испорченную блузку. Не пытайся переиграть плохих девочек, не зная, какие козыри у них в рукаве.

* * *

Набираю Алекса. Телефон долго молчит и, когда я уже хочу отключиться, на экране появляется лицо Гроу. Задыхается, мокрые волосы взъерошены, без верха.

— Чем ты там занимаешься? — в шутку грозно пилю его глазами.

— В душе был, — проводит камерой телефона по своей фигуре, бедра обмотаны полотенцем. — Только из студии приехал. Альбом добиваем.

— Хоть бы одну демку послушать выслал, — обидчиво надуваю губки.

— Н-е-т, — протягивает отказ.

— Жадина!

— Просто этот альбом подарок для тебя.

— О, как! Тогда подожду... У меня тоже для тебя сюрприз через неделю выйдет.

— Ты меня балуешь, — урчит мой котик. — Куда ты едешь?

— Домой... У меня было частное выступление, чёрт бы его побрал!

— Хреновый заказчик? — Алекс садится в кресло возле окна.

— Не то слово! Даже вспоминать не хочется. У вас там снег идёт? — резко меняю тему разговора, заметив за его окном снегопад.

— Угу, — встает и показывает мне как всё кругом бело.

— А у нас дождь пошёл... Хочу к тебе... — жалостливо хныкаю.

— Я тоже соскучился. Очень-очень...

— Тогда у тебя один выход- через три дня я жду тебя у себя в Лондоне.

— Это просьба?

— Это приказ! И он не обсуждается, — скомандовала.

— Почему именно через три дня?

— Потому что через четыре премьерный день второго сезона сериала и мне по этому случаю нужно быть на мероприятии. Хочу, чтобы ты пошёл со мной.

— Ты серьёзно? Вместе? Под прямой прицел журналистов? — с удивлением.

— Да. Именно так. С тобой под камеры, под ручку...

— Хорошо... Я прилечу.

— Замечательно. Значит, я тебя жду. Напишешь, каким рейсом прилетаешь, чтобы тебя встретить.

— Окей.

Я хотела нажать на кнопку сброса, но Алекс меня остановил:

— Стой!

— Что ещё?

— Я тебя люблю!

— Я тебя тоже, — ласково улыбаюсь ему.

Теперь я в этом даже не сомневаюсь.

Он прилетел через день. Сказал, что не выдержал и купил билет на ближайший самолёт.

Погода в эти дни выдалась тёплая.

Я показала ему Лондон. Свои любимые места.

В первый день мы долго гуляли по улицам, взявшись за руки. И плевать было на то, что на нас смотрели, узнавали, снимали.

Сидели в моём любимом ресторанчике и пили латте из больших чашек, смотря в окно, на проходящих мимо людей. Мы были счастливы...

Вечером Мария Ивановна пригласила нас на чай, угощала пирожками и весёлыми историями. Мы ели и смеялись.

— Этот парень нравится мне больше, — тихо говорит мне на ухо моя соседка, когда мы собираемся уходить домой.

— Мне тоже, — гляжу с улыбкой на Гроу.

Я как-то рассказала ей про Мэдлтона, и она стала пристально следить за его жизнью.

* * *

— У меня живот болит, — плюхается Алекс на диван в моей гостиной. — Только не

знаю от чего — того количества пирожков, что она в меня запихнула или от рассказа об их с подружкой отдыхе в круизе.

— Да, они те ещё старушки-веселушки, — забираюсь к нему на колени и прижимаюсь.

Он обнимает одной рукой, другой поднимает за подбородок и разворачивает к себе лицом. Нежно чмокает в нос.

— Я так понимаю, стены здесь тонкие? — хитренько блестит глазами.

— Ну-у, есть немного...

— Тогда мы постараемся потише, — осторожно касается моих губ поцелуем.

Но через секунду он сменяется на страстный и напористый, сжигающий всё.

— Алекс... — выдыхаю с шумом его имя.

Больше воздуха нет. Я задыхаюсь от нехватки кислорода.

Тем временем я уже лежу под ним, а он наваливается всем телом, но я не чувствую тяжести.

Стягивает через голову с меня кофту.

Его губы жадно блуждают по моей коже, обжигая и оставляя ноющие следы. Касается языком соска, который давно уже торчит от возбуждения. Слегка прикусывает его, облизывает и снова кусает. Я вскрикиваю. Тело пробивает током.

Его губы опускаются всё ниже и ниже, не оставляя ни сантиметра на теле без внимания.

Я слышу звук молнии на моих джинсах, они поползли вниз с ног вместе с трусиками. Его губы всё так же оставляют обжигающие следы на коже.

Одним движением сдергивает с меня штаны и откидывает в сторону. Довольно рычит и разводит мои ноги.

Его губы и язык проникают в самое сокровенное место. Я жадно втягиваю воздух, чтобы не отключиться от нестерпимой яркости чувств, и запускаю пальцы ему в волосы.

Он продолжает дразнить, доводя меня до оргазма. Не отпускает, пока я истекаю влагой. Наоборот продолжает ласкать рукой. Чтобы я не кричала, затыкает рот поцелуем. Крик звучит в голове.

Скидывает с себя одежду. Берёт мою руку и заставляет сжимать и двигать пальчиками вдоль члена.

Когда он открывает глаза, я не вижу их цвет. Сплошные черные зрачки.

Он стонет:

— О, да, киса... — и убирает мою руку от себя.

Входит резко и глубоко, наполняя меня всю собой. Его движения сильные, даже грубые. И я ощущаю, как падаю в бездну блаженства. Меня накрывает волной эйфории. Алекс издаёт несколько громких стонов и кончает.

— Я тебя люблю, — тихо, но так, чтобы он услышал.

Ловлю кайф от звучания этих слов в его адрес. Этот наглец перевернул мой мир.

Алекс скатывается с меня и ложится рядом.

— А я тебя, — целует так, что внутри всё опять закипает и я в полусознательном состоянии.

Декабрь. Неделя до Нового года.

Подарки куплены и упакованы в чемоданы, на которых я сижу в прихожей в ожидании такси до аэропорта.

Домой. К семье. К Алексу.

Прошёл месяц с нашей встречи. Последний раз я была в Москве в конце ноября, давала концерт в одном из ночных клубов.

Контракт закончился. Теперь подписан на представительство, по сути, я сама по себе.

— Через шесть часов я буду уже на месте, — поясняю Алексу, который там уже на старте мчатся в Шереметьево.

— Ты помнишь, что у нас завтра запись на канале и послезавтра мы гости в новогодней съёмке?

— Помню... Я всё помню, Алекс! И про концерт на Красной площади в Новый год тоже помню. А ещё, что ты обещал мне быть свободнее, пока я буду в Москве.

— С первого и до конца января я весь твой.

Снаружи раздаётся сигнал кэба.

— Всё! Такси приехало. Скоро буду дома.

* * *

В аэропорту меня встречает не только Алекс, с ним Стаська и Антон. Осторожно обнимаю сестрёнку, чтобы не пережать её заметно округлившийся животик. Оказывается, когда была их свадьба, она уже месяц как была беременна. И молчала до нашего отъезда с Гавайев.

Парни подхватывают мои чемоданы и направляются к парковке.

— Заедем, поужинаем в ресторане, а потом уже домой, — закрывает багажник Алекс.

— Какой ресторан? Я думала мы домой. Я и не одета соответственно.

— Припоминаю, что в наш первый ужин ты была в спортивном костюме, — прищуривается Гроу, — я отдельную комнату забил, никто на тебя смотреть не будет, — тянет к себе.

Мы обнимаемся и не хотим отпускать друг друга. Глажу его по лицу. Хочу скорее остаться с ним наедине.

Но:

— Ань, мы кушать хотим, — смотрит Стаська щенячьим взглядом, поглаживая живот.

— Вот именно. А беременным отказывать нельзя. Давайте за нами, ребята, — открывает Алекс мне дверь и помогает сесть в машину.

Ресторан дяди Вовы.

— Из этого ресторана ты меня, перекинув через плечо, дотащил до парковки и увёз в студию, — говорю Алексу, усаживаясь на диванчик.

— У вас уже тогда искры летели, — посмеивается над нами сестра.

— У нас это с первой встречи, да? — ухмыляется Алекс, глядя на меня.

— В первую встречу, она тебя послала, — хмыкает Антон, смотря в меню. — Если мне

память не изменяет. Ты ж к ней сразу на пролом подкатил. Хотел, чтобы она у тебя в клипе танцевала. И не только танцевала... — хмуро на Алекса поверх папки.

— Каюсь — был придурком. Понравилась очень.

— Ещё каким! — вспоминаю я. — Раздражал ужасно. Сколько раз я хотела тебя прибить уже и не вспомню.

— Но согласишься, я был отличной подушкой?

— Так-так, это что-то новое, — бросает Стася меню и буравит нас требующим взглядом.

— Она несколько раз засыпала у меня на плече, приняв за матрас.

— Ничего подобного! — отмахиваюсь я. — Ерунда какая! Это случайно получалось.

— С периодичной закономерностью, — весело издевательски смеётся.

— Ты не сильно и сопротивлялся!

— А с чего мне сопротивляться, если рядом спит девушка мечты? — сжимает ласково мою руку.

— Вы такие мимишные, — смотрит на нас с умилением Стаська. — Антон, я в туалет хочу, — это уже к мужу.

Он зажмуривается на секунду, потом улыбается ей:

— Пойдем...

— Они такие счастливые... — провожаю их взглядом.

— Ага, особенно Тоха. Он сутками её капризы выполняет.

— Потерпит. Беременные все капризные.

Алекс обнимает сзади за талию и прижимает к себе, целуя в шею. Берёт мою руку и переплетает наши пальцы, целует каждый.

— Представляю, какой вредной будешь ты.

— Я не готова пока становиться матерью...

— Почему? У нас будут красивые детки, — шепчет у уха, обжигая горячим дыханием.

— Рано о детях думать. Ты ещё сам ребёнок, — шучу над ним.

— Ах, ты... — щекочет меня.

Я брыкаюсь и смеюсь.

— У вас тут весело, — возвращаются Антон и Стася и прерывают нас.

— Да, спорим, как будущих детей назовём, — врёт Алекс.

— Не верьте ему! Кстати, вы уже знаете, кто будет?

— Да, девочка, — поерзала Стаська, усаживаясь поудобнее.

Алекс передаёт подушку с нашего дивана, чтобы Антон подложил ей под спину.

— Мы тут подумали, — загадочно улыбается мужу. — Анька уже крестная у Арсения. А ты, Алекс, не хочешь стать крестным нашей дочки?

— Вы серьёзно? — округляет глаза Гроу. — Конечно, с большим удовольствием!

— Осталось только крестную найти... Давайте есть уже! — потирает ладошки, осматривая принесённые официанткой блюда.

* * *

Пара часов до Нового года. У Алекса выступление через час после боя курантов на Красной площади. Следом моё.

Решили сделать плавный переход от него ко мне нашим дуэтом.

В зале недалеко от Кремля собрались наши близкие друзья и родные, несколько артистов, которые выступают перед нами.

— Алекс, молодец! Такую девушку отхватил, — хвалит его отец. — Отличная партия!

— Причём здесь партия? Я же не из-за денег, — обижается Гроу, обнимая меня сзади и утыкаясь носом в затылок.

— В любви тоже должна быть выгода, — замечает дядя Вова.

— Ну, началось! Дайте молодым дышать свободно, — ругается тётя Маша, жена моего крёстного. — Им и так достаётся. По телевизору и в интернете только ленивый не обсосал тему их отношений. То гуляющими сняли, то на катке. Детям уже выйти из дома никуда нельзя.

— Это точно, — перехватывает Алекс официанта с подносом и берёт бокал шампанского. — Принеси сок для девушек, — показывает на меня и Стаську.

Тот качает головой и удаляется.

Все смотрят на нас с Алексом вопросительно. Со Стаськой-то и так понятно.

— Просто Сэл шампанское не пьёт, — объясняет он.

— Фух, а то я уже мысленно внуков начал нянчить, — облегчённо выдыхает крестный.

— Рано или поздно это случится. Правда? — щипает меня за бок Гроу.

— Наверное... — выдавливаю скромную улыбку.

Не нравится мне это лёгкое давление. Словно я обязана прямо сейчас залететь.

После двенадцати мы отправляемся на площадь. Нас проводят отдельно огороженным коридором.

Холодно... Алекс прижимает к себе спереди и держит за талию, пока мы смотрим выступления других звезд.

— Замерзла? — чувствует мою дрожь.

— Немного... Я отвыкла от холодных зим.

Он отворачивается в сторону и кричит кому-то, один из помощников приносит тёплый плед, в который мы заворачиваемся.

— На сцене согреешься, — дышит теплом мне в шею и руками заставляет покачивать бёдрами под музыку.

Мы танцуем со всеми, только за специальным ограждением, пока Алекса не зовут на сцену. Толпа встречает его громом аплодисментов. Девчонки восторженно визжат. Такая эмоциональная отдача — одуреть можно.

Когда я выхожу на одну с ним сцену крики, визг и свист становятся громче.

Оказывается, адекватных людей здесь гораздо больше, тех, кто воспринял нашу пару не как потерю любимого артиста.

Алекс открыто обнимает меня на глазах у всех, целует в щёчку и публично признаётся в любви.

Площадь взрывается поздравлениями и аплодисментами.

Я смотрю в толпу, в первом ряду Стаська в обнимку с Антошей. И становится так тепло внутри, мне словно по вене счастье пускают и оно разносится кровью в каждую клеточку моего тела.

Вот оно... Вот то, чего я долго ждала, то, что приносит радость. Любимые и близкие люди рядом.

И тут же становится немного грустно...

Жаль, что родители этого не видят...

Рядом доносится тихое сдавленное покашливание, потом ещё и ещё.

Алекс подпрыгивает с кровати и быстро идёт в ванную. Оттуда уже слышен сильный надрывный кашель.

— Кот, ты как? — встаю с кровати и стучу в закрытую дверь.

— Кажется, у меня температура, — открывает и смотрит мутным болезненным взглядом.

Щупаю лоб. Горячий.

Выступили, блин, на открытом воздухе.

— Градусник где?

Глазами показывает на подмышку. Приборчик издаёт писк. Я забираю.

— Мда... Тридцать восемь и семь. Хреновая... Таблетки есть какие-нибудь жаропонижающие?

Жмёт плечами.

— Аптечка где?

— На кухне...

Там одни обезболы и шипучий аспирин.

— Ты только с похмелья болеешь? — развожу ему две таблетки в воде.

Морщится и канючит, но пьёт.

— Врача надо вызывать, — беру телефон с намерением вызвать скорую помощь.

— Сегодня первое... — напоминает.

— И что?

— Задолбаемся ждать.

— Тебе нельзя без врачебной помощи, голос можешь потерять. У вас же вроде семейный доктор имеется? — припоминаю. — Он меня капал, когда наркотой траванули.

— Есть, да... Но тревожить человека в праздник...

— Да похуй! — хватаю его телефон, прикладываю палец и снимаю блокировку.

— Как он записан?

— Пётр Игоревич, — ложится головой на стол.

Бедненький, — ласкаю его рукой по волосам, урчит лениво.

Звоню. Отвечает врач не сразу. Объясняю, по какому поводу беспокою. Доктор явно не блещет желанием ехать куда-то в выходной. Но я умею людей убеждать, и он соглашается.

Приезжает через полтора часа. Я к тому времени уже в бешенстве. Но Алекс держит меня за руку и смотрит умоляюще, чтобы я не устраивала скандал. Сцепляю зубы и молчу.

Пока этот Пётр Игоревич ехал, у Гроу температура почти под сорок подскочила.

— Может его в больницу? — упираюсь взглядом во врача.

— Хрипов нет, пневмонию исключаем. Обычная простуда, — складывает он фонендоскоп в футляр.

— У него температура тридцать девять и шесть.

— Простуды нынче проходят тяжело, — пишет что-то на листке.

— Ясно...

— Вот. Принимать строго по схеме, — отдаёт мне. Снова что-то пишет. — А это вам.

— Мне? — прохожусь по списку лекарств глазами.

— Да, чтобы не подхватить инфекцию.

— А с каких пор валерьянка стал иммуностимулятором? — смотрю на него с охоренением в глазах.

— А это не для иммунитета, а чтобы вы сильно не нервничали, — хитренько смотрит искоса. — И не паниковали.

Алекс прячет смех за подушку, слегка покашливает. Весело ему!

— Я послезавтра заеду, — закрывает доктор свою сумку. — Побольше жидкости и постельный режим, — обращается к Гроу, а сам прячет очки в карман пиджака. — Отдохните. До свидания!

Провожая доктора до двери. Возвращаюсь.

— Я в аптеку, — беру со стола список лекарств.

— Давай закажем. Всё домой привезут, — предлагает Алекс.

— Аптека на соседней улице. Я быстро.

Идти пешком мне лень, и я прихватываю в прихожей ключи от машины Алекса. И попадаю в точку, так как аптека закрыта и приходится в интернете искать ближайшую работающую, а это довольно на приличном расстоянии.

Телефон почти сел... Когда я научусь заряжать его ночью?..

Роюсь в бардачке в поисках зарядки, но у Гроу её нет. Надо ему подарить.

В аптеке покупаю лекарства, успеваю расплатиться мобилой, и она сдыхает.

— Чтоб тебя!..

Собираюсь уже выйти, как в дверь вваливаются трое мужчин, громко и сумбурно о чём-то говорят, один визжит, как резаный кабан. У него рука перемотана какой-то тряпкой, вся в крови.

Да, блядь...

Зажмуриваюсь и стараюсь не смотреть на них, вжимаясь в угол между шкафами-витринами.

— Дайте нам бинты и жгут! — требуют у фармацевта.

Женщина смотрит на них огромными глазами, пытается сказать, что нужно скорою вызвать, а сама брезгливо носом ведёт.

Но парни пьяные и доказывать им что-то бессмысленно.

— Дайте уже им, что они просят! — кричу на неё.

Она достаёт из ящиков всё для перевязки.

Друзья помогают размотать тряпку с руки. У пострадавшего кисть в мясо, даже пара пальцев болтается на коже.

У меня начинает шуметь в голове. А аптекарша так вообще в обморок падает за прилавком.

Вот это пиздец. Причём полный...

И как ей помочь? Она заперта внутри.

На шум из подсобки выходит ещё одна женщина.

Отпускает. Она приводит коллегу в чувства.

Парни тем временем пытаются наложить повязку другу, но тот только верещит и не даёт ничего сделать.

Да чтоб вас всех!

— Заткнись! — громко с рыком кричу на него, снимаю куртку и сажусь рядом.

Меня от вида крови сейчас нахлобучит, но и сбежать, не оказав помощь, я не могу.

Мужчина затыкается и смотрит во все глаза, пока я перетягиваю ему руку и накладываю бинты.

— Скорую вызвали? — спрашиваю, не глядя на его друзей.

Они звонят, но оператор сообщает, что машина будет не раньше, чем через час.

— Что вообще произошло? — спрашиваю у них.

— Петарда в руке взорвалась.

Дебилы, блядь...

Вроде не мальчишки, лет по тридцать придуркам.

Ждать времени нет, ткани потом не приживутся, и чувак может без пальцев остаться.

— Поехали, — встаю и надеваю куртку.

Отвожу их в частную клинику, в обычном травмпункте сейчас людей тьма. Даже в платной-то их предостаточно. Но меня узнаёт кто-то из персонала, и привезённого мной парня берут без очереди.

— У вас всё хорошо? — смотрит на меня внимательно медсестра.

Похоже, я выгляжу не совсем адекватно. Вид крови мозги в кашу мешает, я с трудом соображаю.

— Угу... — мычу в ответ.

Долго сижу в машине, пытаюсь прийти в себя.

На рукаве пятна крови. И вообще...

Снимаю куртку, выхожу и выбрасываю в мусорку, запихивая остервенело ногой, чтобы влезла.

— Это первое января я точно никогда не забуду, — завожу машину и направляюсь домой.

— Где ты была столько времени? — встречает в дверях квартиры Алекс. — Уехала на двадцать минут, а не было почти три часа. И куртка где? — замечает её отсутствие.

— Выбросила... — кидаю на полку ключи и ставлю пакет с лекарствами.

— Ты в крови? Сэл, что произошло? Не молчи, твою мать!

— Маму не трогай, — устало опускаюсь на пуф. — Там у парня петардой пальцы оторвало. Пришлось помочь...

— Охуеть, Сэл... Ты даже в аптеку без приключений сходить не можешь.

Обречённо поднимаю руки и улыбаюсь.

— Как ты себя чувствуешь? — приглядываюсь к нему.

— С ума чуть не сошёл. Раз двадцать тебе звонил, а ты недоступна.

— Fuck... — тяну обречённо.

— Что ещё?

— Труба в кармане куртки осталась.

Меня разбирает гомерический смех, плавно стекаю на пол с пуфика. Ржу несколько минут под недоумевающим взглядом Алекса.

Вот такая я придурочная у тебя. Люби такую.

— Всё! — встаю на колени, успокоившись, подаю Гроу руку, он тянет на себя, чтобы я поднялась. — Тебе таблетки надо принять.

— А тебе душ. И грамм сто коньяка, чтобы нервы успокоить.

— Неа, дяденька доктор валерьянку прописал, — упираюсь лбом в его плечо. — Иди, ложись в кровать, я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

— Умм... А мне уже нравится болеть, — чмокает в макушку и отправляется в спальню.

— Это пока...

Слышу шуршание в гостиной, словно кто-то пытается тайком открыть подарочную упаковку. Я знаю эти звуки, утром Нового года мы со Стаськой тихонько открывали подарки, пока родители нас не видели.

А сегодня мой день рождения. И впервые за несколько лет я буду праздновать его дома с семьёй.

На носочках крадусь к двери комнаты, чтобы застучать того, кто там чем-то шуршит.

Алекс достаёт из бумажных кулчков белые розы и расставляет их в вазах по всем углам. Под потолком летают блестящие шарики в форме сердечек, а на столике большая коробка с серебристым бантом.

— Ты решил мне миллион роз подарить? — не выдерживаю и подаю голос.

Поворачивается, застывает с улыбкой на лице и только глаза виновато стреляют по сторонам.

— Я думал, ты ещё поспишь...

— Я думала, ты тоже. У тебя всего день как температуры нет.

— Я уже в норме, — тянет за верёвочку один из шариков. Развязывает, вдыхает гелий. — С днём рождения! — писклявым дурацким голосом. — Иди ко мне, — протягивает руки.

— Нет, — разбирает смех. — Я не буду целоваться с человеком с таким голосом, — уворачиваюсь от его объятий.

Но Алекс ловит меня и крепко прижимает к себе спиной.

— С днём рождения, любимая, — своим настоящим.

— Спасибо! — обнимаю его в ответ.

Первый поцелуй за неделю сносит голову напрочь.

Алекс, стискивая челюсти, не позволял себе меня целовать, боялся, что заражусь от него. Это была такая пытка. Вот он рядом, его можно обнимать, тискать, а целовать нельзя. Я даже вчера плакала в ванной из-за этого. Раньше я бы о таком подумать не могла, не то, чтобы позволить себе распустить нюни из-за каких-то поцелуйчиков. А он меня потом утешал массажем со всеми вытекающими последствиями.

Я безжалостно вдавлена в стену и зацелована.

— Откуда всё это? — пытаюсь разговором усмирить его пыл, а то у меня всё тело ломит от его ласк.

— Илюха с Ником помогли, — кусает губами за плечо. — И ещё кое-что, но это вечером, — с силой припечатывает в меня своим пахом так, что я чувствую, как его твёрдый член упирается в мой живот.

— Алекс...

— Это мой подарочек на разогрев, — тянет вниз резинку от штанов моей пижамы.

Они падают вниз.

— Всегда считала, что дарят секс только жмоты, — смеюсь, а сама сжимаюсь от его нежных поглаживаний у меня между ног.

— Я же сказал — разогрев, — закидывает мою ногу себе на плечо и входит в меня. — Как же охуительно, что у тебя такая растяжка.

Мда... Так меня ещё никто не... любил. И если бы не стена, я бы точно упала.

Толчок за толчком, голова в пьяном тумане. Я мычу от сладости происходящего.

Алекс разворачивает меня задом к себе и заставляет упереться руками в пол. Я сейчас будто его мою, а меня злостно домогаются. Как же это... странно... Но охренительно кайфово. Я чуть ли сознание не теряю от прихлынувшей к голове крови и оргазма. А следом за мной он, грубо и глубоко врезаясь в меня, кончает.

Я улетаю от возвышающего чувства блаженства, которое обволакивает всю меня. И я шепчу Алексу что-то про любовь, что он самый-самый и я жалею, что раньше не поняла этого.

* * *

— Что здесь? — кручу в руках коробку.

— Осторожнее! — расширяются глаза Алекса. — Подарок хрупкий.

— Ну, извини, — ставлю аккуратно на стол и развязываю бант.

В коробке на бархатной подушке лежит красивая фарфоровая антикварная кукла в шикарном платье из кружев.

— Вау! — выдыхаю от восторга. — Алекс, она же целое состояние стоит.

— Продавец сказал, что у неё даже волосы настоящие, — пропускает мимо ушей моё замечание о дороговизне подарка.

— И ногти... — осматриваю ручки.

— Чего? — брезгливо кривится, тоже разглядывая кукольные пальчики. — Реально настоящие?

— Ага... Значит кукла очень старая, а не современная реплика. Их делали на заказ для определенного ребёнка и обычно использовали его волосы, ногти, зубы.

— Ладно, волосы... Зря ты мне это сказала. Я теперь буду бояться с ней в одной комнате находиться, вдруг она как Аннабель.

— А эта кукла, кстати, реально существует и находится в музее оккультизма. Мечтаю попасть туда и в живую её увидеть, — не отрываю взгляд от подарка.

Класс!

— Спасибо! Это великолепный подарок! — целую Алекса.

Усаживаю игрушку в кресло.

— Давай её лучше обратно в коробку уберём? — предлагает мне, скептически осматривая свой же презент.

— Гроу, а ты не кот, а трусливый зайка, — обнимаю за шею.

— Ну, пока ты про ногти и зубы не сказала, я нормально к ней относился.

— Я отвезу её домой, в коллекцию.

— Правильный выход...

* * *

Я ничего не вижу сквозь повязку, которой завязал мне глаза Алекс. Я так всю дорогу от дома проехала. Пыталась несколько раз снять, но обещание связать мне ещё и руки успокоило желание.

— Куда ты меня везёшь? — спрашиваю в очередной раз.

— Сюрприз. Потерпи! Скоро приедем.

— Не люблю сюрпризы...

— Знаю. Но этот приятный.

Мы приезжаем на место. Ощущаю кожей, что мы рядом с чем-то большим и высоким. Воздух звенит от ветра в вышине.

— Ты меня в Москва сити привёз?

Молчит и ведёт куда-то за руку. Слышу звук уведомления об отправленном сообщении.

Значит, угадала.

Мы поднимаемся на лифте, идём по коридору. Открывается дверь, и мы останавливаемся.

— Пришли? — поворачиваю голову в сторону Алекса.

— Да.

— Снимать можно? — берусь за повязку.

— Можно.

Сдираю её с себя, прищуриваю один глаз, чтобы разглядеть хоть что-нибудь, но темно.

— И что здесь?

Вдруг среди темноты загорелся огонёк, потом ещё один и ещё. Их много и каждый кто-то держит в руках.

Закрываю руками рот от удивления.

Все мои: родные, друзья, коллеги, просто кто-то из близких знакомых.

А мы в огромной квартире.

Последней загорелись новогодняя ёлка и гирлянды по всей гостиной.

— С днём рождения! — хором.

Я немею, только слёзы бесконтрольно катятся из глаз от такого потрясающего сюрприза.

— Спасибо... — выдавливаю из себя.

Алекс прижимает рукой к себе. Я прячу заплаканные глаза у него на плече.

Я становлюсь сентиментальной...

— Я же говорил, что сюрприз тебе понравится.

— Ооочень...

Пока я принимаю поздравления и подарки, Гроу подхватывает из рук Антоши Арса и показывает ему игрушки на ёлке.

Так мило.

Алексу идёт быть папой, он детей обожает. И он будет прекрасным отцом.

А вот я...

Подхожу к ним, целую крестника в щёчку, он показывает на птичку на веточке, хмурится, требуя снять. Отдаю ему её.

— Давай такого же родим? — неожиданно предлагает Алекс.

— Такого не получится, — попытка отшутиться.

Я вообще не уверена, что у меня получится. Врач не раз говорил, что могут быть проблемы с зачатием. Но тогда я пропускала это мимо ушей, о детях и не задумывалась. А сейчас, когда есть тот, кто станет отличным отцом твоего потомства, стала нет-нет, да и думать.

— Я маленького имел в виду, — печально натягивает улыбку.

— Я не знаю... — теряюсь. — Дети — это серьёзно. К ним подготовиться надо.
Проверить своё здоровье хотя бы...

— В ближайшее время я этим непременно займусь, — обнимает меня рукой за плечи и притягивает к себе.

— И я...

Я сижу в кабинете напротив врача. Озвученный им диагноз звучит как приговор.

— И что, никакой надежды? — проговариваю медленно каждое слово сдавленным голосом.

— Надежда всегда есть. Наука не стоит на месте. Да и чудо никто не отменял. Но... результаты обследования говорят обратное, — вздыхает он.

— Я поняла... Спасибо, — встаю и выхожу из кабинета.

Прислоняюсь спиной к прохладной двери. Вдруг стало нестерпимо душно, хоть и работают кондиционеры. Дышать тяжело.

Как я скажу об этом родным? Алексу? Ему особенно. Он ведь готов всё бросить в России и переехать ко мне.

Внутри всё сжалось...

Я так долго тянула с походом в клинику для проверки на фертильность, что сейчас даже не представляю, как оправдаться.

Спускаюсь на первый этаж клиники на лифте и открываю дверь на улицу. Пахнуло жарой. В Лондоне плюс тридцать в конце августа.

Остановливаюсь в тени, глубоко вдыхая разгоряченный воздух. Голова кружится...

Из двери выходит мужчина и проходит к ступеням. Он идёт медленно, опустив плечи и немного согнувшись, словно от тяжёлой ноши. Но я его всё равно узнаю.

— Рон! — окликаю.

Он поворачивается и удивлённо смотрит на меня. Подхожу поближе.

— Сэл? Не ожидал тебя здесь увидеть. Заболела?

— Я тебя тоже... Нет, просто плановое обследование, — вру ему. — Что-то случилось? — на нём нет лица.

Осунувшийся, небритый, под глазами тени.

— Да... Мама в отделении кардиологии лежит.

— Что-то серьёзное?

— Серьезней не бывает. Ей нужна пересадка сердца. Но сейчас такие очереди, что она может не дотянуть, — мы спускаемся с лестницы и неторопливо идём по дорожке. — Можно сделать операцию в Америке, там с этим более налажено. Но она гражданка Великобритании, операция будет платной. А это колоссальные деньги. У меня есть только половина.

— У тебя куча богатых и известных друзей, разве они не могут помочь? — приостанавливаюсь.

— Ты же знаешь, как это у нас... — сдавленно улыбается на секунду.

— Да, каждый за себя. Фонды? — опять пошла медленно.

— Я подал документы в несколько. Пара отказали, ещё пара рассматривают их.

— Ну, значит, есть шансы.

— Мизерные... Обычно они помогают детям.

— Печально...

Мы дошли до парковки, до моего автомобиля. Водитель открыл дверь.

— Чёрт! — хлопаю себя по лбу.

— Что случилось? — смотрит Рон.

— Жакет в кабине врача забыла. Совсем голова дырявая стала. Надо вернуться. Я сама, — останавливаю собравшегося бежать в больницу водителя. — До свидания, Рон! Была рада тебя увидеть.

— Я тоже...

Кардиология находится на седьмом этаже. Подхожу к регистратору.

— Подскажите, пожалуйста, кто занимается лечением миссис Дианы Гамильтон?

— Минутку, — заглядывает девушка в компьютер. — Доктор Харрисон.

— А можно с ним поговорить?

— Я сейчас узнаю, — медсестра берёт трубку и кому-то звонит. — Да, пройдите в семьсот пятый кабинет, — показывает рукой направление по коридору.

— Спасибо!

Я стучусь в нужную дверь.

— Войдите, — раздаётся из-за неё.

— Здравствуйте! Доктор Харрисон? Я...

— Я вас узнал, — широко улыбается он. — Проходите, — указывает мне кресло рядом со своим столом. — У вас ко мне какие-то вопросы?

Врач — симпатичный подтянутый блондин лет тридцати пяти.

— Да, я хотела узнать о состоянии миссис Гамильтон.

Он тяжело выдыхает и начинает нервно крутить в руках карандаш.

— Её состояние средней тяжести. Мы установили ей искусственное сердце, пока она ждёт своей очереди на пересадку. Но ждать долго, очередь большая, да и не каждое подойдёт...

— Понятно... Её сын сказал, что операцию можно сделать в США.

— Да. Там, благодаря их законам, такие операции поставлены на поток. Но для не граждан Америки это не бесплатно.

— Сколько?

Он пишет на бумажке цифру с пятизначными нулями. Немалая...

— Как долго вы будете делать запрос и подготовку к транспортировке и операции?

— Две-три недели...

— Готовьте документы и всё, что необходимо. Деньги будут.

Он вытаращил на меня глаза.

Беру стикер с его стола и ручку, пишу свой номер телефона.

— Как всё будет готово, позвоните мне по этому номеру, я переведу деньги. И ещё... Не говорите Диане, и её родным, кто оплатил операцию. Скажите, что выделил фонд. Я не хочу, чтобы они знали о моём участии.

— Хорошо... — немного заикаясь.

— Я буду ждать вашего звонка, — улыбаюсь на прощание.

Он отвечает тем же.

* * *

Возвращаюсь домой в Москву первым сегодняшним рейсом, чтобы порадовать любимого.

Он наверняка ещё отсыпается после вчерашней тусы на дне рождения у своего

директора Ивана.

Поднимаюсь на восьмой этаж и открываю дверь квартиры Алекса своим ключом. Оставляю чемодан в прихожей и двигаюсь напрямик к спальне.

Окна занавешены шторами. Они тёмные, даже днём слабо пропускают свет. Алекс — сова, ложится под утро, просыпается после обеда.

Я обо что-то спотыкаюсь. Поднимаю. У меня в руках женская туфля известной марки с красной подошвой.

Направляюсь напрямик к окну и раскрываю шторы. В комнату бьёт солнечный свет.

Алекс спит лицом вниз на кровати. Вокруг неё разбросаны вещи, женские и мужские вперемешку.

Подхожу к нему и сдергиваю с него покрывало. Он голый... Даже не пошевелился... Бросаю в этого ублюдка этой тряпкой. Делаю шаг назад. Под ногой что-то лопается. Брезгливо убираю ногу. Под ней рваный презерватив, из которого вытекает сперма.

Второй раз за сутки становится плохо дышать. К глазам подступают слезы, а к горлу тошнота.

— Милый, ты уже проснулся? — раздается сзади женский голос.

Я поворачиваюсь. В дверях мокрая после душа девка, завернутая в моё полотенце.

— Ты кто? — оскаливаюсь на неё.

— Новая девушка, Алекса, — лыбится как ни в чем не бывало мерзавка.

— А старая куда делась? — презрительно придуриваюсь, глядя на неё.

— Он ей дал отставку.

Я злобно выпускаю воздух через ноздри и свожу челюсти так, что зубы скрепят. Хочется взять эту дрянь за волосы и спустить с балкона.

— Тогда передай ему, что я заходила.

— А ты кто? — делает вид, что не узнала меня.

— Его новая бывшая, — одним движением срываю с неё своё полотенце и ухожу вместе с ним подальше из этого логова разврата, захватив на ходу чемодан.

Тело ноет, будто я мешки вчера весь день ворочал. И голова раскалывается.

— Ммм, — слышу свой собственный стон.

Открываю глаза, но яркий солнечный свет ударяет в глаза так, что в голове словно взрывается бомба с иглами. Какого хрена я шторы не задёрнул?

По спине кто-то водит пальчиком.

О да, моя киса прилетела. Я соскучился за неделю её отсутствия.

Улыбаюсь своим мыслям.

Приподнимаюсь и перекатываюсь от неожиданности на другую сторону кровати.

— Ты кто? — смотрю испуганно на яркую длинноногую брюнетку, которая сидит рядом со мной на постели в моей рубашке.

— Котик, ты не помнишь имя своей кошечки? — надувает подкачанные губы.

— Имя своей кошечки я помню. А кто ты? — повторяю вопрос.

— Агния. Неужели ты меня совсем не узнаешь? — вскидывает нарисованные брови.

— Нет... Как ты здесь оказалась?

— Ну, ты пипец! — обижается, закатывая глаза. — Сам меня сюда вчера привёз...

— Я? Что ты придумываешь?! Я не мог! — хватаюсь за голову.

Я ни черта не помню. В голове ветер гуляет. Кроме боли — ничего.

— А как я, по-твоему, здесь оказалась?

— Без понятия!

— Ты сам меня пригласил. А потом мы ночью... Ну, понимаешь, да? — похлопала наращенными ресницами. — Два раза, — раздвигает пальцы.

— Что ты несёшь! Я с тобой? Хрень какая-то...

— Это по-твоему тоже хрень? — приподнимает с пола использованный презерватив.

Я морщусь брезгливо.

— Нет! Я не мог!

— Мог, — противно скалится девица.

— Твою мать! — провожу руками по лицу. — Так... Собирай свои вещи и проваливай пока моя девушка не приехала.

Встаю с кровати, обмотав бедра покрывалом, собираю её вещи и бросаю ей в руки.

— Она уже приходила, — ухмыляется дрянь, даже не пошевелившись.

Меня будто окатывает кипятком от этих слов.

Она же написала вечером, что прилетит утренним рейсом.

Fuck!

— Сказала передать тебе привет от новой бывшей.

Я быстро прохожу в гардеробную, хватаю первые попавшиеся штаны и натягиваю на себя.

Потом возвращаюсь в спальню, подхватываю под локоть девку, которая за это время даже не удосужилась переодеться и выставляю за дверь, на ходу срывая с крючка в прихожей ключи.

— Проваливай! — рычу и толкаю её к лифту.

А сам наверх по лестнице.

Открываю квартиру Сельванны.

— Сэл!

В ответ тишина. Её здесь не было...

Обратно домой. Быстро надеваю футболку и кроссовки. Спускаюсь на парковку — её машины нет. Завожу тачку и в сторону Рублёвки, к Антону и Стаське.

— Где она? — влетаю пулей в дом, когда Настя открывает дверь.

— Кто?

— Сэл где? — повторяю более понятно свой вопрос.

— В Лондоне еще, наверное... — хлопает глазами.

— Нет. Она в Москве. Мне сказали.

— Тогда не знаю... Она бы к тебе первым делом поехала.

— Она и была. Но я спал и она уехала. Дома её тоже нет. Стась, признайся, вы её прячете от меня? — захожу в гостиную и кручусь на месте в поисках любимой. — Сэл!

— Зачем? Если не веришь — можешь обыскать дом!

Я тяжело опускаюсь в кресло и закрываю лицо руками.

Стаська подходит ко мне и осторожно прикасается к плечу. Вздрагиваю как от удара тока.

— Да что случилось-то?

— Кажется, я ей изменил...

— Что значит — изменил? — широко открывает глаза, глядя на меня.

— Я не помню ничего. Проснулся дома, рядом полуголая девка и... использованные презервативы.

Стася ошарашено смотрит на меня.

— Ты совсем ёбнулся, Алекс! — кричит на меня.

Я ни разу не слышал от неё мата.

— Я же говорю — ничего не помню!

— А что помнишь?

Накануне вечером.

Ваньке сегодня тридцать пять, и он решил устроить вечеринку. Я не собирался идти куда-то без Сэла, но она в Лондоне и сказала, что её отсутствие не повод лишать себя праздника.

Поэтому, прихватив подарок, отправляюсь на тусу.

— Привет! Поздравляю с днюхой! — обнимаю и похлопываю Ивана по спине.

— Спасибо! Рад, что ты всё-таки пришёл. А говорил, что без своей милой куда.

— Она решила иначе, — широко улыбаюсь ему.

— Ну и правильно, должны же мужики оттягиваться время от времени. Пойдем по рюмке пропустим и заодно поговорим, — подталкивает меня к бару.

Мы пропускаем по несколько шотов.

— Алекс, ты действительно собрался переехать в Лондон? — смотрит недовольно.

— Да, — морщусь от кислоты дольки лайма. — Ты сейчас хочешь об этом поговорить? Давай, завтра.

— Нет.

— Слушай, Вань, ничего не изменится, кроме моего местожительства. Ты так же будешь главой российского офиса.

— Это пока. Ты же собрался подписывать контракт с английским агентством. Алекс, ты понимаешь, что потеряешь этот рынок? — наливает ещё по рюмке.

— Ой, да брось! Здесь у меня прочная фанбаза, а с британцами хорошие шансы выйти на мировую сцены, а не завязнуть в нашем болоте. Сэл уже всё устроила, осталось только подписи в документах поставить. Вань, это другие деньги, — подмигиваю ему.

— Мимо нашей кассы...

— Ваня, ты мало получаешь?

— Мы можем больше и здесь. Без всяких британцев.

— Ты меня не разубедишь. Я уже решил. Не могу я свою кису оставлять надолго одну, а у нас ей делать нечего. Ванёк, я жениться хочу, семью, детей. И ни с кем другим, кроме Сельванны. Понимаешь?

— Понимаю, — грузится.

Потом было застолье. Там опять пили за здоровье именинника. Не скажу, что я был пьяный, подвыпивший.

Веселились, пели караоке. Общался с кем-то из присутствующих. Потом Ванька предложил мне и гостям выпить какой-то новый коктейль из бара.

После этого провал. Я больше ничего не помню.

Проснулся дома и не один...

— Я даже не помню, была эта девушка на вечеринке или нет, — смотрю жалобно на Стаську.

— Пиши тем, кто был на тусовке, пусть скинут все фотки с тобой, которые они сделали, — холодно командует она.

— Зачем?

— Будем искать тебе оправдание. Может эта сучка врёт.

— Ты думаешь...

— Я не думаю. Я ищу алиби.

Но его не оказалось. Ванька скинул фотографии, где я сосался с этой девицей.

— Это правда... — показываю фото Стасе.

— Тогда ты попал! — в очередной раз набирает Сельванну, расхаживая по гостиной. — Анька недоступна. Телефон отключила.

— Где она может быть?

— Я не знаю, Алекс, — разочарованно разводит руками. — Мы разговаривали с ней вчера вечером, и у неё был расстроенный голос. Сказала, что приедет и расскажет. А тут ещё ты... Глупостей бы не натворила.

Сельванна

Саунд: Ирина Дубцова — Мам, пап

Кладбище.

Долго плутаю в поисках могилы родителей. Раньше сразу находила, а сегодня не могу. Вот она.

Опускаюсь на колени у холодного мрамора и кладу огромную охапку белых лилий. Мама любила такие... Отец ей каждую неделю их дарил.

— Как мне вас сейчас не хватает, — шепчу сквозь слезы, проводя рукой по камню.

Сердце разрывается от боли.

Из меня очередной раз вынули душу.

Я всё потеряла...

Для чего и кого дальше жить?

— Почему мне попадают одни мудаки, а? — обращаюсь к фотографиям родителей. —

Я же ему поверила... Думала, он действительно другой... Так упорно добивался и в мгновение всё просрал! Мам, пап, почему у меня всё так — через жопу? Что я не так делаю? Карьерой не жертвую? Так и ты, мама, этого тоже не сделала... Или неудобная? Он же никогда не жаловался... Говорил, что ценит именно такую...

Начинает капать дождь. Большие капли падают на лицо и стекают вместе со слезами.

— Внуков у вас тоже не будет... Я не могу иметь детей... Возможно... Шанс с одним мужчиной на хрен знает сколько тысяч, потому что у них какие-то сперматозоиды особенные. Но искать я его не буду... — размазываю по лицу слёзы и воду от хлынувшего дождя. — Простите меня...

Саунд: Клава Кока — Заново

Спустя три месяца.

Смотрю на себя в зеркало.

Макияж, прическа — всё идеально. Роскошное белое подвенечное платье сидит строго по фигуре.

Только вот в глазах нет огня...

Сзади подходит Стася и смахивает с плеча невидимую пылинку. Потом поворачивается к двери и машет рукой, чтобы кто-то вышел. Антон и дядя Вова... Крестный поведёт меня к алтарю.

— Ты очень красивая, — выдыхает грустно сестра.

— Спасибо...

Она прикалывает фату к моим волосам. Разворачивает к себе и поправляет складки.

— Ты уверена, что хочешь этого? — смотрит с отчаянием в глазах.

— Уверена, — с ледяным равнодушием.

— Ты же не любишь его.

— Хватит. Налюбилась! Главное — он меня любит. Помнишь, как в кино — один любит, другой позволяет себя любить. Вот я как раз позволяю.

— А как же Алекс?

— Он один точно не останется. Умеет быстро замену находить. Знаешь, это судьба, что всё так вышло. Я не знала, как ему сказать, что никогда не смогу родить ему детей, которых он так хочет, а он сам всё своими руками перечеркнул. Вернее тем, что ниже пояса...

— Я не верю, что он это сделал!

— Тебя там не было, а я видела собственными глазами. И вообще, я больше не хочу говорить о нём. Забудь!

— Он крестный Лёльки, как я могу его забыть. Он несколько раз в неделю к нам приезжает с ней поиграть.

Я бросаю злобный взгляд на сестру.

— Давай не будем ссориться из-за похотливого изменника? Не омрачай мне свадьбу.

— Ты даже с ним не поговорила!

— Нам не о чем с ним разговаривать! Он сделал свой выбор! Предпочел развлечения с девками мне! Все его клятвы в любви — сплошной обман!

— Он страдает не меньше твоего! — повышает на меня голос.

— Ещё раз повторяю — давай не будем ссориться, — сквозь зубы. — Я выхожу за Рона и точка!

— Девочки, пора! — открывает дверь дядя Вова.

— Идём, — качаю согласно головой.

Накидываю фату на лицо.

— Подумай ещё раз, — просит Стася.

— Я уже всё решила.

Всё устроено с размахом. Одних живых цветов не сосчитать. Самое красивое место в Техасе. Банкет на двести человек.

Рон, свидетели и подружки невесты стоят у алтаря. На Мэдлтоне черный стильный

смокинг. Улыбается во все тридцать два зуба.

Любая другая пришла бы от него в восторг. Только Стаська права — я его не люблю... Но любила же когда-то. Чувства вернутся, надо подождать немного...

А не вернутся и чёрт с ними.

Я устала растрачивать себя на других.

* * *

В тот день с кладбища я сразу поехала обратно в аэропорт, купила билет на ближайший самолёт до Лондона и осталась его ждать там.

Алекс прилетел через пару дней, когда понял, что я вернулась в Великобританию. Но я его действительно даже на порог не пустила. Попросила охрану не подпускать ко мне. Он подрался с ними, только справиться с тремя бугаями одному сложно.

Номер я кинула в чёрный список, а в соцсетях заблокировала. Пытался дозвониться с других, но я каждый раз бросала трубку, когда слышала его голос. В последний раз пригрозила написать заявление в полицию за сексуальные домогательства. Его бы депортировали, и дорога в Евросоюз была закрыта на несколько лет.

Это его охладило. Он отстал.

Спустя неделю мне позвонил врач по поводу операции матери Рона. Я оплатила всё... Ей сделали пересадку сердца в Америке.

Только Рон не поверил, что это всё какой-то там фонд сделал. Догадался, что я помогла. Пришёл поблагодарить. Мы стали снова общаться.

А через месяц сделал предложение.

Я согласилась...

Свадьбу решили провести в Америке. Диана ещё была слаба после операции и долгие перелёты ей пока противопоказаны. Она даже дала нам своё благословение.

Теперь я иду под руку со своим крестным под свадебный марш в сторону своего будущего. Будущего мужа...

Из глаз выкатывается одинокая слезинка.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Дядя Вова отдаёт меня в руки Рона.

Тот поднимает мою фату, чтобы открыть лицо.

Я уже улыбаюсь. Ни капли грусти в глазах.

Я же хорошая актриса...

Регистратор произносит какую-то речь. Я плохо соображаю, в голове шум.

— Согласны ли вы, Анна, взять в мужья Рональда? — с трудом разбираю её слова.

Бросаю взгляд на сестру. Она смотрит на меня умоляюще.

— Согласна.

Больше книг на сайте - Knigoed.net